

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУРГАНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДОВ**

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УРАЛО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«III ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

КУРГАН, 27-29 МАРТА 2008 г.

КУРГАН 2008

УДК 9(063)
ББК 63лО
Е 60

III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 27-29 марта 2008 г.). - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. - 142 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Сорокин Ю.А., д-р ист. наук, проф. Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского

Степанов Р.И., канд пед. наук, начальник кафедры общегуманитарных дисциплин Курганского филиала (заочно-обучения) Уральского юридического института МВД РФ

Усанов В.И., д-р ист. наук, проф. кафедры ГПД Тюменского юридического института МВД России

Настоящее издание представляет сборник докладов и сообщений участников ставшей уже традиционной III Всероссийской научно-практической конференции "Емельяновские чтения-2008", посвященной памяти известного ученого - доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Н.Ф. Емельянова, работавшего в Курганском государственном университете с 1987 по 2002 г.

В сборник включены доклады и сообщения 80 авторов из 16 городов России, ведущих университетов, вузов, академических учреждений, архивов, краеведческих обществ Москвы, Ижевска, Перми, Осы, Уфы, Елабуги, Коломны, Оренбурга, Екатеринбургa, Челябинска, Кургана, Шадринска, Куртамышa, Новосибирска, Омска, Нижневартовска.

В сборнике представлены материалы исследований миграционных процессов и межэтнических взаимодействий в Урало-Сибирском регионе, а также общих проблем истории Урала и Сибири.

Редакционная коллегия:

В.А. Кислицын, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); Д.Н. Маслюженко, канд. ист. наук (отв. ред.); В.В. Пундани, д-р ист. наук, профессор; В.В. Менщиков, д-р ист. наук, профессор, Д.М. Совков, канд. ист. наук, доцент.

ISBN - 978-5-86328-934-2

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

Оргкомитет конференции:

Кислицын В.А. - канд. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Курганского государственного университета, председатель оргкомитета

Кузнецов А.П. - д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе Курганского государственного университета

Пундани В.В. - д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук

Павлуцких Г.Г. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, декан исторического факультета

Менщиков В.В. - д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Маслюженко Д.Н. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, зам. председателя оргкомитета

Менщиков И.С. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой историографии, методологии и теории истории

Шилов С.Н. - канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета

Совков Д.М. - канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

Скородумов И.В. - ассистент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.В.Пундани

*Курганский государственный
университет, г. Курган*

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ УРАЛА И СИБИРИ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИХ НАСЕЛЕНИЯ (XVI - НАЧАЛО XX В.)

Массовая колонизация Урала русскими началась в XVI в. Основной поток переселенцев направляется в лесостепную и степную полосы края: на Средний Урал и в Зауралье, вглубь Башкирии. К этому времени на территории уральского региона в основном завершилась консолидация сложившихся этнических общностей в народности. В их составе отметим башкир, удмуртов («вотяков»), коми-пермяков, коми-зырян, угров-манси («вогулов»), хантов («остяков»), ненцев («самоядь»), марийцев, татар. Несколько позднее здесь сложились компактные этнические группы калмыков, ногайцев, мордвы, чувашей. К концу XVI в. на Урале насчитывалось около 200 тысяч русских (2, 543;10,7-8).

В XVI - начале XX в. шёл активный процесс заселения пустующих земель Южного Урала, сочетавший все формы их освоения – аграрную, промышленную, урбанистскую, военно-административную, или правительственную, церковную и др. (ведущей являлась аграрная) (1, 287).

Вслед за русскими на Урал двинулись украинцы, белорусы, представители других народов. По данным переписи 1897 г. здесь проживало 7013 тысяч русских, 1254 тысячи башкир, 450 тысяч татар, 407 тысяч удмуртов, 241 тысяча украинцев и 164, 8 тысяч человек других национальностей (13, 20-37).

На рубеже XIX – XX вв. на Урале появились такие новые этнические группы, как немцы, латыши, эстонцы, поляки, евреи; в годы 1-й мировой войны – китайцы и корейцы. В начале 20-х гг. XX в. только на территории одной Уральской области (без Башкирии, Вотской автономной области и бывшей Оренбургской губернии) проживали представители 196 национальностей (кроме уже названных отметим казахов (киргизов) и цыган) (10, 8).

Общеизвестно начало продвижения русских за Урал после похода Ермака, где аборигенное население состояло из татар, хантов, манси, эвенков («тунгусов»), алтайцев (предков современных шорцев и телеутов), якутов, казахов, калмыков и ряда других народностей и этнографических групп (15, 13-18).

Уже к середине XIX в. русский этнос оказался самой многочисленной частью полиэтнического населения уральского и сибирского регионов.

До прихода русских на Урал и в Сибирь религиозное мировоззрение аборигенов первоначально было языческим. В X-XIII вв. в эти регионы проникает мусульманство. В XIV в. среди уральских язычников начинается деятельность православных миссионеров. В Сибири христианство начинает распространяться после похода Ермака. Аборигенное сибирское население, как и на Урале, сначала было языческим, затем – мусульманским. Для мировоззрения крещёных язычников обоих регионов характерным являлось двоеверие – сохранение значительной части языческих традиций (11, 123-126,137-138).

Одной из сложных проблем исследования процесса интеграции территорий Урала и Сибири в состав Рос-

сии являлось выяснение его характера, форм, методов: насильственных или мирных. В работах наших историков, начиная с Г.Ф.Миллера, стала утверждаться концепция военного присоединения территорий, заселённых нерусским населением. В советской историографии преобладала точка зрения о преобладании мирных методов процессов межэтнических взаимодействий в ходе расширения пространства государства Российского и активного участия в нём русского этноса. В последние десятилетия XX – начале XXI вв. появились работы уральских, зауральских, сибирских историков А.Ю.Огурцова, Н.А.Миненко, С.В.Романова, Е.В.Вершинина, В.Д.Пузанова, В.В.Менщикова и др., в которых наиболее объективно отражены и насильственные и мирные формы интеграции двух сопредельных регионов – уральского и сибирского в российское пространство, с преобладанием мирных, в том числе и в вопросе выбора веры.

В монографии В.В.Менщикова «Русская колонизация Зауралья в XVII - XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии» в разделе «Этнополитический и военные факторы» осуществлён фундаментальный анализ межэтнического взаимодействия русского населения с другими этносами – башкирами, калмыками, татарами, киргиз-кайсаками (казахами), отражены серьёзные военные столкновения с ними русского колонизационного потока, русской администрации вплоть до второй половины XVIII в., когда наконец удалось создать мирные условия жизни в регионе (9,56-78).

Типичные явления межэтнических взаимодействий русского и других этносов характерны и для уральской истории.

В XVI в. началась колонизация русскими Южного Урала. Важное значение в этом процессе имели присоединение в 1557 г. к России Башкирии, образование в 1591 г. Яицкого казачьего войска и Сибирский поход Ермака. С присоединением башкирских земель были основаны первые на Южном Урале поселения, заселённые русскими. В XVII в. со строительством новой системы укреплений по реке Черемшан башкирские земли заселялись представителями военных сословий – дворянами, казаками, стрельцами. Крестьянская колонизация сдерживалась военной опасностью, которую создавали набеги кочевников и башкирские восстания. Яицкие казаки обеспечивали защиту южных границ от нападений кочевников – ногайских татар, киргиз-кайсаков (казахов), калмыков, основали Яицкий городок.

Поход дружины Ермака и ликвидация Сибирского ханства обеспечили пути передвижения миграционных потоков в Южное Зауралье. С середины XVII в. интенсивно заселялись плодородные территории, расположенные по реке Исеть и её притокам – Миассу, Тече, Синаре и вошедшие в 1737 г. в состав Исетской провинции. В XVIII в. Оренбургская экспедиция и создание Оренбургской военно-пограничной линии крепостей стимулировали процессы вольной крестьянской колонизации, хозяйственно-экономическое и культурное освоение края.

Стимулом к продолжению интенсивного заселения Южного Урала в XIX - начале XX вв. было наличие в регионе значительного количества неосвоенных земель и переселенческая политика правительства, осуществлявшаяся с целью укрепления границ. Переселенцам предоставлялись различные пособия и льготы: они освобождались от уплаты податей на различные сроки (от 3 до 5 лет), от отбывания рекрутской повинности (до 3 лет), получали денежные ссуды (от 3 до 12 рублей), семена для посева, бесплатный лес для построек, временные квартиры при передвижении, бесплатную медицинскую помощь, наделялись землёй в местах нового жительства по 15 дес. на ревизскую душу мужского пола (1, 288).

Во второй половине XVI - начале XVII вв. в состав России вошла территория Среднего Урала. Ведущей формой заселения и освоения этой части Урала стала стихийная крестьянская колонизация. Основную часть переселенцев составляли черносошные крестьяне Северного Поморья (12, 270).

Социальный состав населения Урала и Сибири был представлен податными сословиями: (крестьяне государственные, экономические (до III ревизии – церковные и монастырские), дворцовые (с VI ревизии удельные), приписные к заводам, помещичьи и дворовые люди (в Сибири их практически не было), однодворцы, купцы, мещане.

Неподатное население этих регионов состояло из потомственных и личных дворян, духовенства, чиновников, работных людей некоторых фабрик и заводов, ямщиков (до 1824 г.) иностранцев, отставных служителей иррегулярных войск (казаков, башкир), регулярной армии, крещёных иноверцев.

Население Урала и Сибири увеличивалось за счёт естественного прироста и постоянного притока переселенцев-мигрантов. Ценный материал о демографических процессах на территории обоих регионов содержат данные о проводившихся в Российской империи переписях населения. По материалам I–X ревизий (1719-1857 гг.) среднегодовой прирост по Вятской и Пермской губерниям составил 1,15%, по Оренбургской губернии – 1,87%. По населению Сибири за это время этот показатель составил 1,25%. По России в целом он равнялся 0,87% (6, 83-90). Очевидны более высокие показатели роста населения на Урале и в Сибири в сравнении с общероссийскими данными.

Значительному росту населения двух сопредельных регионов способствовали такие факторы, как наличие огромного резерва плодородных неосвоенных земель, привлекавшего значительные контингенты переселенцев из других губерний России, лучшая обеспеченность землёй старожильского населения, невысокий удельный вес помещичьего землевладения на Урале, его практическое отсутствие в Сибири, природные богатства обоих территорий, политика правящих кругов, проявлявших заинтересованность в их освоении. Большой приток переселенцев на Урал и в Сибирь вызвала реформа П.А.Столыпина в начале XX в.

Уже ко времени X ревизии все категории крестьян составляли 74,22% населения Урала; государственные крестьяне составляли 80,71% крестьян. В Западной Сибири крестьянское сословие составило 80,97% населения региона; удельный вес государственных крестьян среди всех категорий крестьян региона достиг 99,78% (6, 167-174).

Таким образом, к середине XIX в. самой многочисленной категорией населения Урала и Сибири были государственные крестьяне. В 54 губерниях России, в которых жили государственные крестьяне, подобное положение сложилось и в таких губерниях Восточной Сибири, как Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Якутская, и в губерниях Европейской России – Олонецкой, Таврической, Казанской, Екатеринославской, Ставропольской, Вологодской и Воронежской (5, 312-313).

Темпы заселения Урала в течение XIX - начала XX в. значительно превосходили общероссийские показатели: за 100 лет народонаселение России выросло в 3,5 раза, Урала – в 6,3 раза (1, 287)

Плотность населения по данным X ревизии в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях достигала соответственно 15,7, 7 и 15,5 человек на 1 кв. версту (16, 158-159). Плотность населения в таких сибирских губерниях, как Тобольская и Томская к тому же времени на 1 кв.

версту составила соответственно всего 0,80 и 0,90 человек (14,55).

Низкая плотность населения Сибири обуславливалась её окраинным положением, оторванностью и удалённостью от основных земледельческих, промышленных и торговых центров страны, незавершившимся процессом освоения территории края русским народом, главным образом – государственными крестьянами.

Основными источниками пополнения этого сословия на Урале и в Сибири оказались естественный прирост, правительственная и вольнонародная колонизация. Для Сибири ещё одним существенным источником численного роста этой категории крестьян являлась ссылка. Так в 1816-1834 гг. в Сибирь прибыло около 120 тысяч ссыльных. Они причислялись к селениям старожилов, а ссыльно-каторжные назначались «в работы» на винокуренные заводы. Рост сибирского населения за их счёт продолжался и в дальнейшем.

В 1816-1834 гг. в южных округах Западной Сибири осело около 19 тыс. крестьян-переселенцев – легальных мигрантов. Переселенческое движение из центра страны в Сибирь особенно усиливается в 30-40-х гг. XIX в., когда она превращается в район интенсивного заселения, уступая в этом отношении лишь Новороссии. В 1834-1850 гг. в Тобольской губернии поселилось 72 тыс., а в Томской – 18 тыс. переселенцев (17, 8 об.; 14-14 об.; 6,27-28), в основном – государственных крестьян.

Главной причиной их массового переселения на окраины являлась кризисная обстановка не только в государственной деревне, но и во всей феодально-крепостнической системе российской империи. Попыткой выхода из создавшегося положения стала проведённая в 1837-1841 гг. реформа – система мероприятий под руководством главы нового Министерства государственных имуществ П.Д.Киселёва. Одной из составных частей этой реформы явилось организованное переселение казённых крестьян из малоземельных губерний в многоземельные, в том числе – сибирские. Ко времени реформы в наделении землёй нуждалось 325 тыс. крестьян этого сословия (18, 200).

В Сибирь двинулись государственные крестьяне Псковской, Смоленской, Орловской, Курской, Полтавской, Харьковской, Витебской, Воронежской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Черниговской, Тульской, Калужской, Новгородской, Вятской и Оренбургской губерний (4, 28-196; 6, 29; 17, 3-7; 202).

Рост численности населения на Урале и в Сибири органично отражался и на процессе освоения территории обоих регионов, особо – в его преобладающей, аграрной форме, т.к. подавляющей частью их населения являлось крестьянство. В XVII в. на Урале было освоено 2,5 млн дес. пахотной земли; 4 млн дес. – в XVIII в. и ещё 1 млн дес. пашни – за первую половину XIX в. Очевиден высокий темп земледельческого освоения Урала. Если учесть, что в середине XIX в. за государственной деревней числилось 37,8 млн дес. земли (58% всего земельного фонда Урала), а из них 6,4 млн дес. пашни - 84% всех пахотных земель региона (2, 53 - 56), то главная заслуга в процессе освоения уральской территории принадлежала государственным крестьянам. Посевные площади Западной Сибири с конца XVIII в. по 1860 г. возросли с 441,3 тыс. дес. до 1315,2 тыс. дес. – на 50,04% (7, 192, 194).

С учётом более низкой плотности и численности населения Западной Сибири в сравнении с Уралом (о чём уже говорилось) масштабы земледельческого освоения сибирской территории также были весьма значительными, а удельный вес государственных крестьян среди других категорий крестьян здесь доходил почти до 100%.

Историками накоплен богатый материал, свидетельствующий о возрастании во времени производства крестьянами валового сбора хлебов, товарного хлеба, о расширении в урало-сибирской деревне предпринимательской деятельности, об углублении процесса расслоения крестьянства на различные по экономической, хозяйственной мощности группы (бедняков, середняков, сельской буржуазии). В Сибири во второй половине XIX в. стали появляться даже крестьяне-миллионеры (8, 128-155).

И на Урале, и в Сибири начинает обостряться проблема обеспеченности крестьян пахотной землёй, наблюдается так называемое «земельное утеснение» - малоземелье.

В антифеодальных движениях, происходивших в России в XVII – XVIII вв. на Урале и в Сибири, принимали совместное участие русские, украинцы, башкиры, татары, калмыки, чуваша, мордва.

Известны ценные сведения о прогрессивных тенденциях взаимообогащающего общения трудящихся масс самых различных этносов во всех сферах жизни, главным образом в производственной.

Выдающийся вклад в освоение двух сопредельных регионов России – Урала и Сибири внесли русские государственные крестьяне.

Список источников и литературы

1. Алеврас Н.Н., Пундани В.В. Колонизация Южного Урала в XVI – начале XX вв. // Челябинская область: Энциклопедия. - Т.3. Челябинск, 2004.
2. Водарский Я.Е. Земельные угодья и землевание на Урале в XVII – первой половине XIX вв. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. - Свердловск, 1988.
3. Артёмов Е.Т., Бакунин А.В., Викторов В.Д., Гаврилов В.Д. Урал // Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург, 2000.
4. Государственный архив Курганской области, ф.245, оп.1, д.13.
5. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселёва: В 2 т. - Т.1. - М., 1946.
6. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. - М., 1971.
7. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1982.
8. Мамсик Т.С. Кулундинский миллионер Сорокин и его Чимевская родня // Зауралье в панораме веков. - Курган, 2000.
9. Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII – XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. - Курган, 2004.
10. Миненко Н.А. Предисловие // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч.1. - Екатеринбург, 1996.
11. Миненко Н.А. Выбор веры // На стыке континентов и судеб...
12. Оборин В.А. Колонизация Урала // Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург, 2000.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи. - СПб., 1905. - Т.1.
14. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) // История СССР, №4.
15. Пундани В.В., Емельянов Н.Ф. Состав и занятия аборигенов Западной Сибири и их взаимоотношения с русским населением при феодализме // Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII – XX вв.): Межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск, 1990.
16. Россия: Полное географическое описание нашего отечества // Под ред. В.П.Семёнова –Тяньшанского. - Т.V: Урал и Приуралье. - СПб., 1914.
17. Российский государственный исторический архив, ф.1263, оп.1, д.1655; ф.265, оп.13, д.10.
18. Шульгин М.М. Землеустройство и переселение в России в XVIII - первой половине XIX вв. // Труды Московского межвузовского института по факультету землеустройства и переселения. - Т.2. - Вып.1. - М., 1928.

Д.Н. Маслюженко
Курганский государственный
университет, г. Курган

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТЮРКИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Одной из значительных проблем в средневековой истории лесостепного Притоболья является изучение процесса становления групп тюменских и тобольских татар. Немаловажным фактором в изучении этногенеза сибирских татар выступает дискуссия о времени складывания этой группы западносибирского населения. В частности, были высказаны противоположные друг другу гипотезы о значительной роли в этом процессе, с одной стороны, формирования местной татарской государственности (Тюменского и Сибирского ханств, Сибирского княжества), а с другой стороны, о его незавершенности вплоть до XX века (3, 23-25). В то же время для более узкого в географическом плане региона, каковым является лесостепное Притоболье, рассматриваемая нами тема важна еще и в связи со стремлением проследить эволюцию и основные этапы функционирования единственной хорошо изученной средневековой культуры региона, получившей название бакальской.

В работах таких авторов как Т.М.Потемкина, Б.Б.Овчинникова, В.А.Могильников в 1980-е гг. было принято писать о двух этапах ее существования, которые с некоторыми нюансами в целом можно объединить как IX-XII и XIII-XV века (5, 272-276). Предполагалось, что на первом этапе эта культура была в своей основе связана с угорским таежным миром, однако в результате т.н. «тюркизации» ее носители постепенно преобразовались в тюркоязычные группы, в т.ч. сибирских татар. Нельзя не отметить, что в большинстве работ интересующие нас явления сводятся к нескольким стереотипным фразам, расположенным в их заключительной части. Некоторые из них необходимо привести полностью. Так, В.А.Могильников пишет: «... процесс инфильтрации тюркских элементов приводит к постепенной тюркизации угорского населения по Исети и Ишиму к середине II тысячелетия н.э. Усиление процесса тюркизации способствовали монгольские завоевания и образование Золотой Орды, вызвавшие отток больших масс тюркоязычного населения из степей Казахстана на север, в лесостепь и южные районы тайги, что привело в конечном итоге к образованию различных групп сибирских татар» (8, 83). Практически вторит ему Б.Б.Овчинникова: «Накануне монгольского нашествия происходит тюркизация отдельных угорских племен. Позднее западно-сибирская группа населения сылвенской этнокультурной области вошла в состав Сибирского Ханства» (10, 141).

Однако в последнее время в ходе дискуссий большинство исследователей средневековой археологии региона предложили вернуться к той датировке, которая была предложена еще первооткрывателем этой культуры К.В.Сальниковым. В частности, раннюю дату бакальской культуры отнести к V веку, увязав начало ее функционирования непосредственно с событиями, последовавшими за Великим переселением народов. В этом случае пересмотрев дату формирования культуры и отнеся ее к началу средневековья, но при этом конец ее функционирования все же продолжая датировать XV веком, мы получим случай существования на одной территории некой группы населения со схожей материальной культурой на протяжении почти тысячи лет. В условиях постоянных миг-

раций, которые были постоянной доминантой средневековой истории региона, это вряд ли было возможно. Но при этом даже в XV веке, исходя из материальных письменных источников, еще нет резона говорить о сложении татарской общности, скорее эта дата может выступать только точкой отсчета начала процесса этногенеза. По крайней мере, в известных нам источниках, рассказывающих о событиях XV-XVI веков, упоминается значительное количество племен, которые иногда указываются как «шибанцы», но это говорит лишь об их политической принадлежности к юртам и улусам Шибанидов, но не о складывании единой общности.

Однако перед тем как обратиться к решению поставленной задачи, необходимо определиться с терминами. Прежде всего, с нашей точки зрения, археологическая культура есть лишь внешнее, опредмеченное выражение жизнедеятельности определенной общности людей, синхронно проживающей на одной территории. При этом можно исходить из представления в целом о культуре как о способе адаптации человека и человеческих сообществ к окружающей их действительности, призванной отличить «свой мир» от «мира чужого». Часто подобные элементы культуры отражаются не только на материальном мире, с которым имеет дело археология, но и на духовном уровне, чаще всего недоступном для нашего исследования. Эволюция материального оформления культуры может являться признаком не только внутренних изменений, в том числе социальной структуры и этнического состава, но и отражать некоторые внешние, в частности миграционные, процессы. Такую культуру можно, пусть и в идеальном плане, отождествить с человеком, а, следовательно, этапы ее функционирования могли бы быть сходными с периодами жизни. Период детства – это становление культуры, где идет процесс накопления присущих и характеризующих ее будущее состояние признаков, причем они могут быть получены из разрозненных между собой источников. Период взросления – классический этап любой культурной общности, когда все ее признаки проявляются в полной мере. И, наконец, период старения и умирания весьма схож с первым, только он напротив характеризуется не накоплением, а разложением элементов и частей, часть из которых могут еще длительное время проявляться в соседних, отнюдь не во всех случаях наследственных, группах населения.

Говоря здесь об уподоблении «археологической культуры» и «этнической группы», мы осознаем всю дискуссионность данной проблемы (2, 19), особенно с учетом того, что для средневековой истории эти понятия выступают в качестве скорее «инструмента исследования», чем живой реалии (подробнее см.: 13, 38-42). В то же время, по определению А.П.Садохина, «этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (11, 252). В этом отношении «археологическая культура» вполне может быть одним из признаков некоего единства на этническом уровне (7, 38). Как бы то ни было, но когда мы говорим о процессе тюркизации, мы должны понимать, что с одной стороны это процесс принятия одним миром идеологических и материальных ценностей другого. В данном случае угорские группы воспринимали культуры соседних тюркских народов, которые не только доминировали в степи, но и оказывали значительное влияние на соседнюю лесостепь. Но, с другой стороны, это взаимодействие конкретных представителей местных угорских групп с не-

нее «живыми» представителями степного мира, которые в результате различных политических коллизий вынуждены были осваивать неудобную для себя территорию.

При этом тюркизация по самому смыслу данного термина не может заключаться лишь в принятии внешней атрибутики или даже лингвистических заимствований, необходимых местной элите в рамках идеологической системы. В данном случае это чрезвычайно сложный процесс этнообразования отдельных групп сибирских татар в результате смешения двух этнических групп, которое обязательно предполагает их длительное проживание на одной или близких территориях. Причем, по нашему мнению, одна из групп должна быть гораздо сильнее и агрессивнее, поскольку в ином случае этносы в борьбе за свое единство стремятся сохранить культуру, в том числе материальную, как один из признаков и инструментов самоидентификации. Как показывают этнографические исследования на территории юга Западной Сибири, даже последнее не ведет к обязательной ассимиляции одной группы другой, несмотря на отдельные культурные заимствования (12, 23). Предварительно можно предположить, что в некоторых случаях эволюция предметной сферы как материальное выражение археологической культуры на самом деле является кажущейся и свидетельствует не столько об этнических процессах, сколько о прямой смене одной группой другой. Так, например, характерная для последнего этапа бакальской культуры керамика (тип 3 по Т.М.Потемкиной в виде открытых плоскодонных чаш) может рассматриваться не только в качестве трансформации собственно бакальских традиций. Она чрезвычайно схожа, например, с тюркскими древностями Новосибирского Приобья X-XIV вв. (1, 14-15). Такие элементы орнамента как пояски круглых ямок или решетка часто встречаются в материальной культуре западносибирских народов, в частности в тюркских памятниках кимако-кыпчакского времени (8, 133).

Скорее всего, определить хронологию начальных этапов тюркизации практически невозможно, хотя бы в силу постоянства этого процесса в фронтальном пространстве бакальской культуры. Согласимся здесь с позицией Н.П.Матвеевой и Т.Н.Рафиковой, которые пишут о перманентности этого процесса для лесостепного населения на протяжении всего средневековья (6, 64-67). Очевидно, что контакты с различными группами тюркоязычных кочевников были одной из внешних доминант, предопределявших историю зауральских угров на протяжении всей эпохи средневековья.

В то же время, на наш взгляд, можно как минимум говорить о двух, а при некоторых оговорках и о трех этапах этого процесса. Очевидно, что само образование бакальской культуры в период раннего средневековья в пограничной к степи зоне должно было привести к непосредственному столкновению с тюркоязычным миром, в том числе и из-за необходимости контроля над северным ответвлением Великого Шелкового пути. Рассмотренные материалы позволяют говорить о том, что прямое усиление степного давления на север приводило лишь к двум последствиям: миграция лесостепного протомагьярского населения на запад и укрепление части групп в городищах по Тоболу и Исети, однако кардинальной смены населения или его трансформации не происходило. Недаром Е.П.Казаков пишет, что кочевой образ жизни тюрков привязывал их к степи, «... и в примыкающей к лесной зоне территории угорское население Западной Сибири, несмотря на сильное воздействие тюрков, долгое время сохраняло свою специфику» (4, 57). Одновременно с этим шло приобщение угров, которые торговали со степными торговцами или участвовали в походах кочевников, к неким культурным ценностям, харак-

теризовавшим элиту номадов. В частности, это заметно по поясной гарнитуре в одном из погребений могильника Усть-Суерка, где сам элемент одежды в виде пояса и его украшения свидетельствуют именно о внешних взаимодействиях. Однако речь здесь вновь не идет о процессах этнических преобразований. К тому же для этого периода следует учитывать и последствия встречной таежной миграции петрогромского и юдинского населения, которые уравновешивали степное влияние.

Возможно, гораздо большее влияние на этногенез оказали события IX–XII веков, связанные с доминированием на южных границах региона кыпчакских групп. Однако, очевидно, что даже значительные подвижки степного населения к северу в ходе монгольского завоевания и дальнейшего формирования улусной системы приводили, по нашему мнению, не столько к смешению пришлых групп с автохтонными, сколько к вытеснению последних на север из лесостепного Притоболья. Это, в частности, хорошо заметно по уменьшению количества и размеров городищ в регионе в этот период. Можно допустить, что часть бакальского населения, основываясь на некоей близкой к кочевой базе, могли перейти к кочевому образу жизни и либо ассимилироваться с тюркоязычными группами, либо занять в них место «черного ясачного» населения. Последнее особенно характерно для процессов периода формирования улуса Шибана. По сути, уже для XIII века, на современном уровне источниковой базы, мы не можем говорить о сохранении в регионе бакальских групп. Переживание же отдельных черт материальной жизни, в частности характерных для бакальцев керамических традиций, может свидетельствовать не о функционировании самих этих групп, а о схожести указанных традиций с другими группами. Отдельные случаи сохранения значительных коллекций посуды, в частности на городище Чимги-Тура, еще требуют дополнительного исследования.

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что уже к периоду монгольского завоевания собственно бакальских угорских групп не существовало, поскольку они были либо вытеснены из региона, либо ассимилированы тюркоязычными группами. В этой связи непосредственное участие носителей бакальской культуры в процессе этногенеза сибирских татар вызывает большие сомнения. Хотя, конечно, для решения этого вопроса должно увеличиться количество изученных памятников, которые можно было бы отнести к финальному этапу существования этой культуры, а также пересмотрена хронология самого этого этапа в соответствии с новыми данными по средневековой истории региона.

Список литературы

1. Адамов А.А. *Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. - Тобольск-Омск, 2002.
2. Аникивич М.В. *О содержании понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. - Томск, 1981.
3. Исаков Д.М. *Татарская этническая общность // Татары / Отв. ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко*. - М., 2001.
4. Казаков Е.П. *К проблеме тюркизации Урало-Поволжья в эпоху средневековья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. - Тобольск-Омск, 2002.
5. Маслюженко Д.Н. *Итоги и проблемы изучения памятников бакальской археологической культуры в Тоболо-Исетском междуречье // Культура Зауралья: прошлое и настоящее*. - Вып. 5. - Курган, 2003.
6. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. *К вопросу о тюркизации населения Зауралья (по археологическим данным) // Сулей-*

мановские чтения-2006. Материалы IX межрегиональной конференции. - Тюмень, 2006.

7. Мельникова О.М. *Проблема взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья: поиск путей решения // Историческое познание: традиции и новации. Материалы международной теоретической конференции*. -- Ч.1. - Ижевск, 1996.
8. Могильников В.А. *Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. - М., 1987.
9. Могильников В.А. *Керамика из тюркских памятников юга Западной Сибири // Материалы по археологии Южного Урала*. - Уфа, 1992.
10. Овчинникова Б.Б. *О зауральских памятниках сыленской этнокультурной общности конца I – начала II тысячелетия н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. - Челябинск, 1986.
11. Садохин А.П. *Этнология*. - М., 2001.
12. Томилов Н.А. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI- первой четверти XIX в.* - Томск, 1980.
13. Яблонский Л.Т. *Осторожно: этногенетическое исследование в современной России // Средневековая археология евразийских степей*. -Т.1. - Казань, 2007.

В.В. Менщиков

Курганский государственный университет, г. Курган

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАУРАЛЬЕ В XVII-XVIII ВВ.

Колонизация означенного региона являлась составной частью крупного исторического процесса – территориального расширения Российского государства в ходе заселения и освоения огромных территорий северо-востока Евразии, сибирского субконтинента. В процессе колонизации происходило становление новых региональных структур, можно сказать, что колонизация являлась важнейшим фактором пространственной дифференциации. В частности, именно процесс хозяйственного освоения привел к выделению крупного региона – Урала. Однако, и меньшие по размерам региональные образования возникали под воздействием колонизационных процессов, одним из таких и являлось Зауралье.

Анализ природно-географических условий позволил нам выделить относительно внутренне однородную территорию, являющуюся, по нашему мнению, природным субстратом зауральского историко-географического региона. Это пространство по правым притокам речной системы Тобола – Тура, Ница, Нейва, Пышма, Исеть, Миасс и Уй, а также Среднее Притоболье.

Русская колонизация Зауралья сопровождалась практически на протяжении двух столетий ожесточенными военными столкновениями с местными народами. Как показывает конкретно-исторический и историографический анализ, утверждение о преимущественно мирном характере включения Сибири в состав России требует существенной корректировки. Она возможна в процессе порайонного изучения данного процесса. Не исключая принципиальной возможности мирного, комплиментарного взаимодействия русских с аборигенным сибирским населением, этно- и военно-политическая ситуация в Зауралье в период русской колонизации свидетельствовала об обратном. Ожесточенный характер столкновений русских с кучумовичами, башкирами, калмыками, казаками, их длительность дают возможность говорить о возможности использования термина «завоевание» применительно к колонизации Зауралья. Еще одной важной особенностью регионального развития было то, что в ходе межэтнических взаимодействий в Зауралье про-

исходило столкновение разных колонизационных потоков – русского, башкирского, калмыцкого и казахского – в различные временные отрезки изучаемого периода, что создавало повышенную степень конфликтности в межэтнических отношениях на протяжении всего этого времени. Указанные обстоятельства существенно тормозили процесс освоения территории и существенно влияли на социальный состав населения и его повседневную жизнь.

Преобладание среди переселенцев в Сибирь выходцев из Поморья в целом характерно и для Зауралья. Но более детальный анализ несколько уточняет это утверждение. По крайней мере, во второй половине XVII в. определяющую роль в заселении Зауралья играло Предуралье. Анализ мест выхода переселенцев в Зауралье подтверждает тезис о том, что процесс русской колонизации шел путем медленного, но поступательного «сползания» в восточном направлении. Отдельные миграции были незначительными по расстоянию, население постепенно продвигалось из европейской части в азиатскую.

В целом для заселения Сибири справедлив вывод о том, что главное направление русского колонизационного потока шло в широтном направлении с запада на восток, движение же по линии север – юг длительное время было второстепенным, проникновение русских в лесостепную зону шло как бы по касательной к линии основного переселенческого потока. Для Зауралья более характерным было как раз меридиональное направление миграций с севера на юг. Это оказывается характерным и для дорусского периода, и свидетельствует о существовании трансвременных закономерностей миграций, определяемых пространственно-географическими условиями того или иного региона. В случае с Зауральем определяющими факторами основных направлений миграционных движений стали меридиональная направленность речной системы Тобола, а также тормозящий эффект встречных колонизационных потоков башкир и киргиз-кайсаков (казахов). На микротерриториальном уровне выявляются и иные направления. Так, первоначально продвижение русских идет в широтном направлении вдоль долин рек Исети, Пышмы, Нейвы, Ницы с запада на восток. Затем усиливается южное направление вверх по течению Тобола. И лишь в XVIII в. начинается активное заселение долины Миасса и Миасско-Уйского междуречья, с преобладающим направлением на юго-запад.

Несколько слов о типологии заселения Зауралья в рассматриваемый период. Как отмечает Г.Н. Чагин, в современной этнографии особенности размещения на местности в зависимости от природно-географической среды принято называть типом заселения. «Исходя из особенностей приспособления человека к среде обитания и влияния физико-географических условий на топографию поселений, принято выделять два типа заселения – речной и водораздельный».

Что касается прибрежно-речного типа, то он является древнейшим. Для большинства переселенцев из Северной Руси он являлся наиболее традиционным. Первоначально и для Зауралья он был преобладающим. Но по мере хозяйственного освоения и стабилизации военно-политической ситуации все более заметным становится водораздельный тип заселения. А.А. Кауфман писал: «Междуречные волоки (во всей Сибири в целом. – В.М.) по большей части не заселены и прорезаются только линиями трактов, вдоль которых располагаются ямские селения, да изредка встречаются отдельные деревни и выселки... Исключение составляют степные районы и особенно западно-сибирская степь... побережья рек здесь весьма густо заселены, но кроме того селения разбросаны более или менее равномерно и по междуречьям. Эта особенность степных районов зависит от есте-

ственно-исторических условий: в лесных районах Сибири междуречья представляют собой пространства в значительной части либо заболоченные, либо гористые, и во всяком случае заросшие лесом, а потому трудные для разработки; сама почва по междуречьям по большей части хуже, чем по приречным увалам. Напротив, по ровной поверхности западно-сибирской степи разбросаны многочисленные «гривы» или «острова» – приподнятости с превосходной почвой, а многие озера, которыми усеяна степь, представляли большие удобства для образования селений; поэтому старожилы не только не избегали междуречий, но особенно охотно водворялись при хороших рыбных озерах, если вблизи имелись хорошие пахотные «гривы».

Зауралье в этом отношении существенно отличалось от соседних регионов (Урала и Предуралья), где максимальная доля поселений водораздельного типа составляла не более четверти от числа всех населенных пунктов. По данным Г.Н. Чагина в XVIII в. в Шадринском уезде 45,3% всех поселений было водораздельного типа. В итоге в Зауралье сложилась такая поселенческая структура, при которой максимальная удаленность одного поселения от другого в XVIII в. была не больше 12 верст.

Наиболее активно территория Зауралья заселялась в период с 1680-х по 1710-е гг. Среднегодовой показатель прироста населения составлял около 15%. Эти показатели напрямую согласуются с общесибирскими. Как отмечает известный специалист по исторической демографии России Я.Е. Водарский, «большое увеличение численности населения (Сибири. – В. М.) с последней четверти XVII века по 1710 год должно быть поставлено в связь со значительной убылью населения за этот же период в Европейской России. Бежали, главным образом, в первое десятилетие XVIII века, то есть после начала войны и вызванных ею тягот». В связи с этим уместно упомянуть тезис Б.Н. Миронова о существовании в массовом крестьянском сознании так называемой миграционной парадигмы. Стремление уйти от несправедливой «новизны», как важная составляющая этой парадигмы, вполне вписывается в ситуацию начала активной модернизации, начавшейся с XVIII в. В результате массовый уход населения из Европейской России. Нечто подобное этой парадигме наблюдалось и в культуре западноевропейского средневековья. «Нас озадачивает, – пишет Ж. Ле Гофф, – чрезвычайная мобильность средневековых людей». И далее: «Индивидуальная или коллективная крестьянская эмиграция была одним из крупных феноменов средневековой демографии и общества». Французский историк видит объяснение этому в том, что «не только никакой материальный интерес не удерживает большинство из них дома, но самый дух христианской религии выталкивает на дороги. Человек лишь вечный странник на сей земле изгнания – таково учение церкви, которая вряд ли нуждалась в том, чтобы повторять слова Христа: «Оставьте все и следуйте за мной». Вполне вероятно, что миграционная парадигма была характерна для христианской и традиционной культуры в целом, однако, приобретая специфическое наполнение в рамках отдельных этнических общностей.

В заключение отметим, что дальнейший анализ миграционных процессов может быть наиболее эффективным, то есть быть способным создавать новое знание, в контексте историко-антропологического подхода, остающегося дефицитным в исследованиях отечественной истории. Подлинно комплексное историческое знание в этой области можно получить, обращаясь к исследованию мотивов, в частности миграционного, поведения участников исторического процесса.

И.С. Менщиков
Курганский государственный
университет, г. Курган

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КУЛЬТУРУ И БЫТ ЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XX века в России, в том числе и в Зауралье многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начинали изживать себя. В Зауралье указанные процессы стали заметны в начале XX века и тесно связаны с проведением Сибирской железной дороги и интенсивным ростом городов по её ходу. Курган вырос за двадцать лет после проведения через него железной дороги почти в четыре раза. Именно города (и Курган в частности) стали проводником новых явлений культуры. Вытеснение традиционных форм поведения и норм общения, ослабление роли общины и её контрольных функций, а в меньшей степени и семьи, привели к появлению и развитию норм поведения, значительно отличающихся от ранее принятых. Такое отклоняющееся, девиантное поведение выразилось прежде всего в чрезмерном, гипертрофированном пьянстве и тесно связанном с ним хулиганстве. Последнее явление было не знакомо русской деревне, да и городу тоже. Поэтому они оказались неподготовленными к нему, что и нашло своё отражение в различных печатных изданиях. В целом уход старых традиций и невыработанность новых привели к появлению различных викарных форм поведения, проведения досуга, организации праздников.

После прохождения через Курган железной дороги и проведения в 1895 году Сельскохозяйственной выставки, о которой уже достаточно много написано, его культурная жизнь заметно оживилась. «Много ли времени прошло с тех пор, как мы услышали первый свисток паровоза..., а нас уже узнать нельзя. Нашлись инициаторы... Город начал чиститься», - отмечал один из корреспондентов Тобольских губернских ведомостей в конце 1895 года (7). В 3-4 раза ускорилась доставка газет и журналов из Центральной России, усилилось влияние Европы. Более отчётливо эти явления стали отражаться в источниках к началу I мировой войны, когда города Курган и Шадринск обзавелись своими газетами, в которых нашла своё отражение культурная жизнь этих городов. Переселенцы, прибывавшие в Западную Сибирь, привозили новые формы выражения материальной и духовной культуры. Разрушение традиционной замкнутости сибирской деревни и развитие товарного хозяйства привели к вовлечению её в российский и международный рынок. Огромную роль здесь сыграли Союз сибирских маслодельческих артелей (ССМА) и работавшее в тесном сотрудничестве с ним отделение Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Для привлечения внимания к этому региону и популяризации идей интенсификации земледелия в 1895 году в Кургане была проведена Сельскохозяйственная и кустарная выставка. Одним из организаторов этой выставки, о которой написано уже немало, был губернский агроном Н.Л. Скалозубов. Он был убежден, что сибирские крестьяне очень чутко относятся к разного рода усовершенствованиям в орудиях труда, что среди них много инициативных людей (5, 35).

Среди крестьян регулярно проводилась просветительская работа. Устраивались разного рода чтения с применением не только наглядностей, но и технических средств - кинематографа и «волшебного фонаря», диапозитивов. По деревням распространялась научно-по-

пулярная литература по агрономии, широкой популярностью стала пользоваться выходящая под эгидой Союза сибирских маслодельческих артелей «Народная газета». Зачастую крестьяне неохотно соглашались на эксперимент, но, убедившись в эффективности предлагаемых новаций, соглашались применять их в своём хозяйстве. Например, в селе Коркинском Ялуторовского уезда агрономом проводились курсы по животноводству и молочному хозяйству. Большинство жителей отмахивались от них, говоря: «Что мы, не знаем, как коров доить? Век жили, смешно, будто не знаем, как коров пасти?» Только 12 человек согласились проверить на своих коровах новую методику. Однако на открытие курсов многие всё же пришли. После лекции многое убедились, что закрытые и теплые скотные дворы повышают удои молока, и «словно горячка охватила наших коркинцев. Бросились все устраивать тёплые скотные дворы» (3). Номера «Народной газеты» пестрят подобной корреспонденцией.

Другим способом убеждения крестьян в необходимости новых методов ведения хозяйства были разного рода выставки и конкурсы. На них можно было воочию убедиться в действенности той или иной технологии. Проводилась раздача или продажа по льготной цене семян новых кормовых культур. В начале XX века, к примеру, большое внимание уделялось разведению могоара и вики. Благодаря предпринятым мерам к 1914 г. удалось повысить среднюю жирность молока до 4,8% и увеличить надои его почти вдвое. Также с открытием скотобоен «Брюль и Тегерсен» резко увеличился спрос на откормленных свиней и увеличилось их поголовье (1).

Другим направлением просветительской деятельности Курганского отдела МОСХ было распространение новых сельскохозяйственных орудий. В начале XX века всё шире стали применяться плуги, а также сеялки, молотилки и иные машины. Первоначально их изготовление находилось в руках кустарей. В Кургане в последние годы XIX века был известен своими изделиями и изобретениями мастер Зырянов. Н. Л. Скалозубов застал его в 1894 году за изготовлением 38-й молотилки. Кроме того, этот кустарь пытался спроектировать сеялку и плуг. Однако в северо-восточных округах усовершенствованные орудия и машины встречались крайне редко. В первые пятнадцать лет XX века всё чаще стали распространяться приспособления и фабричного производства. Плуги начали решительно вытеснять сабаны (пермянки). Такой переход занял всего 10-12 лет. В Шадринском уезде в начале XX века конные барабанные молотилки имели около 1,5% хозяйств. В Батуриной волости было 39 молотилок. В Барнёвской - 18, а в Песчанской - 16, 3 плуга и жатка. Для пропаганды новых орудий проводились выставки, смотры, конкурсные запашки. Курганский отдел МОСХ покупал и сдавал на весьма выгодных условиях плуги, сеялки, молотилки. Спрос на них постоянно возрастал, в Курганском отделе ставился вопрос о расширении сети прокатных пунктов. Наибольшей популярностью в 1910-х годах пользовались плуги Сакка, сеялки и культиваторы. Один из корреспондентов «Народной газеты» отмечал в Шумихе весной 1914 года небывалый спрос на плуги, веялки, молотилки (3). Таким образом, за первые 14 лет XX века агротехника и агрономия сильно изменились. Начался отход от традиционных приемов хозяйства и орудий труда. В начале XX века всё шире вводили новые огородные культуры: томаты, бахчевые, петрушка, стручковой перец, новые сорта лука и капусты. Появились теплицы и парники, целые овощные хозяйства. Хозяйство Карчевского обеспечивало овощами Курган. В целом развитие агрокультуры в эти годы может быть резюмировано словами Н.Л. Скалозубова: «За последние семь лет произошли такие изменения в положении сель-

скохозяйственного юга губернии..., которые поражают наблюдателя» (5, 61).

Однако, далеко не все изменения в традиционной культуре носили позитивный характер. Утрата традиционных ориентиров для большинства крестьян привела к уходу от быстро меняющегося мира к пьянству и развитию девиантного поведения. Многие авторы начала XX века отмечали, что изменения и отмена некоторых обрядов превращает свадьбы, именины, похороны в безличное пьянство, которое эти обряды заменяет. В основе традиционной культуры лежит сложная система моделей поведения, в которой действия людей продуманы заранее, показаны в примерах и закреплены в неких эталонах. Человеку остаётся только выполнять их. Это не означает, конечно, отсутствие возможности выбора и творчества. Но в традиционной культуре все действия уже как бы были, надо выбрать из предложенного набора. Причём выбор также подсказан традицией - если человек примет нетрадиционное решение, община, чьё мнение играло важнейшую роль, его осудит. В культуре новой, проникающей в Зауралье во второй половине XIX - начале XX века, человек должен сам выбирать модель поведения, все его действия свершаются как бы в первый раз. Однако, житель зауральской деревни оказался неподготовленным к такой смене типов культуры, что и повлекло за собой новые нормы поведения, которые едва ли были приемлемы в культурной деревенской среде даже в начале XX века. К этой дезориентации прибавились и действия правительства, которое для поправки бюджета ввело во второй половине XIX века казённую винную монополию. Тем самым, пьянство если и не насаждалось, то, во всяком случае, поощрялось государством.

К.Я. Маляревский в своей рукописной газете «Летопись села Елошанского» отмечает сходные тенденции. Он пишет, что в этом селе до конца 1870-х гг. не было кабаков, но в эти годы появились насельщики (переселенцы), которые требовали вина. «Потребители явились: явились и поставщики». В деревне Кошкиной стала торговать некая Андреевна, а в Носилках - Ивановна, были и другие. Решили все же открыть кабак, чтобы хоть акциз шёл. Открыли - и пьянство только усилилось. Многие насельщики, продолжает К. Я. Маляревский, ушли, поскольку не было кабака, но с его открытием вернулись и начали воровать, что особенно заметно зимой - то украли корову, то овцу, то вещи (2).

Однако, с наступлением XX века, в газетах появляется новая тема, отражавшая новое явление в зауральской деревне - хулиганство, бороться с ними призывают и представители клерикального лагеря, и сторонники прогресса. «Многим казалось, - пишет один из авторов «Оренбургских епархиальных ведомостей», - что это случайное явление. Оно даже отрицалось... Теперь оно растёт и ширится... Много зла есть в деревне. Есть зло старое, от веков нажитое... Пили, били и крали - раньше. Хулиганство означает совершенно новое явление, оно выражается в малообъяснимом, беспричинном озорстве... Хулиганство в деревне - несомненно зло, разъедающее совершенно общинный уклад». Далее автор статьи проводит прямую связь между ростом пьянства в деревне и хулиганства. Он отмечает, что следствием пьянства стали рост насилия, драки, кражи у своих родителей денег и вещей детьми (4). В условиях всё большей секуляризации общества место религиозных культов оказалось вакантным. Оно замещается традиционным пьянством, которое из сопутствующего празднику постепенно становится главным ритуалом в нём, вытесняя всё остальное на периферию. Особенно бурно этот процесс пошёл после 1917 года, когда празднование многих старых праздников было просто запрещено.

К проблеме пьянства и хулиганства привлекал внимание и такой серьёзный политический журнал, как «Сибирские вопросы», который поместил на своих страницах ряд статей и заметок, затрагивающих эту проблему. В указанном журнале также пытались выявить причины странных общественных явлений, от которых «сибирская деревня стоном стонет». Отмечается, что сокрушение рёбер или расквашивание носов под пьяную руку бывало и раньше, но всегда имело под собой какую-то подкладку. Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее все черты хулиганства. Вошло, можно сказать, в обычаи, что после каждого праздника часть деревенских обывателей недосчитывается либо стекла, либо зубов. Причина этого, по мнению журнала, кроется в том, что досуг крестьян, особенно молодых, ничем полезным не занят: «Водки, в самой деле, разводится всё больше, а жизнь всё голоднее, скучнее... Крестьяне смутно сознают, чего им не хватает. И всё-таки в последнее время не в редкость услышать: "книжек бы нам, библиотеку бы завести"»(6).

Итак, все указанные авторы как клерикального, так и либерального направления считают главными причинами сложившегося положения отсутствие новых и утрату старых культурных традиций и авторитетов, непросвещённость зауральской деревни, незнание крестьян, чем занять свой досуг. Отмечается также падение авторитета старых и проверенных временем институтов - семьи и общины.

В начале XX века, когда начали разрушаться привычные институты (община, большая семья), стали происходить и изменения в культуре праздников. Общество искало новые формы проведения праздников и досуга вообще и не всегда находило позитивные пути. Открытый мир сельского праздника сталкивался с открытым миром городских гуляний и во многом не мог дать ему адекватный ответ, постепенно сдавая свои позиции. В 1917 году разрушение системы традиционных русских праздников резко ускорилось и, по сути дела, стало необратимым.

Список источников и литературы

1. Антонов-Ряшенко С.Т. Краткий обзор сельского хозяйства в районе Курганского отдела МОСХ// Обзор деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 14 лет его деятельности (1897-1910). - Курган, 1911.
2. ГАКО, Ф.189, Оп.1, Д.204, Л. 1-4.
3. Народная газета. - 1913. - № 20.
4. Оренбургские епархиальные ведомости. - 1875. - № 2.
5. Пигнатти В. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность// Ежегодник Тобольского губернского музея. - Тобольск, 1916. - С.35-63.
6. Сибирские хулиганы// Сибирские вопросы. - 1911. - № 20-21.
7. Тобольские губернские ведомости. - 1895. - № 61.

И.Б. Бритвина

Курганский государственный университет, г. Курган

МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Кризисные явления в демографической и социальной сфере во многом связаны с ухудшением миграционной ситуации в стране. В «Программе демографического развития России до 2025 года» отмечается, что анализ миграционной и демографической ситуации свидетельствует о наличии в ряде регионов специфических про-

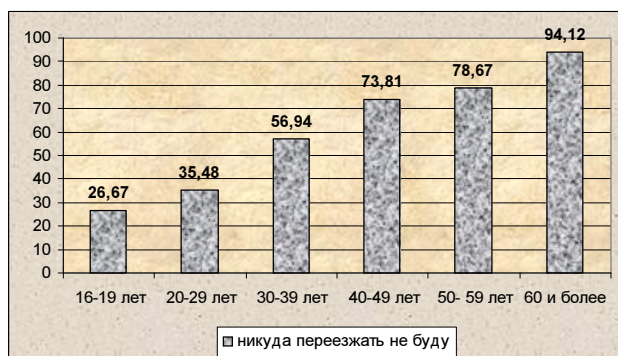
блем народонаселения, требующих особого подхода к их решению. К таким регионам, по нашему мнению, относятся и Курганская область, пограничное положение которой, а так же интенсивные потоки межрегиональной миграции в значительной степени усугубляют демографическую ситуацию.

Миграция традиционно считается важнейшим демографическим фактором, а для Курганской области миграционные тенденции имеют особое значение. Два прогнозных варианта демографического развития региона, рассчитанные с учётом миграции и без учёта миграционных изъятий населения, в значительной степени отличаются друг от друга. И хотя по сравнению с 2006 годом прирост населения за счёт международной миграции в области увеличился в 3,3 раза, рассчитывать на этот источник пополнения демографических ресурсов не стоит. Потенциал возврата русских из стран ближнего зарубежья во многом исчерпан, а этнический состав международной миграции на территорию области является базой обострения ряда социальных проблем.

Более важным и постоянно действующим демографическим фактором является межрегиональная миграция, хотя и внутриобластные перемещения тоже имеют некоторое значение. Самым неблагоприятным обстоятельством в этом отношении является отток молодёжи и квалифицированных кадров в соседние более благополучные регионы. Миграционная убыль населения в регионе по сравнению с 2006 годом сократилась на 0,8 тыс. человек, но в основном - за счёт возросших темпов прироста международной миграции из стран СНГ.

Таким образом, огромное значение для анализа имеют миграционные планы зауральцев. В феврале 2008 года по репрезентативной выборке нами были опрошены 462 жителя Курганской области. Анализ результатов опроса показывает, что намерение в ближайшие год-два покинуть пределы области высказали 9% респондентов. Причём такие планы строят прежде всего молодые жители Зауралья, в перспективе лишая регион возможного прироста населения.

Влияние возраста на миграционные планы

В подтверждение этого можно привести данные ещё одного опроса. В декабре 2007 г. нами были опрошены 510 выпускников Курганских общеобразовательных школ, половина из которых обнаружили намерение уехать учиться и работать в другие регионы страны. Не у всех эти планы сбудутся, но намерение такое у молодёжи есть. Темпы сокращения населения Зауралья за последние 10 лет увеличились в 2 раза. Сокращение происходит, в первую очередь, в возрастной группе «молодежь трудоспособного возраста». За 2006 г. эта демографическая группа на территории региона уменьшилась на 5,8 тыс. человек. Во многом это связано с оттоком молодёжи в соседние регионы.

К миграционным перемещениям склонны и люди

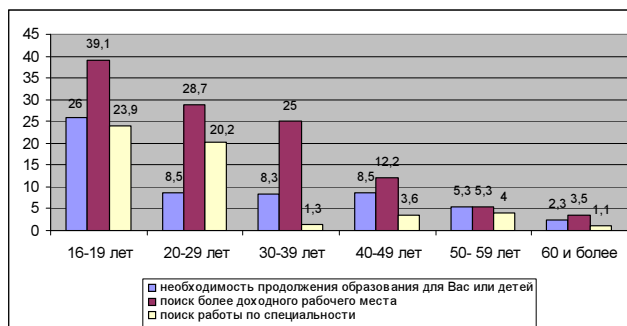
высокого уровня образования, т.к. они имеют некоторые претензии к качеству жизни и интеллектуальные возможности их удовлетворения. В два раза больше среди высокообразованных респондентов тех, кто намерен в ближайшие год-два уехать в соседние регионы, по сравнению с теми, кто имеет общее среднее образование. В итоге область теряет свой интеллектуальный потенциал, вложив значительные средства в обучение.

Причины межрегиональных перемещений связаны с поиском лучших социальных условий и доходного рабочего места, а также с желанием получить престижное образование и перспективу дальнейшего трудоустройства.

Что может заставить Вас переехать в другой населенный пункт?

В некотором отношении Курганская область не может пока конкурировать с соседними регионами, имеющими более высокий уровень жизни и социального благоустройства. На это обстоятельство острее всего реагируют молодые зауральцы, которые выросли в условиях рыночных отношений. Диаграмма показывает, что чем моложе респонденты, тем более значимы для них такие мотивы переезда, как «поиск более доходного рабочего места» и «поиск работы по специальности».

Влияние возраста на причины переезда в другой населенный пункт

Демографический эффект имеет и фактор сохранения постоянно-стабильного ядра жителей конкретного населённого пункта и региона в целом. Анализ результатов опроса показал, что 54% опрошенных родились в Курганской области и живут здесь всю свою жизнь, остальные приехали из других регионов и стран ближнего зарубежья. Только 14% зауральцев живут здесь более 30 лет. Можно сделать вывод, что **устойчивое поселенческое ядро региона, определяющее его социальный облик, составляют две трети его жителей.** Одна треть – это меняющийся контингент населения, который слабо знает и сохраняет традиции регионального значения, что не может не сказываться на демографическом поведении граждан.

Сколько лет Вы живете в Курганской области?

В конкретном населённом пункте всю свою жизнь прожили немногим более трети респондентов (36%). Ещё 15% опрошенных живут в данной местности более 30 лет. **Устойчивое ядро каждого поселения составляют только половина его жителей.**

Сколько лет Вы живете в данном населенном пункте?

Таким образом, четверть жителей области в какой-то момент своей жизни (или неоднократно) совершали внутрирегиональные перемещения, нарушая устойчивую генерационную структуру населённого пункта.

Такие последствия цивилизационных изменений и приводят к смене типов устойчивого демографического поведения, сближая горожан и сельчан по этому признаку. Цивилизация усиливает миграционные потоки, снижая рождаемость. Косвенным доказательством этого заключения являются следующие результаты.

Взаимосвязь количества детей и продолжительности проживания на территории Курганской области

**Сколько у Вас детей?(включая взрослых)
Сколько лет Вы живете в Курганской области?**

прожили в нашем крае более 30 лет или всю жизнь. Каждая десятая многодетная семья живёт в области от 20 до 30 лет. И только 5-6% многодетных живут в регионе менее 20 лет. Такая же закономерность наблюдается и во взаимосвязи многодетности с количеством прожитых лет в определённом населённом пункте.

Таким образом, цивилизационные изменения под влиянием рыночных отношений провоцируют рост миграционных потоков, усугубляя демографические проблемы в нашем регионе.

В результате предпринятого исследования выработано два варианта прогноза изменения демографической численности населения Курганской области: благоприятный с учётом решения проблем рождаемости, смертности и миграции, и неблагоприятный при условии, что миграционные и др. тенденции существенно не изменятся или даже ухудшатся. Разница в численности населения области по этим двум вариантам развития может составить к 2030 году более 150 тысяч человек. Такая разница возможностей сохранения населения региона требует изменить демографическую и миграционную политику в стратегическом плане. Огромное значение имеет политика регулирования миграционных потоков. Анализ показал, что при нулевом сальдо миграции даже в условиях депопуляционных процессов динамика численности населения в регионе заметно улучшается.

СЕКЦИЯ 1. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УРАЛО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

А.А. Красноперов
Удмуртский государственный
университет, г. Ижевск

ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКО-МАЗУНИНСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР

Среди прочих составных частей одежды, в погребениях (около 7 тыс.) пьяноборского (II в. до н.э. – середина III в. н.э.) и мазунинского (III – середина VI в. н.э.) времени встречаются остатки ожерелий из различных материалов. Ожерелья являются оригинальными находками, имеющими свои специфические особенности и в пьяноборское, и в мазунинское время.

Остатки ожерелий (в области шеи умершего) зафиксированы в 304 погребениях **пьяноборского периода** (рис. 1).

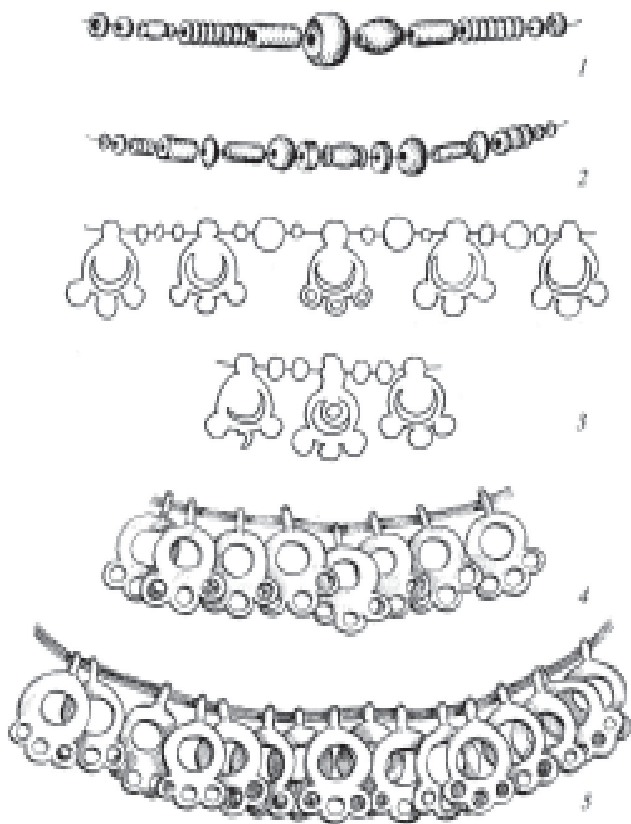

Рис. 1. Ожерелья пьяноборского времени: 1-Сасыкуль, п. 99; 2-Сасыкуль, п. 101; 3-Сасыкуль, п. 20; 4-Тарасово, п. 1524; 5-Тарасово, п. 1108. (По 2; 3, табл. 447-6,9,11, 571-5)

Основными составляющими ожерелий являются бусы и бисер. Бусы и бисер могли располагаться в один, два, три ряда. В пьяноборское время характерным эле-

ментом ожерелий были так называемые шейные подвески. Многочисленность их именно в составе шейных украшений и дала им такое название. Они представляют собой круглый щиток с петелькой, загнутой сверху, или припаянной сзади, дополненный снизу двумя-тремя, редко четырьмя, кружочками. Реже в состав ожерелий включаются бляшки (Юлдашево, 59, 76, 109; Чеганда, 6, 120; Нырғында II, 1, 5, 20, 81, 98; Сасыкуль, 20, 280; Нырғында I, 114; Кушулево III, 41, 89, 149), накладки, пронизки, зубы животных (Кушулево II, 9; Сасыкуль, 105; Кушулево III, 220, 262; Ик, 14; Афоново, 87, 120, 139, 196, 197), раковины каури (Урманяево, 1, 3, 4, 7, 19; Сасыкуль, 124, 144; Кушулево III, 53 (возможно относятся к нагруднику)), вероятно, выполнявшие функцию амулетов. В погребении 315 Нырғындинского I могильника в ожерелье чередовались раковины каури и шейные подвески.

Мазунинские ожерелья (рис. 2) представляли собой кожаный шнурок (реже нить и тонкую проволоку), на которую нанизаны бронзовые спиральновитые пронизки, чередующиеся с бусами и иногда с подвесками из бронзы, железа или раковины. На месте ношения – шею – ожерелья найдены лишь в 80 захоронениях. Чаще всего ожерелья входили в состав жертвенного комплекса, где и сохранились целиком, включая органическую основу. Именно эти находки и позволяют говорить о конструкции ожерелий мазунинцев. В большинстве случаев спиральновитые пронизки чередуются со стеклянными бусами шаровидной формы. Ожерелье этого типа можно считать этнографической особенностью мазунинского населения.

Рис. 2. Ожерелья мазунинского времени: 1-Тарасово, п. 116, ж/к; 2-Тарасово, п. 1696, ж/к; 3-Ижевск, п. 64; 4-Усть-Сарапул, п. 99; 5-Нива, п. 64, 120; 6-Тарасово, п. 1762. (По 1, рис. 5-21,22; 3, табл. 41-1-9,11, 629-1-1, 652-1-9; 4, табл. 1-26; 5, табл. 6-5,7)

Стеклянные украшения поступали в Прикамье с южных территорий, вероятно, через посредство сарматов. Обращает на себя внимание тот факт, что практически ни разу не найдена «авторская» комбинация бус (ожерелье, задуманное и созданное мастером). Ближе всего к такой «авторской» композиции стоят находки ожерелий

в погребениях 28 Икского, 81 Сасыкульского и 16 и 19 Старочекмакского могильников. Складывается впечатление, что бусы поступали в Прикамье уже отдельными экземплярами, и позволить их мог себе не каждый. С другой стороны, бусы составляют вторую по численности категорию находок после ножей.

С сарматами можно связать не только поступление самих бус, но и «идею» мазунинских ожерелий. Для сарматских памятников характерным элементом шейных украшений являются четырнадцатигранные бусы, нанизанные на спиральнозакрученную проволоку. Бусина при этом глухо закреплена в центральной части конструкции. Ожерелье с таким расположением украшений в Прикамье мне известно только одно – из погребения 116 Тарасовского могильника (3, табл. 41-1-9, 11, рис. 2-1). Но, очевидно, именно под сарматским влиянием создавались типичные для мазунинцев ожерелья, прикамское население только упростило схему изготовления.

Список литературы

1. Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. - Устинов: Удмуртский университет, 1986. - С.26-46.
2. Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета 1976 г. // Архив КА БГУ. КАО-32 // Архив ИА РАН. Р-1. - № 6239, 6239а
3. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. - Т.2, иллюстрации. - Ижевск: Удмуртия, 2003. - 721 с.
4. Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. - Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1978. - С.92-117.
5. Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. - Ижевск: Удмуртия, 1984. - С.26-92.

В.Л. Доронин

Уральский государственный университет
им А.М. Горького, г. Екатеринбург

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Художественный металл, происходящий из археологических памятников Приуралья, попал в поле зрения исследователей еще в дореволюционные годы, и интерес к этому уникальному источнику не ослабевает до наших дней. Это не удивительно, поскольку данная категория археологических находок позволяет решить целый ряд научных задач. Среди них отмечаются пути формирования и развития различных школ торевтов, их взаимовлияние и вопросы их хронологии. В этой связи чрезвычайно интересным представляется изучение и такого вопроса как направление прямых или опосредованных торгово-обменных связей, существовавших между ремесленными центрами Западной и Восточной Европы и стран Востока с населением Урала и севера Западной Сибири.

В имеющейся археологической литературе исследователи рассматривают целый ряд направлений культурных связей урало-сибирского населения.

Юго-западное направление связей, болгарское, было намечено А.А. Спицыным. В его работе «Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края» было впервые высказано предположение о существовании уже в V в. н.э. постоянной торговой фактории в верхнем течении Камы. По его мнению, ее владельцами были сначала персидские купцы, а после них торговцы других восточных стран (4, 17). Фактория оказала заметное влияние на окружающие племена, которые приобщались к

культуре данного центра. В дальнейшем упомянутый центр сместился в Булгар и приблизился к волжскому торговому пути. Процветание было обусловлено принятием болгарским населением ислама, что упрочило его связи с восточными государствами. В конечном счете, это предопределило лидирующие позиции Булгара, его ремесленников и купцов в торговле с народами Приуралья. Вместе с тем, А.А. Спицын подчеркивал, что при недостатке надежных письменных источников, при отсутствии систематических раскопок в Приуралье нельзя сделать сколько-нибудь однозначных выводов о характере отношений приуральских народностей с Зауральем и восточными странами (4, 17). Выводы А.А. Спицына о роли Булгара в торговле с народами Приуралья разделяли Я.И. Смирнов и Д.А. Хвольсон в работе «Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае» (1899 г.). Они отмечали, что «издаваемое ... блюдо принадлежит к числу многочисленных серебряных блюд и иных сосудов, столь часто находимых в Северо-Восточной России, куда они занесены были по Волге и ее притокам из Персии и Месопотамии в обмен на меха, которыми арабские купцы вели, как известно, оживленную торговлю, главным центром которой был город Булгар» (3, 7). Уже в советское время, благодаря исследованиям В.Ю. Лещенко, удалось выделить собственно болгарскую торевтику.

Данное направление связей хорошо иллюстрируется на основании письменных источников – записей арабских купцов и путешественников, которые приводит Ф.Ш. Хузин в своем труде «Волжская Булгария в домонгольское время». Самое первое сообщение о торговле булгар с народами Севера содержится у Ибн Фадлана, который писал, что булгарские купцы ездят «в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц». В стране Ару (предков современных удмуртов) «охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. И идут от них [в Булгарию] чрезвычайно хорошие шкурки бобров», – сообщает ал-Гарнати. А у жителей Йуры (предки современных хантов и манси) булгарские купцы «берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль». По сообщению ал-Марвази, «торгует народ йура при посредстве знаков и тайно из-за дикости их и страха перед людьми; [булгары] вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха» (5, 87).

Второе направление связей средневекового населения наметил В.Н. Чернецов. Его внимание привлекли находки восточного серебра в Приобье. В своей работе «К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье» он рассматривал возможность попадания художественного металла на север Западной Сибири с юга, в контексте взаимодействий местного населения с тюркскими племенами Прииртышской лесостепи. По В.Н. Чернецову, с середины I тысячелетия до нашей эры в культуре племен, обитавших в Приобье, начали появляться элементы, до той поры нам неизвестные, но хорошо знакомые нам из более южных, степных культур. Наиболее ранними следами таких связей являются бронзовые котлы, находимые в лесной части Оби и Иртыша.

Во второй половине I тысячелетия до нашей эры на территорию Приобья не только проникали импортные вещи, но и выделялись уже на месте предметы, близкие к степным изделиям того времени. Выразительным свидетельством этого служит появление глиняных сосудов, копирующих «скифские» котлы, почти целиком вытеснившие на некоторый период ранее существовавшие типы керамики. Интересные изменения наблюдаются в области изобразительного искусства, появляется весьма своеобразный звериный стиль. Особенно интересно отметить появление сюжетов, совершенно не свойствен-

ных таежному северу. Таковы изображения свернувшегося зверя, выполненные в формах местного стиля, изображение лошади и всадника на гравированных бляхах Истяцкогоклада, изображение коней в ишимской находке, глиняные фигурки лошадей с седлами с Чувашского мыса и т. п. (6, 113). Очевидно, в это же время появляется изображение хищной птицы (в виде бронзовых фигурок и гравировки) в геральдическом положении, иногда с человеческой головой или личиной на груди, или несущей одну или две человеческие фигуры. Можно допустить, что этому соответствует и распространение мифа о птице-великане, крылатом Карсе, тесно увязывающегося с циклом аналогичных представлений иранского мира (6, 114). К сожалению, у нас отсутствуют какие-либо письменные источники, иллюстрирующие характер этих связей. Несомненно, что эти связи существовали, и значительное тюркское влияние на южнотаежные районы региона еще предстоит выяснить.

Третье направление связей обозначил в своих трудах В.П. Даркевич. Судя по ареалу западноевропейских монет IX – X вв., которые в пределах Руси концентрируются в пределах Новгородской земли (включая связанные с Новгородом северные районы и земли в бассейне Камы), главным посредником в меховой торговле Западной Европы с племенами Урала В.П. Даркевич называет Новгород. С Северным Уралом и Зауральем Новгород был связан двумя речными путями. Северный вел по Сухоне и Вычегде в бассейн Печоры, а из Печоры ее правыми притоками – «за Югру», т. е. в Нижнее Приобье (1, 176). Он документирован находками западноевропейского денария XI в., которые тянутся от Сухоны до восточного склона Урала. Славянские вещи встречены на Вычегде (с XI в.).

Вторая трасса вела из Новгорода по Мсте и Тверце на Верхнюю Волгу, затем по Нерли, Клязьме и Оке к волжским булгарам. Отсюда вверх по Каме или Вятке плыли к северу. Оба пути соединялись через Вишеру и Колву с верхними притоками Вычегды и Печоры. Этот южный путь отмечен многочисленными находками западного денария. Как сообщает «Повесть о стране Вятской», в 1174 г. по нему проплыли новгородские «самовластцы с дружиною своею», «пленяюще остяцкие жилища» (1, 177). Их маршрут проходил по Волге, затем вверх по Каме (где они построили торговую факторию – «градац мал») и вниз по Чепце и Вятке. К IX – XI вв. относятся отдельные русские украшения, найденные в Прикамье. Славянские вещи XII в. обнаружены на Вятке.

Мирное сотрудничество между Волжской Булгарией и Киевской Русью, а с XII в. русскими княжествами, нередко нарушалось военными столкновениями, особенно участвовавшими в XII в. с ростом могущества Владимиро-Суздальского княжества. Эти князья, естественно, желали подорвать гегемонию Волжской Булгарии в торговле с Северо-Востоком и взять в свои руки все торговые связи Булгарии не только с финно-угорскими племенами, но и со всеми странами, которые поддерживали с ней оживленные торговые и дипломатические отношения (5, 107). Известно также о противостоянии Новгородской земли и Владимиро-Суздальского княжества в попытках установить контроль над торговыми связями Волжской Булгарии. Русские летописи дают нам возможность проследить динамику русско-булгарских отношений X – XIII вв.

В настоящее время перед исследователями стоят задачи дальнейшего изучения торговых связей населения Урала и севера Западной Сибири со странами Западной и Восточной Европы и Востока. Недостаточно подробно освещена в литературе проблема торговли по Северному морскому пути, упоминаемая в древнеиспан-

дских сагах, а также слабо исследованы связи Волжской Булгарии и Великой Венгрии в Средневековье. Необходимо также более тщательное изучение состава импорта. Решение этих проблем поможет точнее определить принадлежность многих комплексов археологических находок Урала и Западной Сибири, установить степень активности торгово-импортных операций, а также достичь определенного понимания социально-экономического развития средневекового сибирского общества.

Список литературы

1. Даркевич В.П. О некоторых группах европейской торевтики IX – X вв. // Даркевич В.П. *Художественный металл Востока*. – М., Л.: Наука, 1976. – С. 167–176.
2. Даркевич В.П. *Художественный металл Востока*. – М., Л.: Наука, 1976. – 200 с.
3. Смирнов Я.И., Хвольсон Д.А. и др. *Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае*. – СПб., Издание Императорской археологической комиссии, 1899. – 18 с., 30 табл.
4. Спицын А.А. *Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края*. – Вятка: Губернская типография, 1889. – 18 с.
5. Хузин Ф.Ш. *Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.)*. – Казань: Издательство «Фест», 1997. – 184 с.
6. Чернецов В.Н. *К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье* // *Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия*. – 1947. – Т.1. – С. 113–134.

А.В. Парунин, Е.А. Тонков
г. Шадринск

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УЛУСА ДЖУЧИ В КОНТЕКСТЕ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ НАЧАЛА XIII ВЕКА

Вопрос о формировании Улуса Джучи является весьма актуальным в отечественном востоковедении и имеет довольно обширную историографию. Среди исследователей, занимавшихся этой проблемой, можно назвать Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, М.Г. Сафаргалиева, Г.А. Федорова-Давыдова, В.В. Трепавлова, Л.Р. Кызласова, Р.Ю. Почекаева, Р.П. Храпачевского и др. Среди источников, наиболее подробно упоминавших о данной проблеме, можно назвать «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина и Сокровенное сказание, написанное около 1240 г.

Ключевым моментом в формировании улуса можно считать поход Джучи против лесных народов (2, §239), происшедший в год Зайца (1207 г.). Цели похода, его география и датировка весьма спорны. Основной целью похода ставилось подчинение т.н. «лесных» народов – племен современной Тувы и Хакассии. Среди наиболее распространенных причин, объясняющих цели похода, можно выделить следующие: нужда монголов в металлах и хлебе, необходимость обезопасить безопасный тыл с северо-запада, преследование давних врагов – найманов и меркитов, а также своеобразная тренировка перед будущим походом на государство Цзинь (12, 47). Спорна и география похода. Большинство исследователей сходятся во мнении, что были присоединены территории Тувы и Хакассии, а также Прииртышье (12, 48; 3, 92, 94). Неясно географическое расположение племен Ибир-Сибир, также покоренных Джучи (2, §239). Д.Н. Маслюженко указывает на возможное размещение их на территории Южного Зауралья и, видимо, части Западной Сибири (4, 14).

Дискуссионным является и время определения восточного похода Джучи. Данное событие исследователь С.А. Угдыжеков локализует осенью 1206 – весной 1207 гг., поскольку Чингисхан осенью 1207 года воевал с тангу-

там, в связи с чем большая часть войск была отозвана на запад. При этом наиболее вероятной он считает осень 1206 года, поскольку весной в тайге начинается распутица, что значительно ослабляет мобильность войск (13, 196).

Общеизвестно, что Чингисхан после всемонгольского курултая 1206 года разделил только что сформированную империю на три части: два «крыла» – правое (джунгар) и левое (барунгар) и «центр» – свою ставку (5). Как пишет С.А. Угдыжеков, территории «лесных народов» должны были стать четвертой частью сразу же после их завоевания, что действительно произошло сразу после успешного похода Джучи (13, 198). Четырехчастное административно-территориальное деление сказалось и в военном отношении: при подготовке похода Чингисхан выделил Джучи четырех тысячников: «Чжочи – мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо – Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном – из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят» (2, §210).

Таким образом, база будущих западных завоеваний была заложена, хотя вышеуказанные территории затем отошли в Коренной юрт. Однако вряд ли события 1207 года можно интерпретировать как начало создания Улуса Джучи, в чем нас пытается убедить Р.Ю. Почекаев (5). Примерно той же позиции придерживаются В.В. Бартольд и М.Г. Сафаргалиев, считающие, что Чингисхан выделил Джучи удел сразу же после завоевания лесных народов (9, 19). В ту пору речь могла максимум идти об укреплении тылов и создании хозяйственной базы будущих атак на государство Цзинь, поскольку в сторону государства чжурчженей постепенно сменялся вектор будущей военной политики Монгольской империи. Кроме того, речь не шла о собственно завоеваниях. Фактически же лесные народы были объявлены союзниками (2, §239). Данные Сокровенного Сказания отчасти подтверждает Р.П. Храпачевский, ссылаясь при этом на китайскую летопись «Юань-Ши» (15, 279).

Таким образом Джучи стал правителем территорий, принадлежавших лесным племенам. Вряд ли правление старшего сына Чингисхана можно было охарактеризовать как улусное. Скорее всего, он осуществлял протекторат над союзными лесными племенами, чей статус подтвердил сам Чингисхан (2, §239). Неясна и деятельность нойона Хорчи в 1207-1219 гг. Сокровенное Сказание приводит хрестоматийную историю о пленении Хорчи племенем Тумат за то, что он хотел выбрать в этом племени себе тридцать невест (2, §241).

И. Тоган считает, что Джучи в вышеуказанный период времени занимался стабилизацией политической ситуации в регионе, примирял враждующие племена и подавлял восстания. В 1218-1219 гг. Джучи возглавил кампанию против непокорившейся группы меркитов в районе Кем-Кемчик, то есть на Верхнем Енисее и его притоке Кемчик. В 1211-1218 гг. лесные народы проявили признаки недовольства. В 1218 г. Джучи встретился с оппозицией и проблемами со стороны лесных народов. В 1218 г. подняло восстание племя Кори Тумад. Киргизы отказались поднять войска на войну с Кори Тумад, но эти трудности были преодолены. Восстание было полностью подавлено к 1219 году (11, 156-157).

Далее И. Тоган указывает, что с 1218 года управление лесными племенами было возложено на Хорчи, при этом ссылаясь на данные Сокровенного Сказания (2, §241). Однако в упомянутом параграфе говорится о плене и освобождении Хорчи из племени Тумат, но ни слова о возложении на него каких-либо управляющих функций.

В 1219-1221 гг. Джучи участвовал в кампании против государства Хорезм, успешные действия против которого позволили юридически оформить в Монгольской империи административно-территориальное деление.

В 1224 году происходит официальное административно-территориальное деление империи на улусы. Чингисхан выделил Джучи Западный улус и назначил четырех тысячников: Мунгура, Кингитая Кутан-нойона, Хушитая, Байку. Четырех тысячников получили и другие сыновья Чингисхана, кроме наследника Угэдея (7, 274-277). Здесь мы видим продолжение прежней военно-административной политики Чингисхана: вновь выделяется четыре тысячника, но на этот раз каждому сыну, кроме наследника Угэдея. Однако Р.П. Храпачевский усомнился в приведенных сведениях Рашид-ад-Дина. По его мнению, помощники Рашид-ад-Дина, собиравшие для него информацию, поняли монгольские слова *husin-tai baiqu* из первичных материалов как имена двух людей, хотя на самом деле они переводятся как «Байку вместе с хушинами» (16, 66).

Примечательно, что т.н. первоначальный «удел», который Джучи фактически завоевал в 1207 году и который по версии некоторых исследователей явился прообразом будущего улуса, отошел в улус Толуя (12, 48; 8, 201).

Сведения о четырех тысячниках, предоставленных Джучи, дополняют сведения В.Г. Тизенгаузена: «Чингисхан отдал этих четырех упомянутых эмиров с 4000 войска Джучи-хану; в настоящее время большая часть войска Токтая и Баяна суть из рода этих 4000, а то, что прибавилось в это последнее время, (состоит) из русских, черкесов, кыпчаков, маджаров и прочих, которые присоединены к ним. В смутах между родственниками некоторые ушли туда» (10, 30, 33).

Данное свидетельство позволило Г.А. Федорову-Давыдову сделать вывод о том, покоренные народы составили новые улусы монгольской аристократии и в соответствии с этим и новые войсковые подразделения (14, 55). По большей части основное население только что созданного улуса составляли кипчаки.

В 1224 году Джучи получил западную часть Монгольской империи, наиболее удаленную область от Коренного юрта. Однако, по мнению Р.Ю. Почекаева, столь отдаленное «назначение» Джучи не было причиной плохих отношений с отцом (6; 37). Как показывает дальнейшая хроника событий, Улус Джучи явился наиболее перспективным в осуществлении дальнейших завоеваний, кроме того, он был самым крупным из только что сформированных. В него вошли западная часть бывшего государства Хорезм, степи Казахстана и, возможно, часть Южно-Зауралья и юга Западной Сибири.

В.В. Трепавлов, опираясь на более поздний исторический источник «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана (XVII век) утверждает о т.н. раздвоении Джучиева улуса. Лубсан Данзан пишет, что при определении удела для Джучи, кроме провозглашения его правителем западной половины государства, Чингисхан назначил «(для управления) землю оросутов и чэркисутов Хукин-нойона... (со словами): «Отдели западную сторону владения Джочи!». Далее о судьбе Хукин-нойона ничего не говорится. Но сейчас важно отметить, что сам Чингисхан заложил основы раздвоения Джучиева улуса. В восточной его части предполагалось ханствование царевича со ставкой «в пределах Ирдыша» (12, 86; 8, 78).

Заметим, что о так называемом раздвоении Улуса Джучи в 1224-1225 гг. говорится лишь в «Алтан Тобчи», позднем историческом сочинении, написанном в XVII веке и подтверждений этим данным в более ранних источниках нет. Хотя можно предположить, что существовало отраслевое разделение власти в улусе: вполне возможно,

что Джучи ведал военным сектором, а Хукин-нойон осуществлял экономическую политику, но подтверждения среди первоисточников этой гипотезе нет.

Завершающим в начальном этапе формирования улуса Джучи служит 1227 год. Ключевым моментом во внешней ретроспективной политике Западного улуса представляется следующее сообщение Рашид-ад-Дина: «А Джучи-хан через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости»» (8, 78-79).

Таким образом, несмотря на имевшиеся разногласия между отцом и сыном, Джучи фактически получал правопреемственность в завоевательной политике, но смерть обоих привела к перераспределению сил в Монгольской империи и определению новых внешнеполитических ориентиров.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить две ключевых даты в становлении и начальном развитии Западного улуса (Улуса Джучи). Прежде всего, это 1224 год – год фактического административно-территориального деления, создания четкой улусной системы со ставящимися внутренними и внешними задачи. 1227 год – год смерти Джучи и Чингисхана, первоначальное определение вектора внешней политики Монгольской империи и перераспределение сил вследствие смерти обоих.

Список литературы

1. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда и её падение*. - М., 1950.
2. Козин С.А. *Сокровенное сказание*. - М.-Л., 1941.
3. Кызласов Л.Р. *Борьба народов Южной Сибири против иноземных завоевателей в XIII в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины*. М., 1980.
4. Маслюженко Д.Н. *Южное Зауралье в средние века (этнополитический аспект)*. Автореф. ...канд. ист. наук. - Курган, 2004.
5. Почакаев Р.Ю. *Правовое положение Улуса Джучи в Монгольской империи 1224-1269 гг // www.kyrgyz.ru*.
6. Почакаев Р.Ю. *Бату*. - М., 2005.
7. Рашид-ад-Дин. *Сборник летописей*. - Т.1. - Кн.2. - М.-Л., 1952.
8. Рашид-ад-Дин. *Сборник летописей*. - Т.2. - М.-Л., 1960.
9. Сафаргалиев М.Г. *Распад Золотой Орды*. - Саранск, 1960.
10. Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. - Т.II. - М., 1941.
11. Тоган И. *Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение Улуса Джучи. От Калки до Астрахани. 1223-1556 гг*. - Казань, 2001.
12. Трепавлов В.В. *Общественный строй в Монгольской империи XIII в.* - М., 1993.
13. Угдыжеков С.А. *К оценке политической ситуации в Южной Сибири начала XIII в. // Известия лаборатории археологии*. - Вып. 1. - Горно-Алтайск, 1995.
14. Фёдоров-Давыдов Г.А. *Общественный строй Золотой Орды*. - М., 1973.
15. Храпачевский Р.П. *Военная держава Чингисхана*. - М., 2004.
16. Храпачевский Р.П. *К вопросу о первоначальной численности монголов в Улусе Джучи // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков»*. - М., 2006.

Л.Д. Макаров
Удмуртский государственный
университет, г. Ижевск

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ

Миграции древнего населения – одна из наиболее популярных научных проблем. Не является исключением и вопрос об особенностях заселения Камско-Вятского междуречья древнерусскими людьми в первой половине II тыс. н.э. Проблема рассматривается по двум аспектам: хронологическому и географическому. Решение их связано традиционно с состоянием источников – письменных, археологических, естественно-географических.

О начале древнерусского заселения региона свидетельствуют данные таких исторических повествований, как «Сказание о вятчанех» и «Повесть о стране Вятской», в которых содержатся точные даты появления новгородцев в низовьях Камы (1174) и их последующий переход Вятку (1181). При этом первый отряд перебрался с Камы на Чепцу по Очёрскому волоку. По исследованию А.Л.Мусихина первая дата является производной от второй и связана с легендой о беглых рабах еще античной традиции и 7-летним отсутствием их хозяев (11; 12, 71-79). Несмотря на сохраняющийся среди историков скепсис относительно этих датировок и живучесть мнения о 200-летнем удревнении авторами событий 1374 г., эти сведения во многом подтверждаются археологическими источниками XII-XIII вв. Сама трасса передвижения новгородцев выглядит вполне логичной (9, 326-327, рис.1), хотя проследить ее на археологическом материале практически невозможно в связи с кратковременностью пребывания здесь русских мигрантов, попутно разоривших по Чепце и Вятке местные городки. Зато конечные пункты прибытия новгородцев хорошо исследованы и также подтверждают ранние даты (Болванский городок – Никулицын, Кокшаров – Пижемское городище, Ковровское городище – Котельнич). Это же касается города Вятки, возникшего, судя по находкам, также в домонгольское время объединенными усилиями двух вятских общин – Никулицына и Котельнича, о чем свидетельствуют в том числе и фрагменты древнейших укреплений, совпавшие с описанными в «Повести» (8, 114, рис.7).

Бассейн р.Чепцы в нижнем ее течении вошел в состав Вятской земли, восточным форпостом здесь была крепость, известная ныне как Кривоборское городище. Среднее и верхнее течение реки было занято финно-пермским населением, оставившим чепецкую культуру. На ее памятниках еще в X-XI вв. появляются первые древнерусские находки, преимущественно импортные (украшения, шиферные пряслица, футляры складных расчесок, двусторонние роговые гребни, орудия труда и вооружение) (6, 205-208). Однако отдельные предметы свидетельствуют о возможном присутствии среди жителей городища Иднакар и выходцев из Древней Руси: гребень со знаком Рюриковичей, прикладная печать с изображением монограммы «М», сложный крест, процарапанный на одном из гребней (1). Кроме того, М.Г.Иванова отмечает, что древнерусское влияние было более значительным, нежели только торговля. В частности, она указывает, что заимствование чепецкими кузнецами ассортимента, форм и технологии изделий из железа от мастеров Древней Руси свидетельствует о более тесных и глубоких контактах (6, 208). В.И.Завьялов, соглашаясь с этим, считает, что освоение новых технологических схем в Прика-

мье и на Руси шло параллельно и было связано с Северной Европой (4, 124-159).

В течение XII в. торговля с русскими землями активизируется, а в предмонгольских слоях появляется и древнерусская керамика (славянская и славяно-финно-пермская), оставленная здесь выходцами с территории Руси, отчасти изготовленная, быть может, местными гончарами по русским образцам (16; 5, 166, рис.72-1,5; 7, рис.65-15,16). О пребывании здесь западных мигрантов говорят и находки культовых подвесок (языческих амулетов и православных крестиков, иконки и змеевика и племенных славянских украшений, например, кривичского браслетообразного височного кольца) (7, рис.65-1-14). Влияние Вятской земли на чепецкое население было, по-видимому, все же незначительным (5, 156, 170).

Заселение Удмуртского Прикамья русскими осуществлялось, безусловно, по р.Каме и, скорее всего, с территории Волжской Болгарии, разоренной Батыевым нашествием. По данным А.А.Спицына, жители с.Челны считали себя потомками новгородцев, что позволило ученому видеть в этом предании воспоминания жителей о предках, основавших городок на Нижней Каме, известный нам по данным «Повести» (17, 148). Однако, с точки зрения Н.С.Арцыбашева, городок этот располагался на месте г.Сарапула (2, 225-227). Обе версии пока ничем не аргументированы. Конечно, древнерусский компонент на территории Волжской Болгарии хорошо фиксируется начиная с X в., но вряд ли власти государства позволили бы построить на своей земле русскую крепость. Скорее всего, Кама использовалась русскими в домонгольский период как транзитный путь для боевых походов (вспомним, например, поход великокняжеского войска 1220 г. с Верхней Камы вниз до Болгарии) и торговых караванов. Позднее этот путь могли активно использовать во второй половине XIV – начале XV в. новгородские ушкуйники, грабившие местное население независимо от его этнической принадлежности, включая и русских. Понятно, что основывать постоянные колонии они не могли, но создавать временные пристанища для отдыха были в состоянии. Выявить такие стоянки практически невозможно: кратковременность их пребывания здесь вряд ли как-то заметно отразилась на местности, а объяснять присутствие этих разбойников отдельными случайными находками также сомнительно.

Еще в конце XIX в. в Удмуртском Прикамье случайно находили отдельные древнерусские находки – монетные серебряные слитки (в Перевознинской волости и в д.Быргында) и бронзовую булаву XII-XIII вв. на Ильнешском (Ныргындинском I) городище. А в последние десятилетия здесь были обнаружены следы русских поселений золотоордынского времени: на Зуево-Ключевском I городище – поселение и могильник XIV-XV вв., Пуроможгинское селище и керамика на Кузубаевском городище (XIII-XIV вв.), а также змеевик XIV в. у с.Малая Пурга, отдельные находки на Быргындинском I поселении, славянская накладка на Благодатском I городище (10, 399-402).

Типологически близкие ушкуйникам казаки появились здесь значительно позже – не ранее, чем через 100-150 лет. В этом плане мог оставить какие-то следы отряд Ермака, проследовавший в Сибирь в 1581 г. и оставивший на зиму в бассейне р.Чусовой, что, кажется, подтверждается даже археологическими данными (3, 85; 15, 46-48; 13, 265; 14, 32-33). Существует предание об остановке его отряда в с.Каракулино, что требует подтверждения в архивах и археологических раскопках (имеющиеся данные не позволяют пока датировать здесь появление русских поселенцев ранее рубежа XVI-XVII вв.). Лишь со второй половины XVI в. можно говорить о массовой русской колонизации Среднего Прикамья.

Список литературы

1. Амеликин А.О. Знак на гребне с городища Иднакар: (К вопросу о начальном этапе удмуртско-русских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. - Ижевск, 1987. - С.107-113.
2. Арцыбашев Н.С. Повествование о России: В 4-х т. - Т.I. - М., 1838. [8]+X+70 с.+376 с.+VIII.
3. Бадер О.Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: Пособие для начинающих археологов и краеведов. - Молотов: Обл. гос. изд-во, 1950. - 118 с.
4. Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермяк: Археометаллографическое исследование. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. - 244 с.
5. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. - Ижевск, 1998. - 309 с.
6. Иванова М.Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX-XIII вв. - Ижевск, 1998. - 294 с.
7. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. - Ижевск, 2001. - 143 с.
8. Макаров Л.Д. Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г.Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Сб. статей. - Ижевск, 2005. - С.111-119.
9. Макаров Л.Д. Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. - Ижевск, 2006. - С.325-330.
10. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV веках: Дис. ... д-ра ист. наук. - Ижевск, 2006 // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.107. 544 с., 251 с., илл.
11. Мусихин А.Л. Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» // Герценка: Вятские записки: [науч.-попул. альм.]. - Киров, 2004. Вып.6. - С.52-71.
12. Мусихин А.Л. «Повесть о стране Вятской» в свете новых исследований и открытий. Источниковедческий аспект: (открытая лекция 24.10.2006 г., г.Киров) // Герценка: Вятские записки: [науч.-попул. альм.]. - Киров, 2007. Вып.12. - С.65-79.
13. Оборин В.А. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI-XVII вв. // Памятники древнейшей истории Евразии. - М.: Наука, 1975. - С.264-270.
14. Оборин В. Городки значительные // Вокруг света. - 1979. - №6. - С.30-33.
15. Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. - Пермь, 1968. - №191. - С.28-48.
16. Салангин Д.А. К вопросу о проблеме происхождения славяноидной керамики // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность // Тез. докладов. - Глазов, 1995. - С.9-10.
17. Спицын А.А. Свод летописных известий о Вятском крае // КВГ на 1884 год. - Вятка, 1883. - С.145-186.

В.Э. Лебедев

Уральский государственный технический университет – УПИ, г. Екатеринбург

ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

По мере усложнения политических и социальных отношений и особенно с переходом от традиционного к современному обществу возникла потребность учета исторических корней многих явлений, использования исторических знаний в текущей социальной практике (1,13). Это имеет большое значение относительно сферы социальной регуляции межэтнических процессов. Среди немногих регионов России Урало-Поволжье демонстрирует сегодня опыт мирного сосуществования и активного межкультурного взаимодействия, вызывая оправданный

интерес к данному феномену со стороны не только ученых, но и политиков. Объяснение современного состояния этносов лежит в их прошлом, в тех исторических пластах, когда формировалась современная картина расселения народов и закладывались основы их межэтнического общения.

К Урало-Поволжью относится обширная территория, расположенная в бассейне Средней Волги и ее двухсот притоков. Восточной границей ему служат Уральские горы, отгораживающие европейскую часть России от азиатской. Урало-Поволжская историко-этнографическая область формировалась на протяжении тысячелетий как многонациональный регион, в пределах которого взаимодействовали народы различного происхождения и облика, языковой и конфессиональной принадлежности, хозяйственно-культурной специализации. В I тыс. до н.э. бассейн Волги стал местом притяжения племен преимущественно финно-угорского происхождения. Позднее, во второй половине I тыс. н.э. их потомки стали основой формирования трех современных народов – марийского, мордовского и удмуртского. В первой половине I тыс. н.э. в Среднее Поволжье из приазовских степей пришли тюркоязычные народы, в том числе кочевники-булгары, которые приняли участие в этногенезе и оказали влияние кровно и культурно на чувашей, казанских татар, башкир, марийцев и удмуртов. Включение Приуралья и Поволжья в состав Русского централизованного государства в конце XV – начале XVII вв. ускорило складывание Урало-Поволжской историко-этнографической области, внутри которой постепенно устанавливались прочные взаимные связи.

Характерной чертой Урало-Поволжского региона, как неоднократно подчеркивали ученые (В.В.Пименов, Р.Г.Кузеев, К.И.Козлова и др.), является дисперсность расселения этносов и вызванная этим фактом дробность их этнографической структуры. Однако Урало-Поволжье оставалось до недавнего времени объектом анализа преимущественно на макроуровне, т.е. на уровне этносов. В то же время, очевидно, что именно в масштабе этнографических групп более отчетливо, чем в масштабе этноса, видны культурные результаты межэтнического взаимодействия. В разнообразных и многосторонних этнокультурных пересечениях и заключается целостность Урало-Поволжской историко-этнографической области как некоей этнокультурной системы. Одновременно изучение механизма этнокультурных контактов на уровне этнографических групп данного региона может способствовать выявлению некоторых общих вопросов в теории этнических процессов: например, характера и степени трансформации отдельных составляющих этнической культуры: языка, религии, традиционного костюма, играющих определяющую роль при формировании и функционировании этнического самосознания этносов и их подразделений.

Выделяют пять разновидностей этнотерриториальных групп: а) генетические, б) смешанные внутриэтнические, в) смешанные межэтнические, г) этноконфессиональные, д) этносословные (5,10). Одной из субэтнических групп, в традиционной культуре которых велика конфессиональная составляющая, являлись старообрядческие общины.

Целый ряд правительственных мероприятий в течение XVIII в., направленных на расширение влияния на нерусские народы, стабилизацию государственных границ, на освоение обширных пустующих территорий и природных месторождений стимулировал миграционные сдвиги населения в еще слабо заселенные районы Урало-Поволжья. В разнонаправленные колонизационные потоки вливались и находящиеся в оппозиции и безав-

шие от преследований старообрядцы. Определенный контингент переселенцев проходил через систему скитских центров и связанных с ними лесных поселений, расположенных на обширных территориях на долгом пути из различных губерний России на Урал и в Поволжье.

Создание объединений на старообрядческой основе в ряде случаев оказывалось гораздо более приспособленным для задач внутренней колонизации, чем на основе официального православия. В этой связи показателен пример Верхней Язвы, где староверие распространилось именно в том кусте деревень, жители которых переселялись на новые земли. Кроме того, старообрядческие общины выступали впоследствии еще и стабилизирующим элементом в адаптационных процессах. Так, старообрядцы-мордва, переселившиеся из Нижегородской губернии в центральные районы Башкирии, довольно быстро включились в сложившийся здесь социально-хозяйственный комплекс и рыночные отношения.

Вместе с тем наиболее активное проникновение старообрядческого учения в среду финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья происходило уже тогда, когда освоение новых территорий завершилось и началось постепенное налаживание, а затем активизация различных контактов. Этому способствовало действие трех основных факторов. Во-первых, территориальный. Русские старообрядцы расселялись чересполосно, как с русскими, придерживающимися официального православия, что чаще всего приводило к распространению «раскола» вглубь, так и с другими урало-поволжскими народами (в этнически смешанных или расположенных по соседству населенных пунктах). Во-вторых, хозяйственно-экономический. Старообрядцы и окрестное население активно включались в горнозаводское производство, вступали в торговые взаимоотношения (например, зюдинские пермяки), уходили на промыслы (чувашаи Присурья). И, в-третьих, социокультурный. Немаловажную роль играли знание мордвой, пермяками и чувашами русского языка, знакомство с основами христианской доктрины, что делало более понятной проповедь старообрядческих миссионеров.

Однако успеху старообрядческой миссии среди так называемых «иностранцев» способствовали отнюдь не только благоприятные условия, тем более, весьма относительные по сравнению с возможностями официальной церкви. Популярность старообрядческого вероучения объясняется совокупностью ряда обстоятельств. Прежде всего, внутренней готовностью обращаемых в «раскол» к восприятию основных христианских идей, вытекающей из мировоззренческого кризиса язычества, переставшего удовлетворять их духовным потребностям и социальному контексту. В то же время у части «иностранцев», христианизированных значительно раньше, прежде всего у мордвы, сформировалось стремление к более глубокому религиозному самовыражению и пониманию основ христианской догматики, чем могла дать официальная церковь. Кроме того, социальный конфликт, вызванный мероприятиями по насильственной христианизации, также в определенной мере способствовал росту симпатии урало-поволжских народов к старообрядцам, между тем как философская концепция, ритуальная и бытовая практика официального православия ассоциировались для них с государственным давлением. Сближению способствовало и отсутствие социальных барьеров между «раскольниками» и «иностранцами», занимающими во многом сходную общественную нишу (2, 23-24).

Но процесс становления межэтнических контактов народов Урало-Поволжья не был легким, сопровождался конфликтами. Местным народам нередко навязывались чуждые им способы существования. Принудитель-

ная христианизация языческого населения, продолжавшаяся в течение XVII – XVIII и отчасти XIX в., наталкивалась на явное и скрытое сопротивление как местных землевладельцев и жрецов, так и крестьянских масс.

Вместе с тем изменение многих элементов материальной и духовной культуры урало-поволжских народов проходило более органично в ходе совместной хозяйственной и культурной деятельности - в процессе совместного труда, торгового и иных видов обмена. В XIX в. значительный объем строительных, кузнечных, гончарных работ выполняли русские разъездные кустари, привнося тем самым в местную среду образцы русской материальной культуры. В частности, «русская» духовная печь, некоторые приемы деревянного строительства и орнаментации домов были заимствованы урало-поволжскими народами у русских. В свою очередь, русское население восприняло у местных народов немало производственных навыков и способов использования природных ресурсов.

Значительная часть урало-поволжского крестьянства была вовлечена в отхожие промыслы – работу по найму за пределами своего места жительства. Во второй половине XIX – начале XX в. крестьянское отходничество стало одним из важнейших способов межэтнического культурного обмена. Возвращаясь домой, отходники приносили с собой широкие взгляды на жизнь, новые трудовые навыки, городскую одежду, знание другого языка, прежде всего русского, и многое другое.

Важную роль в усилении межэтнического взаимодействия сыграли и продолжают играть города, особенно современные столицы республик – Уфа (Башкирия), Йошкар-Ола, в прошлом Царевококшайск (Марийская Республика), Чебоксары (Чувашия), Саранск (Мордовия) и Ижевск (Удмуртия). Основанные в XVI – XVII вв. как крепости-форпосты Московского государства, они поначалу формировались как русские поселения. Усложнение их этнического состава, увеличение доли городского населения за счет представителей местных народов – явление XIX в., особенно его второй половины.

Важным показателем интенсивности межэтнических связей стали этнически смешанные браки, число которых в ряде городов Урало-Поволжья достигало в 1970 – 1980-е гг. 20 – 25 % от общего числа заключенных в этот период браков (4,384).

Таким образом, действовал целый ряд факторов, способствовавших межкультурному взаимодействию народов Урало-Поволжья: территориальный (чересполосное расселение); хозяйственно-экономический (производственные и торговые контакты, отхожие промыслы); социокультурный (знание финно-уграми и тюрками русского языка, знакомство с основами христианства) (3,43).

Список литературы

1. Алексеев В.В. *Общественный потенциал истории*. - Екатеринбург, 2004.
2. Данилко Е.С. *Механизмы сохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.07*. - М., 2007.
3. Данилко Е.С. *Указ соч.*
4. *Этнология / Под ред. Миськовой Е.В., Мехедова Н.А., Пименова В.В.* - М., 2005.
5. Ягафова Е. А. *Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье (XVII-начало XX в.). Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.07*. - Самара, 2004.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ТЮМЕНСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ XV - НАЧАЛЕ XVI В.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

На примере событий конца XV века, в том числе и связанных с борьбой за Поволжье и Казанское ханство, просматривается, на наш взгляд, главная тенденция во взаимоотношениях России и Тюменского ханства Шибанидов. Это претензии Русского государства в лице Ивана III и Тюменского ханства и Ногайской Орды в лице Ибак-хана на особое место в системе власти на постзолотоордынском пространстве, а точнее к обретению наибольшего влияния в степях. После разгрома Большой Орды хана Ахмата в 1481 году место такого лидера оставалось практически вакантным, чем спешили воспользоваться оба претендента. Причем если кочевники стремились военным путем добиться желаемого, то Российское государство предпочитало путь дипломатической борьбы.

По мнению исследователей, претензии Ибак-хана не ограничивались престолом Большой Орды, он хотел собрать под своей властью все бывшие земли Золотой Орды (5, 51). Для достижения этих целей Ибак-хан при поддержке Ногайской Орды предпринимает поход против Ахмата, который заканчивается его гибелью, разгромом столицы и окрестностей. Эти события в дальнейшем Ибак-хан описывает в грамотах к Ивану III как взятие Саинского стула, что трактуется исследователями как воцарение на золотоордынском престоле (2, 109; 7, 59).

Отчасти возможно для этой же цели Ибак-хан перевел ордабазар хана Ахмата в Сибирь. В летописях существуют разночтения по поводу судьбы ордабазара. Так, например, в Архангелогородском летописце сообщается о том, что ногаями и тюменскими татарами были разграблены земли Ахмата, но Ибак-хан «..ордабазар с собою поведе в Тюмень не грабя..» (17, 95). А по версии Вологодско-пермской летописи Ибак-хан «..и Орду роспустоши, и базар разграби..» (3, 274). Если говорить о значении ордабазара для кочевого общества, то это большие группы торговцев, ремесленников и прочих представителей средневековой «сферы обслуживания» вместе со своими семьями, прислужниками, юртами, всем своим хозяйством. Таким образом, переведа ордабазар Ахмата, Ибак-хан стремился не только улучшить общее благосостояние Чимги-Туры, но и возможно претендовал на ее статус в качестве столицы Большой Орды. Маловероятно, что бы Ибак-хан, понимая все это, дал бы разграбить столь ценный трофей, что стремятся подчеркнуть некоторые русские летописи.

Несмотря на эти действия, в памятниках дипломатической переписки не замечается какого-то особого статуса Ибак-хана со стороны России, которая занимала выжидательную позицию и не стремилась связать себя обязательствами с подобным союзником. Внимание тюменского хана и Ногайской Орды переносится на Казань, которая в какой-то мере приняла на себя статус столицы Золотой Орды, и, кроме того, была одним из главных торговых и мусульманских центров в регионе. Но, несмотря на поддержку казанской знати и многочисленные походы, как при Ибак-хане, так и при его наследниках, контроля над ханством Шибанидам получить не удалось. Не принесли результатов и походы на Астрахань против наследников хана Ахмата.

К причинам неудач Ибак-хана можно отнести несколько факторов, и один из главных – зависимость его политики от планов и расположения ногайских биев и мурз, особенно учитывая, что в это время Ногайская Орда была главной военной силой в степях. Это объяснялось незначительностью собственных войск у Тюмени. Периоды деятельности Ибак-хана совпадают со временем его нахождения на престоле Ногайской Орды, что позволяло ему использовать ногайскую конницу для достижения своих целей. Но с другой стороны это правило действовало, только если интересы ногаев и тюменских ханов совпадали, иначе ногаи могли сменить хана. Без ногайской поддержки Шибаниды, например Мамук и Агалак, терпели поражение.

Вторым не менее важным фактором было то, что за наследие Золотой Орды, помимо тюменских ханов и ногаев, а также Крымского ханства, боролись и другие претенденты, в частности Русское государство (13, 317), хотя перед лицом общего врага все они могли выступить единым фронтом, к примеру, на этапе подготовки похода против наследников хана Ахмата в 1491-92 гг., когда это предприятие одобрили и Крым, и Москва. При исчезновении этого врага или несовпадении интересов союз быстро распадался, как это случилось после окончательного разгрома Большой Орды, когда были прекращены союзнические отношения между Москвой и Крымским ханством (9, 156).

На наш взгляд, для России участие в этой борьбе было скорее вынужденной мерой. Окруженному кочевыми государствами, в целях безопасности ему было просто необходимо найти свое место в этой системе кочевого мира, а по возможности занять в нем лидирующее положение. Исследователями уже неоднократно отмечались заимствования русскими кочевых порядков в системе власти в виде самодержавного типа правления и бюрократических, а также правовых атрибутов – использование шертных и тарханских грамот, имеющих связь с ханскими ярлыками, в отношениях с населением бывшей Золотой Орды и ее наследниками (13, 317-318). Обращение в грамотах, особенно к нижестоящим, по мнению Москвы, партнерам по переписке, также носит на себе отпечаток традиций ордынских ярлыков и стремление подчеркнуть свое вышестоящее положение по отношению к адресату: «великого князя Ивана Мусе мырзе слово наше...» (12, 45; 13, 317), хотя мурза ногаев был по статусу равен великому московскому князю. Причем, по мнению исследователей, «московское правительство заимствовало не идеологию, но технологию власти» Золотой Орды и использовало ее в основном именно на восточном направлении внешней политики России (15, 78).

Другой формой отношений с враждебными народами, в том числе и кочевыми, была система пожалований, которая заключалась в том, что бывший владелец завоеванной земли жаловался ею по велению великого князя, таким образом, становясь ему обязанным. Эта форма применялась во время завоевания северо-западной Сибири в отношении угорских князей (11, 38). Как вариант ее использования – практика назначения ханов (Мухаммад-Амин, Абдул-Литиф) в Казань с подачи Москвы. Уже одно это говорит о престиже, который имело Русское государство в кочевом мире, так как назначать великий князь должен был представитель династии – Чингизидов, потомков Великого хана. Зависимость таких правителей от Москвы неоднократно подчеркивал в своих грамотах к ногаям и тюменским ханам Иван III, называя Мухаммада-Амина не только своим братом, приравнивая статус князя и хана, но и сыном, тем самым, ставя себя выше (12, 22). Интересно, что в грамотах, непосредственно адресованных к казанскому хану, Иван III велича-

ет его только братом, желая произвести впечатление только на соседних номадов. С этой же целью на Русь приглашались различные Чингизиды с обещанием предоставить им землю, так же обходились и с пленными (хан Алегам, царевич Аккурт, позже Кучумовичи). Причем при русском дворе они практически всегда занимали высокие посты и должности, подчас по положению выше родовитых бояр (10, 207). Даже при взятии Казани в 1552 году Чингизиды командовали русскими войсками, причем в летописях они перечисляются раньше русских воевод (8, 69-70).

На наш взгляд, одной из причин такого положения был протекторат России над Казанью, которая имела большое значение для кочевого мира. Причем в XVI веке, уже после завоевания Казани, в публицистике и в посольских документах четко прослеживалась мысль, схожая с последующими высказываниями о Сибири, о том, что Казань была взята еще в 1487 году и «исстари наш юрт. А взял его дед наш саблею», поэтому Москва считала себя вправе ставить там ханов (1, 88; 6, 66). Иные же кандидаты на казанский трон, в частности тюменские Шибаниды, считались изменниками: «а после того на тот юрт казанских людей изменою многие цари и царевичи приходили» (6, 66).

Протекторат над Казанью давал большие возможности и в проведении Москвой жесткой политики по отношению к окружающим государствам. С этой целью Москва использовала и традиционную практику брачных союзов между кочевыми династиями. Так, по поводу свадьбы между казанским домом и ногаями, на которую Мухаммад-Амин просил разрешения у Ивана III, великий князь отвечал, что для того, чтобы добиться от ногаев выполнения условий, поставленных в 1489 году «без моего бы ведома своей сестры не давал» (14, 87). Впоследствии, дав согласие на брак, Иван III писал, что «наша мысль то, чтобы тебе наперед... у Мусы мырзы взятии за себя его дочь; да опосля бы тебе... дати за Алач мырзу своя сестра» (14, 96).

Нет сомнения, что Чингизиды вполне понимали эту ситуацию, но, тем не менее, соглашались на покровительство и даже сами настойчиво пытались выпрашивать себе улусы, как тюменский царевич Аккурт. Это объяснялось тем, что они осознавали, что Москва реально не могла полностью контролировать своих «подопечных», так как в случае бунта с трудом могла противостоять военной силе кочевников, что подтверждается нападением московского ставленника Мухаммада-Амина на русские города в начале XVI века, и таким образом, они имели возможность освободиться от протектората Москвы. Условную модель подобных взаимоотношений описывает Хазанов, когда говорит о том, что недостаточно сильное государство в своих отношениях с беспокойным и непокорным кочевым соседом искало выход в инкорпорации кочевой аристократии в состав правящего слоя общества, подкупая ее титулами и земельными наделами (18, 342).

В заключение нужно отметить, что в отличие от кочевников, Россия боролась за свой статус и в Европе, причем, если по отношению к европейским странам Россия стремилась выступать с концепцией Москва – «Третий Рим», наследница византийских традиций, то с кочевыми государствами она общалась с позиции претендента на золотоордынское наследство. Эта двойственность, по мнению исследователей, проявлялась и в символе верховной власти – шапке Мономаха, которая символизировала связь восточного и западного направления российской политики; и впоследствии в принятии царского титула, который приравнивал московских правителей к ханам кочевого мира (16, 97, 110; 19, 492; 4, 147).

Список источников и литературы

1. Алишев С.Х. *Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVII вв.* - Казань, 1995.
2. Бояршинова З.Я. *Население Западной Сибири до начала русской колонизации.* - Томск, 1960.
3. Вологодское-Пермская летопись. ПСРЛ. - Т. 26. - М.-Л., 1959.
4. Горский А.А. «Всею еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. - М., 2001.
5. Зайцев И.В. *Астраханское ханство.* - М., 2004.
6. *Источники по истории Татарстана (XVI – XVIII вв.).* - Казань, 1993.
7. Исхаков Д.М. *Введение в историю Сибирского ханства.* - Казань, 2006.
8. Кожин В.В. *История Руси и русского слова.* - М., 2001.
9. Некрасов А.М. *Россия и Крым: к модели взаимоотношений России с мусульманским миром //Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Тезисы докладов.* - Кн. 1. - Москва-Иркутск-Тэгу, 1997.
10. Нестеров А.Г. *Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы.* - Тобольск-Омск, 2002.
11. Нягань. *Город на историческом фоне Нижнего Приобья.* - Екатеринбург, 1995.
12. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг.* - Махачкала, 1995.
13. Почкаев Р.Ю. *Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник - 2005: Тюркские народы России и Великой степи.* - СПб., 2006.
14. *Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордями и с Турцией. -Т.1.* - СПб., 1884.
15. Трепавлов В.В. «Белый царь». *Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв.* - М., 2007.
16. Успенский Б. *Этюды о русской истории.* - СПб., 2002.
17. *Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. ПСРЛ.* - Т. 37. - Л., 1982.
18. Хазанов А.М. *Кочевники и внешний мир.* - Алматы, 2002.
19. *Gammer M. Russia and the Eurasian Steppe Nomads: an overview // Mongols, Turks and Others Eurasian Nomads and the Sedentary World / ed. by Reuren Amitai and Michal Biran. Brill, Lteden, Boston, 2005.*

Я.Г. Солодкин

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

«ВЗЯТИЕ» СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА (ГЛАЗАМИ РУССКИХ КНИЖНИКОВ КОНЦА XVI – XVII В.)

Как давно отмечалось, во многих рукописях объединены повести о присоединении к России Казанского, Астраханского и Сибирского ханств (8, 469, 474 – 477; 9, 49 – 50. Примеч. 12; 1, 10). В одном из таких сборников Есиповская летопись Титовского вида даже завершается фразой «Конец взятиям Казанскому, Астраханскому и Сибирскому» (24, 90). Уже в послесловии к Триоди Цветной 1591 г. земли трех «агарянских юртов», включенные за последние десятилетия в состав Московского государства, названы «новопросвещенными». О даровании России Богом Казани, Астрахани и Сибири заявляли русские дипломаты при царях Борисе и Василии. Про «поручение» «Господом» «Сибирской страны» «освятованному» самодержцу Федору читаем в одном кратком летописце столичного происхождения (19, 46; 29, 117, 277; 31, 231). По свидетельству Дж. Горсея, Иван IV присоединил к Рос-

сии все течение Волги и Сибирь, а в годы царствования его «блаженного» наследника завоевания в бывших владениях Кучума продолжались. (М. А. Алпатов, следовательно, допустил неточность, полагая, будто английский предприниматель и дипломат изобразил Грозного покорителем всей Сибири) (10, 90, 91, 106, 147; 2, 293). О подчинении названных татарских ханств «страшным» «в победах» Иваном IV сказано и в «Утвержденной грамоте» об избрании на престол Михаила Федоровича, и в одной из заключительных статей Хронографа редакции 1616/17 г. (28, 1275; 13, 493). (Русские книжники писали об этом и в конце XVII в., см.: 21, 173; 3, 396).

Устойчивую триаду (по выражению Е. В. Пчелова) Казань, Астрахань и Сибирь составляли и в царском титуле, начиная с 1599 г. (10, 133; 13, 494, 502; 17, 170; 16, 184 – 185; ср. 15; 12, 16 – 20; ср. 11, 185; 32, 206), что может считаться результатом окончательного поражения Кучума в августе предыдущего года. Оно стало в восприятии современников важным этапом установления власти московского государя над Сибирью, т. е. титул весьма оперативно «реагировал» на присоединение к России раскнинувшихся за «Камнем» «землиц» (26, 124, 125, 130, 134).

Согласно «Повести о честном житии» Федора Ивановича, написанной патриархом Иовом, Грозный овладел Казанью и покорил «нечестивых болгар»; когда с воцарением его преемника они восстали, русским удалось подчинить не только «Болгарскую область», «но и Сибирскую страну всю» (22, 4). Таким образом, «взятие» «Кучумова юрта» представлено «смирненным Иевом» результатом подавления мятежа в Казанском крае. Тем самым распространение власти московского самодержца на «Сибирскую землю» осмысливалось в русле явленной общерусского масштаба.

Примечательно, что во многих летописцах конца XVI – XVII в. говорится о «взятиях» при Иване IV Казани и Сибири, а про завоевание тогда Астраханского «царства» умалчивается (20, 41, 42; 14, 79; 15, 235 – 236, 240, и др.).

Новый летописец (далее – НЛ) – «самое обширное повествование о событиях в России конца XVI – первой трети XVII в.» (18, 229) – открывается статьей о разгроме «юрта» Кучума «дружиной» Ермака, ибо, как был убежден А. А. Преображенский, книжник, близкий к патриарху Филарету, хотел показать, что включение Сибири в состав России – это продолжение побед над Казанью и Астраханью. Видному историку думалось, что «для представителя новой династии требовалось нечто неожиданное, отвечающее величию державы, ее расширению», почему «Сибирский вопрос» и поставлен «во главу угла» НЛ (25, 83). Такая мысль кажется нам явно произвольной. О «взятии» Грозным Казанского «царства» летописец вспоминает лишь потому, что спустя 31 год там вспыхнуло антирусское восстание. Примечательно, что если, согласно НЛ, Казань была покорена Иваном Васильевичем, то «царство, рекомое Сибирское», очутилось «под рукой» Московского государства благодаря казакам; они «Божиим изволением взяша» это «царство», там «Ермак сяде» и отправил сеунчиков на Русь (22, 33, 34; ср. 15, 240; 23, 195). В НЛ умалчивается об «Астраханском взятии», хотя о событиях в Астрахани идет речь вслед за двумя первыми («сибирскими») статьями патриаршего летописца (22, 37, 39 – 40; ср. 15, 240).

В представлении В. Г. Вовиной описание «Ермакова взятия» ханства Кучума послужило «эффектным началом» НЛ, призванным доказать, что укрепление Российского государства при Грозном и Романовых – единый процесс, которого не смогли нарушить «смуты» времени «преблагенного» Федора. Последнего, с точки зрения В. Г. Вовиной, официальный летописец не старался изоб-

разить предшественником новой династии. Вместе с тем исследовательница думает, что создатель НЛ пытался связать появившийся в 1613 г. царский «корень» с преемством, утвердить их преемственность; недаром анонимный летописец продолжал старые своды (4, 61, 69; 6, 36). Позднее В. Г. Вовина-Лебедева нашла, что у создателя первых статей НЛ, переделавшего «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» (далее – КО), не было каких-то политических целей. По замечаниям самой исследовательницы, казаки, «взявшие» «за саблю» «царство» Кучума, названы в НЛ волками и ворами (4, 69; 5, 127; 7, 251, 253), а в 3-й его статье говорится о «черемисской войне» кануна смерти Ивана Васильевича. Этот мятеж, с которым удалось покончить уже при «святоцаре» Федоре, разумеется, не служит показателем упрочения государственности во времена «яростиваго» самодержца.

Недавно В. Г. Вовина-Лебедева рассудила, что о конце царствования Грозного создатель НЛ поведал лишь из-за наличия у него сочинения о Сибири (по мысли исследовательницы, скорее всего протографа КО), задача же автора заключалась в том, чтобы «описать приход к власти новой династии», почему вначале говорится о времени Федора Ивановича, которому Романовы доводились свойственниками (7, 379; ср. 115). Но в 3 – 5-й статьях НЛ, что отмечалось и В. Г. Вовиной-Лебедевой, речь идет о «черемисской войне», знамени, предвещавшем смерть Ивана IV, и его кончине. Автор даже «начна писати с 92 году», т. е. эта дата приводится в статье «О войне Казанской и о походе боярь и воеводъ в Казань» (22, 33, 34). Большинство же статей НЛ посвящено царствованию Бориса Годунова и перипетиям длительной Смуты.

Хотя в НЛ с именем «прекроткого» Федора Ивановича связывается начало градостроительства в Сибири (27, 92), то, что оно возобновилось при Михаиле Федоровиче (объявлявшем себя племянником «просиявшего от поста» венценосца), точнее, в 1618 г., в официальном летописце конца патриаршества Филарета не сказано. Там лишь глухо отмечено, что в «Сибирском царстве» вслед за Тобольском, сделавшимся «стольным», «поставлены» многие города. О Сибири мимоходом говорится в ряде статей «Книги, глаголемой Новый летописец» (кроме двух первых) (30, 102 – 111), и ее автор, видимо, счел нужным показать, как эта «земля» попала под власть московских государей. Однако, в отличие от многих современников, «писатель», близкий к Филарету и его царственному сыну, «Сибирское взятие» не ставит в ряд с переходом под власть русских самодержцев татарских «юртов» в Поволжье.

Список источников и литературы

1. Алексеев В.Н. О жанровой специфике ремезовской «Истории Сибирской» (Текст и иллюстрации)// Книга и литература. - Новосибирск, 1997.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII вв. - М., 1973.
3. Богданов А.П. «Хронографец» Боголепа Адамова// ТОДРЛ. - Л., 1988. - Т. 41.
4. Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца// Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. - Новосибирск, 1987.
5. Вовина В.Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания// Отечественная история. - 1992. - № 5.
6. Вовина В.Г. Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. - М., 1990. - Ч. 1.
7. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. - СПб., 2004.
8. Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повес-

- тей о походе Ермака// Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). - М.; Л., 1957. - Т. 13.
9. Дергачева-Скол Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У. Ремезова// Вопросы русской и советской литературы Сибири. - Новосибирск, 1971.
  10. Джером Горсей. Записки о России: XVI – начало XVII в. - М., 1990.
  11. Каштанов С.М. О титуле московских государей в XVI – XVIII вв.// Россия в IX – XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. - М., 1999.
  12. Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI – XVII вв.// Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI – XX вв. - Новосибирск, 2006.
  13. Козляков В. Смута в России: XVII век. - М., 2007.
  14. Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в.// Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. - Л., 1972.
  15. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в.// Летописи и хроники: 1980 г. - М., 1981.
  16. Лаврентьев А.В. Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604 – 1606 гг. - СПб., 2001.
  17. Любименко И. История торговых сношений России с Англией. - Юрьев, 1912. - Вып. 1.
  18. Назаров В.Д. Что мы празднуем 4 ноября?// Мининские чтения: Тр. науч. конф. - Нижний Новгород, 2007.
  19. Новосадский И.В. Возникновение книгопечатания в России в XVI в.// Иван Федоров первопечатник. - М.; Л., 1935.
  20. Островских П. Мангазейская книга// Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Рус. Географ. Общества. - Красноярск, 1903. - Т. 1. - Вып. 5.
  21. Памятники общественно-политической мысли России конца XVII века: Литературные панегирики. - М., 1983.
  22. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1965. Т. 14.
  23. ПСРЛ. - М., 1978. - Т. 34.
  24. ПСРЛ. - М., 1987. - Т. 36.
  25. Преображенский А.А. «Веков связующая нить ...»: Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.). - М., 2002.
  26. Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования// Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Международ. науч. конф. - М., 2008. - Ч. 1.
  27. Резун Д.Я. У истоков историографии сибирского города XVII в.// Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. - 1975. - № 1. - Вып. 1.
  28. Русская Историческая Библиотека. - СПб., 1909. - Т. 13.
  29. Сб. имп. Рус. Ист. Общества. - М., 1912. - Т. 137.
  30. Солодкин Я.Г. К вопросу о «сибирских» статьях Нового летописца// Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та. 2003. - Вып. 15. - Ч. 1.
  31. Тихомиров М.Н. Русское летописание. - М., 1979.
  32. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. - М.; СПб., 2006.

В.В. Пестерев
Курганский государственный
университет, г. Курган

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ УРАЛА)

Насколько можно судить по дошедшим до нас письменным источникам (см., напр., жалованную грамоту Ивана IV промышленникам Строгановым на земли по Тоболу), территории, расположенные за «Камнем» (Уральскими горами), уже изначально рассматривались русскими властями как потенциально богатые рудными месторождениями (железо, медь, олово, свинец). Труд-

но сказать, на чем основывалось убеждение властей о наличии здесь упомянутых ископаемых. Оно могло проистекать как из слухов, бытовавших на Руси, о так называемых «чудских» металлических изделиях, так и быть следствием стереотипного представления об общераспространенности, или, по крайней мере, частой встречаемости рудных месторождений. В любом случае, первые колонисты имели какие-то не вполне понятные нам сегодня основания для надежды на нахождение в этих местах указанных ископаемых.

В то же время огромные рудные богатства Урала не были востребованы вплоть до XVIII столетия. И это на фоне неоднократных попыток в течение XVII века найти железную руду в равнинном Зауралье, в местах, далеких от будущих горных разработок.

Игнорирование уральских рудных богатств объясняется обычно отсутствием потребности в высококачественном железе, каковая якобы возникла только в результате новых промышленных нужд петровской эпохи, в частности, при вступлении России в войну со Швецией, т.е. с конца XVII столетия. Однако факт весьма настойчивых поисков железной руды в Зауралье на всем протяжении XVII века говорит об обратном.

Позднее обнаружение горных богатств Урала часто объясняется также его более поздним заселением. Но, несмотря на кажущуюся логичность этого объяснения, следует понимать, что корреляция мест присвоения ресурса с местами размещения населения весьма относительна (достаточно вспомнить промысловое освоение). Более того, сама организация населения на той или иной территории зависит от имеющейся информации о наличии здесь тех или иных ресурсов. Это позволяет сделать следующий предположение: становление горнозаводского Урала только в XVIII столетии во многом объясняется тем, что данный район вплоть до конца предыдущего XVII века был в этом плане информационно пуст, «прозрачен». Не исходила из этого района информация, которая бы могла инициировать его горнопромышленное освоение.

В этой связи интересен анализ обозначений данной территории. До XVIII столетия Урала как пространственно-содержательного понятия не существовало. Бытовало наименование *Камень*, обозначающее границу (абстрактный разграничитель) между метрополией и колонией, что лишней раз показывает отсутствие у него сколько-нибудь протяженного (пространственного) содержания. И лишь в XVIII столетии данная территория, уже под именем *Урал*, заявляет о себе как о протяженном и информационно наполненном образовании. Иными словами, именно рубеж XVII–XVIII вв. явился временем действительного открытия Урала, когда пространство, казавшееся до того времени качественно однородным, стало вдруг резко дифференцированным.

Причины возникновения такой пространственной метаморфозы требуют своего объяснения. Сколь настойчивые, столь и бесплодные попытки найти рудные выходы промышленного значения в течении XVII столетия предпринимались в Тобольском, Тюменском, Туринском уездах. Кажущийся странным выбор мест этих поисков перестает быть таковым если учесть, что социальный организм как информационно-зависимая система ищет искомого не там, где оно есть, а там, где надеется его найти. Устойчивый информационный образ (стереотип) относительно взаимосвязи гористой местности и рудных месторождений в это время еще не сложился или был слаб. Если учесть, что в европейской части Русского государства железо извлекали по преимуществу из дерновых и болотных руд, а встречались они практически повсеместно, то поиск руды в равнинном Зауралье был вполне ожидаем.

Лишь к середине XVIII столетия старый стереотип уступил место новому (накрепко связавшему представление о возможном наличии залежей руды с горным ландшафтом), актуальному и в наше время.

И.В. Каменских
Пермский государственный
университет, Пермский краевой
колледж искусств и культуры, г. Пермь

БУЙСКИЕ УДМУРТЫ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Удмурты – один из древних коренных народов Приуралья. Они относятся к финно-угорским народам, удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Основная часть удмуртов сосредоточена в Республике Удмуртия, за ее пределами они компактно проживают также в Республиках Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, в Кировской, Свердловской областях и Пермском крае.

В данной статье внимание хотелось бы уделить одной из этнических групп удмуртов, которая проживает на территории Пермского края. Эту группу удмуртов в научной литературе принято называть кудинскими, или буйскими, удмуртами. Их главная особенность в том, что они, в силу исторических обстоятельств, избежали христианизации и сохранили национальные языческие верования. Компактно они проживают в Кудинском районе Пермского края.

Переселение удмуртов в Прикамье началось в конце XVI века. Главной причиной было распространение православного христианства. Среди других причин следует отметить постепенное распространение крепостного права, а позднее – рекрутской повинности.

Значительная часть удмуртов, осевших в Южном Прикамье, обосновалась в верховьях р. Буй. Впервые деревни удмуртов по р. Буй упоминаются в письменных источниках первой половины XVII в. В 1673 г. существовали удмуртские деревни Гондырь, Кирга, Барабан (1, л. 171). Первоначально удмурты жили на башкирской земле в качестве припущенников и платили, кроме мехового ясака в казну, оброк за землю башкирам. Несмотря на это, башкиры не раз нападали на удмуртские деревни и разоряли их. В 1737 г. императрица Анна Иоанновна пожаловала удмуртам земли по р. Буй в вечное и безобочное пользование (1, л. 54 об, 170 об, 171 об).

Этническая культура удмуртов Прикамья развивалась в условиях иноэтнического окружения. Буйские удмурты как обособленная этническая группа сформировалась за пределами своей основной этнической территории – Камско-Вятского междуречья, во взаимодействии с этнокультурной средой башкир и русских, что и определило их культурно-бытовые особенности (см. подробнее: 3, 4, 6). В результате изолированного проживания в Южном Прикамье у них сформировался своеобразный диалект удмуртского языка. Отличия прослеживаются и в быту, хозяйстве, обычаях и обрядах. Жители здешних деревень скажут вам, что их костюм не похож на костюм других удмуртов. Все это и позволяет говорить об удмуртах как об обособленной этнической группе. Длительные контакты с марийцами, русскими, башкирами, татарами привели к заимствованию элементов культуры соседних народов.

Удмурты Кудинского района, как и многие периферийные группы удмуртов, избежали христианизации и сохранили язычество как основу религиозно-мифологичес-

кой картины мира. Верховным богом пермские удмурты считают Инмара. Инмар, по представлению удмуртов, живет на солнце, он сотворил небо и землю, разные народы. Перед началом любого дела надо было обращаться к Инмару с просьбами. Помощники Инмара – Кылчин (Божий Ангел) и Му Кылчин (Ангел земли), которому во время посева дарят яйцо и просят, чтобы был хороший урожай. Знают и почитают удмурты богинь-праматерей. Во время сильного дождя удмурты просят мать солнца Шунды-мумы, чтобы солнце вышло и осветило мир. Олицетворением злых сил были божества шайтан и керемет. Особенно почитаемы удмуртами духи природы – водяной ву кузё, хозяин леса нулес кузё, а также духи-хозяева жилых и хозяйственных построек: домового корка кузё, хозяин бани минчо кузё и т.д. (3, 217)

Каждый бог требовал к себе особого отношения и принесения жертв. Инмару обычно жертвовали жеребенка, Кылчину – белого гуся, Му Кылчину – черного барана. В других случаях божествам жертвовали каравай хлеба, монеты. Водяному, например, чтобы он весной не топил в своих водах людей и скот, бросали в реку кости и шкуру жертвенного быка.

Приношение жертв приходилось на время больших молений. На моление собирались жители всей деревни или нескольких деревень. Все моления и прошения к богам совершались в особых местах. Семейные моления проходили в ограде усадьбы или в святилище куала. Здесь обращались к богам во время свадьбы, проводов в солдаты, рождения ребенка. Деревенские моления проходили в священных рощах, в полях, по берегам рек. В полях совершали моления весной, когда просили богов о хорошем урожае. Но большую часть молений проводили в рощах и по берегам рек, среди деревьев (9, 6).

Обращение к богам в разных ситуациях мог совершать каждый человек. Во время семейных молений и прошений жрецом становился глава семьи или рода. Если моление проводилось всей деревней, жреца выбирали на сельском сходе. Жрецом мог стать любой уважаемый и почитаемый старейшина деревни, знающий ритуал и умеющий обращаться к богам с молитвами-прошениями.

Одной из составляющих традиционного мировоззрения удмуртов, как и других народов, являются представления о природных явлениях. Значительное место в этих представлениях занимают приметы и поверья, связанные с луной и солнцем.

Куединские удмурты, наблюдая за солнцем, особенно в период восхода и заката, определяли не только погодные условия, но и благополучие повседневных дел. Безоблачный закат предвещал ясную погоду на следующий день и успех в делах. С солнцем связаны и многочисленные поверья и запреты. Например, после заката запрещали работать топором, брать воду из ключа и реки. Последний запрет объясняли тем, что «когда солнце сидит – вода спит, и нельзя ее трогать» (2).

Наблюдения за месяцем занимали более важное место, чем наблюдения за солнцем, например, в определении продолжительности и характера осадков: «Если луна красивая и круглая – погода будет ясной. Если луна большая и красная – к несчастью – бурану или дождю». По расположению лунного серпа в период новолуния определяли погоду на предстоящий календарный месяц (7, 155).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать ряд обобщающих выводов. В результате миграций удмуртского населения в середине XVI века, на территории Прикамья поселилась группа удмуртов. Компактность проживания и удаленность от «центра» позволили им сохранить свои традиционные самобыт-

ные верования, в отличие от основной части удмуртов Поволжья, подвергшихся христианизации. Материалы полевых экспедиций показывают, что куединские удмурты по сей день сохраняют свои традиции. По данным последней переписи, на сегодняшний день на территории Куединского района Пермского края проживает более пяти тысяч удмуртов-язычников.

Список источников и литературы

1. ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1944.
2. Моллахматова Ч., 1934 г.р., д. Гожан, Куединский район (материалы полевых записей).
3. Чагин Г.Н., Черных А.В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX – XX вв. - Пермь, 2002.
4. Черных А.В. Буйские удмурты. - Пермь, 1996. - С. 15.
5. Черных А.В. Межэтнические взаимоотношения в Южном Прикамье (на примере календарной обрядности куединских удмуртов) // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. - Пермь, 1995. - С. 165 – 167.
6. Черных А.В. Миссионерство среди народов Прикамья // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: Материалы международной научно-практической конференции. - Пермь, 1997. - Т.1. - С. 83 – 91.
7. Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. - Пермь, 2007.
8. Черных А.В. Этнический состав населения и особенности расселения в Южном Прикамье в XVI – первой четверти XX в. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. - М., 1998. - С. 39 – 113.
9. Яковлев И.В. Из жизни пермских вотяков Гондырского края // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. - Казань, 1903. Т. - Вып. 3-4. - С. 1-15.

Н.В. Андреева

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ

Оренбургский край начал активно заселяться с 30-х годов XVIII века, когда Малый Казахский жуз принимал российское подданство и царское правительство организовывало специальную экспедицию для строительства города Оренбурга во главе с И.К. Кириловым.

Первая крупная волна переселений была связана с созданием Оренбургского казачьего войска для защиты Оренбурга от нападений степняков, основу которого составили переведенные в 1743-1744 гг. в Оренбург и Бердскую пригородную слободу 550 городских казаков и дворян из Уфы, Самары, пригорода Алексеевска. Одновременно, по ходатайству губернатора И.И.Неплюева, «высочайшим» указом от 27 июля 1744 г. в оренбургские казаки были зачислены все пришельцы, сходцы, беглые, самовольно поселившиеся в новопостроенных крепостях по линии. По переписи 1741 г. их насчитывалось 5 154 человека (4, 45).

В ведении Оренбургской губернской администрации находилось и Яицкое казачье войско. В отличие от Оренбургского, созданного по инициативе правительства, оно возникло стихийно, в результате притока беглых крестьян.

Кроме того, обширные земли нового края активно осваивали помещики. Если в 60-е годы XVIII века в Оренбургской губернии насчитывалось 265 помещиков и 18 тыс. крепостных крестьян, то в конце XVIII века численность помещиков возросла до 546, а крепостных крестьян – до 34 143 душ мужского пола. Произошло это в результате подавления крестьянской войны 1773-75 гг., когда

царизм вынужден был укреплять позиции дворянства и помещичьего землевладения в «крамольном» крае (5, 37).

Для Оренбургского края был характерен захватный метод приобретения земли дворянами и заводчиками. Начиная с 1750-х гг., помещики и горнозаводчики стали в больших размерах скупать за бесценок, присваивать путем долгосрочной аренды или просто обманом богатейшие земли и леса края.

Хищнический характер дворянской колонизации отмечали многие современники. Так, в 1859г. П.Чоглов писал на страницах местной газеты о том, что «окупаторы новых земель» открыто расхищали земельные богатства «Оренбургской Украины». «Нередко, - отмечал он, - за ведро вина, фунт чаю, красный малахай приобретали целые 1000 десятин» (10, 3).

В ходе заселения Оренбургского края развивалось земледелие. Развитию хлебопашества благоприятствовало обилие плодородных земель; потребность в товарном хлебе возросла в связи с развитием горнозаводской промышленности, расположением большого количества регулярных войск, ростом областных городов, увеличивающимся вывозом хлеба в Казахстан.

Многие современники выдвигали задачу значительного расширения хлебопашества за счет привлечения в край крестьян – переселенцев, развития земледельческих занятий у местного населения.

Ведущую роль в земледельческом освоении края играло пришлое крестьянское население: русские, татары, чуваша, мордва и др. Они приносили с собой веками складывавшуюся культуру земледелия, агротехнические навыки и приемы. Своим упорным трудом они поднимали целину, расширяли пахотные земли, способствовали переходу башкир от полукочевого хозяйства к земледелию и в конечном итоге превращению края в район крупного производства хлеба.

Стремясь к росту численности населения в отдаленной оренбургской окраине, царские власти помимо переселений практиковали высылку разного рода «неблагонадежных», осужденных преступников, прощтрафившихся чиновников, военных и других. Сюда попадали люди за «худое поведение», составление «непозволительных прошений», жалоб, за «возмущение» помещичьих крестьян, по многим другим поводам и обвинениям.

Царские власти рассматривали ссылку не только как меру пресечения крамолы и вольнодумства, но и как средство пополнения дешевой рабочей силой и солдатами гарнизонов этого еще мало заселенного края. Ссылки направлялись на строительство городов и крепостей, на заводы и промыслы, а также зачислялись в состав местных казачьих войск. Так, возникший в 50-е годы XVIII века Илецкий соляной промысел использовал почти исключительно труд ссыльных (6, 80).

До конца XVIII века среди лиц, высылаемых в Оренбургский край, политических ссыльных было немного, но в первой половине XIX века политическая ссылка приобрела широкий масштаб. Объясняется это тем, что в ответ на подъем народного и освободительного движения соответственно возросла и карательная деятельность царской администрации по пресечению «вольнодумства», подавлению волнений, восстаний, раскрытию тайных обществ.

Только за десять лет, с 1817 по 1826 годы, в Оренбургскую губернию было выслано более 600 человек. Из них большинство попадало в солдаты рядовыми линейных батальонов Оренбургского корпуса (6, 83).

Новый этап заселения и хозяйственного развития Оренбургского края приходится на первую половину XIX века. В этот период началось активное переселение русских государственных крестьян из центрально-чернозем-

ных и других губерний. Крестьянское переселенческое движение носило характер стихийного, слабо регулируемого властями миграционного процесса. Они сотнями и тысячами устремлялись на восток, в Заволжье, оренбургские степи. Главной причиной, вынуждавшей крестьян покидать родные места, распродавать имущество и отправляться в далекий путь в поисках свободной земли и лучшей доли, было малоземелье, а также возрастающие недоимки.

29 февраля 1800 года правительство было вынуждено опубликовать указ, временно запрещающий переселение крестьян в Оренбургскую губернию, но уже в 1806 году это решение было отменено (7, 99).

После этого поток переселенцев в губернию снова стал нарастать. Это усложняло и затрудняло водворение и землеустройство переселенцев на новых местах. Местные власти своевременно не успевали отводить им участки, и поэтому крестьяне вынуждены были сами подыскивать себе землю, оседать в местах, где уже жили их односельчане, самовольно размещаться на казачьих и помещичьих землях. Все это порождало немало споров и конфликтов.

Переселенческие комиссии и вся местная администрация не в силах были остановить или даже сдержать волну самовольных переселений. Всего, по сведениям Оренбургской казенной палаты, с конца 1820-х по 1832 год включительно переселилось 60 360 душ мужского пола крестьян из 20 разных губерний (7, 100).

Обеспокоенное большим наплывом переселенцев правительство 5 апреля 1833 года снова издало сенатский указ о приостановке переселения государственных крестьян в Оренбургскую губернию. После этого миграция хотя и не прекратилась, но пошла на спад.

Об общей численности государственных крестьян, переселившихся в Оренбургскую губернию в течение первой половины XIX века, косвенно говорят данные ревизий населения. По V ревизии 1795 года в губернии проживало 158 225 душ мужского пола государственных крестьян. По данным IX ревизии в 1850 году их числилось уже 521 505 душ. Увеличение составило 3,3 раза (7, 100).

Следующая волна переселений связана с отменой крепостного права.

Кризис феодально-крепостнической системы проявился и в Оренбургской губернии. Крепостные помещичьи крестьяне (239 тыс. человек) и заводские рабочие (110 тыс. человек) задыхались от малоземелья, бедности и бесправия, земельные наделы зачастую составляли менее 5 десятин на душу мужского пола и едва обеспечивали полуголодное существование. В руках же помещиков и горнозаводчиков находилось 4 795 тыс. десятин земли и лесов (8, 46).

Ситуацию усугубляло массовое переселенческое движение. Как следовало из отчетов Начальника Оренбургской губернии по губернскому и по крестьянским делам присутствию в Министерство Внутренних Дел, через Оренбургскую губернию в большом числе ежегодно следуют переселенцы внутренних губерний в Сибирь и на Амур (1, 13).

Помещики, потеряв безраздельное право на труд крепостных, стали остро испытывать нехватку рабочих рук и поэтому, используя переселенческое движение в своих целях, стали предоставлять свои земли переселенцам на кабальных условиях.

Основными районами, откуда прибывали в Оренбургскую губернию переселенцы, были, как и прежде, центрально-черноземные губернии - Тамбовская, Рязанская, Курская, Орловская, Воронежская, а также губернии Среднего Поволжья, Украины и Среднего Урала (3,33).

Наплыв переселенцев в Оренбуржье усилился в

связи с проведением в 1877 году Самаро-Оренбургской и в 1888-1890 годах Самаро-Златоустовской железных дорог. Южный Урал служил промежуточным этапом на пути переселенцев, следовавших в Сибирь и на Дальний Восток. Но, прожив в дальней и изнурительной дороге последние средства, крестьяне оседали в Оренбургской губернии (9,67).

По мере расширения масштабов переселенческого движения проблема устройства и положения переселенцев становилась все более острой социальной проблемой. Неустроенность, нужды переселенцев, их горестную судьбу широко обсуждали в литературе, прессе. «Оренбургский листок» в 1888 году писал: «Тысячи людей бродят ощупью по Оренбургской и Уфимской губерниям в усердных, но тщетных поисках обетованной свободной земли. Истощив свои скудные средства..., эти люди рады, если им случится наняться в работники...» (9, 67).

Продолжался дальнейший рост численности населения. Если в 1867 году численность населения Оренбургской губернии равнялась 840 704 человекам, то в 1897 году – 1 600 145 человекам, т.е. за тридцать лет увеличилась почти вдвое. Из них переселенцев было достаточно много, только в 1876 году в Оренбургскую губернию переселилось до 334 семейств в составе 2 638 человек обоого пола (2, 14).

Колонизация обуславливалась преимущественно малоземельем и истощением почв тех мест, откуда приехали переселенцы, в то же время Оренбургский край был благоприятен для колонизации с его обширными землями, которые лежали как раз на пути переселенцев, и новыми возможностями, которые они здесь могли получить, начиная новую жизнь на новом месте.

Список источников и литературы

1. ГАОО Ф.6. Оп. 6. Д. 14462. Л. 1-23.
2. ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 14572/5. Л. 1-50.
3. ГАОО Ф. 173. Оп. 4. Д. 6659. Л. 1-240.
4. Зобов Ю.С. Возникновение Оренбургского и Яицкого казачества// *История Оренбуржья/ Под ред. Л.И. Футорянского. - Оренбург, 1996. - С. 45-47.*
5. Зобов Ю.С. Начало заселения// *История Оренбуржья/ Под ред. Л.И. Футорянского. - Оренбург, 1996. - С. 31-44.*
6. Зобов Ю.С. Край политической ссылки// *История Оренбуржья/ Под ред. Л.И. Футорянского. - Оренбург, 1996. - С. 79-86.*
7. Зобов Ю.С. Новые переселенцы// *История Оренбуржья/ Под ред. Л.И. Футорянского. - Оренбург, 1996. - С. 96-107.*
8. *История родного края/ Под ред. Л.И. Футорянского. - Челябинск, 1988. - С. 46-50.*
9. *Новые переселенцы// Любовь и Восток// Москва, 1994. - С. 66-67.*
10. Чоглоков П.// *Оренбургские губернские ведомости. - Оренбург, 1859. - С.4.*

А.С. Жарова

Курганский государственный университет, г. Курган

МИГРАЦИЯ НЕМЦЕВ В СИБИРЬ

Регулярно немцы стали появляться в Сибири в 30-60-е гг. XIX в., когда правительство стало приглашать на службу военных, чиновников, врачей, инженеров из Германии. Но наиболее активное переселение этнических немцев в Сибирь приходится на вторую половину XIX – начало XX в. Оно было обусловлено главным образом общими аграрными процессами, сложившимися в центральной и европейской России, прежде всего малоземельем.

Настоящий взрыв переселенческого движения про-

изошел после 1905 г., во-первых, из-за обострения земельных противоречий в Европейской России, а во-вторых, из-за предоставленных в ходе столыпинской реформы льгот и привилегий для переселенцев – бесплатная земля, снижение железнодорожных тарифов в четыре раза, право продать свои наделы без согласия прежней общины. Масса колонистов бросилась в Сибирь, даже не представляя себе реальных условий жизни в этом крае. В отличие от русских крестьян, немцы встречали трудности переселения не только в дороге, но и на новом месте переселения – деньги кончались, а на новом месте надо было приобретать скот, распахивать целину и строиться. Ввиду этих трудностей колонисты-новоселы прибегали к посторонним заработкам – шли в батраки к местным старожилам или к более состоятельным меннонитам, или шли на работу по строительству железной дороге. Пик переселений в Сибирь и основание новых колоний пришлось на 1907-1911 годов. Затем происходит резкий спад этой активности. Итак, можно сказать, что на рубеже XIX – XX вв. начинается процесс формирования немецкой общины в Сибири.

Причины, подтолкнувшие немецких крестьян-собственников к переселению за Урал, могут быть определены как социальные, экономические и политические. В течение конца XIX – XX вв. общественно-политический фактор оказывал непосредственное влияние на развитие немецкой диаспоры в России. Речь идет в первую очередь об отношении властных структур Российской империи к немецкому национальному меньшинству, проживавшему в сельской местности и городах. Первое наступление на льготы немецких колонистов было сделано в 70-х годах XIX века, когда была реализована серия буржуазно-демократических реформ. Кроме того, были и другие причины, приведшие к миграции немцев:

1. Быстрый рост численности населения в материнских колониях, который привел к уменьшению наделов и как следствие к снижению эффективности хозяйств. Для многих семей реальной стала угроза малоземелья и безземелья.
2. Еще одной причиной миграций стали религиозные гонения. Например, миграция меннонитов произошла вследствие введения в 1874 года в России всеобщей воинской повинности.
3. К миграции приводили и внутренние – аграрные и демографические противоречия в старых колониях.
4. Еще одной причиной миграции в Сибирь была земля, которую в Сибири можно получить в виде надела размером 15 десятин на мужскую душу, а в более крупных размерах купить или арендовать. Бедняки, таким образом, могли уйти от нищеты, а зажиточные колонисты могли рассчитывать на создание крупных частновладельческих хозяйств (3, 195-196).

Потенциальными переселенцами в Сибирь в конце XIX – начале XX в. оказались следующие группы немецких колонистов:

1. Безземельная беднота Юга России, батраки и издольщики, переселившиеся с помощью общины, главным образом на казенные земли.
2. Крестьяне-общинники из немецких деревень Поволжья.
3. Сыновья богатых колонистов, «полных хозяев» или сами хозяева, переселившиеся на купленные земли.
4. Средней руки предприниматели из колонистов, строившие в Сибири мельницы, заводы сельскохозяйственных машин и другие предприятия (4,44).

Процесс формирования немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. во многом проходил в русле общей крестьянской колонизации восточных окраин России. В этот период в Западной Сибири

существовало три основных района немецкой крестьянской колонизации:

1. Акмолинская и Семипалатинская области Степного края.
2. Тарский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии.
3. Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской губернии.

Кроме того, небольшое количество немцев-колонистов проживали в Ишимском уезде Тобольской губернии, Каинском уезде Томской губернии, а также в других районах Западной Сибири. Основная масса колонистов водворялась на переселенческих участках. Это была наиболее доступная, а потому наиболее распространенная форма поселения, дававшая к тому же возможность рассчитывать на помощь государства. Немцы-колонисты, поселившиеся на переселенческих участках, представляли собой наименее зажиточную, а часто беднейшую часть переселенцев.

Один из самых крупных очагов немецкой крестьянской колонизации в Сибири возник в конце XIX века в густых болотистых лесах Тарского уезда Тобольской губернии. Предварительные землеустроительные работы, проводившиеся по распоряжению властей для приема колонистов, задержались, что спровоцировало с 1897 г. так называемую вольную колонизацию. Урманы (болотистые леса) привлекали переселенцев, не имевших официального разрешения на переселение и направившихся в Сибирь самовольно. Таким образом, в районах «вольной колонизации» таежных пространств они получали легальную возможность поселиться в Сибири. Первым немецким поселением в Тарских урманах стал поселок Березовский, основанный в 1897 г. немцами-колонистами из Волынской губернии. Анализируя первый опыт «вольной колонизации» таежных пространств Тарского округа в 1897 г., местные чиновники отмечали как «новое явление – выселение в Тарский округ германских подданных, получивших в 70-х годах оседлость в пределах Волынской губернии; причины их выселения в Сибирь – ходатайства о переходе в русское подданство». Вслед за поселком Березовским, в 1898 г. появились поселки Федоровский, Александровский, Литковский, Вишневецкий; в 1900 г. – Романовский и Скерлинский. Интересно отметить, что землеустроительные работы и официальное образование этих поселков зачастую происходило значительно позднее. Так, например, поселки Березовский, Александровский и Литковский официально были образованы в 1899 г., а поселок Вишневецкий – лишь в 1904 г. Основную массу населения в этих поселках составляли бывшие безземельные немцы, арендаторы помещичьих земель из Новоград-Волынского и Житомирского уездов Волынской губернии. Это были представители первой волны начавшегося в конце XIX в. эмиграционного процесса немцев Волыни, вызванного внутренними социальными противоречиями в колониях. В первоначальный период заселения урманов колонисты не получали необходимой помощи от государства. Лишь после официального открытия колонии в 1899 г. помощь стала оказываться.

Еще одна группа немецких переселенцев возникла в Тарском уезде в годы Столыпинской аграрной реформы. В 1908 г. в Аевской волости немцы основали поселки Романовский, Ново-Романовский, Адамовский. К 1915 г. в Тарском уезде уже существовало 10 немецких переселенческих поселков, в которых проживали 252 семьи (около 1500 человек), имевших в пользовании около 11 тыс. десятин земли. Немецкие колонии, возникшие в Западной Сибири, в большинстве своем существовали достаточно изолированно. Вместе с тем современники не-

однократно отмечали положительное культурное влияние, которое оказывали немецкие колонисты на окружающее население. В своих хозяйствах немцы использовали усовершенствованные орудия труда и сельскохозяйственные машины. Они внедряли прогрессивные способы обработки земли, разводили скот улучшенных пород. Немцам принадлежит немалая заслуга в развитии фермерства в Западной Сибири. Многие немецкие частновладельческие хозяйства признавались образцовыми для своего времени (1, 90-91).

Переселение немцев-колонистов в Сибирь осуществлялось на общих со всеми российскими крестьянами основаниях. Переселенческие законы никоим образом не ограничивали их права. Единственным исключением было мнение Государственного совета, утвержденное императором 15 апреля 1896 г., по которому на министерство внутренних дел возлагалась обязанность принимать зависящие от него меры к тому, «чтобы прибывающие в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского горного округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское переселенцы не русского происхождения были, по возможности, включаемы в состав обществ из переселенцев русского происхождения». На практике же переселение немцев в Сибирь было сопряжено со значительно большим количеством ограничений. Это было следствием бытовавшего в правящих кругах взгляда на то, что переселение немцев-колонистов в Сибирь не соответствует задачам русской колонизации и не должно ущемлять интересы русского крестьянства. Подобная позиция чиновников, во многом определявших переселенческую политику, в конечном итоге, нашла свое отражение в ограничительных циркулярах центральных и местных властей. Мероприятия центральных и сибирских властей по ограничению миграций немецкого населения на восток были следствием усиленно насаждавшейся шовинистическими кругами в России теории «немецкого засилья».

Следует обратить внимание также на факт образования монорелигиозных колоний в Западной Сибири. С одной стороны, это было естественное стремление новоселов жить среди своих земляков, а с другой – переселенческие власти и местные чиновники не могли позволить колонистам роскошь иметь две или три общины и 2-3 церкви в одном поселке. Особую роль играло то обстоятельство, что меннониты принципиально не хотели допускать иноверцев в свои колонии, поскольку принадлежность к меннонитам связывалась в их представлениях с определенными социальными привилегиями (5, 57).

Большинство немецких поселков устраивались и представляли собой группы самостоятельных хуторов, в которых вокруг усадьбы находились все угодья. Существовали подворные поселки. В них в общественном пользовании находились леса, выгон и неустраиваемые свободные земли. Усадьба, пашня, сенокосы были в подворном наследственном владении отдельных хозяев. Немцы-колонисты, поселившиеся в Тарских урманах, явились пионерами в деле внедрения подворной и хуторной (фермерской) форм владения землей не только в Тобольской губернии, но и в Сибири. Русские переселенцы очень неохотно шли на хутора. Из 400 образованных в Тобольской губернии поселков 223 были заняты переселенцами, среди которых преобладали бывшие общинники. В остальных проживали крестьяне, жившие на родине подворно или на хуторах. В своих хозяйствах немцы вводили паровые поля, правильное чередование посевов с введением в севооборот травосеяния. При этом многие не довольствовались трехпольной системой, а вводили шестиполье. Для обработки земли немецкие колонисты, как правило, использовали плуг Шварцгофа с некоторы-

ми модификациями. Немцы были знакомы и с другими машинами: молотилками, веялками, сеялками и т.д. Немецкие поселения оказывали значительное культурное влияние на окружающее население. К тому же когда осенью 1905 г. часть переселенцев стала покидать участки и переходить на другие места, то на их место тут же прибывали другие.

Правительственные чиновники обращали внимание не только на успехи колонистских хозяйств, но и на трудности, с которыми столкнулись переселенцы в Тарских урманах, которые вынуждали их обращаться с просьбой о переселении в другие регионы. Так, в 1903 г. с просьбой о переселении обратились к министру государственных имуществ земледелия крестьяне шести немецких поселков общей численностью около 200 семей. Трудности, с которыми сталкивались немецкие колонисты, можно условно разделить на две группы. Во-первых, это природные явления и непригодность колонистов к природным условиям Сибири, где, как известно, зона рискованного земледелия. Ранние заморозки, дожди и другие погодные явления Сибири просто выводили из строя хозяйство немцев-колонистов. Это можно четко проследить в документах, например, прошение немцев-колонистов Тарского уезда: земля крестьянам была дана в урманах, где требовалось корчевать лес, кроме того, весь посеянный хлеб замерз в результате ранних заморозков. Колонисты смогли собрать только 1/3 часть урожая. Вследствие всего перечисленного они просят перевести их «в теплую местность Сибири». Ко второй категории трудностей относятся отношения с местным, в первую очередь русским населением. Разный уровень образования, различие религий и культурных традиций приводили к постоянным конфликтам с русским населением. Например, об этом в прошении о переселении пишут немцы-колонисты Тюкалинского уезда. По их словам, они терпят постоянные насмешки и издевательство со стороны преобладающего в этом поселке (Воскресенском) православного населения, которое мешает им молиться согласно их вере. Кроме того, немцы отмечают несоответствие способов ведения хозяйства, и сообщают, что их интересы как меньшинства постоянно ущемляются, и они терпят постоянные убытки. Подобные ситуации нередко приводили к самовольному переселению немцев (2, 6-9).

Список литературы

1. Вибе П.П. *Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы. Россия. Сибирь. - Омск, 1997.*
2. Вибе П.П. *Немецкие колонии в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Культурное наследие Азиатской России. - Тобольск, 1997.*
3. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. *История немцев России. - М., 2005.*
4. Коровушкин Д.И., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. *Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация. - Новосибирск, 2003.*
5. Малиновский Л.В. *Проблемы становления немецкой деревни в Сибири // Немцы в Сибири: история, язык и культура. - Красноярск 2005.*

Г.Г. Паелуцких
Курганский государственный
университет, г. Курган,
В.А. Никитин
Курганский филиал УрЮИ
МВД России, г. Курган

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Согласно В.О. Ключевскому вся история России есть история колонизации. В целом на ранних этапах ее истории преобладала вольнонародная колонизация, а примерно со второй половины XVIII века она начинает попадать в русло государственной политики. В целом продуманная государственная аграрно-крестьянская политика, по мнению специалистов, начинается с издания межевых инструкций в 1754-1766 годах. Причиной к этому послужило то, что в это время в России возникли две противоречивые проблемы. Одна из них заключалась в том, что в ее центральной части возникает реальный недостаток хозяйственных земель. Одновременно с этим на старых и вновь присоединяемых окраинных землях появляется необходимость, как в экономических, так и в военных целях, в оседлом крестьянском населении, которое, уже находясь под защитой пограничных линий могло бы обеспечить служивых питанием, а строительство – дешевой дополнительной рабочей силой. Прежде всего, это были территории юга Западной Сибири, а чуть позднее и Новороссии. И там и там строятся пограничные крепости, неуклонно продвигающиеся на юг, оставляя за собой уже безопасные в отношении набегов кочевников территории, требующие хозяйственного освоения. Заселение юга России во времена Екатерины II проходило как в традиционных для России формах: вольной крестьянской и подневольном переводе крепостных «на вывод» на свободные земли, так и в нетрадиционной – приглашением из германских и славянских земель крестьян на вечное проживание. Переселение на южные земли проходило довольно успешно, но уже к середине 30-х годов столкнулось с серьезными проблемами: нехватка колодцев и пресной воды вообще и недостаток строительных материалов в степях. На решение этих проблем не хватало денег у правительства, даже помощь таких известных местных политиков как Де Рибас не спасала переселенцев. Готовые партии крестьян было невозможно отправлять на юг. Наличие таких форс мажорных обстоятельств заставило правительство перенаправить потоки переселенцев в Западную Сибирь, результатом чего и стало спешное межевание свободных земель в Курганском округе, на которое ранее не хватало ни людей, ни денег.

Переселение в Сибирь началось со времен ее присоединения и продолжается по сегодняшний день. Многие историки пытались дать ответ на вопрос, что же привлекало здесь людей. Все они соглашались с тем, что основными факторами стали изобилие незаселенных равнинных мест, земель, легко поддававшихся обработке, большие запасы зверя и рыбы и, самое главное, отсутствие крепостного права. Все это и привлекло переселенцев в Сибирь. Так сформировалась теория «вольнонародной колонизации», популярная в прошлом веке. В годы советской власти в историографии стал превалировать фактор классовой борьбы, а поскольку бегство крестьян на окраины было одной из ее форм, то, естествен-

но, беглым и отдавался приоритет в заселении Сибири. Однако, мы придерживаемся того мнения, что в Российской империи существовала довольно сильная система контроля за передвижениями податного населения, которая была усовершенствована в XVIII в. На пути крестьян стояли заставы, круговая порука в общине, паспортная система и т.д. Хотя, конечно, отрицать возможность ухода беглых в Сибирь нельзя, тем более, что в связи с нехваткой рабочих рук, их в Сибири с радостью принимали и укрывали. Таким образом, признавая за правительством право на ограничение колонизации, мы должны признать и то, что крестьянская колонизация была одновременно и клапаном в руках правительства, используемым для предотвращения катастроф в стране, снятия социального напряжения. Поощряя в определенные периоды колонизацию, правительство переселяло недовольных на окраины, попутно решая земельный вопрос в европейских губерниях.

В историографии Сибири встречаются различные формы колонизации: правительственная, монастырская, помещичья, промысловая, вольнонародная и т.д. В рассматриваемый период мы считаем нецелесообразным подразделять на территории Южного Зауралья переселенческий процесс на вольнонародный и правительственный, поскольку субъектом переселения там и там являлись крестьяне, а политика правительства прямо или косвенно все равно регулировала приток населения. При отсутствии льгот и особого регламента для переселенцев, их число уменьшалось, а увеличение льгот переселенцам ускоряло приток крестьян. Заселение и освоение целинных малозаселенных мест было выгодно для государства. Дело в том, что в местах выхода переселенцев податные земельные платежи оставались прежними, а на местах нового водворения каждый поселенец представлял из себя новую платежную единицу, содействовал увеличению косвенных налогов и увеличению доходности от эксплуатации новых земель, уменьшая натуральные повинности в местах его подселения к старожилам. Например, в указе 1781 года о дорогах, мостах и перевозах Куртамышская канцелярия приветствует поселение вдоль дорог, поскольку «дороги исправляются живущими на оной государственными крестьянами, ибо в этих местах других людей кроме крестьян не имеется» (11, 13). Историк Сибири XIX в. А. Дуров писал о «необходимости принятия правительственных мер к беспрепятственному движению с пособием неимущим, к немедленному водворению на избранных ими землях в предназначенных для того местностях, к поощрению скорейшего прочного заселения выдачей бесплатного леса на постройки, пособий на обзаведение, семян, земледельческих орудий и проч., а равно и предоставление льгот на первое время, особенно же тем, кто поселяется в местах наиболее пустынных».

Ряд таких мер принимался в XIX веке, но, к сожалению, существование крепостного права не давало возможность применять эти меры к помещичьим крестьянам, которые по прежнему селились или как ссыльные, или как беглые» (5, 58). В конце XVIII в. население Южного Зауралья составляло около 115 тысяч человек. Основная масса их переселилась самостоятельно и без особого содействия или противодействия правительства, хотя после увеличения количества застав поток переселенцев несколько уменьшился. Правительство, недовольное результатами и темпами заселения Сибири, ее низкой рентабельностью при столь большой территории, было вынуждено вплотную заняться вопросами колонизации и попытаться впрямую, а не косвенно управлять процессом заселения Сибири через систему льгот и пособий. Этого требовала необходимость скорейшего за-

селения южных территорий. В 1791 г. был спущен царский Указ Сенату о предоставлении переселенцам 12 руб. на семью и выделении в местах водворения 15 десятин на мужскую душу. Кроме того, переселенцы на 3 года освобождались от уплаты податей и рекрутской повинности (8).

По этому указу, по косвенным данным, в южные районы Зауралья переселилось примерно от 5 до 7 тыс. чел. Павел I попытался продолжить инициативы своей матери, и в 1799 г. был издан указ «О населении Сибирского края» (9). Первоначально этот указ не затрагивал интересы Зауралья, поскольку речь шла о переселении за Байкал 10 тыс. человек. Но неподготовленность сибирских властей к принятию большого количества переселенцев привела к беспорядкам, более 11000 человек не дошли до места поселения и, разбросанные по Сибирскому тракту голодали, гибли, терпели лишения. 3 июня 1805 года Александр 1 утвердил правила «О переселении казенных крестьян из внутренних в полуденные губернии» (10, 29). По докладу Министра внутренних дел 29 июня 1806 г. утверждено новое положение о поселенцах в Сибири, представляющее обширный план ее колонизации. В Тобольской губернии велено было водворить оставшихся там от переселения за Байкал крестьян и подыскать земли для будущих поселений. Переселенцам, осевшим по тракту, в том числе и в Курганском округе, было предписано выдавать хлеб или кормовые деньги до первой жатвы, причем деньги вплоть до уплаты числились казенным долгом, кроме того, предоставлялась льгота от податей и повинностей, кроме рекрутской, на пять лет, денежная ссуда должна была погашаться с 6 года в течение 25 лет. Таким образом, первоначальный план заселения Забайкалья обратился в обширный план колонизации всей Сибири. Исполнение этого плана было в общем удовлетворительно, хотя нередко переселенцы, взявшие ссуду, исчезали (5, 30).

С 1808 г. эти правила стали общими для всех государственных крестьян. Право на переселение получали крестьяне малоземельных губерний и в первую очередь те, чьи личные владения не превышали 2,5 десятины. Положенные 15 десятин на душу на местах поселения крестьяне получали из «пустопорожных» земель, за счет отмежевания излишков у старожилов и территории маловажных лесов. При переселении ставились определенные условия: запрещение дробить хозяйство, переселяться группами не менее трех семейств из одного поселения, не состоять на рекрутской очереди и заплатить все недоимки. Кроме вышеперечисленных льгот, переселенцам на месте выдавалась денежная помощь по 5 руб. на семью и предоставлялись временные квартиры (10:89). В последующие 10 лет к этому документу следовали дополнения и разъяснения: о соблюдении пропорции, о разрешении начальства, о справедливом разделении земель, о сохранении здоровья переселенцев, о наделении лесом и семенами для посева.

В 1822 г. 22 июня было создано особое учреждение для управления Сибирскими губерниями. По проекту Сперанского планировалось произвести раздачу земель для чиновников для постоянного их пребывания. Было роздано более 500 участков в Тобольской губернии, но чиновники не рвались к землепашеству, и участки со временем были распроданы за долги.

31 января 1831 г. обнародовано положение Кабинета министров о переселении. В нем уточнялись и систематизировались все ранее существовавшие положения и циркуляры, связанные с миграцией населения. На основе этого положения казенным палатам следовало заблаговременно выделять участки для переселенцев, исходя из расчета 15 десятин на ревизскую душу. На обустройство переселенцам выдавалось уже от 50 до 100

руб. в зависимости от местного заселения. На пути к новым местам предоставлялось право получать бесплатную медицинскую помощь, разрешалось пользоваться пастбищами для скота, предоставлялись в дороге места для ночевки. Сохранялись льготы по уплате податей и рекрутской повинности. Кроме того, обращалось внимание на то, чтобы выделяемые участки заранее обмежовывались и заносились на карту (10, 90). Перед казенными палатами на местах остро вставал вопрос о межевании земель.

Вообще вопрос о межевании ставился еще при М.М. Сперанском, поскольку работы бывшего в Сибири геодезического корпуса сгорели. По проекту Сперанского требовалась лишь ограниченная и приблизительная съемка территории Сибири от южной границы до 60° с.ш. как земли наиболее заселенной, имеющей свободные угодья, пригодные к заселению. Попытки размежевания земель в Курганском округе были и ранее, но это в большей мере касалось обмежования частновладельческих территорий Деграве, Давыдова, выделения земель для городского выгона или межевания границ округа или волости. Для межевания по проекту Сперанского требовалось 16 лет, организовывалась экспедиция под руководством одного начальника, 16 офицеров и 50 топографов, однако, 13 июля 1826 г. проведение измерения земель было «приостановлено до того времени пока позволят приступить к тому финансы» (5, 40).

В 1831 г. снова встал вопрос об изменении и межевании земли по представлению генерал-губернатора Канцевича, причем сибирский комитет нашел, что в Сибири генеральное межевание является одним из самых нужных мероприятий. В Западной Сибири вопрос стоял еще острее, постоянный передел лесов в Курганском округе вел их к хищническому уничтожению, земли также нуждались в строгом размежевании, поскольку назревали конфликты как между крестьянами, живущими вдоль губернских границ, так и при наделении землей переселенцев. Крестьяне и казаки крепости Звериноголовской долгое время вели тяжбу из-за 13293 дес., отошедших омским крестьянам, и 47779 дес. – казенному ведомству для переселенцев, эти участки после межевания 1816 г. числились за жителями Звериноголовской крепости (12, 9). В Ялымской волости еще в XVIII в. часть земель на правом берегу Тобола Оренбургской межевой конторой была отмежована в пользу Каминских крестьян Оренбургской губернии Челябинского уезда. «Из-за чего споры и драки возгорались, умолкая прекращением начальства.» Обращение ялымских крестьян к самому сибирскому генерал-губернатору Михаилу Михайловичу Сперанскому с просьбой определить на твердом основании границу поземельных владений возымело действие, что и было сделано в 1827 г. Журнал комитета по обмежованию земель в Тобольской губернии был Высочайше утвержден 6 ноября 1831 г., причем император Николай Павлович написал: «При сем поставить ответственность губернатора наблюдать за ходом сего дела, дабы не могло возникнуть жалобы на притеснения». Межевание было возложено на местных землемеров, штат которых был по положению комитета увеличен, а 21 июня 1834 г. была сформирована еще и четверть роты топографов (5, 41).

К 1835 г. относится Высочайшее соизволение о добровольном переселении евреев в южные округа Тобольской губернии с предоставлением им по 15 дес. на ревизскую душу, выделением казенных подвод, продовольствия на всю дорогу и защиту в пути. По прибытии на место за счет казны переселенцы получали рабочий скот, земледельческие орудия, семена, строевой лес и провиант до нового урожая. В 1836 г. на основании этого указа в первой партии переселились 1000 семей, во второй

партии 187 семей, затем еще неизвестное количество семей. В самый разгар этого переселения, 15 января 1837 г., последовало новое повеление: «Переселение евреев в Сибирь приостановить», с 1859 г. было запрещено переезжать в Сибирь евреям, на состоящим в гильдии, а с 1860 была прекращена и ссылка евреев в Сибирь «вследствие непомерного увеличения в ней их числа» (5, 34).

Рост числа переселенцев неуклонно продолжал нарастать и число самовольных переселенцев росло так же, как и число организованных. Такие события грозили беспорядками, в 1832 г. правительство строго запретило самовольные переселения, поскольку даже плановые переселения проходили не должным образом. Крестьянам далеко не всегда был известен маршрут, место водворения. При передвижении они нередко терпели нужду в продовольствии и медицинской помощи, подвергались временами грабегам и поборам. У старосты псковской партии в селе Останино сорвали сумочку с казенными и собственными деньгами, а местный крестьянин Васильев избил его при попытке оказать сопротивление. Деньги на 191 взрослого и 81 малолетнего, за исключением одного умершего в пути, составляли сумму 113 руб. 4 коп. Кроме порционных денег были похищены и прогонные деньги на две станции (4, 172). Для предотвращения беспорядков в Оренбургской губернии переселение было вообще приостановлено с 1833 по 1836 г., а в Курганском округе спешно начало проводиться межевание.

С учреждением в 1837 г. Министерства государственных имуществ под руководством графа Киселева в деле переселения государственных крестьян был достигнут максимальный порядок как в вопросах регламентации водворения на новые земли, так и в проблемах, возникавших в пути следования. За время управления графа Киселева только в Западную Сибирь было переселено 100000 человек.

Во втором издании Свода законов за 1842 г. (XX т., ч. 11) помещен законодательный акт «Устав о благоустройстве в казенных селениях» (ст. 22-82; 1857 г. ст. 24-96), который подробно и точно устанавливает: кому, когда и куда может быть дозволено переселение, какими пособиями пользуются переселенцы в дороге, что они должны получить на месте, какие льготы полагаются им при водворении на новое место. Во время передвижения переселенцам должны были бесплатно отводиться квартиры, а окружные начальники обязаны были склонять обывателей к безденежному прокормлению переселенцев. Переселенцы получали право пасти свой скот на общественных пастбищах, заболевшие в пути должны были бесплатно доставляться в ближайшие города, где их лечение также осуществлялось за счет казны. По прибытии на место переселенцы размещались на квартирах в соседних селениях (в Курганском округе переселенцы предвительно размещались недалеко от окружного города Кургана в волостях Падеринской, Сычевской, Введенской, не доходя до места водворения за 50-80 верст) (4, 169). На постройку отпускался безденежно лес по 100 деревьев на двор, давалось безвозвратное денежное пособие по 20 рублей на семью, а также отпускались бесплатно плуги, земледельческие орудия «с потребным числом рогатого скота», полагая не менее одного плуга на 8 домохозяйств и по паре волов на каждого хозяина. Также выдавалась ссуда семенами на три года. При водворении переселенцам полагались следующие льготы: 6-летняя от воинского постоя, 8-летняя в податях, денежных и натуральных повинностях, с уплатою в последние 4 года половины оброчной подати, льготы рекрутской повинности на 3 набора, и, наконец, освобождение от прежних недоимок. Переселение было дозволено только из

малоземельных сельских обществ, имевших в среднем менее 5 десятин на душу, с учетом усадебной, пашенной и сенокосной, а лесной не более 1 дес. на душу. Вместе с тем подтверждалось запрещение самовольных переселений казенных крестьян (5, 42). С изданием в 1861 г. манифеста о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, все статьи этого устава были отменены, взамен чего был установлен новый порядок единичных переходов крестьян из одного сельского общества в другое.

Принятие Устава 1842 г. и подготовка выделенных к переселению земель стали значительной вехой в деле заселения края. В 1845 г. в Западную Сибирь назначаются к переселению 1064 семьи, или 7589 чел., в 1846-1273 семьи, или 7829 чел., в 1847 г. – 916 семей, или 5600 чел. (7, 64). С 1845 по 1848 гг. переселенцы в Западную Сибирь размещались почти исключительно в Курганском округе. Для переселенцев было отмежевано 266940 дес. в округе и 40000 дес. для размещения «бедных дворян» Рязанской, Смоленской и Симбирской губерний из 500 семейств. Эти дворяне, как и прежде чиновники, в Сибирь не являлись, а земли для них были проданы купцам и мещанам Курганского округа, части крестьян Пермской и Оренбургской губерний. Государственные крестьяне центральных губерний, напротив, проявили большой интерес к переселению в Курганский округ. В 1845-1846 гг. в округе планировалось поселить 8000 душ, однако, уже к концу 1846 г. округ принял 8475 душ, кроме того две партии из Смоленска в 1002 и в 189 душ ожидали разрешения на переселение, поскольку отмежеванные участки были заняты крестьянами из других губерний. Смоленская казенная палата предупредила о том, что если Курган не сможет принять переселенцев, уже находившихся в пути, и особенно готовых к выходу, то «оставление их на прежнем месте может причинить совершенное их растройство» (3, 79). Однако, по данным Курганской землеустроительной партии, в 1845-1846 гг. в Салтосарайскую волость должно прибыть 453 д. м. п., в Чернавскую волость полагалось на водворение в 1845 г. 4421 д. м. п. и на Каминскую дачу, состоявшую из частей Ялымской и Нижнеалабужской, в 1844 г. полагалось 4241 д. м. п. Таким образом, фактически были подготовлены места для поселения 9115 д. м. п., или 20000 человек. Впоследствии в спешном порядке выделялись дополнительные земли из казенного фонда. Проблема с угодьями для двух смоленских партий переселенцев состояла в том, что все участки были заняты выходцами из других губерний. Только из Псковской губернии в 1845 г. прибыли 2866 человек, а в 1846 еще 3000, причем наиболее нуждающиеся крестьяне снимались с места не дожидаясь весны (4, 44).

Осенью 1847 г. в Курганский округ ежедневно прибывало по 200-300 человек, это время стало пиком переселения, позже поток переселенцев стал слабеть, в 1848 г. было водворено лишь 389 семей. Это объясняется тем, что основная масса земель, выделенных для переселенцев, была освоена, поток переселенцев был направлен дальше на восток: в Ялуторовский, Ишимский и Омский округа. В.М. Кабузан, опираясь на данные губернаторских отчетов, определяет количество переселенцев, прибывших в Тобольскую губернию с 1845 по 1853 гг., в 28366 ревизских душ. Из них в курганском округе осело 12793 д.м.п. (45,10%), в Ишимском 6008 д.м.п. (21,18%), в Омском 2947 д.м.п. (10,39%), в Ялуторовском 2247 д.м.п. (7,32%). Он делает вывод о том, что переселенцы 40-х годов осели по преимуществу в Курганском округе и своим появлением повлияли на демографическую ситуацию в регионе: с VIII по IX ревизии население увеличилось на 52,3%, при том, что в целом по губернии рост составил лишь 27,34%. Впервые в рассматриваемый период ме-

ханический прирост превзошел естественный (6, 26).

Нельзя забывать, что за несколько десятков лет государственная переселенческая политика позволила превратить слабозаселенные лесостепи в край хлебопашцев, Курганский округ стал житницей юга Западной Сибири и ее вторым по численности регионом. Таким образом, возникшие проблемы по приему переселенцев на юге резко изменили демографическую и экономическую ситуацию в Западной Сибири.

Список источников и литературы

1. ГАКО, ф. 236. Оп. 1, Д. 4.
2. ГАКО, ф. 245, Оп. 1, Д. 580.
3. ГАКО, ф. 245, Оп. 1, д. 1981.
4. ГАКО, ф. 245, Оп. 1, Д. 581.
5. Дуров А. *Краткий исторический очерк колонизации Сибири.* Томск, 1891. С. 58.
6. Кабузан В.М. *Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII -нач. XX вв. //История СССР. - 1979. - № 3. - С.26.*
7. Колесников А.Д. *Переселение крестьян в Западную Сибирь в сер. XIX в. //Вопросы истории Сибири. - Томск. - 1976. - Вып. 9. - С. 64.*
8. ПСЗ. - Т. 26. - № 19500.
9. ПСЗ. - Т. 25. - № 22183.
10. Тарасов Ю.М. *Русская крестьянская колонизация Южного Урала, М., 1984.*
11. ЦГАДА, ф. 611, Оп. 1, Д.234.
12. ЦГАДА, ф. 1343. Оп. 2, Д. 19.

С.А. Иванова

Курганский государственный университет, г. Курган

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЛЕБЯЖЬЕВСКОЙ И АРЛАГУЛЬСКОЙ ВОЛОСТЯХ В XIX В.

С начала XIX в. в пределах Курганского округа самостоятельное поселение приостановилось, так как округ был заселен довольно густо. Но если прекратилось самовольное заселение, то переселение не прекращалось все время. Наиболее активное переселение начинается с 1837 г., с образованием Министерства государственных земельных имуществ. На этот раз переселенцам была дана восьмилетняя льгота в уплате денежных и натуральных повинностей, трехлетняя от рекрутского набора. С этого времени наблюдается сильный наплыв переселенцев.

В последующей законодательной деятельности по переселению правительство преследовало цель обеспечения земель экономических, то есть государственных крестьян. В конце XVIII в. и в начале XIX в. неоднократно было обращено внимание на заселение и на устройство переселенцев. Основанием земельного устройства крестьян Тобольской губернии в том виде, в каком оно существовало, можно считать установление 15-десятиной нормы душевого земельного надела в 1827 г. (1). 31 января 1831 г. было обнародовано положение Кабинета министров о переселении. В нем уточнялись и систематизировались все ранее существовавшие положения и циркуляры, связанные с миграцией населения. На основе этого положения казенным палатам следовало заблаговременно выделять участки для переселенцев, исходя из расчета 15 десятин на ревизскую душу. На устройство переселенцам выдавалось уже от 50 до 100 рублей в зависимости от местного заселения. Сохранялись льготы по уплате податей и рекрутской повинности. Кроме того, обращалось внимание на то, чтобы выделяемые участки заранее обмежевывались и заносились на карту (2). Но наделение государственных крестьян земельным наделом стало приводиться в исполнение лишь

с утверждением в 1838 г. «Сибирского Межевания».

Принятие в 1842 г. «Устава о благоустройстве в казенных селениях» и подготовка выделенных к переселению земель стало значительной вехой в деле заселения Курганского округа. В Арлагульской и Лебяжьевской волостях в 40-е гг. чинами Сибирского Межевания было отмежевано 26250 и 6665 дес. земли для переселенцев. На них предполагалось расселить 1750 и 317 душ переселенцев. К 1849 г. было водворено 1432 и 173 души переселенцев (3).

Постановлением Казенной Палаты от 5 ноября 1847 г. на 7 участков Арлагульской волости было причислено, с 8-летней льготой с начала 1846 г., 1042 д.м.п. переселенцев из Псковской губернии Великолуцкого уезда Вязовской волости. Но при обложении половинной оброчной податью переселенцев в 1850 г. оказалось, что из числа причисленных в 1847 г. 319 д.м.п. умерли, отданы в рекруты - 56, сосланы на поселение - 3, умерли от тифа - 24, не попали в ревизские сказки IX ревизии - 3, оказались в неизвестной отлучке - 3, 640 наличных душ, вошедших из VIII в IX ревизию, и 445 – новорожденные. Всего причисленных душ к 1850 г. оказалось 640, а в целом вместе с новорожденными - 1085 д.м.п. псковских переселенцев (4).

Особенно большой интерес представляет реформа Киселева, которая сопровождалась массовым переселением крестьян из Европейской России в Западную Сибирь, по преимуществу в Курганский округ. Этот процесс приходится на 1847-1849 гг. В самом округе переселенцев распределяли по нескольким волостям, в том числе в Арлагульскую волость. В 1848 г. прирост составил 22,92%, поселилось 700 человек из Псковской, Смоленской и Оренбургской губерний. В 1849 году прибыло несколько меньше - не более 200 человек. В результате население волости за 2 года увеличилось на треть. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне (95-98%), отставные солдаты - 1,5-3%, духовенство - 0,5% (5). В 1852 г. в Арлагульскую волость прибыли 170 душ переселенцев из Псковской губернии, Олонцевогo уезда, Воронежской волости. А в д. Кузнецова и Менщикова – из Псковской губернии, Островного уезда, Вышегородской волости (6). В 1861 г. в Арлагульскую волость прибыли 4 души переселенцев из Саратовской губернии (7).

Переселенцы прибывали по нескольким направлениям: с запада, из Европейской России, и с востока, из других округов Тобольской губернии. Заселение края шло двумя путями:

1. Переселенцы причислялись к деревням старожилов, земля отводилась в совместное обеих групп населения пользование;

2. Переселенцы образовывали новые поселения на участках, пользование угодьями становилось уже раздельным.

Осипов составил список населенных мест, основанных переселенцами в 40-50-е гг. XIX в.

Исследование на местах показало, что массы переселенцев в 1840 – 1850 гг. в большей части образовали новые самостоятельные селения. Переселялись крестьяне Смоленской и Псковской губернии.

Рассмотрим на примере, как расселялись переселенцы из Европейской России на территории Лебяжьевской волости. Сведения Курганского округа Лебяжьевского волостного правления «О переселенцах водворившихся в 1848 году в селение Верхне-Глубокое Лебяжьевской волости». Количество переселенцев составило 432 мужского пола, 407 женского пола, а годных работников из них было 184 мужского пола и 166 женского пола (9). В Курганском областном архиве имеется «Полевой журнал о наделении землей крестьян-переселенцев из Воро-

нежской, Смоленской губерний в дачах Лебяжьевской, Мостовской и Сычевской волостей Курганского округа 1849 г.» Тобольского губернского управления земледела и государственных имуществ.

Таблица 1

Список населенных мест, основанных переселенцами (8)

Ручкой младшего землемера Девятова на четырех листах написано, как создавалось новое поселение Верхне-Глубокое-2. «1849 года июня первого дня по указу Тобольской казенной палаты от 13 мая 1849 года за № 2791 землемер Аполлон Девятов выехал на межу по полуночи в 7 часов в обществе нижеподписавшихся и волостным начальником для снятия на план части селения Верхне-Глубокое с выгонной землей; для распланирования местом поселения переселенцев Нижнедевицкого округа, Ясневской волости, Воронежской губернии 45 семейств, состоящих в 173 душах...». В конце документа есть подпись всех присутствующих. Летом 1849 года землемер Девятов официально закрепил в собственность землю, получил расписку с крестьян, что они согласны взять эту землю в свою собственность. По указу старожилов они выбрали себе земельные участки, напилили лес для строительства изб. Тяжело пришлось переселенцам. Многие не перенесли дальнюю дорогу. Некоторым переселенцам не понравилась сибирская природа. В архиве лежат их ходатайства о возвращении назад. Получив разрешение, крестьяне уезжали. Большинство воронежцев радовались, что получили в собственность землю и лес. Но отношения со старожилами у приезжих не сложились (10). В д. В.-Глубокое переселенцы отделились, по словам крестьян, от сибиряков еще в 1854 г., вследствие того, что старожилы каждую весну гоняли их на новые пашни, было ли это размежевание полюбовное или формальное – крестьяне объяснить не сумели.

Переселения продолжались и в 50-х годах. В 1854 г. Казенная палата зачислила 136 душ переселенцев на половинный и 100 на полный оклад. В 1856 г. 117 душ в Арлагульской, Марайской и Сычевской волостях не смогли собрать недоимки по половинному окладу, что отражает нищенское положение переселенцев, находившихся на 8-летней льготе (11). Неравномерность расселения переселенцев выразилось в том, что местами водворения стали в основном Арлагульская и др. К 1856 г. по волостям на полном окладе числилось 4437 душ государственных крестьян. С полного оклада к 1856 г. по причине смерти убыло 73 д.м.п. Таким образом, к 1857 г. числилось государственных крестьян 4820 д.м.п., выплачивающих полностью все подати и повинности (12).

Переселенцы Курганского округа получали от казны 55 руб. на семью на обустройство хозяйством, в течение 8 лет находились на льготе по уплате денежных и натуральных повинностей; из них 4 года – не платили ничего, а потом на 4 года зачислялись в половинно-оброчный оклад; имели 3-летнюю льготу от рекрутского набора. Но этих льгот было недостаточно, т. к. за 8 лет семьи не могли завести хозяйство. Бедствия переселенцев ждали в местах водворения. Старожилы, занимавшие лучшие места, стремились, чтобы новоселам отводили худшие земельные участки.

В освоении восточных районов к 60-м годам XIX в. происходил процесс уплотнения населения за счет переселенцев и ссыльных из Европейской России. В 70-е гг. основными источниками переселенцев была Пермская губерния. Усилению Южного Зауралья способствовали не только ссылка и переселения, но и стабильный естественный прирост населения. Так в 1870 г. в крестьяне Арлагульской волости было зачислено свыше 140 д. м. п. выходцев из Пермской губернии (13).

В 1880 г. волна переселенцев вновь поднимается, и правительство пошло на некоторые уступки в предоставлении льгот. Новый период в развитии землеустроительных работ в Сибири начинается с 80-х г. XIX в. Хотя основная часть аграрной программы оставалась прежней, в землеустроительных и межевых работах наблюдались определенные изменения. Главное из них — создание колонизационного фонда (переселенческих участков). Уже в 1881 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Д. Казнаков издал распоряжение, отменяющее прежние межевые инструкции. По новому распоряжению надел старожильского населения был понижен до 16 дес. на одну ревизскую душу (15+1 дес. для ссыльных) (14). В 1881 г. крестьяне в количестве 179 душ были водворены на казенно-оброчные участки Невидимский и Гнусаревский Лебяжьевской волости с предоставлением права образовывать на них новое селение Александровское (15).

Очень тяжелым было положение переселенцев в первое время. В архивном документе от 19 февраля 1885 года № 189 МВД чиновнику по крестьянским делам Пузырев сообщает государю Петру Петровичу, что крестьяне, водворившиеся на Масловский казенный участок Лопатинской волости, для устройства и поддержания на первое время свое нуждаются в пособии. Люди преимущественно бедные, накопившие на себя недоимки арендной платы до 400 рублей и не заплатившие подати до 70 рублей, причем пособие в данном случае нужно не на покрытие исчисленных неоплат, а для личного существования в данное время (16).

Подводя итоги переселенческой политики 1840–1880 гг., можно отметить, что в Лебяжьевской, Арлагульской и других волостях поселилось много крестьян из губерний Воронежской, Псковской, Смоленской. По своей социальной принадлежности это были государственные крестьяне, ссыльные. Основными факторами переселения были изобилие равнинных незаселенных мест, большие запасы зверя и рыбы и, самое главное, отсутствие крепостного права. Все это и привлекло переселенцев в Сибирь. Однако в Российской империи существовала довольно сильная система контроля за передвижением населения. Крестьянская колонизация была одновременно и клапаном в руках правительства, используемым для предотвращения катастроф в стране, снятия социального напряжения.

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф. р-2260 (фонд Е.С. Селеткова), оп. 1, д. 128.
2. Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1992. - 48с.

3. Переселенческий поток 40-50-х гг. XIX в. в Курганский округ // Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). - Курган, 1995. - С. 182.
4. Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. - Курган, 1993. - С. 77.
5. История Курганской области. - Т. 6. - Курган, 2001. - 345с.
6. Именной список переселенцев на 1852 г. // Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). - Курган, 1995. - С. 189-190.
7. Состав переселенцев в Курганском округе в 1861 г. // Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). - Курган, 1995. - С. 205.
8. Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. - Т.2. - СПб., 1894. - С. 26.
9. ГАКО. Ф. р-2416 (фонд А.Г. Чертушкиной), оп. 1, д. 248, л. 4-6.
10. Маловичко В. Глубочане из Воронежа // Вперед. - 2004. - 7 сентября.
11. Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. - Курган, 1993. - 14с.
12. ГАКО. Ф. 175 (Курганское уездное казначейство), оп. 1, д. 155, л. 73.
13. Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XIX вв. - Курган, 1992. - С. 74.
14. Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. - Курган, 1993. - С. 73.
15. Там же, с. 92.
16. ГАКО. Ф. р-2416, оп. 1, д. 249, л. 42.

В.Е. Смирнова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Переселенческое движение в России имеет многовековые традиции. Оно является одной из наиболее характерных отличительных черт ее прошлого, настоящего, а возможно, и будущего. Желая подчеркнуть значение переселенческого движения в истории Отечества, В.О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется...» (3, 24). Изучение истории освоения окраин нашей страны представляет не только познавательный, но и научный интерес. Миграционные процессы, будучи объективным следствием определенных общественных противоречий, зачастую являлись и эффективным способом их разрешения. Наличие значительного резерва свободного жизненного пространства и естественных ресурсов позволяло российской цивилизации решать многие социальные и экономические проблемы «экстенсивными», отличными от западных стран, методами. Без учета этой специфики невозможно адекватное теоретическое осмысление нашего исторического наследия.

Исследование данной проблемы, в том числе и на региональном уровне, актуально и в прикладном смысле. Творческое использование в современных условиях накопленного опыта разработки и осуществления переселенческой политики государства может оказать существенную помощь в решении практических вопросов, связанных с перемещением, расселением и устройством многочисленных беженцев и мигрантов, появившихся в последние годы на постсоветском пространстве.

Переселенческое движение во второй половине XIX – начале XX в. - один из видов миграции населения и основное средство внутренней колонизации страны. Важными факторами, определявшими его масштабы, являлись аграрное перенаселение, социальные противоре-

чия в деревне, политика правительства, наличие доступных и удобных путей сообщения и транспортных средств.

Наличие свободных земель, расположенных на пути в Сибирь, а также доступных и удобных путей сообщения и транспортных средств, сделало Южный Урал одним из центров переселенческого движения. На протяжении двух пореформенных десятилетий, несмотря на предпринимаемые правительством меры по пресечению крестьянской миграции, две южно-уральские губернии - Оренбургская и Уфимская - являлись центром притяжения для переселенцев, привлекая благоприятной комбинацией природных условий и выгодными условиями аренды владельческих и особенно башкирских земель. Рост самовольных переселений заставил правительство санкционировать водворение и наделение землей «самовольцев» Оренбургской губернии. К этому времени здесь осело около 10 тысяч человек, направлявшихся в свое время на поселение в районы Сибири и Дальнего Востока (6, 54-55). В 1871 г. закон был распространен на Уфимскую губернию (6,57).

Наплыв переселенцев в Оренбургскую и Уфимскую губернии продолжался и после издания этих узаконений. К концу 1870-х гг. общее число их в этих губерниях превысило 100 тысяч человек (1, 269). Всего с 1861 по 1897 г. в Уфимскую губернию переселилось 26086 крестьянских семей (168 773 души обоого пола) (9, 204). В 1893 году в Оренбургской губернии числилось 23142 переселенческих семьи (125313 душ обоого пола) (9, 204).

Самое большое количество переселенцев приходилось на 1880-90-е гг., что связано с усиленной перепродажей захваченных скупщиками в 1860-70-х гг. башкирских земель и проведением Самаро-Оренбургской и Самаро-Златоустовской железных дорог. Переселенцы шли стихийно из губерний Европейской России, селились на казенных, частновладельческих и башкирских землях, причем на казенных - наименьшая часть. По данным 1883 г. в Уфимской губернии на казенных землях устроились лишь 6,4% всех переселенцев, 19% основались на башкирских землях, 74,5% на частновладельческих, купленных у казны или башкир (1, 278). У башкир земли чаще всего арендовались не дороже 50 копеек за десятину, а иногда и гораздо дешевле. Однако, из-за юридической необеспеченности сделок башкиры-землевладельцы имели возможность постоянно вымогать у арендаторов угощения и подарки, которые иногда обходились дороже арендной платы. Частновладельческие земли либо также арендовались, но по цене выше, чем башкирские, либо покупались с рассрочкой платежа. При этом условия рассрочки, и в особенности юридическая необеспеченность сделок (по данным 1883 г. полную законную силу имели лишь 154 сделки, а 142 были признаны незаконными) ставили переселенцев в полную зависимость от продавцов и нередко приводили к разорению переселенцев (1, 278).

Однако не все переселенцы имели возможность получить земельные участки. В 1886 г. из 35 792 переселенцев, устроившихся в старожильческих селениях Оренбургской губернии, 34,6% проживало в работниках, 21,3% - занимались разными ремеслами, 8% - торговлей и лишь 36,1% вели самостоятельное земледельческое хозяйство (9, 205). Южно-Уральские губернии являлись как объектом колонизации, так и районом выселения крестьян. В 1870 г. Уфимская и Оренбургская губернии приняли около 118 тысяч душ переселенцев, в то же время выехали на новые места до 36 тысяч человек (1, 265).

Переселенческое движение усиливается в период столыпинской аграрной реформы. В эти годы две южно-уральские губернии являлись не столько районом выселения крестьян, сколько объектом колонизации. С 1904

по 1914 г. в Оренбургскую губернию прибыло по железной дороге 65574 человека, из них, не получив земельных участков, вернулось обратно или проследовало дальше в Сибирь 21649 (33%). В Уфимскую губернию прибыло 43885 переселенцев, из них убыло 9251 (21,3%) (4, 370). За этот же период из Оренбургской губернии выселилось в Сибирь 30 070 крестьян, из них вернулось из Сибири 5815 (19,3%). Из Уфимской губернии в Сибирь прошло 52757 человек, вернулось из Сибири 9790, т.е. 18,5% к общему количеству выселившихся из губернии крестьян (8, 18-19).

Вместе с тем, по сравнению с количеством российских переселенцев, для которых районом водворения являлась Сибирь, численность осевших на территории Оренбургской и Уфимской губерний была незначительной (см. таблицу).

Таблица
Распределение переселенцев по районам водворения
в 1896 - 1913

Центрами регулирования переселенческих потоков и оказания государственной помощи переселенцам являлись переселенческие пункты, возникшие в конце XIX - начале XX века по линии железных дорог в Челябинске, Оренбурге, Уфе, Кургане, Златоусте, Кропачёво, Полтаево, Троицке.

В связи со строительством Самаро-Златоустовской, Златоуст-Челябинской железных дорог, Транссибирской магистрали изменилось направление и плотность переселенческих потоков. «Воротами» переселенческого движения в Сибирь стал Челябинск. Через него проходили 94% переселенцев, что вызвало строительство здесь крупнейшего переселенческого пункта и сосредоточение оперативного руководства переселенческим движением - районной канцелярии Переселенческого управления во главе с заведующим Западным районом передвижения переселенцев, администрации Западно-Сибирского подрайона передвижения переселенцев.

Челябинский переселенческий пункт стал важным звеном в организации и осуществлении переселенческого движения в России на рубеже XIX - XX веков. Здесь оказывалась материальная, врачебно-санитарная, информационно-справочная и другие виды государственной поддержки переселенцев в период их переезда, стекалась вся оперативная статистическая информация, полученная на других регистрационных пунктах, осуществлялось переформирование составов и посадка в сибирские вагоны.

К 1914 г. на челябинском переселенческом пункте имелось более 100 различных сооружений, территория занимала около 10 десятин земли.

Челябинский пункт считался образцово-показательным. Его типовой барак экспонировался на переселенческой выставке в Петербурге в 1912 г.

Переселенческая больница, выстроенная по образцу петербургской Боткинской, имела самое современное по тем временам оборудование, включая рентгеновский кабинет. Долгое время она оставалась единственной в Европейской России на всем пути следования переселенческих составов. К 1910 г. через нее прошли 12044 стационарных и 224000 амбулаторных больных, а число подвергнутых санитарному осмотру насчитывало несколько миллионов (10, 5). В связи с участвовавшими в начале

века эпидемиями медицинскому персоналу предписывалось обращать особое внимание на симптомы таких болезней, как чума, холера, оспа, дизентерия и т.д. Анализ документов о заболеваемости холерой в 1907 г. опровергает утверждение крупного специалиста по истории переселенческого движения в России Л.Ф. Склярова, что переселенческие пункты были рассадниками болезней. Так, Челябинск, через который проходило 94 % сибирских переселенцев, дал всего 58 случаев заболевания. Для сравнения, в Киеве заболели холерой 1301, в Астрахани - свыше полутора тысяч, в Царицыне - 586 человек (7, 50-51). Таким образом, челябинский переселенческий пункт играл роль своеобразного фильтра, препятствуя распространению эпидемии.

На пункте оказывалась продовольственная помощь переселенцам. Бесплатное питание получали дети до 10 лет включительно, а также стационарные больные.

С 1912 года на территории пункта стал действовать собственный причт, был выстроен молитвенный дом, введена должность разъездного священника - миссионера, сопровождавшего переселенческие поезда. Причт и переселенческая школа содержались на средства переселенческого ведомства. Для священника-миссионера был сконструирован специальный чемодан-церковь, экспонировавшийся на переселенческой выставке. В нем имелось все необходимое для выполнения треб и других религиозных обрядов прямо в поезде.

Нуждающимся переселенцам оказывалась денежная помощь. В исключительных случаях им предоставлялись беспроцентная путевая ссуда или безвозвратное пособие, а также бесплатный проезд. Остальные переселенцы пользовались льготным тарифом: 1/4 часть стоимости взрослого билета 3 класса. Дети в возрасте до 9 лет включительно перевозились бесплатно (5, 22).

С 1894 по 1909 гг. через Челябинск прошло более 4 млн переселенцев (6, 202).

В 1910 г. в ходе поездки в Сибирь с целью проверки постановки переселенческого дела челябинский переселенческий пункт посетил П.А. Столыпин. В Челябинске переселенческое движение дало название 2 улицам: «Переселенческая» и «Переселенческий Пункт».

Колонизация края продолжалась вплоть до первой мировой войны. Переселенческое движение на Южном Урале способствовало переходу коренного населения к оседлому земледельческому хозяйству, развитию производительных сил края.

Список литературы

1. Кауфман А. Переселения // *Энциклопедический словарь*. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. - СПб., 1898. - Т. XXIII.
2. Кауфман А. А. Переселения и переселенческий вопрос в России // *Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат*. - Т. 31. Б.з.;
3. Ключевский В.О. *Курс русской истории*. - Ч.1. -М., 1911.
4. *Очерки по истории Башкирской АССР*. - Уфа, 1959. - Т.1.- Ч.2.
5. *Переселение за Урал в 1914 г.* - СПб., 1914.
6. Скляров Л.Ф. *Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы*. - М.-Л., 1962.
7. Смирнова В. Е. *Челябинский переселенческий пункт (конец XIX века-1920-е гг.)*// *Вестник Челябинского ун-та*. - Сер. 1. История. - 2000. - № 1.
8. Турчанинов Г. *Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год*. - СПб., 1910; *Турчанинов Г.Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 год*. - СПб., 1916.
9. Усманов Х.Ф. *Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южного Урала в пореформенный период* // *Из истории Урала: Сб. статей*. - Свердловск, 1960.
10. *Челябинский переселенческий пункт*. - СПб., 1910.

И.В. Скородумов
Курганский государственный
университет, г. Курган

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В конце XIX - начале XX века, на территории Южного Зауралья происходят колоссальные изменения во всех сферах жизни общества. Курганский уезд превращается из малочисленного, отсталого населенного пункта в один из крупнейших торгово-промышленных центров Тобольской губернии. Такой мощный скачок в развитии региона можно объяснить началом модернизации, которая начинается с конца XIX века, с приходом Южно-Уральской железной дороги. Модернизация - это комплексный процесс, при котором начинаются качественные изменения во всех сферах человеческой деятельности. Историки выделяют различные факторы, отражающие наличие модернизационной парадигмы у данного общества в конкретно - исторический период. Здесь можно найти и проблемы экономики, политики, социальной сферы, правовой области, и одним из немаловажных аспектов является демографическая ситуация, отражающая развитие общества с точки зрения его прогресса или регресса.

Население Южного Зауралья, и в частности города Кургана, долгое время было довольно малочисленным. В 1837 г. число жителей г. Кургана составляло лишь 1662 человека. По IX ревизии, проведенной в 1854 г., число горожан составило 2 569 человек, а в Курганском уезде проживало 81 762 д.м.п. и 87254 д.ж.п., то есть общая численность составляла 169016 душ обоих полов (2, 70). Это можно объяснить спецификой района. Поскольку Южное Зауралье всегда являлось сельскохозяйственной областью, то вполне логично, что преобладающая часть населения проживала именно в сельской местности, и в основной своей массе являлась крестьянами. Сам же город Курган как таковой был очень мал, промышленность развивалась на очень низком уровне, в отличие от соседнего горнозаводского Урала. Он скорее напоминал большое село, чем действительно уездный центр. Однако в подобной ситуации в то время прибывали многие города. Основные занятия горожан были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции: кожевенное, салотопенное, мыловаренное, картофелепаточное производства. Основными рынком сбыта являлся сам уезд. В связи с вышесказанным, можно допустить, что население не стремилось оседать в данном районе ввиду его непривлекательности.

Такую картину можно было наблюдать до конца XIX века. Естественный прирост населения был очень низким, основной категорией, за счет которой увеличивалось население, были ссыльные. Кардинально ситуация меняется с приходом Транссибирской магистрали. Железная дорога пересекла всю территорию Южного Зауралья и вывела многие отсталые районы уезда в число лидеров. Сам город так же начинает занимать одно из ведущих мест в Тобольской губернии. Согласно переписи населения 1897 года, численность населения в Южном Зауралье составила 548221 человек (4, 201), из них жителей Кургана было 10306 (2,75). За шестьдесят лет населения края увеличилось практически на 400%! Но это было лишь началом демографического взрыва. К 1904 году население города составляло уже 19912 человек. На первое января 1906 года мы видим уже следующие

цифры: 16081 д.м.п. и 14657 женского, т.е. все население перевалило за 30 тысяч, за два года оно приросло почти на 10 тысяч (2, 78). Исходя из этих цифр, можно говорить о том, что буквально за 15 – 20 лет Курганский уезд, и в особенности город Курган становится очень привлекательным для постоянного места жительства. Население, мигрирующее ранее в более северные районы: в Тюмень, Тобольск, Пермь и другие города, начинает оседать в Южном Зауралье. Безусловно, это говорит о повышении уровня жизни населения и создании экономически благоприятных условий для проживания. Основными категориями, переселявшимися в данный район, были ссыльные, в немалой степени к ним прибавились переселенцы по железной дороге, а также сами рабочие, строившие Транссибирскую магистраль. Кроме того, если провести небольшой экономический анализ, то можно увидеть, что Курган превращается в один из торгово-промышленных центров губернии. В городе один за другим появляются современные предприятия. В основном они, так же как и раньше, были нацелены на переработку сельскохозяйственной продукции, но кроме уже перечисленных отраслей, появляются маслодельные, пивоваренные и другие заводы. Это были предприятия, оснащенные современным, по меркам того времени, оборудованием. Продукция этих заводов успешно конкурировала не только на внутrigубернском уровне, но и на всероссийском и международном рынках. Наше масло поставлялось в Великобританию, Францию и другие страны. Соответственно рост экономики давал новые рабочие места, стабильную заработную плату, улучшение социальных условий. В городе Кургане появляются такие объекты как кинотеатр, больница, телефонная станция, начинается электрификация. В основном инициатива принадлежала местным предпринимателям. Наиболее известные купцы того времени - Смолины, Балакшины, Гамплъ и некоторые другие. Все эти изменения создали хорошие условия и заинтересованность населения в проживании на территории Южного Зауралья.

Но демографический подъем продолжался. К 1909 году в городе Кургане проживало уже 34705 человек, а в Южном Зауралье 708323 человека (4,201). К этому времени Курган становится крупнейшим городом по численности населения в Тобольской губернии. Он опережает своего главного соперника город Тюмень, в котором в 1909 году проживало 32673 человека. В 1910 число жителей Кургана составляло уже 35 043 человека, из них 17503 мужского населения и 17540 женского (2,79). К 1911 году число жителей составило уже 36465 человек. На этом демографический взрыв как таковой заканчивается. Дальше также шло увеличение числа жителей города, но не такими быстрыми темпами, и оно осуществлялось уже не за счет внешнего притока населения, а за счет естественного прироста населения. В сельской местности даже наметился некоторый спад численности жителей, к примеру к 1912 году в Южном Зауралье проживало 698406 человек (4, 201).

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на серьезный экономический кризис начала XX века, первую русскую революцию и русско-японскую войну, заселение основной территории Южного Зауралья, и в частности города Кургана, шло колоссальными темпами. Это было обусловлено началом модернизационных процессов, проявившихся на данной территории в конце XIX века и продолжавшихся до начала XX века. Именно модернизация, пришедшая вместе с Транссибирской магистралью, позволила совершить качественный скачок в развитии экономики, поднять уровень жизни населения и совершить такие серьезные демографические сдвиги на всей территории региона. Именно по ходу железной

дороги стали появляться новые центры торговли, куда стало стекаться большое количество активного населения, и ярким примером может служить сам город Курган, превратившийся за очень короткий срок в крупнейший город Тобольской губернии.

Список литературы

1. Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. - № 5-6. - 2000.
2. Емельянов Н.Ф. Город Курган 1782 – 1917: социально – экономическая история. - Курган, 1992.
3. Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи уральской области // Уральский исторический вестник. - 2003. - №9.
4. Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX веков // Земля Курганская: прошлое и настоящее. - Курган, 1997.

С.Г. Федоров
Курганский государственный
университет, г. Курган

ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ НА ЮЖНОЗАУРАЛЬСКУЮ ОБЩИНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Одной из существенных особенностей сибирской, в том числе и южнозауральской крестьянской общины второй половины XIX в. являлся миграционно-колониационный характер ее формирования и развития. В связи с этим в публицистической, экономической и исторической литературе конца XIX века возникает целое направление, отстаивающее интересы Сибири, названное «областничеством».

Областники уделяли большое внимание изучению общины в Сибири. Полагая общинные начала исконными и органически присущими русскому народу, Н.М. Ядринцев увидел даже особый вид русской общины в Сибири - тюремную и ссыльную. Эта идея, как известно, запечатлена Ядринцевым в обширном сочинении «Русская община в тюрьме и ссылке». В своей работе Н.М. Ядринцев рассматривает историю ссылки в Сибирь, доказывает, что ссылка и ее карательная система не уменьшали количества преступлений, а, напротив, увеличивали их, будучи орудием возмездия и источником страданий.

История ссылки в Сибирь, по мнению Н.М. Ядринцева, показывает ничтожность штрафной колонизации. Ссылка, по его словам, превратилась в язву сибирского общества, будучи источником преступлений, причиной падения нравственности и очагом болезней в Сибири (11, 364).

В значительной мере переселенческая политика, особенно штрафная колонизация, а также сами переселенцы воспринимались негативно даже со стороны местных властей. Так, губернатор Тобольской губернии с 1892 по 1895 г. Н.М. Богданович в 1893 г. отмечал: «Переселение есть в значительной мере результат прирожденной склонности русского крестьянина, в лице преимущественно худших представителей, к бесцельному бродяжничеству» (1, 5). Такое замечание Богдановича обусловлено тем, что в Тобольской губернии, да и по всей Сибири ссыльнопоселенцы в качестве переселенцев-земледельцев к концу XIX века играли малозначительную роль. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, к концу XIX века в южнозауральской общине можно наблюдать сокращение земельных наделов из-за массового наплыва переселенцев. Мы согласны с Е.И. Соловьевой, утверждающей, что в Сибири «во многих волостях, а тем более в селах благодаря наплыву ссыльных размер кре-

стьянского землепользования сократился» (8, 217). Поэтому крестьянин-старожил видел в каждом «поселенце и бродяге затаенного врага, против которого всегда дозволено общественным мнением употребить силу» (5, 259). Во-вторых, крайняя бедность не давала возможности рядовому ссыльнопоселенцу освоить отведенную старожильческими обществами землю, обзавестись скотом и сельскохозяйственным инвентарем. В-третьих, хозяйственная активность ссыльных ограничивалась их юридической недееспособностью, моральным надломом, вызываемым судом и ссылкой, неблагоприятным соотношением полов, повышенной заболеваемостью и смертностью. Все вышеприведенные факторы обуславливали бегство и бродяжничество ссыльного контингента из мест приписки и связанные с ними правонарушения и преступления. «В Ялуторовском округе Тобольской губернии в 1894 г. на местах причисления проживало 43 % ссыльных, а остальные отсутствовали. На обследованных территориях Тюменского округа оказалось на месте 32,2 % ссыльных, Тобольского округа - 50 %, Ишимского - 50 %, Курганского - 47 %, Каинского - 22,9 %» (8, 220). «Сибирь для ссыльного ненавистная мачеха,- писал С. Чудновский, - и никакими силами его в ней не удержишь» (10, 48).

Процедура распределения ссыльных являлась чисто механической. Тюменский приказ, распределявший ссыльных непосредственно по уездам, руководствовался малодостоверными сведениями о численности населения и количестве свободной земли, доступной для земледелия.

В 90-е гг. XIX века количество ссыльных в Западной Сибири начинает постепенно уменьшаться. На наш взгляд, данный процесс связан со строительством Сибирской железной дороги и увеличением числа переселенцев из центральных губерний России, вследствие чего ссыльных отправляли на поселение в более отдаленные районы Сибири. По мере сокращения районов расселения ссыльных в Западной Сибири возросла роль Восточной Сибири. В Тобольскую и Томскую губернии направлялась основная масса административных ссыльных и сосланные на жительство. В Восточную Сибирь отбирались ссылаемые по суду каторжные, ссыльнопоселенцы и бродяги.

Так, в 1895 г. население Курганского округа Тобольской губернии достигло 2 470 003 человек. Из них ссыльнопереселенцы составляли 6 241 человек. В процентном соотношении ссыльные составляли всего 2,5 % населения Курганского округа (7, 37).

В 1897 г. по всей Тобольской губернии ссыльные в процентном отношении составляли 7,4 % всех жителей губернии (4, 380). Ссыльные в основной своей массе не могли обустроиться в Южном Зауралье в силу ряда социально-экономических причин. Многие ссыльные некрестьянских сословий не имели навыка к земледельческому труду и хозяйственного опыта. В Сибирь прибывало 25 % ссыльных без всяких средств, а остальные имели суммы, совершенно недостаточные для устройства хозяйства. Многие ссыльные брали землю в сельском обществе только для того, чтобы сдать в аренду и получить хоть какую-то денежную сумму. За многими земля числилась, но не обрабатывалась. Почти половина из числа наличных ссыльных нанималась в работники, жила поденщиной или не имела определенных занятий (8, 220-222). Бесправные, беззащитные батраки из ссыльных подвергались жестокой эксплуатации. Кулаки-предприниматели считали обычной нормой эксплуатации «держат их в кабале, платят им за работу меньше рыночной стоимости труда... обсчитывать при расчетах в надежде на беззащитность и беспомощность эксплуатиру-

емых. Были случаи расплаты с батраками-поселенцами «свинцом» (6, 164).

В результате тяжелого положения и эксплуатации ссыльных в Сибири следовала ответная реакция со стороны ссыльнопоселенцев. По мнению Главного тюремного управления, значительная часть ссыльных представляла собой «армию бродяг, которая зимою переполняет сибирские тюрьмы, а летом выпрашивает милостыню у населения, ворует скот и все, что плохо лежит, сжигает на сотни верст девственную тайгу, не останавливается и перед убийством, зато и сама подвергается, при условии безнаказанности, жестокому самосуду коренного населения» (9, 248). В связи с этим становится понятным высокий уровень преступности среди ссыльных: если среди всего населения Сибири ссыльные составляли к 1897 г. около 5 %, то среди заключенных сибирских тюрем – 70 % (9, 248).

Обратимся теперь к вопросу: какую роль сыграли ссыльнопоселенцы в росте преступности зауральской общины. Для этого мы проанализировали дела волостных судов Глядянского, Кислянского и Чинеевского волостных правлений с 1870 по 1913 гг. Подсчитав общее количество судебных дел и дел с участием ссыльнопоселенцев, мы определили процентное количество дел за каждый год, в которых принимали участие ссыльнопоселенцы. На основании анализа статистического материала можно сделать следующие выводы: наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев в Глядянской волости приходится на 1882, 1883 и 1885 годы, наименьшее – на 1881 и 1872 годы; в Чинеевской волости наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев приходится на 1897 год, наименьшее – на 1899 год; в Кислянской волости наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев приходится на 1912, 1913 и 1907 годы, наименьшее – на 1908, 1904 и 1910 годы. Наибольший процент дел со ссыльнопоселенцами относится к 1882 году в Глядянской волости: 23%, наименьший – к 1909 году в Чинеевской волости: 1% (3). К сожалению, из архивных данных нам не удалось выяснить количество ссыльнопоселенцев в данных волостях в рассматриваемый период. Однако, судя по вышеприведенным статистическим данным, можно сделать вывод, что число ссыльнопоселенцев в волостях Курганского уезда в конце XIX – начале XX в. было незначительным.

Рассмотрим теперь, какие виды правонарушений и преступлений совершали ссыльнопоселенцы. Наибольшее количество исков, рассмотренных волостными судами, составили долговые иски. Число таких исков составило 22% от всего количества дел с участием ссыльнопоселенцев (3). На наш взгляд, это объясняется тем, что в последней четверти XIX в. ссыльнопоселенцы из-за тяжелого материального положения часто вынуждены были идти в наемные работники к богатым старожилам, в результате чего между ними возникали споры из-за проделанной работы. В таких спорах ссыльнопоселенцы выступали либо в качестве истцов, либо в качестве ответчиков.

Второе место по количеству судебных исков в Курганском уезде в рассматриваемый период занимали земельные споры двух основных видов: отобрание надела и долг по аренде. Их общее количество составило 19% (3). Примечательно, что если во второй четверти XIX в. преобладали исковые заявления об отобрании надела, то в начале XX века превалируют иски о взыскании долга по аренде. На наш взгляд, это объясняется тем, что во второй половине XIX в. ссыльнопоселенцы в результате крайней бедности и нехватки средств не могли обработать выделенный обществом надел и часто забрасывали его, изыскивая другие средства существования. В начале

XX в. ситуация изменяется: земельный надел в Южном Зауралье в результате роста переселенческого движения становится очень часто объектом аренды и скрытой купли-продажи. Ссылнопоселенцы также активно втягиваются в капитализирующиеся земельные отношения. Это доказывают изученные дела волостных судов, в которых ссылнопоселенцы фигурируют в качестве ответчиков и истцов, а также не только в качестве арендодателей, но и арендодпользователей.

Третье место в правонарушениях и преступлениях ссылнопоселенцев занимают незаконные вырубки леса в казенных, общинных и наделных лесных участках. Этот вид преступлений составил 15,6% от общего количества дел ссылнопоселенцев в волостных судах (3). Массовые порубки в лесных дачах в конце XIX – начале XX в. превратились в заурядное явление как вследствие ослабления надзора в процессе пореформенной ломки системы землепользования, так и в силу превращения леса в важнейший источник дохода.

Например, 17 ноября 1887 г. Глядянский волостной суд рассматривал иск крестьянина деревни Разломайки Давида Семенова Константинова к однопоселенцу крестьянину-ссылнопоселенцу Лаврентию Семенову Аликбасову. Константинов жаловался суду, что Аликбасов тайно вырубил из его лесного пайка днем 8 штук лесин, поэтому просил взыскать с ответчика 10 рублей. Ответчик на суде сознался и готов был уплатить 3 рубля. Волостной суд решил не подвергать наказанию Аликбасова за самовольную порубку, но взыскал с него деньгами 6 рублей в пользу истца (2).

Кражи ссылнопоселенцев в южнозауральской деревне, которые были рассмотрены в волостных судах, составляли 12% от общего количества дел и занимали «почетное» четвертое место в списке правонарушений и преступлений ссылных (3).

Другие виды правонарушений и преступлений ссылных, совершенных в Глядянской, Чинеевской и Кислянской волостях Курганского уезда, представляют следующую картину. Разделы имущества – 9%, потравы – 8%, оскорбление на словах – 4%, оскорбление действием – 3,5%, преступления против мира – 3%, дела, содержание которых неизвестно – 2,8% (3).

Таким образом, в условиях социального разложения деревни к концу XIX – началу XX в. в южнозауральских сельских обществах скапливалась определенная масса лиц маргинального, не свойственного крестьянам-земледельцам поведения, в том числе и из ссылнопоселенцев. Эта масса в определенной степени оказывала влияние на рост преступности в южнозауральской деревне. Однако в целом в Курганском уезде Тобольской губернии роль ссылнопоселенцев в росте преступности в крестьянском сословии была незначительной. На наш взгляд, это объясняется как незначительным количеством ссылнопоселенцев в крестьянской общине, так и определенными правовыми традициями крестьянского мира, следование которым со стороны вновь прибывших было необходимым условием их дальнейшего проживания в деревне.

Список источников и литературы

1. Богданович Н.М. Записки исполняющего дела Тобольского губернатора Н.М. Богдановича. - СПб., 1893.
2. ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.5. Л.29.
3. ГАКО. Ф.129, 187, 189.
4. Губский М. Ссылка // Энциклопедический словарь. - СПб., 1900. Т.XXXI.
5. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. - Иркутск, 1893. - Т.II. - Вып.2.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяй-

ственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т.I.

7. Никитин В.А. Южное Зауралье во второй половине XIX века // История Курганской области (1861-1917 гг.). - Курган, 1996. - Т.2.
8. Соловьева Е.И. Расселение и положение ссылных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссылные в Сибири (XVIII- начало XX в.). - Новосибирск, 1983.
9. Тюремный вестник. - 1899. - №6.
10. Чудновский С. Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. - М., 1886. - Кн.Х.
11. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. - СПб., 1872.

А.В. Чащин

Институт истории и археологии
УрО РАН, г. Екатеринбург

МИГРАЦИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1935 – 1940 гг.

Изучение миграции в Свердловской области в 1930-е гг., в частности в 1935 - 1940 гг., проливает свет на особенности демографического перехода, совпадающего со второй фазой миграционного перехода, что связывается с индустриализацией и массовым движением населения из села в город (1, 18). В рамках областной сводки, составленной Госпланом СССР, представлена миграция в городских населённых пунктах (2). При анализе не были использованы данные за 1938 г., поскольку сведения за этот год не обнаружены. 3 октября 1938 г. по указу Верховного Совета СССР произошло разделение Свердловской области на две: Свердловскую и Пермскую. Данные за 1939 и 1940 гг. учитывают только миграцию на территории Свердловской области уже без миграции на территории Пермской (с марта 1940 г. Молотовской) области (3, 411). Для расчетов коэффициентов нами были использованы данные переписи 1937 и 1939 гг. (4), а также данные о естественном движении населения за данный период (5).

Миграционный поток на территорию Свердловской области был достаточно большим, о чём свидетельствует высокий коэффициент прибытия (см. табл. 1 и 2), который, однако, снижался, как в период с 1935 по 1937 гг., так и с 1939 по 1940 гг. При этом коэффициент выбытия оставался с 1935 по 1937 гг. примерно на одном уровне, а в 1940 г. по сравнению с 1939 г. значительно увеличился. В целом коэффициент экономичности миграции снижался. Можно отметить 1936 г., когда он значительно вырос по сравнению с предыдущим годом.

Доля прибывших мигрантов среди мужчин из города и доля из сельской местности отличались не очень сильно. В 1936 г., 1939 г. и 1940 г. доля мигрантов среди мужчин из города была немного выше, чем из села (от 3 до 5%). В то же время доля женщин из сельской местности на протяжении всего периода была выше, чем доля женщин из города (от 2 до 12%). В общем, доли мигрантов из села и города находились примерно на одном уровне. Можно отметить также высокий процент мигрантов, о которых было неизвестно, откуда они прибыли. Доля их с 1935 по 1937 гг. снижалась. Однако в 1940 г. их удельный вес вырос в 2 раза по сравнению с 1939 г.

Большая часть мигрантов в этот период уезжала в город, что характерно как для мужского, так и для женского населения. При этом доля мужчин, приезжающих в город, была гораздо выше, чем такое же соотношение среди женщин.

Доля мужского населения среди мигрантов была выше доли женского в течение всего периода, как среди

приезжающих, так и среди уезжающих.

Механический прирост населения Свердловской области шёл в основном за счёт сельской местности. В период с 1935 по 1937 гг. в среднем за счёт города механический прирост был примерно 63 тыс. в год, а за счёт села 138 тыс. в год. Миграционный прирост был выше естественного прироста, например, в 1935 г. механический прирост составил 143927 чел, тогда как естественный прирост составил 64217 чел. (6).

Таблица 1
Миграция в Свердловской области в 1935 – 1937 гг. и 1939 и 1940 гг.

Анализ табл.3 даёт нам представление о направлениях миграции. Данные составлены на основе деления СССР на экономические районы, которое применялось Госпланом СССР в конце 1930-х гг. (7, 175 - 176).

Большую часть миграции была внутриобластной. Это относится как к прибытию, так и к выбытию. Среди экономических районов по интенсивности миграции на второе место можно поставить Поволжский район, в составе которого по числу мигрантов лидировала Кировская область, на которую приходилось, например, в 1937 г. 45,6 % мигрантов от общего числа прибывших из этого экономического района. На третьем месте можно выделить внутрирайонную миграцию. Наиболее активно миграция наблюдалась, например, в 1939 г. с Челябинской областью, на которую приходилось 38,8% приезжающих и 64% выбывших внутри Уральского экономического района. Далее стоит Центральный экономический район, где особенно можно выделить Москву, сальдо с которой было в течение всего периода отрицательным. В 1937 г. на Мос-

кву приходилось 39,3% выбывших в рамках данного экономического района. Миграция с экономическими районами Европейского Севера и Северо-запада на протяжении всего периода была не столь значительной. Можно выделить Ленинград, который подобно Москве был привлекательным для мигрантов: сальдо миграции с данным городом также было отрицательным. Из табл. 3 видно, что большая часть мигрантов приезжала с европейской территории СССР, тогда как на среднеазиатские и восточные районы приходился гораздо меньший миграционный поток. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к уезжающим мигрантам: интенсивность миграции в европейскую часть страны была гораздо более активной. Обращает внимание высокая доля мигрантов выбывших без указания конкретной территории. Очень незначительный процент приходился на миграцию из-за рубежа или за рубеж.

Из анализа сальдо миграции по возрастным когортам на территории Свердловской области в 1937 г., как видно из рис. 1, наибольшее количество мигрантов приходилось на возрастные когорты от 15 до 29 лет (9). При этом с 15 до 29 лет мигранты из села значительно преобладали над мигрантами из города. В других возрастных когортах сальдо миграции из села также преобладало над городской. Примечательно, что когорта 0 – 14 лет составляет значительную часть от общего числа сальдо миграции (около 30%). На основе имеющихся данных также можно сказать, что в трудоспособном возрасте (от 19 до 59 лет) в миграции преобладали мужчины: около 29% от общего числа мигрантов, тогда как женщины составляли около 26 %. В возрастной категории 60 лет и старше, наоборот, преобладали женщины. Соответственно мужчины около 1,2%, женщины около 2,6%.

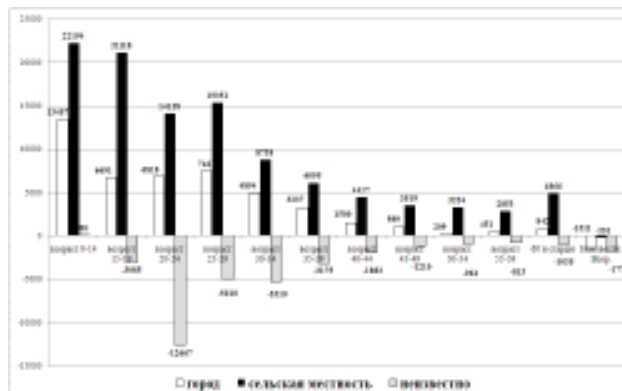

Рис. 1. Сальдо миграции по возрасту в Свердловской области в 1937 г., чел.

Механический прирост в Свердловской области в 1935 – 1937 гг. и 1939 и 1940 гг.

Таблица 2

Миграция по экономическим районам СССР в 1935 – 1939 гг., % от общего числа мигрантов

Исследование показывает, что Свердловская область находилась на второй стадии миграционного перехода. Сельское население составляло основную часть механического прироста. Активный процесс индустриализации проявился и в том, что большая часть мигрантов относилась к мужскому населению, а также в том, что большая часть мигрантов была в трудоспособном возрасте. Сальдо миграции для Свердловской области было положительным, и оно превышало естественный прирост во второй половине 1930-х гг. Основным источником была внутриобластная миграция, далее можно выделить межрайонную миграцию, где особенно выделялся Поволжский экономический район, и внутрирайонную миграцию.

Список источников и литературы

1. Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. - Екатеринбург, 1996. - С. 18.
2. ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 10-12; Д. 99. 10-12; Д. 100. Л. 23-24; Д. 101. Л. 16 -17; Д. 788. Л. 1 -1 об.
3. Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург, 2000. - С. 411.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 323. Л. 3.; Всесоюзная перепись 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. - М., 2007; Всесоюзная перепись населения СССР

- 1939 г. Уральский регион: Сборник материалов / Сост. В. П. Мотревич. - Екатеринбург, 2002.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 192. Л. 103; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 5; Д.99. Л. 4; Д. 100. Л. 7; Д.101. Л.5.
6. ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 7.
7. Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР. - М., 1959. - С. 175 – 176.
8. В бланках за 1937 и 1939 гг. отсутствует соответствующая графа.
9. ГАСО. Ф.р-1813. Оп.1. Д. 100. Л. 22.

В.П. Мотревич

Уральская государственная
юридическая академия, г. Екатеринбург

ПЛАНОВОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА УРАЛ В 1939–1953 гг.

В размещении населения СССР большую роль играла миграция. Демографы обычно выделяют четыре вида пространственного движения населения - эпизодическую, маятниковую, сезонную и безвозвратную мигра-

цию. Последняя из них включает территориальное перемещение городского населения, сельского населения, а также обмен жителями между городом и селом. До настоящего времени проблема пространственного перемещения сельского населения в научной литературе исследована явно недостаточно. В результате одни авторы утверждают, что плановая сельскохозяйственная миграция в Уральский регион происходила в первые послевоенные годы (1), а другие - что этот источник пополнения сельского населения появился только в середине 1950-х гг. (2). Однако, нам представляется, что наиболее интенсивно плановое переселение сельчан на Урал осуществлялось в 1939-1953 гг.

Крестьянская колонизация восточных районов шла издавна. Плановое сельскохозяйственное переселение в СССР началось вскоре после окончания Гражданской войны. Его целью было максимально полное использование земельного фонда и освоение многоземельных районов. В результате в 1924-1929 гг. на Урал переехали 44,1 тыс. крестьянских семей (3). В 1930 г., в связи с коллективизацией, плановое крестьянское переселение было прекращено, и возобновилось оно только в конце 1930-х гг.

Вопрос о переселении колхозников из малоземельных районов в многоземельные районы рассматривался на Майском (1939 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). В постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», было признано считать необходимым переселение колхозников в многоземельные районы Поволжья, Омской и Челябинской областей, Алтайского края, Казахстана и Дальнего Востока. Для этого при Правительстве СССР было создано Переселенческое Управление со своими органами управления в союзных республиках, областях и краях. В задачи этого Управления входило сельскохозяйственное переселение колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные, перемещение и хозяйственное устройство кочевых и полукочевых племен, переходящих на оседлость, переселение с земель, отчуждаемых для строительства, а также перемещение людей на вновь осваиваемые земли.

Вскоре после выхода данного постановления плановое сельскохозяйственное переселение на Урал было продолжено. В 1939 г. в Челябинскую область прибыли 39 крестьянских семей. В последующие годы поток мигрантов заметно возрос. В 1940 г. в Челябинской области были размещены 10420 крестьянских семей (47,8 тыс. чел.), в 1941 г. - 1879. Кроме того, в 1940 г. 697 семей переехали и в Свердловскую область (4). Направление переселенцев на Средний и Южный Урал диктовалось острой нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве этих индустриально развитых областей.

Великая Отечественная война привела к большим изменениям в размещении населения. Из фронтовой и прифронтовой полосы выехали не менее 10 млн человек, в том числе более 1,5 млн были эвакуированы на Урал. На начало 1943 г. только в Свердловской области находились 334,4 тыс. эвакуированных, из них 55,0% составляли русские, 22,0% - евреи, 11,0% украинцы. 41,2% переселенцев - это женщины, 31,5 - дети (5). Многие из эвакуированных стали работать в колхозах, совхозах и МТС. Так, в 1942 г. в сельском хозяйстве Оренбургской области работало 48,7 тыс., в Свердловской области - 15,0 тыс., в Челябинской области - 23,6 тыс. эвакуированных граждан (6). Однако убыль трудоспособных сельчан, особенно в промышленно развитых областях, была столь значительной, что приток эвакуированных не смог компенсировать сокращение сельского населения. К тому же в ходе эвакуации значительная часть переселенцев вернулась обратно.

Массовая мобилизация сельчан в армию и направление на работу в промышленность, снижение рождаемости и рост смертности привели в 1940-е гг. к уменьшению числа сельчан на Урале почти на четверть. Это было намного выше, чем в среднем по стране. Убыль населения еще больше осложнила положение в сельском хозяйстве, которое и до войны испытывало острую нехватку рабочей силы. Плановое сельскохозяйственное переселение и должно было пополнить трудовые ресурсы уральской деревни.

С началом Великой Отечественной войны плановое сельскохозяйственное переселение в СССР не прекратилось, однако его размеры сократились в несколько раз. По данным планово - финансового отдела Переселенческого Управления при СНК СССР, в 1940 г. в стране были переселены 124,7 тыс. семей, в 1941 - 43,2 тыс., в 1942 - 21,1 тыс., в 1943 - 12,8 тыс. А вот начиная с 1944 г. масштабы данного процесса резко возросли. Это было вызвано заселением территории упраздненной в августе 1941 г. автономной республики немцев Поволжья, полумиллионное население которой вывезли в восточные районы страны, а также степных районов бывшей Крымской АССР, жителей которой депортировали в Среднюю Азию и на Урал. В 1946 г. плановое сельскохозяйственное переселение стали производить в Калининградскую, Ленинградскую, Сахалинскую, а с 1947 г. в Грозненскую и Сталинградскую области, наиболее пострадавшие в годы войны. С Урала в эти районы не мигрировали, за исключением Удмуртии, откуда в 1944 г. в Архангельскую и Мурманскую области выехали 396 семей (7).

Быстрое заселение указанных выше районов позволило в 1950 г. возобновить прерванное Великой Отечественной войной сельскохозяйственное переселение на Урал. Мигранты туда стали прибывать из Белоруссии, Поволжья, а также центральных областей России. За 1950-1953 гг. из Белоруссии на Урал переселилось 6,5 тыс. семей, из областей и автономных республик Волго - Вятского района - 6,1 тыс., Центрального - 3,2 тыс., Поволжского - 3,1 тыс. (8).

Вначале миграционный поток крестьян на Урал был весьма невелик. В 1950 г. в Пермскую и Свердловскую области переехали всего 9,0 тыс. чел. В дальнейшем их число стало возрастать. В 1951 г. в Курганскую, Пермскую, Свердловскую и Челябинскую области прибыли 26,4 тыс. человек, в 1952 г. - 32,4 тыс. (9). В Башкирию, Удмуртию и Оренбургскую область, где удельный вес сельчан в составе населения был достаточно высоким, плановое сельскохозяйственное переселение в эти годы не производилось.

Происходивший на протяжении ряда лет отток сельского населения в города привел к существенному сокращению трудовых ресурсов села и уменьшению возможности их территориального перераспределения. Тем не менее, в послевоенные годы перемещение крестьян на восток в целом достигло довоенного уровня. Если в 1939-1940 гг. ежегодно по стране в нем участвовали в среднем 60,7 тыс. крестьянских семей (в годы войны в среднем 30,1 тыс.), то в 1946-1953 гг. в среднем - 59,9 тыс. семей. Всего в ходе планового сельскохозяйственного переселения в восточные районы страны за восемь послевоенных лет переехали около полумиллиона сельских семей (479,3 тыс.), в которых насчитывалось более 2 млн человек. В первые послевоенные годы переселение на Восток имело незначительные масштабы, что было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства в западных районах страны. Всего за 1946-1953 гг. на Урал прибыли 18,8 тыс. крестьянских семей (83,4 тыс. чел.). Это составляло 8,8% от числа переселенцев в РСФСР и 3,9% - в СССР (10). Основной контингент мигрантов в регион был размещен в Пермской области.

Правительство СССР установило для переселенцев целый ряд льгот. Государство оплачивало проезд и провоз имущества, списывало с хозяйств недоимки, предоставляло единовременное денежное пособие. Так, для переезжающих в Курганскую и Челябинскую области выдаваемое пособие составило 600 руб. на главу семьи и 200 руб. - на каждого ее члена (в ценах тех лет). В Пермскую область оно составляло соответственно 1000 и 300 руб. По прибытии на новое место крестьянам выделяли приусадебные участки и сенокосные угодья, отводили для строительства лес и предоставляли кредит. Хозяйства переселенцев на два года освобождались от уплаты налогов (11).

В результате планового переселения в крае впервые за много лет возросла численность сельчан. В Пермской области за 1950-1953 гг. прирост сельского населения составил 7,9%, в Свердловской - 5,3, в Челябинской области - 7,0%. Одновременно продолжался отток части населения из сельской местности. В некоторых районах переселенцы не компенсировали его убыль. Более того, они часто не задерживались долго на селе и снова включались в миграционный поток. В Курганской области, например, несмотря на прибытие 10,2 тыс. колхозников, численность сельчан постоянно сокращалась (12).

Таким образом, в военные и первые послевоенные годы в СССР происходили интенсивные миграционные процессы. Примерные расчеты показывают, что за эти годы из европейской части СССР на Восток, включая Урал, переместились в общей сложности 8-10 млн человек. Многие из них прибыли в ходе планового сельскохозяйственного переселения. Проводившееся в стране плановое сельскохозяйственное переселение из малоземельных районов в многоземельные было обусловлено необходимостью развития производительных сил страны и в определенной степени способствовало более рациональному размещению трудовых ресурсов. Правда, возможности переселения были использованы далеко не полностью. Тем не менее, благодаря этому на Урале удалось временно приостановить процесс сокращения сельского населения.

Список литературы

1. Сонин М.Я. *Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда*. - М., 1959. - С. 256.
2. Толмачева Р.П. *Колхозы Урала в 50-е гг.* - Томск, 1981. - С. 171.
3. Платунов Н.И. *Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 - июнь 1941)*. - Томск, 1976. - С. 83.
4. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 711. Л. 1 - 4; ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 376. Л. 104.
5. ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 51. Л. 142 - 143.
6. Там же.
7. РГАЭ. Ф. 5675. оп. 1. Д. 678. Л. 5 - 9.
8. Там же. Л. 101- 106, 120, 134, 135, 243.
9. Там же. Л. 42, 45, 47, 50, 52.
10. Там же. Л. 3 - 23.
11. *Справочник о льготах по переселению*. - М., 1956. - С. 6, 8, 11, 29, 52.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 101; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1556. Л. 66.

М.С. Каменских
Прикамский социально-гуманитарный колледж, г. Пермь

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ПРИКАМЬЕ В 50-е гг. XX В.

Сразу после провозглашения КНР в 1949 г. молодое китайское государство оказалось во внешнеполитической изоляции. Решить ее отчасти удалось путем тесного экономического сотрудничества с СССР (1, 156).

На фоне начавшихся дружеских и взаимовыгодных отношений между государствами было принято одно из решений – об обучении и практике китайских юношей и девушек на строящихся советских предприятиях. Решение о въезде китайцев в СССР было отчасти взаимовыгодным: СССР к середине 50-х гг. нуждался в трудовых ресурсах¹, правительство КНР, в свою очередь, имело возможность подготовить технических специалистов. В конце 1954 г. в Москве прошла серия переговоров, одним из решений которых стало постановление Совета министров СССР от 17.01.55 за № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР». Согласно этому документу в СССР для обучения и прохождения трудовой практики должны были прибыть около 200 тысяч китайцев, из них три тысячи предназначались для отправки в г. Молотов.

Данная статья посвящена труду и быту китайцев, приехавших в г. Молотов в 1955-64 гг. для получения специального образования.

Источниками по этому периоду выступают данные Государственного архива Пермской области, международные соглашения между СССР и КНР 1950-х гг., местная пресса и воспоминания самих рабочих-китайцев. Эти данные содержат полезную информацию об обстоятельствах приезда китайцев, выполняемых ими работами, условиях их труда и быта.

Переписку о приеме рабочих из КНР управление «Молотовстрой» Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности СССР начало в конце 1954 г. 15 декабря 1954 г. к начальнику стройуправления пришла первая телеграмма министра Вовченко, в которой сообщалось: «Вам выделяется рабочая сила из КНР, которая должна прибыть на строительство в июне-июле 1955 г. в количестве 3000 человек» (2, 1). Подчеркивая важность своего поручения, министр добавил: «Учитывая исключительную серьезность и крайнюю срочность решения указанного вопроса, обязываю вас лично немедленно приступить к выполнению настоящего задания, обеспечить выполнение мероприятий к 25 декабря с.г.» (2, 1).

Однако по неизвестным причинам прибытие партии в четыре тысячи человек было приостановлено по инициативе КНР. В апреле 1955 г. ЦК КПК обратился к СССР с просьбой принять на работы только тысячу человек, из которых триста – в «Молотовстрой». Помимо этого китайцы были отправлены в Казахнефтьстрой, Таймазнефтьстрой, Альметьевскнефтьстрой, Трест №2, Востокнефтьстрой (2, 15).

¹ После войны Советский Союз был занят восстановлением народного хозяйства, а также строительством новых предприятий, что требовало, помимо прочего, большого количества рабочей силы. В первые послевоенные годы эту нишу в экономике страны занимали военнопленные и заключенные. Однако решение о репатриантах 1954 г. и массовые амнистии в ГУЛАГе после смерти Сталина в 1953 г. поставили вопрос о необходимости поиска дополнительных трудовых ресурсов, в том числе и за счет рабочих из КНР. Так, в частности, рабочие-китайцы, приезжая на строительство объектов Молотовстроя, замещали эвакуированный из этих мест «спецконтингент».

В дальнейшем численность планировалось увеличить в два раза. На эту просьбу власти СССР ответил новым постановлением Совета министров. 30 апреля 1955 г. Харченко получает из министерства телеграмму следующего содержания: «Совет министров от 26 апреля 1955 г. № 815-488 с.: 1) удовлетворил просьбу ЦК КПК о наборе в 1955 г. группы китайских рабочих в количестве 1000 человек и предложил набор произвести в течение июня-июля 1955 г. с направлением китайских рабочих на стройки, в т.ч. на строительство Молотовского НПЗ «Молотовстрой» 300 человек» (2, 15).

После прибытия в июле первой партии по плану, поставленному управлением трудовых резервов, должна была прибыть еще одна – через год.

Вторая партия китайцев в 300 человек прибыла в Пермь 5 сентября 1956 г. (3, 3). По прибытии китайцев новый начальник «Молотовстроя» Константинов отправил министру телеграмму следующего содержания: «Сообщаю, что прибывшие восточные рабочие 303 человека нами были организованно встречены, с вокзала на автобусах перевезены на строительство». Пройдя медосмотр, китайцы были размещены в новом специально построенном бараке (140 человек), 59 – в общежитие к китайцам, прибывшим в 1955 г., 104 – за неимением места – в клубе пос. Балатово, где велись строительные работы (позже их перевели в новое здание в 504 кв.м.) (3, 3).

Таким образом, к концу 1956 г. в Молотове проживало 597 китайцев. Среди них, по данным отдела кадров Молотовстроя, было коммунистов – 101, комсомольцев – 251; по семейному положению: женатых – 91, не женатых – 506; по образованию: среднее образование имел 1, 8 классов – 8 человек, начальное образование – 164 человека, неграмотных – 374 (4, 255, 297-298).

Информация, касающаяся труда прибывших китайцев, содержится в «Справке о трудоустройстве китайских рабочих, их заработке и производительности труда», находящейся в «Трудовых отчетах о работе китайских рабочих за 1956-57 гг.» (17, 3). Документ не датирован, однако, судя по месту положения в папке и по содержащейся информации, он относится к первым неделям пребывания китайских рабочих в Молотове. В справке говорится, что по прибытии рабочие были ознакомлены с участками их работы, прошли вводный инструктаж по ТБ, были условно протарифицированы для определения их заработка. Поскольку рабочие не имели никакой строительной специальности, для лучшего освоения ими строительных профессий, кроме бригадиров-инструкторов, к бригадам были прикреплены инструкторы передовых методов труда из бюро техпомощи «ЦНИС Строй Нефть» (4, 297-298).

Согласно этой справке, прибывшие китайцы первоначально были отправлены на строительные и подсобные работы, а параллельно получали профессиональное образование. В соответствии с упомянутым выше постановлением от 17.01.55 на китайских рабочих было распространено трудовое законодательство СССР, «социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, культурно-бытовое обслуживание и организация отдыха, а также все условия оплаты труда, действующие на соответствующих предприятиях и стройках для советских рабочих» (2, 12).

Через месяц после прибытия второй партии китайцев начальник Молотовстроя писал замминистру строительства предприятий нефтяной промышленности: «Первый месяц их (второй партии китайцев. – авт.) работы показал, что приехавшие товарищи очень трудолюбивые и выполняют свои задания на 85-100%, их средний заработок составляет 16-18 рублей в день... Что касается работы восточных рабочих, прибывших в прошлом году, они

уже вполне удовлетворительно освоили строительные профессии». По его словам китайцы получили следующие профессии: плотники 4-5 разряда – 30 человек, каменщики 4-5 разряда – 110 человек, каменщики 3-4 разряда – 60 человек, штукатуры 4-5 разряда – 58. «Помимо этого, - продолжал Кортунов, - многие из китайцев изъявили согласие освоить вторые профессии и в данное время учатся на: слесари (16), токари (15), электросварщики (5), кузнецы (2), фрезеровщики (3), вулканизаторщики (2). Всего обучается вторым профессиям с уклоном на металлообработку – 40 человек, и эти профессии, 45 человек освоили вторые строительные профессии: каменщики, штукатуры и др.» (3, 15).

Большое внимание уделялось обучению и адаптации китайцев.

В упомянутой выше справке говорится, что «по прибытию китайских рабочих на строительство с ними был проведен инструктаж по ТБ с показом диафильмов. За бригадами плотников, штукатуров, каменщиков, бетонщиков на протяжении первых двух месяцев работы были закреплены инструктора передовых методов труда, которые вели с ними обучение по освоению профессий. Со всеми китайскими рабочими организованы кружки по изучению русского языка и проведено от трех до четырех занятий.

Для лучшего освоения строительных профессий всем китайским рабочим были показаны некоторые технические кинофильмы» (4, 248).

В приказе начальника Молотовского управления строительства МСПНП от 20 октября 1956 «О производственном обучении вновь прибывших восточных рабочих строительным профессиям» говорится о необходимости «организовать производственное обучение с восточными рабочими» (3, 257). Специально для китайцев в организации была утверждена должность инструктора по организационной и культурно-просветительской работе среди китайских рабочих с окладом 1200 р. (3, 7). Все подтверждает внимание к работе с китайцами со стороны начальства Молотовстроя.

В документах, помимо чисто формальных вопросов, содержится информация о быте китайцев Молотовстроя. Как следует из «Акта проверки подготовленности управления МСТ МНП к приему китайских рабочих», Главного управления трудовых резервов при совете министров союза СССР, все китайцы были размещены в реконструированном поселке для заключенных ГУЛАГа (лагерь ОН № 4 и поселок ВОХР в пос. Балатово г. Молотова) в четырнадцати бараках общей площадью 5440 кв.м. Для китайцев к их приезду был подготовлен необходимый инструмент, приспособления и оборудование для ведения строительных работ, а также спецодежда, проведены работы по включению общежитий в общую сеть теплотрассы, все подготовленные к заселению бараки были электрифицированы и радифицированы. Отдельно были построены парикмахерская, прачечная, почта и сангородок (2, 18). Отчет Константинова в МСПНП: «Для общежития восточных рабочих был приобретен новый мягкий инвентарь, как то одеяла, подушки, простыни и др., а также оборудованы столами, стульями, шифоньерами. Во всех общежитиях работает система горячего отопления. При общежитиях имеется продуктовый магазин, общественным питанием они обслуживаются столовыми строительства с учетом их национальных запросов» (3, 4).

Все китайские рабочие были охвачены профсоюзным членством, при активном участии партийной организации проводилась массово-политическая работа (4, 248).

Как писал в 1956 г. министру начальник Молотовстроя: «Многие из прибывших в прошлом году восточных

рабочих проявляют большое внимание и изучают русский язык, занимаясь этим предметом при школе взрослых. На строительстве организовано культурное обслуживание восточных рабочих, так, по плану ими просматриваются китайские кинофильмы, а по радиотрансляции им предаются передачи на китайском языке» (3, 6). По его словам, китайцы «посещают центральный клуб в поселке Балатово, и просматривают русские кинофильмы и клубные постановки, научились танцевать и в клубе можно видеть русских девушек, танцующих с восточными рабочими, ведут они себя очень корректно... Все они очень видоизменились, каждый из них за один год работы приобрел: костюм, плащ, часы, многие купили велосипеды и другие вещи. Наблюдая и изучая их быт, следует сказать, что живут они строго по своим заработкам, не употребляя спиртные напитки, 60-70% из всех не курят».

Что касается отношений, то судя по отчетам в министерство, конфликтов между китайцами и русскими не было. Во-первых, КНР был внешнеполитическим союзником, во-вторых руководство Молотовстроя получило задание следить за тем, чтоб труд китайцев был максимально обеспечен. Все рождало в среде лояльное отношение к китайцам. Так, например, когда однажды бригада штукатура Чжоу Фын недополучила часть зарплаты по ошибке отдела кадров, последовало скорейшее разбирательство и деньги китайцам были выплачены (4, 195).

Сами китайцы, по их воспоминаниям, чувствовали себя вполне комфортно и неприязни со стороны русских не упоминают. Они охотно шли на контакт. Уже через год после их прибытия в Молотове было сыграно 10 межнациональных свадеб. Упоминания о китайцах периодически появлялись в местных средствах печати, для жителей китайцы показывали костюмированные представления (6, 3; 7; 3). Однако отношение к китайцам было влиянием политического курса. После того как с начала 1960-х гг. произошло охлаждение отношений между СССР и КНР (7, 167), закончившееся в конце 60-х гг. политическим кризисом, отношение к китайцам поменялось. В 1964 г. по директиве из КНР все китайские рабочие получили приказ вернуться на родину. Почти все из них уехали, многие оставили даже семьи с детьми. Однако 10 человек, имеющих русских жен и детей, остались. Пятеро продолжают жить в Перми сегодня.

Таким образом, на примере данного исторического сюжета можно проследить, как отношения между КНР и СССР в 50-е гг. привели к аккумуляции этнических процессов на Урале, имеющих важное этнографическое значение и представляющих материал для конкретно-исторических исследований.

Список источников и литературы

1. Усов В. Н. История КНР. В 2 т. - Т.1. 1949-1965. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. - 812 с.
2. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 1084-р. Оп.2, д. 12, с.1: Переписка управления «Молотовстрой» по приему рабочих из КНР.
3. ГАПО. Ф. 1084-р., Молотовстрой, оп. Д.17: Переписка Треста «Молотовстрой» по поводу приезда рабочих из КНР.
4. ГАПО. Ф. р 1084-р, оп. 1, д. 201. Трудовые отчеты о работе китайских рабочих за 1956-57 гг.
5. К одной цели// Звезда. -1959. - 1 октября. - С. 3.
6. Будем крепить дружбу// Звезда. - 1959. - 1 октября. - С. 3.
7. Капица М. С. Эскалация вероломства. - М.: Знание, 1970.

В.А.Федоров
г. Курган

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ ЗАУРАЛЬСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Миграционная подвижность населения является выражением определенных социальных закономерностей и, по сути, неизбежна. Как социальное явление миграция населения сложна и противоречива. С одной стороны, она имеет многие позитивные стороны – решает проблему занятости населения, эффективное использование производительных сил, освоение территорий и т.п. С другой стороны, миграция может оказывать и отрицательное влияние, создавая излишним оттоком или притоком населения, рабочих кадров трудности для развития тех или иных поселений, хозяйственных регионов, отраслей хозяйства, страны в целом. Всякая конкретная миграция населения – явление многофакторное. Факторы миграции можно свести в несколько основных групп: 1) природные условия (климат, макро- и микроландшафт и т.п.); 2) освоенность территории (её обжитость, обустроенность); 3) характеристика поселения (его величина, общий вид, благоустройство, отдаленность от культурных и административных центров); 4) состав населения (по полу, возрасту, национальности, хозяйственным занятиям); 5) условия труда (его характер, гигиенические условия, трудоёмкость, возможности социального и профессионального роста, условия перемены труда, уровень заработной платы и т.п.); 6) жилищно-бытовые условия (собственно жилищные условия, ведение подсобного хозяйства, бытовое, торговое, медицинское и транспортное обслуживание, обеспеченность средствами связи, детскими школьными и дошкольными учреждениями, условия безопасности); 7) культурно-досуговые условия (возможности для образования, культурного досуга); 8) другие сопутствующие факторы (характер миграции – со знаком «плюс» или «минус», её величина, миграционные льготы). Факторы миграции имеют различную значимость в зависимости от места, времени, состава населения, характера его занятий и т.п.

Отмеченное было, по возможности, положено в основу исследования причин оттока рабочей силы из колхозов Курганской области, осуществленного Лабораторией конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института в 1975 году. В ходе его проведения были изучены статистические данные движения населения в области, годовые отчеты колхозов, а также мнения об условиях жизни и причин миграции колхозников 1600 респондентов из 24 хозяйств. Рассматриваемая миграция колхозников имела свою специфику, связанную с сельским образом жизни, существенными различиями между городом и деревней, особенностями колхозного крестьянства как специфического социального класса советского социализма, развития советского общества и советской деревни в данный период. Это было время относительно высокой миграции сельского населения в города, особенно молодежи, девушек. Поэтому в селе из-за неблагоприятных пропорций в составе населения сложились относительно низкая рождаемость, высокая смертность и, соответственно, ниже, чем в городе, естественный прирост населения, что отражено в табл.1.

Таблица 1

Естественный прирост населения в сельской местности не перекрывал числа уезжающих из неё, как и из области в целом, поскольку зауральское село являлось донором по миграции населения не только относительно городов области, но и других регионов страны. Об этом говорят данные табл. 2.

Таблица 2

В результате отмеченных выше процессов, численность городского населения в области постоянно возрастала, а сельского – уменьшалась. Ко времени исследования они примерно уравнивались – табл. 3.

Таблица 3

Особенностью интенсивной сельской миграции в это время являлось и то, что происходила она на фоне относительно быстрого и всё ускоряющегося развития села, значительного улучшения условий труда, быта, досуга колхозников. Так, изменялись к лучшему характер труда, его содержание, условия. Труд становился всё более механизированным, росла его энерговооружённость. Расширялся круг видов трудовой деятельности, возможности приложения способностей, знаний людей. Росла заработная плата, совершенствовалась система материального и морального поощрения. Складывалась система выходных дней, отпусков. Улучшались жилищно-бытовые условия. Строилось личное и колхозное жильё, механизировалось домашнее и подсобное хозяйство. Колхозникам оказывалась помощь в строительстве и ремонте жилья, ведении приусадебного хозяйства. Развивалась сфера общественного быта – собственно бытового обслуживания, торговли, общественного питания, здравоохранения, связи, дошкольного обслуживания. Шло активное дорожное строительство, открывались новые автобусные маршруты. Много делалось по благоустройству сёл, развивалось их коммунальное хозяйство. С улучшением условий труда и быта больше времени высвобождалось для отдыха и досуга. Развивалась и его материальная база. Клубы, ДК, библиотеки к этому времени были практически во всех сельских поселениях. Досуг, как общественный, так и домашний, всё более насыщался техническими достижениями. Он становился более сложным и богатым. В его структуре всё чаще появлялись занятия, связанные с активным отдыхом, культурным потреблением, просвещением, творчеством. Расширялись возможности для получения образования, как общего, так и профессионального.

Но одновременно с улучшением условий жизни возрастал и критический настрой колхозников к ним. Их не удовлетворяло многое в сельской жизни, что ранее казалось вполне приемлемым и само собой разумеющимся. Далекое не всем нравился труд под открытым небом, подверженный всем погодным условиям, разбросанный по огромной территории, с более узким, в сравнении с городом, кругом видов деятельности, профессий, слабой механизацией, неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями, неравномерным распределением нагрузки в течение года, недели и даже рабочего дня, невысокой заработной платой и т.п. Не удовлетворяло более колхозников и традиционное неблагоустроенное крестьянское жильё, необходимость вести в больших объёмах домашнее и подсобное хозяйство, базирующееся в основном на тяжёлом ручном труде и отнимающее много времени. Немало проблем было в сфере общественного быта, в результате чего колхозники вынуждены были тратить дополнительное время, средства, энергию на поездки в центральные усадьбы колхозов, районные центры, города, чтобы получить те или иные услуги. Не были безразличны колхозники и к тому, как благоустроено их село, какова его связь с внешним миром и т.д. В сфере досуга крестьяне стали нуждаться не только в условиях для простого отдыха, но и для духовного развития, образования, возможности для которых на селе оставались традиционно ограниченными. Не удовлетворялись они более и жизнью в мелких поселениях с небольшим кругом общения, ограниченным выбором потенциальных супругов, жестким социальным контролем: семейно-родственным, общинным, административным.

Действительно, многое в условиях жизни колхозников оставляло желать лучшего. В то же время, относительно высокая и постоянно растущая доля неудовлетворённых среди них теми или иными сторонами своей жизни в колхозе объяснялась не только их существующими недостатками, но и значительно возросшими требованиями, предъявляемыми крестьянами, что было связано, прежде всего с ростом их потребностей. В свою очередь, последние определялись не только конкретными условиями проживания людей, но и условиями развития общества в целом или его более развитых частей, в частности, города, связи с которым и информация о котором у колхозников существенно возросли. В результате в сознании колхозников формировались определённые социальные нормы, некоторые общие представления о той жизни, которую они считали необходимой, и в случае, когда она не соответствовала им, возникало её неприятие. На критический настрой колхозников действовала и своеобразная психологическая установка, при которой человек притягивал сам городской образ жизни, ставший в массовом сознании вообще синонимом лучшего образа жизни в современных условиях в сравнении с другими. Отсюда немалую роль в критических и миграционных настроениях колхозников играли такие факторы, как общественное мнение на селе и подражание – родственникам, знакомым, друзьям, живущим в городе. Как бы то ни было, колхозники перестали воспринимать исторически сложившиеся различия в условиях жизни между городом и деревней как нечто естественное и вечное, а рассматривали их как отклонение от нормальных условий. Своёобразным передовым отрядом в этом отношении была молодёжь, наиболее грамотная часть сельского населения, специалисты. При неблагоприятном стечении обстоятельств отмеченное выше выливалось в желание уйти из колхоза. Основные причины такого желания колхозников представлены в табл. 4.

Сознанию многих колхозников более импонировало дальнейшее ускоренное развитие деревни, сочетание в ней традиционных сельских ценностей, удобств с городскими, чем переезд в город. В связи с этим задача заключалась в том, чтобы на благоприятном фоне любви крестьян к своему месту жительства, сельскому образу жизни, опираясь на действительные достоинства, преимущества сельской жизни, принять меры для снижения миграции до некоего оптимального уровня. Для этого необходимо было обратить особенное внимание на те факторы миграции, на которые общество, отрасль, регион, хозяйство могли в данное время оказать более существенное воздействие. Прежде всего, необходимо было обратить внимание на тех потенциальных мигрантов, которые хотели сменить место жительства из-за неоправданно завышенных ожиданий, недооценки нынешнего места работы, места жительства, незначительных причин, а также на устранение трудностей, связанных с проживанием в деревне, для всех. С этой целью общественные организации и правления колхозов стали больше внимания уделять социальным процессам в своих хозяйствах, формированию у сельских жителей, особенно молодежи, реальных взглядов на жизнь, интересов, связанных с жизнью родного села, колхоза. Всё это находило отражение в планах социального развития трудовых коллективов. Большое внимание стало уделяться и главному фактору миграции – уровню благоустроенности колхозной жизни. Преобразования в этом отношении стали осуществляться более ускоренно. Создавалась система сельского строительства с мобильными организациями по выпуску материалов, техники и оборудования, что позволяло строить много, быстро и качественно. Складывалось коммунальное хозяйство по обеспечению села электроэнергией, газом, водой, теплом, транспортом. Постепенно улучшались условия труда, быта, досуга сельчан. К сожалению, через десяток лет эти позитивные процессы на селе были прерваны «перестройкой» и «реформами»: колхозы были «преобразованы», сёла оказались в разрухе, а многие из них вообще перестали существовать.

В конечном итоге противоречия между потребностями, интересами людей и возможностями их реализации приводили к значительной миграции населения. Это порождало трудности в обеспечении села квалифицированными кадрами, сдерживало его развитие, способствовало ещё большей миграции. В области происходило сокращение числа сельских поселений, их людности, реже становилась густота их размещения. Особенно страдали мелкие сельские поселения – бригадные подразделения колхозов. В то же время далеко не все потенциальные мигранты, те, у кого появилось желание уйти из колхоза, намерены были перебраться в город, что видно из табл. 5.

Приведенные данные показывают, что у многих колхозников проявлялась значительная привязанность к сельской жизни, её положительным, с их точки зрения, особенностям. Большинство работников села предпочитали жить в сельской местности. Даже из числа потенциальных мигрантов многие хотели уехать не в город, а лишь в другое, более крупное, благоустроенное сельское поселение.

Список литературы

1. Никулин В.В., Степанова И.Н., Федоров В.А. Сравнительный анализ причин текучести рабочей силы в колхозах Курганской области. (Для служебного пользования). – Курган, 1976.
2. Федоров В.А. Социально-бытовые потребности как фактор миграции сельского населения//Социально-экономические противоречия современного общества и пути их разрешения: Тезисы докладов научно-практической конференции/Под ред. В.В. Никулина. – Курган, 1989.
3. Федоров В.А. Культура досуга колхозников Зауралья: 70-е годы XX века //Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Вып. 6.: Сб. научных трудов/Отв. ред. В.В. Подливалов. – Курган: КГУ, 2005.
4. Федоров В.А. Некоторые стороны быта русского крестьянства в 70-е годы XX века //История и этнология: на перекрестке времен и культур: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, ноябрь 2007г.) / Ред. коллегия: И.С. Менщиков и др. – Курган: КГУ, 2008.

О.В. Горбачев

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1990-е ГОДЫ

Существенной чертой миграционных перемещений в России 1990-х гг. является затруднительность их характеристики с привлечением традиционного теоретического инструментария, в том числе концепции «миграционного перехода». Опыт изучения миграции в советские годы настраивает исследователя на учет факторов урбанизации и рынка труда, в то время как в рассматриваемое десятилетие побудительными причинами, формировавшими миграционное поведение, выступали в первую очередь политическая и экономическая нестабильность, этнические конфликты. Такая ситуация лишней раз демонстрирует «особость» миграции в ряду прочих демографических процессов. Миграционные модели гораздо менее статичны в сравнении с процессами естественно-го воспроизводства населения и подвержены быстрым изменениям под влиянием текущей ситуации в местах выхода мигрантов. С другой стороны, исследователь миграции должен отдавать себе отчет, что действие факторов, традиционно формировавших миграционное поведение жителей конкретной местности, не прекращается в новых условиях, а лишь видоизменяется. Таким образом, для понимания сути миграционных процессов и оценки возможных последствий необходимо учитывать их обусловленность как проявлениями глобальных закономерностей, так и ситуативными воздействиями.

Традиция интенсивного миграционного обмена, характерная для Урала в целом и для Среднего Урала в частности, определяется местом региона в схеме перераспределения рабочей силы в границах бывшего СССР и Российской Федерации. В исторической ретроспективе интерес потенциальных мигрантов к региону формировался, как правило, под влиянием мероприятий государства, заинтересованного в скорейшей разработке местных природных богатств. Проблема видится в том, что из-за гипертрофированной роли государства в России–СССР даже по истечении многих десятилетий освоения Уральского региона не вполне утратил признаки колонизируемой территории, заключающиеся в несбалансированном развитии различных отраслей экономики, слабой социальной сфере. Именно поэтому изменение государственных приоритетов (в том числе постепенный отказ от идеи ключевой роли тяжелой промышленности в эпоху НТР, наблюдавшийся в 1960–1970-е гг., или свертывание военных программ в эпоху «перестройки») приводило к оттоку населения, тем более значительному, что местная качественная система подготовки научно-промышленных кадров делала их востребованными и за пределами Урала.

Явление внутренней миграции многогранно, здесь же мы предполагаем остановиться лишь на нескольких проблемах:

- изменение направления и интенсивности внутренних миграционных потоков;
- характер обусловленности внутренней миграции мероприятиями экономической политики и текущей социально-экономической ситуацией;
- соотношение внутренней и внешней миграций.

Все российские территории в 1990-е гг. демонстрировали схожие миграционные тенденции. Во-первых, в период с 1989 по 2000 гг. происходило постепенное снижение интенсивности миграционного обмена; во-вторых,

в границах этого периода зафиксирован резкий спад миграционного оборота, совпавший с началом радикальных экономических реформ в 1992 г. с последующей коррекцией в 1994–1995 гг. При этом показатели интенсивности миграции на Урале были несколько выше среднероссийских, что выглядело сохранением тренда, обозначившегося в предшествующие десятилетия (5, 23). Объемы миграционного оборота отчетливо убывали с востока на запад, при этом Урал активно принимал мигрантов из Сибири и Дальнего Востока, не менее активно отдавая их в центральные и юго-западные районы страны. Миграционный прирост, поначалу отрицательный, к началу нового тысячелетия сменился в регионе на слабоположительный (2, 430–431).

В рамках происшедших изменений постепенно изменился миграционный статус большинства уральских территорий, где стал отмечаться положительный миграционный баланс. Эти изменения мало отразились на Среднем Урале. Хотя, начиная с 1950-х гг., Уральский экономический район выступал в качестве миграционного донора, Средний Урал, территориально почти совпадающий со Свердловской областью, уже тогда имел положительный миграционный прирост, хотя и небольшой. Поэтому в 1990-е гг. его миграционный статус остался прежним.

В 1990-е гг. в миграционном обмене с другими территориями Средний Урал оказался под воздействием еще одного общероссийского тренда – движения из приграничных с Казахстаном территорий в городские агломерации Урала и Поволжья. Урбанизированная Свердловская область наряду с Челябинской выступали в привычном для себя качестве магнита для соседних аграрных областей. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что интенсивные процессы урбанизации, определявшие направление миграционных перемещений во второй половине XX в., продолжали играть существенную роль в распределении населения региона.

В связи с этим уместно еще одно замечание. Дело в том, что промышленный характер развития Среднего Урала предопределил его раннее вступление в агломерационную фазу. В теории это означает прекращение миграционного оттока из села в город и начало агломерационного освоения сельской местности. В то же время на рубеже 1980–1990-х гг. перспектива такого освоения выглядела достаточно туманной из-за существенно более интенсивного миграционного оттока за пределы региона в силу упомянутой выше неблагоприятной экономической и социальной конъюнктуры. Важную роль играет то обстоятельство, что в условиях опережающего роста городов, в том числе за счет привлеченной из других регионов рабочей силы, связь города и села на Среднем Урале проявляется существенно слабее, чем, к примеру, на территориях староосвоенного центра. Характерно, что в благоприятных экономических условиях местные города принимают население других областей, в неблагоприятных – отдают, при этом внутрирегиональный обмен сельских поселений с городом лишь ненамного превышает межрегиональный. Эта тенденция ярко проявилась в кризисном 1993 г., когда и города, и села Свердловской области равно проигрывали в обмене населением с другими российскими территориями.

Село Среднего Урала в 1990-е гг. в целом демонстрирует привычную умеренно-отрицательную динамику в миграционном обмене с городом, характерную для завершающей стадии индустриального этапа эволюции системы расселения (по классификации Ж.А.Зайончковской) (1, 3). Отклонения в сторону слабоположительных значений приходятся на начало 1990-х гг., достигая пика в 1992 г., что можно увязать как с углублением экономи-

ческого кризиса, спровоцировавшего отток из городов, так и с попытками фермеризации. Во второй (и последний) раз положительный миграционный прирост в сельских поселениях отмечен в «дефолтовский» 1998 г. При этом примерно наполовину численность населения среднеуральского села пополнилась за счет выходцев из других регионов.

Характерно, что последствия второго кризиса 1990-х гг. в меньшей степени повлияли на подвижность населения, чем первого, а миграционная динамика региона, несмотря на сокращение городского населения, оставалась положительной. Эту ситуацию можно связать с результатами экономических реформ. С появлением частного сектора снизилась острота главной проблемы промышленных уральских областей – невозможности альтернативного трудоустройства. В целом же влияние реформ 1990-х гг. на миграционные процессы достаточно своеобразно. Здесь следует упомянуть уже отмеченное снижение интенсивности миграционных перемещений как результат падения жизненного уровня населения и распространения платного образования (получение образования для выходцев из села теперь было сопряжено гораздо с более существенными финансовыми затратами, чем прежде; оказалась разрушена система целевого набора абитуриентов из сельской местности. Традиционные миграционные мотивации менялись и потому, что во многих сельских районах появились филиалы коммерческих вузов и разнообразные формы дистантного образования). В качестве одного из негативных последствий реформ 1990-х гг. принято отмечать повышение удельного веса внутрирегиональных переездов, провоцирующего усиление замкнутости региональных рынков труда (З, 241). Представляется все же, что для Среднего Урала с его традиционным интенсивным межрегиональным обменом эта опасность не так велика. Что касается прогнозируемого увеличения подвижности рабочей силы как условия экономического роста, то в 1990-е гг. эти надежды не оправдались и проявились лишь в начале нового тысячелетия. Имеются в виду, во-первых, миграции в сырьедобывающие районы как следствие роста мировых цен на энергоносители, а во-вторых, переезды ограниченного числа высокооплачиваемых менеджеров в перспективные регионы на фоне насыщения столичного рынка квалифицированной рабочей силы.

Характеризуя внутреннюю миграцию населения 1990-х гг., невозможно игнорировать миграцию внешнюю. Прежде несущественная, в последнее десятилетие XX в. она внесла серьезные коррективы в демографический баланс региона. В литературе отмечается, что несмотря на значительное увеличение объемов внешней миграции, ее доля даже в годы максимального притока выходцев и стран СНГ и Балтии не превышала 66%, а в остальные годы не поднималась выше 20% (2, 429). Данные по Среднему Уралу соответствуют общероссийской тенденции. При этом объемы внешней миграции, так же как и внутренней, к концу 1990-х гг. уменьшаются (6, 78–79; 4, 3. См. также рис. 1). Вместе с тем в регионе имеется весьма показательная особенность – несмотря на сравнительно небольшие объемы в сравнении с внутренней миграцией, население региона увеличивается главным образом именно за счет внешних мигрантов. Так, в 1994 г. баланс во внутрироссийском обмене оставался для региона отрицательным (–0,9 тыс. чел.), но за счет внешней миграции он был многократно перекрыт (+22,1 тыс. чел.). В последующие годы внешний миграционный прирост примерно в 4–5 раз превышал внутренний (6, 78–79; 4, 3). Характерная деталь – выходцы из стран СНГ предпочитали города региона, куда переезжало всех миг-

рантов (Здесь следует отметить, что проблема нелегальной миграции из стран СНГ до 1 октября 2000 г., т.е. до введения процедуры получения вида на жительство, еще не давала себя знать. Это позволяет говорить о корректности большей части доступной статистики по внешней миграции 1990-х гг.).

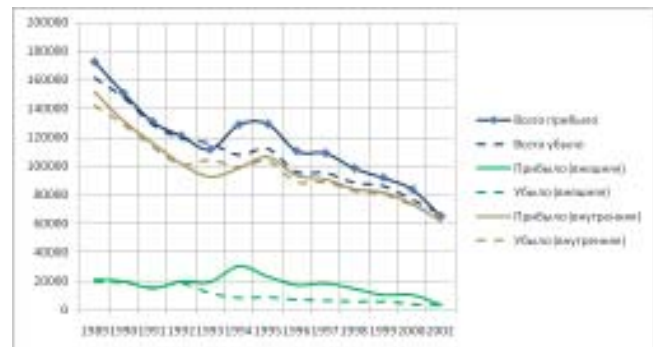

Рис. 1. Объемы миграции по Свердловской области, тыс. чел.

Соотношение внутреннего и внешнего миграционных потоков может измениться в случае повышения миграционной привлекательности Урала для выходцев из других регионов. В границах УрФО предметом особого интереса для переселенцев пока являются нефтедобывающие Тюменская область и Ханты-Мансийский национальный округ (кстати, только в обмене с последним Свердловская область теряет население, с остальными регионами – приобретает). Надежды на сбалансированное демографическое развитие связываются с дальнейшим развитием транспортной сети региона, его производственной и социальной инфраструктуры, а в федеральном масштабе – с постепенным замещением сырьевой составляющей в экономике страны наукоемкими технологиями.

Список источников и литературы

1. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. - М., 1991.
2. Мкртчян Н.В. Внутренние миграции населения России в 1990-е гг. // Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграции. - М., 2005.
3. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. - М., 2004.
4. Миграция населения Свердловской области в 2000 году. Стат. бюл. - Екатеринбург, 2001.
5. Население Урала. XX век: История демографического развития. - Екатеринбург, 1996.
6. Свердловская область: Демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: Стат. сб. - Екатеринбург, 1999.

Н.П. Мартынюк
Курганский государственный
университет, г. Курган

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАНГАЗЕИ

«Тахаравы харад» - «Разрушенный город», так теперь называют это место коренные селькупы. Лишь в исторических источниках можно найти столь красочные определения Мангазеи как «Златокопящая вотчина государева», «сибирская сокровищница», «соболиный Клондайк». Город просуществовал чуть более семидесяти лет, а затем на долгие годы исчез из памяти людской. За столь короткое время он успел «пережить шумную славу неслыханного богатства и горечь полного запустения».

До сих пор, в истории Мангазеи остается много спорных вопросов, хотя ее изучением занимался ряд видных историков и археологов. Тем не менее, неразрешенные проблемы еще существуют. Впервые историографический очерк был составлен Г.П. Визгаловым несколько лет назад, что стало несомненным вкладом в развитие отечественного сибиреведения.

В историографии выделяются две линии: история изучения заполярного города, основанная на сохранившихся письменных источниках, и история археологического исследования Мангазеи.

Впервые к изучению Мангазеи обратился историк XVIII в. Г.-Ф. Миллер. Его известный труд «История Сибири» был основан на огромном комплексе документов, которые ученый собрал и скопировал в местных архивах во время поездок по Сибири в 1733–1743 гг. (15). После изысканий Г.-Ф. Миллера Мангазея была надолго «заброшена» в историографии Сибири. Появившиеся в XIX в. обобщающие работы по истории Сибири П.А. Словцова и И.В. Щеглова были основаны на уже опубликованных источниках и трудах Г.-Ф. Миллера; ничего нового для воссоздания истории уникального заполярного города они не внесли. Исключение составляют оригинальные работы известного западносибирского краеведа Н.А. Абрамова, в том числе его статья о святом мученике Василии Мангазейском (1).

Нельзя не отметить опубликованную в 1880-е гг. серию статей А.В. Оксенова. Продолжая его работы, в 1890 и 1903 гг. Д.Н. Анучин опубликовал две статьи историко-географического характера. В них он развил мысль Г.-Ф. Миллера о том, что географическая область «Молганзея» была известна русским людям задолго до основания города на Тазе, который и воспринял более старое название (3). В конце XIX в. к изучению вопросов первоначальной русской колонизации Сибири обратился П.Н. Буцинский, опубликовавший в 1883г. первую в историографии специальную работу о Мангазее. П.Н. Буцинский обратился к архивным материалам Сибирского приказа. Это позволило ему создать научно значимый очерк о жизни Мангазеи первой половины XVII в., в котором он убедительно доказал, что город был заложен в 1601г. Ученый также уделил внимание истории Мангазейского морского хода (9). Существенный вклад в изучение проблем истории Сибири внес С.В. Бахрушин, чье многогранное научное творчество представляет целый этап в отечественном сибиреведении. Им создана достаточно полная панорама своеобразной жизни Мангазеи, в которой нашли отражение сведения о городских постройках Мангазеи, их взаимном расположении, о составе жителей Мангазеи. Большую ценность для археологов представляет его статья о снаряжении русских промышленников (4). Особая линия в изучении Мангазеи связана с таким направлением историографии, как история географических открытий в Сибири. В 1940–1950-е гг. появились труды В.Ю. Визе, К.С. Бадигина, М.И. Белова, в которых плавание поморов в Мангазею рассмотрены в широком контексте исторического опыта русского мореплавания в Северном Ледовитом океане (8). М.И. Белов, занимаясь историей географических открытий, неоднократно возвращался к «мангазейской» теме. Его статья об открытии русскими Таймырского полуострова органично дополнила выводы С.В. Бахрушина о большом значении Мангазеи в организации экспедиций по Северу Сибири (5).

В 1960 г. появилась фундаментальная монография Б.О. Долгих, в которой на основе анализа ясачных книг рассмотрен родовой и количественный состав аборигенов Березовского и Мангазейского уездов – фактически всей территории Севера Западной Сибири (13). Работы С.В. Бахрушина о русском промысловом населении Ман-

газейского уезда были продолжены В.А. Александровым и П.Н. Павловым (2). П.Н. Павлов, продолжая исследования В.А. Александрова, обратился к теме формирования (в более широких территориальных рамках) постоянного русского промыслового населения на Севере Сибири и попытался выяснить степень участия разных социальных слоев в пушном промысле (16). К началу 1960-х гг. история Мангазеи была довольно неплохо изучена по письменным источникам. Однако материальная культура первых колонистов Севера Западной Сибири и архитектура Мангазеи в письменных источниках оказались отражены весьма слабо. В связи с этим в конце 1960-х гг. сформировалась потребность комплексного исследования Мангазеи с привлечением археологии и этнографии. Попытка такого исследования Мангазеи с проведением масштабных археологических работ была предпринята в 1968г. по инициативе и под руководством М.И. Белова при участии археологов О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова (6). В 1980–1981 гг. на основе тщательного комплексного исследования археологических, биолого-географических, картографических и письменных источников авторам удалось создать двухтомную капитальную монографию, в которой впервые дается глубокая обобщенная характеристика одного из первых и крупнейших городских поселений Сибири за Полярным кругом (7). Публикация этого комплексного научного исследования вызвала во многом заслуженное доверие со стороны научной общности. К сожалению, при внимательном и непредвзятом чтении данной монографии все чаще выявляются неточности, неверные суждения, неправильная интерпретация документов. Именно с этой проблемой столкнулись современные исследователи при непосредственной работе на городище, увидев некоторое несоответствие в отчетах Белова. Еще О.Н. Вилков и Ю.В. Курсков отмечали, что М.И. Белов придает Мангазее черты большей феодальности, чем это было в действительности (12).

Не совсем верным является желание М.И. Белова представить Мангазею как феодальный русский город. По мнению Вилкова, основное упущение М.И. Белова, при характеристике воеводского мангазейского двора состоит в том, что он не разграничил в лице мангазейских воевод частновладельческого и казенногосударственного начал.

По служебному положению мангазейский воевода – это административный чин, глава уездного управления, с четко обозначенными правами, обязанностями, государственным жалованием, обеспеченный казенными служебными и жилыми помещениями. Будучи на государственной двух-четырёхлетней службе в Мангазее, воеводы собственных хором не заводили. Поэтому воеводский двор в Мангазее – это не «феодальная усадьба-вотчина», а просто-напросто государственная резиденция высшего административного чина мангазейского уездного управления, подчинявшегося московскому правительству во главе с царем и выполнявшего его волю.

Большие сомнения, по мнению Г.П. Визгалова – руководителя современных исследований, вызывает тезис о том, что Мангазея – город регулярной планировки. Он считает мало обоснованной уверенность в том, что Мангазея возникла на месте уже существовавшего городка поморских промышленников (11).

После появления монографии М.И. Белова и его коллег научный интерес к истории Мангазеи снизился, хотя полностью не угасал никогда.

В работах последних лет, в том числе и В.Ф. Старкова, посвященных истории северорусского судостроения и арктическим плаваниям поморов, определенное внимание уделяется и Мангазее. Однако построения В.Ф. Старкова базируются на уже известных ему и науч-

ной общественности материалах и никаких новых источников (археологических и письменных), связанных непосредственно с Мангазеей, не содержат.

Так же можно оценить и новейшую монографию О.В. Овсянникова (в соавторстве с М.Э. Ясински), в которой глава о Мангазее занимает значительное место, но в целом повторяет предыдущие работы автора (19). В 1999 г. вышла статья А.В. Курбатова и О.В. Овсянникова, основное содержание которой посвящено изделиям кожевенного производства Мангазеи по результатам научной обработки предметов из раскопок 1968–1970, 1973 гг. (14). В последнее время к изучению судостроительной практики в Западной Сибири XVII в. обратился историк Е.В. Вершинин, которому удалось привлечь новый архивный материал из фондов РГАДА. Этот же исследователь рассмотрел взаимоотношения русской власти (воеводской администрации Березова и Мангазеи) и сибирских ненцев в XVII в., что позволило выявить степень реального сопротивления кочевых самоедов русскому присутствию в Северо-Западной Сибири. Эта проблема, на мой взгляд, особенно интересна, ведь, как известно, одной из причин упадка и дальнейшего запустения Мангазеи было обострение противоречий с самодийскими племенами (10). Таким образом, в историографии Мангазеи, основанной на письменных источниках, несколько условно можно выделить два направления: собственно историческое и историко-географическое. Представляется, что перспективы дальнейшего археологического исследования Мангазеи необходимо связать с еще одним направлением – историко-этнографическим, нацеленным на изучение русского старожильческого населения полярных районов Сибири.

В 1999 году памятник был обследован совместной экспедицией Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района (ЦИКН) и Красноселькупского краеведческого музея. В результате выяснилось, что большая часть древних построек находится в катастрофическом состоянии, а культурный слой вскрыт лишь частично. Кроме того, под воздействием паводковых вод и проезжих «любителей старины» интенсивно разрушается и береговая часть городища. В связи с этим, было принято решение о необходимости проведения аварийно-спасательных мероприятий на памятнике: укрепление береговой линии и раскопок разрушающихся построек в старых раскопах. Эти работы начаты экспедицией ЦИКН под руководством Г.П. Визгалова при поддержке администрации ЯНАО в 2000 году.

Материалы, полученные экспедицией ЦИКН (с 2003 года НПО «Северная археология»), превзошли все ожидания. Научный потенциал Мангазейского городища оказался далеко не исчерпанным, а число и разнообразие находок просто поразительным: на площади всего 259 кв.м в недокопанных ранее остатках 9-ти построек было найдено около 10000 изделий и более 30000 археозоологических образцов. Среди находок - 195 серебряных монет, чеканенных при Иване Грозном и Михаиле Федоровиче, более 400 фрагментов разнообразных тканей и вязаных изделий, около 400 экземпляров кожаной обуви, 143 шахматные фигурки из дерева и кости. К особо ценным находкам следует отнести «забракованное» неким мангазейцем берестяное письмо с обращением «Црю гриу великому» («Царю государю великому»), деревянную бляшку с надписью «Таз» (11).

Впервые на Мангазее удалось зафиксировать следы совершения строительных магических обрядов, уходящих корнями в языческую эпоху. Так, в одной из построек в основание печи, при ее закладке, была положена изящная резная фигурка крылатого коня, шкура зайца с черепом и лапками и большая слюдяная пластина (слю-

да обычно заменяла оконное стекло). Печь у славян считалась сакральным центром дома и местом совершения обрядов, направленных на обеспечения благополучия домохозяев и защиты их от злых духов. Крылатый конь и заяц в славянской мифологии олицетворяли огонь, а слюда заменила зеркало, которое использовалось как оберег от нечистой силы. В этой же избе найдено еще одно свидетельство магического ритуала - миниатюрная медная чашечка, в которой лежали раковины моллюсков, зерна проса и перышко глухаря. Очевидно, они олицетворяли три сферы мироздания: нижнюю (подводную), среднюю (земную) и верхнюю (небесную) (17).

Анализ археозоологических материалов показал, что Мангазее была отнюдь не перевалочным пунктом для сотен промышленников и купцов, как до недавнего времени считали некоторые историки, а вполне «непашенным» для своего времени городом, где занимались различными ремеслами, содержали кошек, собак, лошадей, коров, свиней, овец и кур. Находки детских игрушек и миниатюрной детской обуви наглядно свидетельствуют о том, что приезжий люд оседал в заполярном городе основательно, обзаводился семьями, воспитывал детей (18).

В целом археологические материалы, полученные при раскопках Мангазеи, значительно расширили и несколько изменили существовавшие до сих пор представления о жизни этого города, основанные на отрывочных сведениях из письменных источников. Значение новых раскопок для популяризации историко-культурного наследия Мангазеи трудно переоценить. Сегодня мангазейские находки уже демонстрируются в экспозиции Красноселькупского музея, не за горами и новая экспозиция в окружном музее, посвященная русскому судостроению и судоходству. Фрагменты мангазейских кочек займут в ней особой место. Новые раскопки «златокопящей» могут стать основой для тематических передвижных выставок, способных представить одну из ярчайших страниц истории края далеко за пределами Ямало-Ненецкого округа.

В заключение хочу добавить, что сегодня готовится к публикации новый труд по истории и материальной культуре Мангазеи, авторами которого выступают современные исследователи С.Г. Пархимович и Г.П. Визгалов, таким образом, изучение Мангазеи на этом не заканчивается.

Список литературы

1. Абрамов. *Город Тюмень: из истории Тобольской епархии.* – Тюмень, 1998. – 527 с.
2. Александров В.А. *Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край),* 1964. - 302 с.
3. Анучин Д.Н. *К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского археологического общества. 1890. Т. XIV. – С. 227–313; он же. Город Мангазее и Мангазейская земля // Географические работы. – М., 1954. – С. 143–152*
4. Бахрушин С.В. *Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. –Л.- М., 1951. – С. 85–92; он же. Научные труды. – М., 1955. Т. III. Ч. 1. – 376 с.*
5. Белов М.И. *Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. – М., 1956. –220с.*
6. Белов М.И. *Мангазее. – Л., 1969. – 128с.*
7. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. *Мангазее. Мангазейский морской ход. Ч.1. – Л., 1980. - 164 с.; они же. Мангазее. Материальная культура полярных мореходов и землепроходцев. Ч.2. – М., 1981. – 147с.*
8. Белов М.И. *Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII в. - Л.-М., 1951. – С. 41–52.*
9. Буцинский П.Н. *Мангазее и Мангазейский уезд // Мангазее, Сургут, Нарым и Кетск. Соч. в 2 т. – Тюмень, 1999. - Т. 2. - С. 5-78.*

10. Вершинин Е.В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д.Л. Овцына // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск, 2001. – 96-99 с.; он же. Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 2. – Вып. 2. – Новосибирск, 2003. – С. 5–21
11. Визгалов Г. П. Мангазея - первый русский город в Сибирском Заполярье. (По материалам новых археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2006.
12. Вилков О.Н., Курсков Ю.В. Исследование о русском заполярном западносибирском городе Мангазее // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. – Новосибирск, 1987. - С. 253-254.
13. Долгих О.Б. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 40. – М., 1960. – 621 с.
14. Курбатов А.В., Овсянников О.В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья XVI–XVII вв. (Мангазея) // Археологические вести. – СПб., 1999. - № 6. – С. 245 - 271
15. Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т.1. – М., 1999; Т.2. - М., 2000. – 796 с.
16. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск, 1972. – 410 с.; он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск, 1974. – 238 с.
17. Пархимович С.Г. Магические строительные обряды на Мангазее.
18. Пархимович С.Г. Мангазея. Археологические открытия в заполярном городе. – Екатеринбург, 2004. – 16 с.
19. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб., 2003. – 400 с.

О.Г. Завьялова

Курганский государственный университет, г. Курган

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Понятие о пространстве – физическая, философская, культурологическая, географическая, и, наконец, прикладная - управленческая проблема. Философы спорят о том, есть ли вообще пространство или это способ упорядочивания наших ощущений. Религия поклонения бесконечному пространству восходит к Монгольской империи, к кочевнику, для которого пространство мыслится «маршрутно». Граница имперского пространства - это демонстрация баланса сил.

Пространство – порождение некоторого типа сознания. Представление о пространстве и собственные пространственные практики существует в каждой культуре, при любом государственном устройстве. Так, в Западной Европе за множество столетий в результате войн и др. действий сложилось относительно гармоничное отношение к пространству, которое включает в себя иерархию субкультур. Российское пространство — это синтез идеи империи и пространства кочевников, а также раскола.

В пространстве существуют сферы активных действий тех или иных групп населения. Их список достаточно обширен: архитектура, военное дело, города, дачи, иконопись, карты, литература, политика и др. У каждой из этих групп, разными способами действующих в осваиваемом пространстве, может присутствовать или отсутствовать рефлексия по поводу данного пространства. Понять, что значит для них пространство, можно главным образом по тому, как они себя в этом пространстве ведут. Скажем, как показывают себя в пространстве пред-

ставители президентской администрации, большие корпорации, дачники или организованные преступные группировки. Рефлексии разного типа, а вести себя они могут одинаково. Важно понять, как связано представление о пространстве, которое существует в российской культуре и государственности, с этими пространственными практиками. Например, как связана очевидная сакрализация пространства в домосковской, московской, петербургской, советской, постсоветской России с тем, что большая часть пространства игнорируется и не осваивается? Или новые формы таких практик, например, дачный бум.

Таким образом, разные субкультуры, группы людей представляют пространство по-разному. У каждого своя дискретизация пространства. У чиновников, у правительства до такой степени сейчас дошла фетишизация 87 субъектов Федерации, что в СМИ, на телевидении не называют населенных пунктов, а называют регион, субъект Федерации. Другой вид дискретизации: линейно-сетевое пространство, существующее у большинства людей. Есть точки приложения интересов, и есть промежуточное, безразличное пространство, на которые не обращается внимание. Определяя отношение к пространству в России, можно сказать: это постоянная дезорганизация как самого пространства, взятого в его объективных характеристиках, так и некоторых культурных форм — дезорганизация, отраженная в сознании различных субъектов. Каждый субъект пытается максимально распространить свою субъективность, свое «я», власть на максимальную территорию и встречает на своем пути точно такую же попытку со стороны других субъектов. Это не обязательно превращается в кровопролитие, но противостояние присутствует всегда. В этих условиях никакого рационального отношения к пространству быть не может. Возникает вопрос: какая вообще форма освоения пространства возможна в этой стране?

Все российские попытки на протяжении истории осваивать пространство приводили к неудовлетворительным результатам. Каждому уровню сложности любого общества, в том числе и российского, должен отвечать некоторый уровень освоения пространства. Этот уровень в России всегда отставал. Российский менталитет страдает отсутствием культуры компромисса, что вызвано нашим традиционным черно-белым мышлением. Нет компромисса между личностями, между человеком и окружающей средой, между настоящим и прошлым. Компромисс всегда считается поражением, проигрышем.

Таким образом, в российской культуре нет единого носителя представлений об общем пространстве, скорее это идеал научной конструкции. В прикладном плане важно понимание необходимости научного - территориального подхода в решении проблем устойчивого развития региона. К сожалению, территориальное планирование «ушло» в прошлое. На смену ему ничего не пришло. Обустроенное пространство всегда предполагает конец бескрайности и бесконечности, предполагает некоторую структурность, оформленность - краеустройство.

Расселение является показателем степени освоенности территории, уровня ее экономического развития, образа жизни населения. Исторические факторы формирования систем расселения являются определяющими, а современный расселенческий «рисунок» во многом унаследовал характер освоения территории.

Курганская область – сельскохозяйственная, 45 % населения проживает в сельской местности. По производству валовой продукции сельского хозяйства, мяса и молока на душу населения Курганская область занимает первое место в Уральском регионе, а по производству зерна и картофеля – второе.

Современная система расселения Курганской об-

ласти представлена 1230-ю сельскими населенными пунктами (СНП), 15-ю городскими поселениями, в т. ч. 9-ю городами. В 1970 г. насчитывалось 1347 СНП, в 1979 г. – 1311, в 1989 – 1256, в 1999 – 1243. Согласно типологии сельского расселения С. А. Ковалева (1963), Курганская область расположена частично в 3-м зональном типе – «сельское расселение, связанное с выборочным земледельческим освоением» и преимущественно в 4-м типе – «полосе сплошного земледельческого освоения с большими массивами пашни», особенно это касается южных районов области.

«Курганский рисунок поселений» имеет следующие особенности: относительно высокая густота и плотность сельских поселений (одно на 70 кв. км); сравнительно высокая средняя людность СНП (470 человек); сильное сгущение поселений по долинам рек; биполярность и соперничество главных городов – Кургана и Шадринска; «застой» малых городов и в целом невысокая их плотность (один город приходится на 8 тыс. кв. км, что в 3 раза реже, чем в Челябинской области, и в 10 раз реже, чем в Свердловской).

В пределах Курганской области можно выделить четыре типа сельского расселения. Первый тип расселения – Кетовский район (многолюдный, крупноселенный и максимально плотный). Второй тип характерен для восточной зоны области, он отличается средней людностью СНП, плотностью населения ниже среднеобластной; 3 тип – южные районы области, которые также отличаются крупноселенным характером и повышенной плотностью сельского населения; 4-й – северо-западные районы области (среднеселенные).

Для территории области характерна центростремительная модель расселения, ориентированная на областную центр, который является геометрическим центром области и центром концентрации населения. Для районных систем расселения центральными местами являются райцентры, которые выделяются, прежде всего, как центры получения услуг.

Степень территориальной компактности и связности поселений определяет различные подходы к местному самоуправлению. Необходимо учитывать расстояние СНП от райцентра, его транспортную доступность как главные условия жизнедеятельности людей. В этом отношении этнические районы особенно «периферийны», значительно удалены от областного центра. Несмотря на то, что половина СНП зоны расположены в пределах получасовой-часовой доступности от райцентров, дорожная сеть здесь значительно уступает центральным и западным районам области, как по густоте дорог, так и по их качеству.

Таким образом, периферийные районы сельской местности требуют особо пристального внимания со стороны областной администрации, комплексного системного прогнозирования, включающего не только социально-экономические и эколого-хозяйственные проблемы, но и этнические, конфессиональные, пограничные аспекты.

Н.Н. Агафонова

*Пермский филиал Нижегородской
академии МВД, г. Пермь*

ВОСПРИЯТИЕ МИГРАНТОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Одно из последствий процесса глобализации – миграционные потоки, распространяющиеся по всему миру: ежегодно перемещаются от 2 до 3 миллионов человек,

то есть 2,3 % населения планеты. В начале XXI века общее число лиц, живущих за пределами стран своего происхождения, превышало 130 миллионов человек.

Интенсивность миграции характеризуется не только миграционным потоком, но и степенью приживаемости «новоселов» на данной территории, то есть какая часть мигрантов переходит из категории «новоселов» в категорию постоянного населения. Принято считать, что это происходит на одной территории, где проживает второе и третье поколение мигрантов. На третьем поколении они идентифицируют себя не как пришлое, а как постоянно проживающее население.

Исходя из теории социокультурных систем, миграционные процессы делятся на переселения в пределах родной земли или территории длительного проживания, направленные во внутренний буфер или из него, и переселения, затрагивающие внешний буфер в чуждые социокультурные образования. Данная типология позволяет анализировать и прогнозировать ситуацию с точки зрения социокультурной (пространственной, национально-культурной) безопасности.

Миграции в пределах одного этнического ареала способствуют консолидации этносов. Они приводят к территориальному перераспределению населения, могут изменять этническую структуру принимающей территории. Миграции усиливают контакты различных этносов и активизируют этнические процессы.

В некоторых случаях под влиянием экономических, социальных и политических катастроф развертываются серьезные перемещения групп населения, принадлежащих к одному этносу, характер перемещений варьируется от упорядоченного и планового до панического и эвакуационного (1, 60). Обретение стабильных жизненных условий и перспектив благополучного существования с точки зрения социального и этнического самочувствия – это цель, которая преследуется мигрантами.

Отношение населения к мигрантам в Пермском крае нельзя назвать ровным, особенно по этническому признаку: оно варьируется от сочувствия, желания помочь – до фобий и даже открытой неприязни (2). В социальной сфере 5,6 % респондентов актуализируют такие последствия, как отток финансовых средств на социальную помощь мигрантам, рост цен на жилье, рост социальной напряженности, внедрение в управленческие структуры.

В культурной сфере выявлены следующие негативные последствия присутствия мигрантов: деструкция культуры на территории Пермского края, насильственное внедрение своей культуры, нравов, порядков, традиций и обычаев, вытеснение «нашей» культуры, неуважительное отношение к традициям народов Прикамья, разложение морального облика края, создание этнических групп и землячеств. Но в целом в данной сфере отмечается значительно меньше негативных последствий, чем в других областях жизнедеятельности общества.

Тенденция к увеличению доли этнических групп в населении края заставляет обратить внимание на основные социальные параметры новых жителей, важнейшими из которых являются уровень образования и профессиональной подготовки, которые иногда значительно ниже характеристик принимающей стороны, а также на систему социокультурных ценностей, передаваемых в семье от поколения к поколению.

Главное отличие семей этнических мигрантов проявляется в их структуре: во-первых, это почти исключительно полные семьи, где присутствуют по возрасту молодые родители и нет старшего поколения. Эти семьи обладают значительным внутренним потенциалом демографического воспроизводства. Заключение браков и рождаемость среди групп мигрантов, а также мигрантов и

местного населения (принимающей стороны) во многом определяется культурной дистанцией. Величина культурной дистанции между принимающими и группами мигрантов влияет на их численное сохранение. «Близкокультурные» группы охотнее устанавливают семейно-брачные отношения, заключают браки и, следовательно, участвуют в воспроизводстве населения. Как показывают материалы исследования, положительным респондентам видится то, что мигранты «обеспечивают прирост населения» (36,8% - из числа, отметивших эту позицию), «женятся на русских» (25 %), увеличивают население нашего края, «имеют богатый генофонд», «создают новые семьи».

Органы ведомственной статистики не предоставляют данных о процессах естественного воспроизводства среди мигрантов. Однако показатель естественного прироста в новых этнических диаспорах позволяет судить о наметившейся тенденции положительного демографического сальдо в группах переселившихся, особенно в этнических группах азербайджанцев, таджиков, армян. Исключения составляют украинцы и белорусы. На общий прирост населения в Пермском крае окажет влияние уже доказанный многими исследователями факт, что в миграцию вовлекаются люди в репродуктивном, трудоспособном возрасте (3, 29; 4, 34–40.).

Респонденты указывают не только прямые положительные последствия экономического развития в связи с притоком мигрантов на территорию Пермского края, отмечают их высокий уровень трудоспособности. Каждый девятый респондент указал, что они являются трудолюбивыми сотрудниками, чем подают хороший пример. Кроме того, 3,1% опрошенных считают, что мигранты повышают уровень конкуренции на рынке труда.

В качестве позитивных последствий притока мигрантов на территорию Пермского края отметили, что они создают новые рабочие места (особенно эта позиция актуальна для Коми-Пермяцкого округа, Пермского района и Березников), выплачивают «хорошую зарплату» и устанавливают «гибкий, удобный график» (по ответам на открытый вопрос).

Опрашиваемые отметили, что мигранты знакомят постоянных жителей со своей этнонациональной культурой. 6,7 % респондентов указали, что мигранты своим присутствием на территории Пермского края повышают уровень толерантности в нашем обществе, что является положительным моментом. Респонденты в своих высказываниях отмечали, что население нашего региона «пополняется молодыми и энергичными людьми», «привносят в нашу культуру свое этническое и культурное своеобразие».

Однако часть опрошенных указывают, что присутствие мигрантов в нашем регионе ведет к деструкции культуры и общества. 2,8% отметили, что приток переселенцев негативно влияет на демографическую структуру нашего края, что способствует «вырождению местного населения». Это, безусловно, является надуманной проблемой. Корреляция этих ответов с показателем «укорененности» и «старожительства» в своем населенном пункте подтверждает, что интолерантные мотивы в восприятии мигрантов характерны для тех, кто сами являются «внутренними мигрантами», то есть проживают в Перми и ее окрестностях чаще всего только в первом поколении.

Популярна идея избирательной регистрации приезжих на территорию Прикамья. Предпочтение отдается представителям славянской группы народов, а в профессиональном плане - специалистам высококвалифицированного уровня.

Фиксируются респондентами негативные последствия в трудовой сфере. 20 % считают, что мигранты сокращают число рабочих мест, хотя известно, что это рабо-

чие места, которые не стремятся занять постоянно проживающие, чаще всего они характеризуются тяжелым физическим трудом и неблагоприятными условиями деятельности. Некоторая конкуренция возникает в рыночной торговле и в строительстве за счет демпинговой (крайне низкой, по сравнению с местным населением) заработной платы мигрантов. Оплата труда мигрантов в торговле и в сельском хозяйстве такая же, как у местного населения, иногда она выше за счет большей продолжительности рабочего дня и тяжелых условий труда. В строительстве наоборот, оплата труда, особенно нелегальных мигрантов, на половину ниже оплаты местных работников. В силу сложности с трудоустройством и «зыбкого» положения на территории пребывания мигранты соглашаются на невысокую заработную плату, которая даже при этих неравных условиях оплаты труда значительно выше, чем в местах, откуда они приехали.

Реально мигранты понижают уровень оплаты труда, в первую очередь, в аккордном строительстве. Кроме того, население перекладывает на них ответственность и за снижение налоговых потоков и за то, что они вывозят/отправляют заработанные деньги из страны. При этом более 15% отметили, что переселенцы работают в сложных условиях и выполняют тяжелую, непрестижную работу; нередко нарушается безопасность их труда.

Многие респонденты видят в мигрантах потенциальный источник для возрождения аграрного сектора, 22,9 % считают, что место их обитания должно быть в вымирающих деревнях, на территории, пригодной для ведения сельского хозяйства.

Настораживает тот факт, часть опрошенных указали, на необходимость ограничения в расселении мигрантов. 13,5% отметили, что приезжие должны селиться в отдельных районах, в специально отведенных местах, в отдаленных от города районах. Наиболее высокий показатель зафиксирован в пригороде Перми. В некоторой степени это объясняется тем, что жители работают в мегаполисе, но не имеют материальной возможности переселиться в г. Пермь или арендовать в городе жилье. Им приходится значительное время тратить на дорогу к месту работы и обратно, то есть использовать время не рационально. Можно предположить, что причину они видят не «внутри», а «извне». То есть перекладывают «обиду» не на объективные причины, а ищут субъективный фактор в тех, кто, как и они, старается совершить социальное восхождение или приехал в наш регион в «поисках лучшей доли».

В прикамском социуме имеется определенная часть населения, толерантная к мигрантам, трезво оценивающая ситуацию в крае, которая видит и осознает их положительный «вклад» в развитие Пермского края, а также группа, индифферентно относящаяся к приезжим.

Ксенофобия на уровне социальных ориентаций фиксируется у части молодежи, что настораживает и указывает на то, что проблему необходимо решать совместными усилиями СМИ, образовательными учреждениями и всеми, кто оказывает реальное воздействие на конструирование социального сознания. К сожалению, установка на сложность социального бытия в Прикамье из-за пребывания инокультурных мигрантов (или этнонациональных/этнических меньшинств), как показывают социологические исследования, устойчиво присутствует в массовом сознании.

Толерантные или интолерантные установки населения прикамского социума к проблемам полиэтничности и к инокультурным мигрантам зависят от многих факторов, в том числе, от идеологического фона в Пермском крае, от этнонациональных представлений и этнических стереотипов, конструируемых в социальном сознании

идеологами Пермского края и СМИ. Поэтому одним из приоритетных направлений является создание идеологических механизмов, способных формировать позитивные этнические взгляды и установки в социальном сознании в целом и на уровне индивида в частности. Видится актуальным конструирование в социальном сознании жителей Пермского края идеи о давней и естественной полиэтничности и многокультурности нашего региона; внедрение в социальное сознание идеи о пользе пребывания в Прикамье этнических меньшинств (в том числе и мигрантов), об их вкладе в экономическую и культурную жизнь края и страны; создание позитивного облика стран, являющихся этнической родиной для этнических меньшинств, проживающих в Пермском крае, создание в образовательной политике Пермского края стратегии, направленной на формирование межэтнической толерантности в молодежной среде

Список источников и литературы

1. Аставацатурова М.А., Тэпс Д. Чеченская диаспора в России // Социс. - 1999. - № 2. - С. 60
2. По материалам исследования «Миграция как социальное явление: влияние на уровень социальной напряженности в Пермском крае», которое проводилось в 2002-2007 г. в соответствии с Договором между «Пермским государственным педагогическим университетом» и Департаментом политики администрации Пермского края.
3. Комарова О.Д. Социально-демографическая характеристика и основные проблемы вынужденной миграции в России // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В.А. Тишков. - М., 1997.
4. Витковская Г.С. Вынужденные мигранты из ближнего зарубежья на рынок труда России // Занятость, рынок труда и безработица / Ин-т труда Минтруда РФ. - М., 1995. - С.34-40.

Р.А. Брехач

Пермский государственный политехнический университет, г. Пермь

МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Ситуация социальной напряженности появляется в XX в. В научной литературе понятие используется в широком диапазоне: от определения ее как естественного параметра, характеризующего функционирование любой социальной системы, до рассмотрения как специфического состояния, возникающего только в периоды социальных изменений (1).

В России интерес к феномену социальной напряженности возникает в конце XX в., что связано с глубинными изменениями в обществе: экономике, политике, социальном устройстве, социальной структуре и культуре.

В процессе развития общества всегда существуют условия и факторы, которые способствуют негативному восприятию окружающей действительности и проявляются в деструктивной активности людей с целью изменения социального порядка. В социальном сознании существует нормативная картина социального порядка, общая для большинства членов общества. В стабильных условиях жизнедеятельности общества система реальных представлений соответствует нормативному образу. Рассогласование между реальным положением и идеальным образом возникает тогда, когда начинают действовать некоторые факторы, «сдвигающие» реальную структуру социальных отношений относительно идеального социального порядка.

В результате формируется ситуация социальной напряженности, которая характеризуется следующими моментами: рассогласование между нормативным и реальным образами социального порядка в сознании большинства членов общества; изменения в общественном сознании, которые проявляются в эмоциональном напряжении и трансформации социальных ценностных установок, представлений и распространении девиантных и делинквентных форм поведения; стремление большинства членов общества устранить рассогласование, что проявляется в нарастании готовности к действиям для достижения желаемого состояния и вовлеченности в этот процесс значительной части общества (2).

Одним из факторов, влияющих на социальную ситуацию, является миграция, которая содержит потенциал, способствующий формированию социальной напряженности.

Исторически сложилось, что Пермский край привлекателен для миграционных потоков. В период средневековья и нового времени на территории Прикамья привлекало обширное пространство с низкой плотностью населения. Современное Прикамье – это край с развитой экономической инфраструктурой и большими возможностями приложения труда в различных сферах жизнедеятельности общества.

По сведениям на октябрь 2007 года основными целями въезда иностранных граждан являются: частные поездки (60%), коммерческая (6%), трудовая (18%), служебная (16%) деятельность (статистические материалы предоставлены Управлением федеральной миграционной службы по Пермскому краю).

В конце 2007 году в Пермском крае зарегистрировано 45378 иностранных граждан и лиц без гражданства, из них на работу прибыло 22971 человек, 9120 – с частным визитом, 3241- в командировку, 2799- с туристическими целями, 432 – на учебу, 70 – с целью оказания гуманитарной помощи.

Основные государства, из которых приезжают в Пермский край, – это страны Средней Азии и Кавказского региона. Самая значительная часть граждан из ближнего Зарубежья – это таджики (50% от всех прибывших), украинцы (45,9%), азербайджанцы (38,3%), армяне (24,8%) и узбеки (4,7%).

Всего в Прикамье проживает 1049 иностранных граждан и лиц без гражданства, из них граждане Украины – 19,7%, Казахстана – 14,7%, Грузии – 8,7%, Узбекистана – 8,4%, Азербайджана – 6,7%, Литвы – 5,5%, Китая – 5,1%, Армении – 4,9%.

В настоящее время на территории Прикамья проживает 366 семей (около 1000 человек), имеющих статус вынужденного переселенца.

В целом мигранты на территории Прикамья составляют более 2,1%, от числа проживающих в Пермском крае.

Проживание на одной территории старожильского населения и новоприбывшего формирует мозаичный дизайн социокультурного пространства. Этноконтактная ситуация в Прикамье, с одной стороны, представлена исторически сложившимся этнокультурным дизайном, коренные народы Прикамья имеют многовековой опыт толерантного сосуществования и сотрудничества. В этноконтактной ситуации, сутью которой является межличностное взаимодействие, мигранты как представители своего этноса выступают с позиции этнической группы. Процессы понимания, познания и взаимодействия в этноконтактной ситуации, имеют характер этнокультурного полилога.

Сосуществование представителей разных этнонациональных групп требует определенных усилий как принимающей стороны, так и переселяющихся на новую тер-

риторию. Это касается проблем понимания привносимой мигрантами культуры своего этноса, образа жизни, мышления и поведения, а с другой стороны, приспособления приезжающих к новым социокультурным и природно-географическим условиям.

Межэтническая напряженность порождается проблемными этноконтактными ситуациями, проявляется и усиливается через них. Практически каждую этноконтактную ситуацию можно обозначить как проблемную, потому что само по себе осознание ее участниками межэтнических различий задает определенный уровень эмоциональной напряженности.

В результате миграционных процессов в Пермский край в большой степени прибывают представители народов опыт взаимодействия с которыми носит объективно-субъективный, преимущественно ситуативный характер. Значительная часть приезжих являются носителями культуры восточной цивилизации и мусульманского мира.

Иерархическое восприятие этносов ведет к выстраиванию своеобразной шкалы социокультурной дистанции, характеризующей степень принятия или «чуждости» той или иной этнической группы и, соответственно, готовности или неготовности к взаимодействию с ней в том или ином качестве. Возникновение состояния напряженности связано с осознанием «противоположного» субъекта взаимодействия. Межэтническая, как и социальная, напряженность характеризуется тем, что резче поляризуются отношения «свои» - «чужие». Своя этническая группа оценивается более позитивно, а чужая - более негативно. Успехи оцениваются как внутренние заслуги, неудачи рассматриваются как вызванные внешними обстоятельствами, под которыми нередко понимаются иноэтнические группы.

По-прежнему бытует мнение о якобы имеющемся засилье в Прикамье «кавказцев» и «азиатов». Об этом свидетельствуют случаи неприязни в быту у местного населения к азербайджанцам, чеченцам, армянам, таджикам, узбекам (3).

К сожалению, мы можем отметить наличие в регионе межэтнической напряженности в социальных коммуникациях при взаимодействии с мигрантами, хотя интолерантные ориентации не доминируют в ценностно-мотивационной структуре населения Пермского края, что подтверждается ранее проводимыми нами этносоциальными исследованиями.

При проведении исследования респондентам предложено было ответить на вопрос: «К представителям каких народов, переселяющихся в ваш край, вы относитесь скорее отрицательно, чем положительно?» Результаты полученных ответов были предсказуемы: проблемным моментом и фактом формирования межэтнической напряженности является то, что на уровне социальной установки фиксируется нежелание принять в свое сообщество представителей конкретных народов или народов, обозначенных целыми группами, например, «лиц кавказской национальности» - (9,4%), «азиатов» - (6,9%), азербайджанцев - (6,9%), таджиков - (5,2%), а так же грузин, чеченцев и цыган.

При ответе на вопрос: «Нет ничего плохого в том, что в Россию едут представители народов Кавказа и Закавказья» лишь 12,1% опрошенных согласились полностью или частично с этим суждением. Настораживает тот факт, что 37% категорически не согласились и 28,5% скорее не согласны с данным высказыванием.

Как можно заметить по данным статистики о прибывающих в Пермский край мигрантах, представители именно этих групп доминируют в миграционном потоке, а в социуме фиксируется по отношению к ним негативный

этнический стереотип. В социальном сознании жителей Прикамья накапливаются негативные установки на взаимоотношения.

Неприятие переселенцев частью населения зачастую имеет чисто поведенческие корни: сталкиваясь со слишком активным, экспрессивным культурным типом, человек испытывает растерянность, не знает, как реагировать, раздражается и развивает упреждающую (иногда встречную) агрессию.

Преодоление негативного социоэтностереотипа возможно в том случае, если СМИ будут осуществлять конструирование социального сознания не на акцентировании отрицательных «образов» мигрантов и соответствующих последствий их пребывания на территории Прикамья, а на освещении позитива: обогащении общества новыми членами, знакомстве с особенностями их этнической культуры. СМИ и органы государственной власти, безусловно, должны способствовать формированию «межкультурного диалога».

В публикациях, затрагивающих проблемы этничности, видится необходимым разграничивать этнические и личностные характеристики человека. Например, в аналитических статьях, посвященных криминальной этничности в Пермском крае, (а эти статьи читаются, как правило, с интересом), авторы должны отмечать, что в каждой группе меньшинств есть достойные и недостойные представители, смещая при этом акценты в сторону деяния, а не национальной принадлежности.

На уровень принятия обществом мигрантов как носителей культуры своего этноса оказывает влияние история межэтнических отношений контактирующих народов. Если в процессе исторического взаимодействия не наблюдалось противостояния между народами, отношения носили характер сотрудничества и взаимопомощи, то представителей этих народов в качестве мигрантов принимают доброжелательно и без предубеждений.

При анализе ответов на вопрос: «Какие мигранты, по Вашему мнению, заслуживают помощи и сочувствия?» - сложилась такая картина. Большая часть опрошенных на первое место поставила мигрантов из бывших республик СССР, в частности из Белоруссии и Украины. Общий процент выбора этой категории в Пермском крае составляет 12,6%. Сочувственно население Пермского края относится к приезжим русским, «славянам», так называемым «русскоязычным», из стран СНГ. По уровню этнических симпатий Пермский край не отличается от других территорий, на которых проводились подобные исследования.

Вместе с тем часть респондентов, отмечая внешнее спокойствие в области межэтнических отношений, указывает и на присутствие скрытой напряженности. Основными причинами напряженности в сфере межэтнических отношений информанты считают:

- 1) неуважительное, вызывающее поведение приезжих; отказ принимать нормы и традиции, сложившиеся в Пермском крае;
- 2) проблемы на рынке труда и в социальной сфере;
- 3) субъективный перенос сложностей бытия в современной действительности на процесс миграции («поиск виновных»).

Этнический фактор миграций актуализирован, но не на крайне высоких позициях. Однако исследование показало, что ксенофобия и мигрантофобия имеет место в нашем крае на уровне социальных ориентаций и фиксируется в эмоционально-оценочном компоненте социального настроения и социального сознания.

Распространение в социальном сознании жителей Прикамья позитивной информации о культурном своеобразии, о бытовых традициях народов, населяющих наш

край исторически и появившихся в процессе миграционных передвижений, является залогом повышения уровня толерантности в межэтнических отношениях на территории Пермского края и преодоления существующих на сегодняшний день у части населения интолерантных социальных установок и настроений.

Список источников и литературы

1. Солдатова Г.У. *Межэтническая напряженность как социально-психологический феномен*. - М., 1998.
2. Плюснин Ю.М. *Метод оценки уровня и структуры скрытой социальной напряженности // Проблемы социологии*. - Новосибирск, 2001.
3. По материалам исследования «Миграция как социальное явление: влияние на уровень социальной напряженности в Пермском крае», которое проводилось в 2002-2007 г. в соответствии с Договором между «Пермским государственным педагогическим университетом» и Департаментом политики администрации Пермского края.

О.М. Коморникова

Шадринский государственный педагогический институт, г. Шадринск

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Молодость – это особый жизненный этап, на который приходится обретение человеком социальной зрелости. В этот период формируются ценностные ориентации, способы реагирования на те или иные явления действительности, сохраняющиеся на всю оставшуюся жизнь. При этом молодежь не является обособленной социальной группой, она вовлечена в общее социокультурное пространство. Вместе с тем, поведение представителей молодого поколения обладает рядом характеристик, обусловленных психофизиологическими особенностями, – быстрота реакции, активность, настойчивость. Молодежи присуща способность к интенсивной деятельности, эмоциональная насыщенность, категоричность оценок. Особенностью ее сознания является то, что оно непосредственно откликается на последние события, в нем чрезвычайно велика составляющая, которую называют общественными настроениями, то есть психологическая сторона, оно наиболее подвержено воздействию. Это связано с тем, что молодежь еще не имеет своего «пережитого» опыта, не включена в процесс производства, добывания средств существования собственным трудом (3, 432-433).

В современном мире интеграция молодого поколения в общество происходит в условиях возрастания роли этнического фактора, причем последний нередко играет деструктивную роль в социальных процессах, имеет место нагнетание этнической нетерпимости. В такой ситуации молодежь будет вести себя более активно. Во-первых, невысокая степень интегрированности в социум приводит к тому, что ей пока еще нечего терять, поэтому она меньше задумывается о возможных последствиях своих поступков. Во-вторых, молодые люди более импульсивны, чем люди зрелого возраста. Они не умеют сдерживаться, когда их незаслуженно обвиняют, они более раздражительны. Если кто-то выводит их из себя, они не могут не обращать на это внимания, то есть у них есть потребность немедленно отреагировать. Молодые люди склонны сразу выплескивать негативную энергию, свое раздражение на других, люди старшего возраста, как правило, более сдержанны (1, 46).

Центральным событием, ознаменовавшим новый этап в развитии межэтнических процессов в России, стал

распад СССР. Взаимоотношения между новообразованными государствами складываются не всегда ясно и безоблачно. Продолжаются санкционированные на высшем политическом уровне антироссийские компании в Прибалтике, Украине, Грузии. Ущемляются права русскоязычного населения бывших союзных республик. В СМИ широко освещаются последние события: демонтаж памятников советским воинам, обвинения в оккупации, запрет использовать русский язык. В то же время эти страны отказываются строить отношения с постсоветской Россией на рациональной основе. Яркий пример тому – разногласия, связанные с ценами на газ и нефть, поставляемые Украине и Грузии.

На формирование общественного сознания современных россиян также оказал влияние тот факт, что в 1990-е годы многие национальные республики изъявили желание выйти из состава России. Новым явлением, широко освещаемым СМИ, стал терроризм. При отсутствии достаточной информации о природе этого явления оно приобретает этническую окраску. Все это дало немало поводов для подозрительности, взаимных обвинений.

Более благоприятная экономическая ситуация в России, по сравнению с рядом других сопредельных государств, привела к появлению волны иноэтничных переселенцев. Значительная их часть живет далеко не в идеальных условиях, но особое внимание и неприязнь местных жителей вызывают те из них, кто имеет высокий доход и доступ к жизненным благам. Раздражение вызывает то, что многие, заработав деньги, уезжают на родину. Создается ощущение, что наши ресурсы просто используют для собственного обогащения. В то же время значительная часть местного населения далеко не удовлетворена своим материальным достатком, поскольку он не соответствует уровню, необходимому для удовлетворения базовых потребностей современного человека.

Все эти события оказывают неблагоприятное воздействие на общий фон межэтнических отношений. Старшие поколения воспитывались на идеалах равенства, братства, дружбы народов. Имело место смешение идентичности русских как преобладающей этнической группы с советской идентичностью. За рубежом до сих пор как русских воспринимают граждан всех бывших союзных республик. Молодое же поколение вступает в жизнь, когда различные народы выступают не как «одна большая семья», а как самостоятельные участники со своими особыми интересами. В их взаимоотношениях имеет место и партнерство, и конкуренция за жизненно важные ресурсы. Это обуславливает формирование в среде молодежи установок и приоритетов в сфере межэтнического взаимодействия, отличных от старших поколений.

Трансформация социальной системы поставила всех перед необходимостью жить и действовать в иных, чем прежде, условиях. Если представители старшего поколения приспосабливаются к новой реальности, то молодежь – осваивает. Ее самоопределение осуществляется через отождествление, подражание идеалам. Так как прежние идеалы утратили свою значимость и привлекательность, то им на смену пришли новые. Процесс поиска происходил во многом спонтанно. Исследования показывают, что для современной молодежи характерна ответная агрессия, стремление вернуть любую обиду, попытаться восстановить справедливость по принципу эквивалентности. Мстительность является одним из способов осуществления социального контроля, компенсации недостатков законного способа восстановления справедливости и урегулирования конфликтов (2, 180). Подобного рода установки распространяются на различные сферы взаимоотношений, в том числе и межэтнических.

Применительно к контактам с иноэтничными пере-

селенцами можно отметить, что трансформирующееся общество временно утратило способность адекватно реагировать на внешние вызовы, и переселенцы получили возможность по собственному усмотрению вести себя в стране пребывания, не всегда учитывая нормы поведения местных жителей. В результате усилилось восприятие иноэтничных переселенцев как «чуждых», вызывающих неприятие местных жителей, чувство дискомфорта в своем собственном доме. Потребовалось время для выработки норм, регулирующих взаимоотношения в новых социально-экономических, политических условиях. Молодежь, социализировавшаяся в такой обстановке, отстаивала свои интересы доступными ей способами. Постепенная стабилизация социальной системы более четко обозначила нормы приемлемого поведения как для местных, так и для приезжих. Появилась необходимость и возможность оценить приемлемость моделей поведения, получивших развитие в период спонтанной социализации, слабо контролируемой обществом.

Таким образом, молодежь является более активной и эмоционально восприимчивой к последним событиям возрастной группой. Она особо остро реагирует на рост открытых проявлений этнической интолерантности. Современное российское общество поставлено перед необходимостью выработать новые нормы, регулирующие межэтнические отношения. Молодежь легче адаптируется к новым условиям и более настойчиво отстаивает свои позиции.

Список литературы

1. Ильин Е. П., Липина А. Н. Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 4.
2. Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 1.
3. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965-2002) / Предисл. акад. РАН Л.Н. Митрохина. - М., 2002.

СЕКЦИЯ 2. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УРАЛА И СИБИРИ

А.Н. Осин

Курганский государственный
университет, г. Курган

ПОПЫТКА ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МЕТОДИКЕ «ОМСКОЙ ШКОЛЫ»

Термин «археологический микрорайон» начал активно использоваться в археологической терминологии в конце 80-х годов XX века. Одним из основателей этого научного направления в археологии стал В. И. Матющенко, который со своими учениками разработал методику определения, изучения, и классификации археологических микрорайонов (АМР).

В.И. Матющенко определяет АМР так: «Археологический микрорайон – группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно ограниченного пространства, характеризуемого однородной природно-географической обстановкой в пределах этого пространства, которое можно рассматривать как экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой» (5,29).

А.В. Жук дает следующее определение АМР: «Археологический микрорайон представляет собой разновидность открытого археологического комплекса и принадлежит к числу естественных систем, микрорайон не выделяется (как это происходит с типологическим рядом и археологической культурой), но, подобно всякому археологическому комплексу, открывается, ибо существует объективно, независимо от того, исследуется он или нет, а если исследуется, то независимо от взглядов и методов исследователя» (3,43-44).

А.М. Буровский определяет АМР как «феномен, возникающий там, где человек осваивает, использует и преобразует природные реалии - географическую оболочку, природные ландшафты» (2,16).

На мой взгляд, более понятное и точное определение АМР дает П.А. Косинцев: «АМР - это сгущение человеческой жизни, проявляющееся в повышенной концентрации археологических памятников на ограниченной территории. Очевидно, что такое сгущение происходило на участках земной поверхности, благоприятных по ряду значимых для человеческих коллективов параметров. Основные из них: повышенная концентрация пищевых и/или сырьевых ресурсов; удобная топография для осуществления хозяйственной, обрядовой, военной, транспортной и иной деятельности» (4,51).

На основании определения АМР этими учеными, можно с уверенностью переложить данную методику на интересующую исследователя территорию.

Вопрос о выделении археологических микрорайонов в Южном Зауралье возник в начале XXI века, когда на основании анализа концентрации археологических памятников в междуречье р.Тобола и р.Убагана было выявлено 29 памятников на сравнительно небольшой площади. Применяв методы выделения АМР сибирских коллег, нами выделен Убагано-Тобольский АМР. В последнее время разведками в этом микрорайоне было открыто еще несколько археологических памятников, что позво-

лило уже более уверенно обозначить данное междуречье и прилегающие к нему территории как Убагано-Тобольский археологический микрорайон.

В настоящее время возникает вопрос о рассмотрении существующих междуречий основных магистральных рек нашей области, которые с древности являлись магистралями продвижения и хозяйственной деятельности человека. Нами предложены к рассмотрению междуречья рек Тобол-Уй, Исеть-Синара, Исеть-Теча. Интерес к этим территориям возникает у автора еще и потому, что данные территории комплексно не исследовались, в 40-60-е годы были проведены разведки в указанных районах Сальниковым К.В., в середине 80-х годов Виноградовым Н.Б., в последующие годы данные районы не обследовались.

Междуречье рек Тобол-Уй, которые находятся на Юго-Западе нашей области в Целинном районе. В этом месте река Тобол поворачивает резко на юг, а река Уй уходит на запад к склонам Южного Урала. Основным ориентиром для определения расстояния до большинства известных памятников в этом междуречье и прилегающих территориях является село Усть-Уйское. В предполагаемом микрорайоне на данный момент насчитывается 38 памятников разных археологических эпох (1,199-209).

Следующее междуречье, претендующее на АМР, находится на Северо-Западе нашей области в Катайском районе, близ города Катайска. Река Синара, берущая начало в предгорьях среднего Урала, с юго-западного направления впадает в р. Исеть в 18 км западнее г. Катайска. Эта территория не исследовалась с середины 80-х годов. Природно-географический комплекс междуречья представляет собой территорию с речными затопляемыми в паводок поймами, высокими берегами вторых надпойменных террас, пронизанных оврагами, встречаются выходы пород камня. Вся территория имеет участки смешанного лиственно-хвойного леса и травяные луга, обилие ключей и источников на этой сравнительно небольшой территории, позволяло селиться не только вблизи основных рек, но и на удалении от них. Обилие палеонтологических находок и выходы каменных пород на р. Синара, делают данный район перспективным в плане поиска памятников верхнего палеолита, которых в настоящий момент на территории Курганской области пока два - Шикаевка I-II в Варгашином районе Курганской области.

На рассматриваемой территории до 1986 г. было открыто 16 памятников, локально расположенных на небольшой территории, в последние два года разведками археологической лаборатории КГУ совместно с преподавателем истории Верхнеключевской школы и краеведом Катайского района Плотниковой Л.В., 7 археологических памятников и местоположений, что позволяет с уверенностью предположить существование Синоро-Исетского археологического микрорайона.

Еще одним из предлагаемых в данной работе районов предполагаемого существования АМР является междуречье р.Исеть и р.Теча. Река Исеть течет с северо-запада и в районе города Далматово с юго-запада в нее впадает река Теча, берущая свое начало на границе предгорий Среднего и Южного Урала. Рассматриваемое междуречье и прилегающие территории содержат 24 известных на данный момент памятника археологии (1,77-87).

Более полно исследованным междуречьем на территории нашей области является междуречье рек Тобола и Суери, оно располагается на севере области в Белозерском районе и граничит с Тюменской областью. Рассматривая междуречье и прилегающую к нему территорию, входящую в единый природно-географический и хозяйственный комплекс, на территории, представляющей собой треугольник площадью около 195 кв. км, находит-

ся 73 известных на настоящий момент памятника археологии (1,31-51).

На данный момент можно предполагать о существовании в рассматриваемых территориях археологических микрорайонов. Дальнейшие исследования помогут более точно определить количество памятников, находящихся в рассматриваемых междуречьях и прилегающих к ним территориях, составить характеристику природно-географических особенностей данных районов, определить принадлежность памятников к той или иной культуре и археологической эпохе, возможные пути продвижения людей во времена древности, их род хозяйственной и культурной деятельности, все это позволит более подробно изучить интересные с археологической точки зрения места нашей области.

Список литературы

1. Археологическая карта Курганской области / Сост. Н.Б. Виноградов. - Курган, 1993.
2. Буровский А.М. Методологические проблемы выделения археологических микрорайонов (АМР) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. - Омск, 1998.
3. Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны западной Сибири. - Омск, 1997.
4. Косинцев П.А. Формирование археологических микрорайонов: процессы и модели // Археологические микрорайоны северной Евразии. - Омск, 2004.
5. Матющенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. - Омск, 1997.

А.Н. Канев

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург

ПРОСТРАНСТВО В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ОБСКИХ УГРОВ

В культуре обских угров, населяющих Урал и Зауралье, встречается феномен наличия различных представлений о строении мира. С одной стороны, бытует представление о мире как трехчастном вертикально устроенном пространстве, где есть Верхний мир – мир духов, Средний мир – мир человека, и Нижний, загробный мир (8, 14). С другой стороны, наряду с вертикальным членением мира в мифах имеется и горизонтальное, где юг ассоциируется с Верхним миром, миром богов, а север отождествляется с миром мертвых (8, 16). В легендах и сказаниях мифологические герои – посредники между мирами - путешествуют и в горизонтальном, и в вертикальном направлениях. Не только в мифах, но и в обыденной жизни обские угры придерживались двойных представлений об окружающем мифологическом пространстве. В современной исторической науке, в этнографии проблема расположения пространства в угорской картине мира пока не нашла своего решения.

Следует отметить, что это серьезная научная проблема, которую можно, конечно, не решать, но без ее решения не будет понятно ни само мифологическое сознание, ни традиционная культура, ни тем более миф. Недостаточно только зафиксировать факт наличия сложных представлений в том или ином народе и списать их на примитивизм мышления. Необходимо понять, как эти две модели могли сосуществовать, ведь мировоззренческие модели пространства имеют важное значение в жизнедеятельности человека. Сложность решения этой проблемы в том, что ее не решить даже принятым в науке методом упрощения мифологических представлений

до бинарных оппозиций. Левое - правое, женское – мужское, верх – низ, светлое – темное и подобные им схемы оппозиций дают нам возможность хоть как-то привести в систему неопознанность мифологических верований в традиционной культуре. В отношении представлений о моделях пространства в угорской культуре этот метод позволяет лучше понять глубину проблемы: горизонтальное и вертикальное тоже можно определить как бинарные оппозиции, но не простые, потому что они пересекаются, ведь горизонтальное не может не пересекаться с вертикальным, когда речь идет о конкретной территории жизнедеятельности человека. Как эта система координат может одновременно уживаться в одной голове? Это проблема номер один.

Усложняет проблему понимания мифологической картины мира тот факт, что у некоторых групп обских угров трехчастная картина мироздания усложнена дополнительными членениями. По мансийским представлениям над землей располагаются еще три неба, по хантыйским верованиям - целых семь. Наиболее сложная система представлений зафиксирована К. Ф. Карьялайненом, который писал про хантов реки Васюган, что строение неба здесь намного разнообразнее, чем в других местах. Кроме того, что у неба здесь тоже семь этажей, первый состоит еще из различных частей (3, 195-196). У северных групп обских угров троичность деления распространяется и на подземный мир (8, 16).

Перед глазами исследователя предстает не стройная система мировоззренческих взглядов, а самый настоящий хаос, случайный и бессистемный набор представлений о мире, собранных в разное время. Простой анализ этих мифологических воззрений еще раз подтверждает тезис о малой сопричастности мифа социальному обустройству общества. Если бы миф нес на себе, к примеру, активную социализирующую роль, то мы обнаружили бы, скорее всего, одну мировоззренческую систему, которая утверждалась мифом среди членов общества. Но реальная ситуация в традиционной мифологии такова, что, казалось бы, наиболее важный объект познания человека – его среда обитания - представлен пестротцветьем вариантов картины мира. Следует отметить, что эта проблема обнаруживается у народа, который насчитывает всего лишь двадцать с небольшим тысяч человек. Если бы миф влиял на социум и организовывал его, то в таком немногочисленном народе можно было бы «навести порядок» в картине мира. Но особенности жизни северных народов при их малочисленности и обитании на огромных территориях привели к существованию небольших локальных групп, часто ограниченных одной семьей. В подобной социальной обстановке не будет единообразия в мифологических представлениях, возможно лишь наличие неких общих черт. Перед нами предстает нелегкая задача создания единой модели с учетом всего разнообразия и различия представлений. Решить эту задачу можно несколькими путями: создать абстрактную модель и не учитывать многообразия, но в этом случае мы создадим свою собственную модель, которая будет иметь мало общего с изучаемым народом. Другой путь - это фиксация многообразия без создания модели, но ведь, так или иначе, модель мира должна существовать, - человек, обживая мир, должен его осознавать и выстраивать модель картины мира. Следовательно, необходимо еще один метод, который учел бы необходимость наличия модели и разнообразия взаимоисключающих представлений. Это проблема номер два.

Можно попытаться решить эти проблемы с помощью раскрытия особенностей мифа. Миф - это неосознанное стремление к совершенству, а совершенное - это нечто универсальное и простое, свойственное мифоло-

гическому мышлению. Исходя из этого, можно предположить, что пространственная картина мира в мифологическом представлении представителей традиционной культуры, вернее ее модель, - это тоже простая, совершенная, целостная форма. Вероятно, что сложность в понимании мифологических сюжетов появилась вследствие особенностей методов познания европейских исследователей. Любые попытки воспринимать целое как совокупность разных частей, рассмотрение одной части отдельно от другой неизбежно приводят к усложнению системы, и как следствие - к непониманию роли каждой части, будь то живой организм, механизм или мифологическое мировоззрение. Видимо, именно так появилась проблема сосуществования двух противоположных моделей пространства в мировоззрении обских угров, которая до сих пор не решена.

Решить эту проблему можно вполне простым способом, исходя из принципов мифотворчества, как стремления к абсолюту или совершенству: трехчастные системы - вертикальная и горизонтальная - на самом деле объединены в сферу (круг) и существуют как единое целое. Как известно, у сферы в любом ее положении при необходимости можно найти верх и низ горизонтально или вертикально. Так же сосуществуют и трехчастные горизонтально-вертикальные представления об устройстве мира у обских угров как единое целое.

К. Леви-Стросс писал о традиционной мифологии, что миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации (6, 235). Создание противоположностей и необходимость их примирения - это слишком сложная интеллектуальная действительность. Можно предположить, что необходимость у мифа в медиации нет, поскольку он целно воспроизводит картину мира. Части целого могут актуализироваться в то или иное время, но не существовать самостоятельно. При внимательном изучении не только мифологии, но и культуры обских угров в целом это видно особенно ярко. Система восприятия мира - вертикальная и горизонтальная - становится активной при определенных условиях. Например, горизонтальная система восприятия мира употреблялась при путешествии, охоте или ведении боевых действий и всегда при необходимости передвижения по пространству Среднего мира. Применение этой же системы ярко видно в погребальном обряде обских угров. Еще с древних времен, что подтверждают археологические данные, расположение усопшего в могиле было ориентировано на север (5, 365). Традиционно кладбища располагались вниз по реке (10, 166). Это связано с представлениями о нахождении мира мертвых в устье реки Обь, то есть на севере. Усопший должен был пройти, вернее, проплыть это расстояние сам, поэтому в качестве гроба часто использовалась лодка. В других видах обрядовой жизни и в быту горизонтальное членение мира было весьма активным.

Вертикальная система видения мира акцентировалась, например, при мистических путешествиях шамана. В зависимости от цели сеанса камлания шаман то летит к небесному богу, то спускается в преисподнюю, то ведет борьбу со злыми духами, то посылает в труднодоступные места своих духов-помощников, то сам превращается в животных-духов (7, 144). В медвежьих игрищах в первую очередь в священных песнях рассказывается миф «О спуске медведя на землю», а в последующем исполняются песнопения, посвященные поднятию души медведя на небо (9, 43-44). Несложно предположить, что вертикальное членение мира выходит на первый план тогда, когда актуализируется переход в верхние или нижние миры не через географическое путешествие, а посредством перелета (шаман) или чудесного вознесения (медведь).

Образ сферы, объединяющей пространство в единое и простое целое, не является только умозрительной картиной. В угорской культуре существует вещь, которая олицетворяет особенность традиционной картины мира. Эта вещь – жилище. По представлениям обских угров дом имеет верх и низ, вернее, два верха и низа. Один верх вертикальный – это чердак дома, считающийся местом священным и соотносящимся с Верхним миром. Здесь нередко хранятся различные предметы сакрального характера, изображения духов – покровителей семьи (1, 240). Пространство ниже пола считается принадлежащим миру мертвых.

Существует и горизонтальный верх. Это дальняя от входа стена, на которой находилась полка с различными сакральными предметами. Место возле порога ассоциировалось с Нижним миром. А.В. Головнев писал об этом в своих этнографических наблюдениях: «Гостевое место в жилищах расположено напротив входа. Если там сесть, верхом окажется дымовое окно (в чуме), или крыша (в доме), низом – пол; если лечь, то верхом (изголовьем) будет дальняя от входа стена, низом (подножием) – вход. Оба «верха» хантыйского жилища считаются местом обитания духов – покровителей, там хранятся домашние лунхи (изображения духов. – А.К.), шкуры или черепа медведей. Два «низа» граничат с темным миром: по земляному полу не следует ходить босиком, у двери для отпугивания нечисти висят ружья, ножи» (2, 273-274). Женщина, по поверьям обских угров, – существо, связанное с Нижним миром, поэтому она категорически не имела права подниматься на крышу дома, сидеть, лежать или спать в священном углу жилища (4, 176). Но как бы не представлялись оба верха у дома, дом – это цельная вещь и сравнение его со сферой, у которой при различных обстоятельствах актуализируются вертикальное или горизонтальное членение, в данном случае будет вполне корректным. Дом человека является образом или образцом всего окружающего мироустройства.

Анализ мировоззренческого аспекта мифа традиционной культуры позволяет по-новому увидеть модель мифологической картины мира, объединить различные сведения о некоторых моделях пространства, снять актуальные противоречия. Поскольку в принципах жизнедеятельности мифа лежит поиск простой и совершенной модели, то в качестве гипотезы выдвигается модель картины мира в виде сферы, в которой пространство играет определяющую роль для человека и при различных потребностях и состояниях человека может менять свои пространственные характеристики.

Список литературы

1. Гемуев И.Н., Бауло А.В. *Святыни манси верховьев Сверхней Сосьвы*. - Новосибирск, 1999.
2. Головнев А.В. *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров*. - Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
3. Карьялайнен К.Ф. *Религия югорских народов*. - Т.2./ Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995.
4. Карьялайнен К.Ф. *Религия югорских народов*. - Т.3. / Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996.
5. Лабаури А.Н. *Погребальный обряд населения левобережья Нижней Оби в XV – XVII // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница*. - Ч.2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX – XX вв.: история организации и научное наследие: Материалы междунар. симпозиума. – Екатеринбург: НГМП «Волот», 2006.
6. Леви-Строс К. *Структура мифов // Структурная антропология/ Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова*. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. *Мифология хантов/ В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молда-*

нов, Т.А. Молданова/ Науч. ред. В.В. Напольских. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

8. *Мифы, предания, сказки хантов и манси /Сост., предисл. и примеч. Н.В.Лукиной*. - М., 1990.
9. Молданов Т.А. *Медвежий игрища на Сьюньюгане // Народы Северо-Западной Сибири/ Под ред. Н.В. Лукиной*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – Вып. 7.
10. Соколова З.П. *Новые данные о погребальном обряде северных хантов// Полевые исследования Института этнографии. 1974 год*. – М., 1975.

С.Н. Шилов, Д.М. Совков
Курганский государственный
университет, г. Курган,
М.И. Хлызов

Зауральское генеалогическое общество
им. П.А. Свищева, г. Курган

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ БАКЛАНСКОЙ КРЕПОСТИ (1717 – 1752 гг.)

Освоение территории Южного Зауралья в XVIII столетии уже не одно десятилетие волнует умы историков, начиная от краеведов и заканчивая маститыми докторами наук. За последние 50 лет написано несколько фундаментальных работ по этой интересной и сложной теме, которая до сих пор до конца так и не закрыта. Многие спорные вопросы связаны с проблемой датировки возникновения населенных пунктов, локализации их местонахождения, освещения ранних этапов существования и т. д.

Особенно это справедливо для южных районов современной Курганской области – земель пограничных, часто разоряемых во время набегов кочевников. В процессе ее освоения русскими велось строительство новых укрепленных линий, крепостей, редутов и т. д.

Своей работой мы предприняли попытку определения местонахождения Бакланской крепости – важного археологического и исторического памятника XVIII века.

Важность ее поиска заключается в том, что, несмотря на наличие письменных источников, содержащих информацию о данном населенном пункте, до сих пор неизвестно местонахождение этого объекта (1, 2).

Бакланская крепость, основанная в 1717 году, – прародительница современного с. Звериноголовского. Крепость, по всей видимости, входила в состав крепостей Тобольской губернии, являясь конечным пунктом Старо-Ишимской линии. «Табель о состоянии Оренбургской линии, которая в 1734 г. начало свое возымела...» среди крепостей, редутов, форпостов, расположенных от Гурьева Городка на устье Яика по рекам Яик, Уй и Тобол называется (по Тоболу) крепость Бакланскую, редут Прочетной, крепость Куртамышевскую, редут Лебяжий, Утяцкий форпост. Необходимо заметить, что наводнения способствовали переносу на новое место Бакланской крепости. Следует отметить, что крепость была небольшой по размерам и, вероятно, по численности (6).

Это и была т. н. первая Бакланская крепость, место расположения которой указано П. С. Палласом (рис. 1) в 2 верстах от «старой Бакланской крепости, перенесенной в нынешнюю Звериноголовскую крепость». На фотографии (рис. 1.) – это затопляемое во время весеннего половодья Тобола место.

Именно затопляемость места послужила причиной переноса крепости на новое место. С точки же зрения тактики и стратегии нахождения крепости именно в этом районе было вполне целесообразным, ибо она закрывала путь степнякам внутрь русской территории между озерами Камышным и Бакланским, а также прикрывала

дорогу на старую Куртамышевскую крепость (совр. с. Закоулово).

Рис. 1. Предполагаемые места расположения первой и второй Бакланских крепостей. Спутниковая фотосъемка 2007 г. Масштаб 1:1км

Ученый-путешественник XVIII века Петр Симон Паллас, следуя с экспедицией в 1770 году к крепости Звериноголовской, описывает, что «проехав озеро, минуешь в дали в сторону Тобола лежащее то место, на коем прежде была построена Бакланская крепость над Поповым истоком, но потом ради случающихся наводнений на другое место перенесенная. В двух верстах от одного истока видны и следы перенесенной оной крепости, которая опять по учреждению новой линии сломана и перенесена в нынешнюю Звериноголовскую крепость, сооруженную четырьмя с половиною верстами выше по Тоболу» (1).

В «Вестнике Европы» за 1837 год сообщалось о тех «разрушениях, которыя терпела крепость от наводнений вообще и от весеннего наводнения 1748 года в особенности». Здесь же отмечено, что «крепость Бакланская с основанием новой цитадели (Звериноголовской крепости) упразднена, как потерявшая значение, потому, что находилась от последней всего в пяти верстах...» (2).

Очевидно, что в двух трудах, которые справедливо можно отнести к первоисточникам, приведены близкие, но неточные координаты местоположения первой и второй Бакланской крепостей. Кроме того, длина версты имела переменное значение: от 1,1 до 1,5 км. Ее величина зависела от времени и цели использования (3). Это обстоятельство значительно затрудняет поиски места расположения объекта на местности.

Данные упоминания интересны тем, что позволяют передвинуть начало активного освоения южной степной полосы зауральских земель от рек Миасс и Тобола до р. Уй с середины XVIII века на его начало и дают приблизительные ориентиры мест расположения первой и второй Бакланских крепостей.

Первую (предварительную) разведку, направленную на определение предполагаемого места расположения первой Бакланской крепости, произвели в 2000 году в пойме р. Тобол М.И. Хлызов, К.Э. Бурбик, М.П. Вохменцев. Среди зарослей крапивы и конопли были обнаружены круглые площадки диаметром 4-5 м, расположенные на высоком месте в 2 ряда и заросшие невысокой травой. Были найдены 2 металлических предмета, один из которых - старинная ржавая железная скоба. Для дальнейшего поиска необходимы были данные о культурном слое, принадлежащем ко времени существования данного объекта, но таких данных не было.

В 2006 году поиски были возобновлены уже на базе археологической лаборатории Курганского государственного университета. В ходе подготовительного этапа нами

были изучены все доступные письменные свидетельства о Бакланской крепости. В 2005 и 2006 годах краеведами с. Звериноголовского и г. Кургана, совместно с учеными Курганского государственного университета, делались попытки на месте найти остатки укреплений изучаемого объекта. К сожалению, результаты поиска не дали возможности с высокой степенью точности доказать, что находки принадлежат именно Бакланской крепости. Поэтому было решено использовать опыт наших уральских коллег, занимающихся поиском археологических памятников с помощью аэрометода.

Именно роль метода аэрофотосъемки и спутниковой фотосъемки местности в последние годы очень помогает в определении точного местонахождения археологических и исторических памятников на территории нашего края.

Сам аэрометод очень хорошо изложен И. М. Батаниной в коллективной монографии «Археологический атлас Челябинской области. Выпуск 1. Степь-лесостепь. Кизильский район». Он включает в себя аэрофотосъемку местности, изготовление материалов аэрофотосъемки (аэрофотоснимков, фотосхем и пр.), их изучение (дешифрирование), перенос результатов дешифрирования на топографическую основу и анализ полученных результатов. В степной и лесостепной зоне аэрометод позволяет обнаружить скрытые под наносами археологические памятники, с большой точностью привязать обнаруженные объекты к каким-либо ориентирам, нанести их на карты и планы, измерить камеральным путем параметры археологических памятников и т. д.

С помощью аэрометода устанавливается взаимосвязь археологических памятников с ландшафтом местности. Во многих случаях удается воссоздать картину древних ландшафтов и хронологическую последовательность различных археологических культур. Изучая фотографии земной поверхности с высоты полета самолета, существует возможность охватить поисковыми работами огромные площади и вести обследование широкомасштабно и независимо от доступности местности, погодных условий и т. д. Анализируя и сопоставляя результаты дешифрирования аэрофотоснимков разных лет, можно получить представление о состоянии памятников, причинах их разрушения и, в конце концов, выйти на проблемы учета и охраны памятников истории нашего края.

Успешное дешифрирование аэрофотоснимков зависит прежде всего от качества аэрофотосъемки, которое определяется несколькими параметрами: сезоном года, временем суток, масштабом съемки, состоянием атмосферы в момент съемки. Для зауральских степных и лесостепных районов лучшим периодом является весеннее время между пахотой и началом вегетации растений. В это время любые объекты, даже скрытые под почвенным слоем, видны наблюдателю. Кроме того, весенняя распашка полей способствует распознаванию скрытых, снивелированных памятников, индикатором которых служат различия в окраске почв. В летние месяцы травы, находящиеся в фазе максимального развития, обычно маскируют памятники. Для северной широты наиболее благоприятным временем для аэрофотосъемки являются утренние часы с восхода до 10 часов и вечерние часы от 16-17 часов до заката.

Возможности археологического дешифрирования в значительной степени зависят от масштаба аэрофотоснимков. Успешное дешифрирование археологических объектов возможно в пределах масштабов аэрофотоснимков от 1:10000 до 1:32000. Разрешающая способность аэрофотоснимков более мелких масштабов (1:50000 и мельче) не позволяет уверенно различать среди природных объектов археологические памятники.

Рис. 2. Предполагаемое место расположения Бакланской крепости у д. Лебедевка Звериноголовского р-на. Спутниковая фотосъемка 2007 г. Масштаб 1:1км

Но мелкомасштабные аэрофотоснимки обладают большой обзорностью, на них легче выявляются геоморфологические, ландшафтные особенности местности (4).

Фотографии из космоса масштаба 1:200000, использовались нами при решении поставленных перед нами задач. Причем основную роль играл ресурс Google Maps и Google Earth, имеющий спутниковые фотоснимки исследуемого района достаточного качества для решения исследовательских задач в данном направлении.

Google Maps и Google Earth позволили нам сделать предположение о месте расположения Бакланской крепости. По нашему мнению, вторая Бакланская крепость находилась в 2 км южнее современной д. Лебедевка Звериноголовского района (рис. 2).

На фотоснимке (рис. 3) четко читается контур, напоминающий очертания типичные для пограничных крепостей Урала и Зауралья начала – середины XVIII столетия (рис. 4 - 5).

Рис. 3. Вероятные останки второй Бакланской крепости у д. Лебедевка Звериноголовского р-на. Спутниковая фотосъемка 2007 г. Масштаб 1:200 м

По нашему мнению, именно отсюда крепость (вторая) была перенесена на 4,5 – 5 верст вверх по Тоболу - на место современного с. Звериноголовского (рис. 6).

Есть вероятность того, что локализованное по фотоснимкам место – бывший полевой стан или буровая, но очертания остатков строений позволяют усомниться в этом. Во-первых это касается точности сведений П.С. Палласа о местонахождении второй Бакланской

крепости; а во-вторых предполагаемый полевой стан или буровая могли быть построены на месте Бакланской крепости.

Рис. 4 – 5. Планы крепостей середины XVIII века (из неаннотированной рукописи XVIII в.)

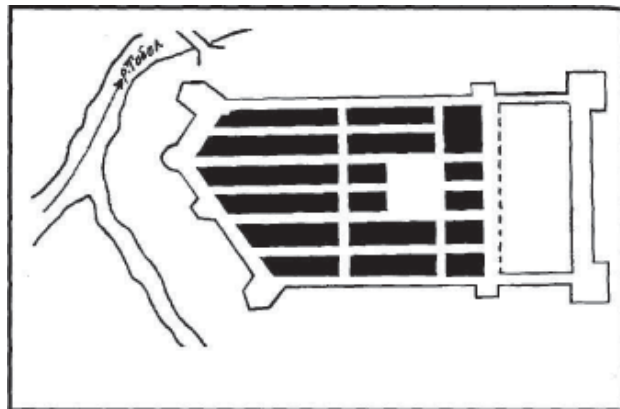

Рис. 6. План Звериноголовской крепости в 1792 г.

Кроме того, существует еще ряд точек в указанном районе, где находили старинные скобы, гвозди, подковы и другие старые вещи. Поэтому их следует проверить с помощью полевого археологического исследования, которое может подтвердить или опровергнуть выдвинутую нами гипотезу. Одновременно с этим необходим опрос местного населения по данному вопросу, а также дальнейший поиск объекта с привлечением данных аэрофотосъемки.

Список литературы

1. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. - Ч. II. -Кн. 2. – СПб., 1770.
2. Серeda Н. Пугачевский бунт // Вестник Европы. – СПб., 1837. – С. 617 – 618.
3. Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины – М.:ВЛАДОС, 2000. – С. 265, 274.

4. Зданович Г.Б. Батанина И.М. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. – Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – С. 17 - 47.
5. Материалы спутниковой фотосъемки Интернет-ресурса «Google Maps» // <http://maps.google.ru>
6. Хлызов М. И. Пограничные линии и крепости в Среднем Притоболье // Станица на Тоболе. Краеведч. сборник. – Курган, 2002. – С. 49 – 52.

Л.Г. Подкорытова
Зауральское генеалогическое
общество им. П.А. Свищева, г. Курган

ИМЯ РОДА (НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ – УРАЛ – ЗАУРАЛЬЕ)

Имя рода – фамилия. Всего одно слово, которое произносим не задумываясь, а в нем порой кроется глубокий смысл, тайна бытия. Где, как и когда возникла моя фамилия? Свое исследование начала со справочной литературы по ономастике. К сожалению, в ней моя фамилия не упоминается. Наконец, впервые в статье Алексея Мосина прочла: «Подкорытов. Фамилия относится к немногочисленной группе русских фамилий (Придорогин, Подберезин и др.), у которых трудно выделить основу в чистом виде» (1, с. 235). Решила в этом разобраться самостоятельно.

Ключ к пониманию своей фамилии нашла в небольшой брошюре В.П. Строговой, где указано: «Корыто – глубокое место реки. Такое название встречается в Батецком районе Новгородской области» (2, с.49). Знакомство с картой Новгородского края убеждает, что слово «корыто» является народным географическим термином. Так в Волдаевском районе есть село Корыто и Корытенка, в Окуловском районе - село Корытница.

Смысловое ядро фамилии Подкорытова – «корыто» имеет два понятия: первое – глубокое место реки и второе – бытовое изделие. Какое же из них первично? Разумеется – первое, ибо изначально природа. Она всегда человека учила и учит. Смысловое ядро «корыто» делится на две составных части: «ко» и «рыто», каждая из которых также имеет свой смысл, восходящий к глубокой древности. Каков же смысл части «ко»?

Замечено, что в русском языке есть ряд слов, обозначающих какое – либо воздействие на поверхность и эти слова начинаются с «ко»: копать, колоть, ковырять, ковать, коробить, косить и так далее. Любопытно, что на «ко» начинаются и слова обозначающие результат воздействия на поверхность: колея, корыто, кожух, ковер, кошма, кожа и т.д. Можно предположить, что «ко» у древних славян было связано с понятием «поверхность». Старославянское слово «рыто» вначале, видимо, было связано с воздействием природы (ветра, потоков воды и так далее) на поверхность - «ко». Со временем появился народный термин «корыто» – глубокое место реки. Подражая природе, человек делает углубление в изделии из дерева и называет его ранее сложившимся понятием - «корыто». Слово «рыто» подтверждение этому, так как рыть можно землю, глину, песок, ил, но никак не изделия из дерева, которые вырубают, вырезают.

Итак, древнее понятие праславян «корыто» возникает и становится народным географическим термином на земле новгородской. Уместно вспомнить, что Новгород основан в 859 году славянами, а также вспомнить небольшой остров при истоке реки Волхов из Ильмень – озера. Этот остров – колыбель, становище новгородских первопосельников, а значит и колыбель русского слова,

исток, «откуда есть пошла русская земля». Очевидно, с новгородской земли по Руси пошло и слово «корыто», ставшее со временем смысловым ядром имени моего рода, моей фамилии.

Однако, смысловое ядро фамилии - это еще не фамилия. Как произошло ее образование? Какова дальнейшая судьба этого народного термина? Колонизация, перемещение народных масс способствует его повсеместному распространению. Становится шире и само понятие «корыто». Так, у В.И. Даля читаем: «Корытина – ложбина, долгая впадина, длинная ямина, долина, с пологими от природы берегами; такой же залив» (3, с. 171).

Работа с картами и литературой позволила составить представление об ареалах этого народного географического термина: в бассейне реки Оки встречаются гидронимы: Корытенка, Корытня, Корытня Сухая; река Корыто есть в бассейне реки Черемоша; река Корытня в Московской и Черкасской областях; река Корытня - правый приток Русавы в бассейне Днестра и так далее (4, с. 292). На слуху фамилии от гидронимов: Югов от реки Юг, Онегин и Печорин от рек Онега и Печора, есть и фамилии Корытов, Корытников, но моя – то фамилия Подкорытова.

Предполагаю, что приставка «под» в моей фамилии также свидетельствует о ее новгородском происхождении. Изучая карту этого края, обратила внимание на одну особенность. Многие села названы по своему расположению относительно той или иной приметы пейзажа (реки, дерева, луга и так далее). Очень много названий с приставкой «за-»: Заполье, Заречье, Замошье, Замостье, Заорешье, Залесье, Заборки, Заостровье и так далее. С приставками «при-, пере-, по-»: Придорожье, Переходы, Перетечко, Поречье. Особенно, как нигде, карта изобилует названиями с приставкой «под-»: Подлужье, Подлипые, Подложно, Поджарье, Поддубье, Подгорье, Подберезье, Подклинье, Подосье, Подгощи, Подостровье, Подтеремье, Подсосонье, Подборовка, Подцепочье, Подмышье, Подбереза, Подколотниково, Подмогилицы, Подкоп и так далее. Возможно, когда-то было и село Подкорытово или Подкорытенка. Новгородская земля опалена войнами. Многие села были сожжены, разорены и ушли в небытие. Однако память о них живет в фамилиях тех, чьи предки когда-то в этих селах жили. И мои предки в свое время ушли за Урал в поисках земли и лучшей доли. Чиновники наделяли землей, а чтобы вести учет для сбора налогов, подчас записывали крестьян по названию мест их прежнего проживания. Появились фамилии.

Одним из первопосельников Ирбитской слободы на Урале в 1632 году был пашенный крестьянин «Олешка Поткорытников» – пятнадцатое поколение моего рода (5, с.20). Первopосельником и, видимо, основателем деревни Подкорытовой над озером в той же слободе в 1659 году был один из его сыновей «Демка Алексеев сын Подкорытов» – четырнадцатое поколение моего рода (6, с.42). В этом же году и в той же слободе, но уже в деревне Подкорытовой на речке Березовке значится другой его сын «Семейка Алексеев сын Подкорытов» (7, с.45). В 1664 году в Шадринской слободе Зауралья в деревне Канаши на реке Канаши поселяется со своим многочисленным семейством еще один сын «Ивашко Алексеев сын Подкорытов» (8, с.45). Со временем в Шадринской слободе возникает деревня Подкорытова (ныне Далматовский район). Как видим, к 1659 году фамилия сыновей «Олешки Поткорытникова» приобретает современное звучание и переходит в название деревень. То, как его многочисленные сыновья и внуки расселялись по уральским и зауральским просторам, тема другой публикации.

В заключение изложенного отмечу: статья далеко

не исчерпывает всей глубины познания становления имени рода – фамилии. Такая задача под силу научному коллективу лингвистов, историков, географов и родоведов. Автор делает попытку раскрыть свое понимание имени рода – своей фамилии, а также стремится показать, что народные термины в наших фамилиях заслуживают самого пристального внимания родоведов, ибо в них, всего в одном слове, как в капле росы, отражается многоликий мир нашего бытия.

Список литературы

1. Мосин А. *Словарь ирбитских фамилий //Ирбит и ирбитский край. Очерки истории и культуры.* - Екатеринбург, 2006. – С.235.
2. Строгова В.П. *Как говорят в Новгородском крае.*- Новгород, 1991. – С.49.
3. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка.*– М., 1978.-С.171.
4. Мурзаев Э. *Словарь народных географических терминов.*- М., 1984.-С.292.
5. Коновалов Ю.В. *Население Ирбитской слободы в первые годы сосуществования (1632 – 1682) //Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории и культуры.* – Екатеринбург, 2006. – С.20.
6. То же. – С.42.
7. То же. – С.45.
8. *Слободы на территории Курганской области.*- Екатеринбург, 2005.- С.108.

М.И. Хлызов

*Общественное объединение
«Зауральский казачий фонд», Зауральское
генеалогическое общество
им. П.А. Свищева, г. Курган*

О ЗАСЕЛЕНИИ КРАЯ И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ В XVII-XIX ВВ.

Строительство оборонительных линий в Зауралье.

Окончательное и планомерное продвижение русских в Западную Сибирь и Зауралье началось в 1586 – 87 гг. после строительства Тюмени и Тобольска. Потомки сподвижников Ермака Тимофеевича, исетские казаки первоначально обосновались в устье реки Исеть и только в середине XVII в. начали продвигаться, как ни парадоксально, на запад и юг по важным водным артериям Исеть и Тобол: строились остроги и маяки, создавались оборонительные линии.

После освоения водного рубежа реки Исеть начался процесс строительства крепостей и слобод по реке Миасс. Создание новой линии позволило крестьянам относительно безопасно селиться на новых местах.

В среднем Притоболье начиная с 70-х годов XVII в. создавалась линия, которая к 1719 году проходила по линии Миасс, Утяцкая слобода, Царево городище – Абацкая слобода (1). Вместе с этим у А.А. Кондрашенкова в прилагаемых картах находим, что Ишимская линия укреплений проходила от реки Миасс через редут Лебяжий и далее на Мутный, что на реке Вагай.

Следует отметить: 1. В 1717 году была построена Бакланская крепость, прародительница Звериноголовской крепости. 2. Известный исследователь Урала и Оренбургского края П.С. Паллас писал, что «немного пониже деревни Ярковой (из 65 дворов состоящей) лежит на левом берегу речки Куртамыш, другая деревня - Закоулова, из 50 дворов состоящая, коея внутри покотины видны место и следы древней Куртамышевской крепости, которая по установлению Уйской и Ишимской пограничных линий уничтожена» (2).

Таким образом, в связи с частыми набегами степных кочевников к 1719 году была создана оборонительная линия от Ялуторовской слободы до Утяцкой с продолжением на Воскресенский городок и Чумлякскую слободу. Крепость же Куртамышевская, редут Прочетной и крепость Бакланская, построенные, вероятно, в одно и то же время, составили продолжение упомянутой линии (от Ялуторовской до Утяцкой слободы) и явились своеобразным клином, выдвинувшимся в степные южные просторы. Этот отрезок границы Российской империи просуществовал 35 лет (1717 – 1752гг.) и, соединившись в 1743 году с Нижне-Уйской пограничной линией Оренбургского казачьего войска, впоследствии оказался ненужным в связи со строительством в 1752 году крепости Звериноголовской.

Миграция крестьянского населения и заселения края. Миграционные потоки разделяют на неплановые (вольные, неорганизованные) и плановые (организованные).

После похода Ермака началось переселение русских в Зауралье на постоянное место жительства. Это были крестьяне, уходившие с родных мест от гнета крепостников, от многочисленных государственных повинностей, от голода и малоземелья. Это были так называемые «самоходы». Первые поселенцы на территории нынешней Курганской области были староверы (иначе раскольники, двоедане). Реформа, проводимая патриархом Никоном, расколола русских. Несогласных с ней отлучали от церкви. Старообрядцы, теснимые церковью и государством, бежали на север, на Урал и даже на Алтай. Партии раскольников, следовавшие на Алтай, частично отсоединялись от своих и оседали на зауральских плодородных землях.

По мере строительства новых слобод и крепостей, по мере создания новых оборонительных линий наблюдается так называемое «сползание» крестьянского населения к югу.

В 1743 г. Нижне-Уйская линия сомкнулась с существующей еще Старо-Ишимской линией. После строительства Ново-Ишимской (Горькой) линии в 1752г. в Южном Притоболье продолжается процесс создания новых русских поселений. Процесс «сползания» крестьянства к югу интенсифицируется, и к 1770 году на левобережье и правобережье Южного Притоболья появляются новые поселения русских.

П.С. Паллас отмечает в своих записках крепость Куртамышскую (ныне г. Куртамыш), деревни Обанино, Кислая, Ярково, слободу Каминскую, деревни Мочалово, Белую, Редуцкую и ряд поселений на правом берегу Тобола (2).

Крупные переселения. Процесс заселения края продолжается, особо интенсивно начало заселяться правобережье Тобола. Переселение крестьян в Курганском округе осуществлялось главным образом в период 1848-56 гг. одновременно с проводимой съемкой земель округа. В южном Притоболье велись подготовительные работы к приему переселенцев из Смоленской, Псковской, Новгородской и др. губерний. Проводилась реорганизация волостей, выполнялись проекты размещения переселенцев в новые деревни или планировалось подселение вновь прибывающих к старожилам. Так, в «Отчетной карте Тобольской губернии Курганского округа о съемках и межевании земель, произведенных чинами Сибирского межевания с 1839 г. по 1848 г.» четко обозначены границы земель Оренбургского казачьего войска, владения сибирских линейных казаков, предусмотрено место для будущей Боровлянки и планировалось подселение ожидаемых переселенцев к старожилам Верхней Алабуги. В деревне Мочаловой подселения не предусматривалось. Автором найдены карты, «показывающие проэкт нова-

го состава трех волостей, расположенных близ южных границ Курганского округа» (3). На другой карте этого же фонда на все земли предполагаемых волостей Давыдовской, Нижне-Алабужской и Чернавской показаны «границы этих волостей и в натуре обмежеваны в 1845, 1846 и 1847 годах с постановлением межевых признаков и с отбиранием от жителей на основании Свода межевых законов издания 1842г. ст.510 и 539 с сохранением меж, исключая двух участков»: Плотниковского и Мочаловского. Последнее подтвердилось и «по исчислению земель, составленному в 1882 г. д.д. Плотникова и Мочалова значатся в одной меже и наделены по 18 дес. 1804 кв. саж. на 643 души. При местном исследовании оказалось, что оба селения владеют землей отдельно» (4).

Список переселенческих поселков и селений крестьян-старожилов, к которым были приселения переселенцев в Курганском округе (в сокращении)

В работе (5) приведены данные о том, что в с. Нижне-Алабужском 75 дворов переселенцев и 128 дворов старожилов, а в Ершовке – 45 дворов старожилов и 147 дворов переселенцев; в Гладковке – 13 дворов старожилов и 234 двора переселенцев. Деревня Сосново-Отногинская образовалась из переселенцев различных губерний и в разное время. Главное переселенческое ядро образовалось из крестьян Смоленской губернии Дорогобужского уезда, пришедших сюда в 1846г. В 1845г. прибыло несколько семейств из Чистопольского уезда Казанской губернии (Седелниковской волости, д.д. Щебенкиной и Адемяковой). И две семьи пришли из Вятской губернии в 1879г. Кроме смоленцев остальные приняты по общественным приговорам. Деревни Горьковка, Отногинская или Вершина-Каменский лог, Ново- и Старокаминская и Банщикова состоят из переселенцев псковской губернии, которые пришли сюда в 1846г.

Локальные переселения. С постройкой Нижне-Уйской пограничной линии приток крестьянского населения усилился в междуречье Миасса и Уя. Здесь были основаны крестьянские слободы: Куртамышская (1745г.), Таловская (1747г.), Каминская (1749г.), чему предшествовало прошение Окуневских государственных крестьян в Оренбургскую губернскую канцелярию: «... на прежних жилищах имевшиеся земли выпахались...» Крестьяне просили «чтобы им внутрь Уйской линии на порожних местах поселиться» и брали на себя обязательства «в ближайšie к ним крепости Звериноголовскую, Усть-Уйскую и Крутоярскую на довольствие военных людей провиант, муку, крупу и овес всегда, сколько по нарядам вознадобится, ставить на своих подводах без прогонов», что означало без оплаты их труда. На основании этого прошения «им оный переход дозволен» (6).

Выходцы из Олонецкой (ныне Архангельской), Вятской и Вологодской губерний обосновались сначала в слободе Окуневской и близлежащих деревнях, затем переселились на левый берег Тобола, основав слободу Каминскую и пять деревень.

К 1770 году в Каминской насчитывалось 130 дворов, в д. Редуцкой 113, а в д. Мочаловой – 27 дворов. Деревня Мочалова первоначально находилась на левом берегу Тобола в двух верстах от д. Редуцкой, ниже по течению. Но ввиду частых и разрушительных наводнений мочаловцы вынуждены были переселиться на высокое место на правом берегу Тобола. Часто случающиеся на Тоболе наводнения вынудили служилых людей дважды переносить крепость Бакланскую. По этой же причине перебрались на правый берег и жители д. Барабинской, оставив каменную церковь на левом берегу.

Жители д. Курапиной Вагановы и Злыдневы вынуждены были разъехаться в близлежащие деревни, т.к. Тобол пробил новое русло, и селение оказалось на острове. Саввушку Гладкова выгнали из слободы Каминской, он бежал на правую сторону Тобола и основал выселок Гладковский, куда со временем были подселены выходцы из Псковской губернии.

Одной из причин переезда жителей на другое место было приближение к родственникам. Нередко случались и пожары, что также влияло на миграцию населения.

Этнические и религиозные взаимоотношения. Взаимоотношения жителей на вновь осваиваемых землях были во все времена сложными. Раздоры и распри среди русского населения в основном были из-за переделов земли и на религиозной почве. Старожилы старались как могли противостоять переделам и не уступать переселенцам лучших земель и сенокосных угодий. Многие источники ГАКО свидетельствуют о многочисленных ожесточенных драках между старожилами и вновь прибывшими из российских уездов. Так, каминцы не уступили ялымцам своих лугов на правом берегу Тобола, а вот жители деревни Редуцкой отдали свои луга переселенцам со Смоленщины, получив взамен вновь нарезанные пахотные земли «за бором». Многократно происходили стычки и драки звериноголовских казаков с разночинцами.

П.С. Паллас отмечал, что свое название деревня Разломайка (несуществующая ныне) получила от того, что старожилы не хотели отдавать переселенцам свои земли и дело дошло до абсурдного положения: от недовольства была разломана стена дома переселенцев. Деревня была заново отстроена и названа Разломаякой.

Сложны были взаимоотношения русских и на религиозной почве. Старожилы были в большинстве своем или староверами, или единоверцами. Приезжие же в основном были православными. Раскольники не воспринимали приезжих, называя их «посельщиками» или другими, порой неблагозвучными кличками. «Расея», «расеята» – клички смоленских переселенцев бытовали многие годы, даже в годы советской власти. В ответ староверы могли услышать обидное: «двоеданы», «редутцы-голодранцы». Это о наших редутских. Жители д. Белая со старых времен выращивали репу и капусту, кличка их была «репники», на которую они могли бурно отреагировать: выхватывали огородные колья и начиналась драка. Традиционно беловские жители дрались кольями.

В селах процветали драки - «край на край». В начале XX века в Звериноголовской станице сходились «край на край» дети 10-12 лет, затем вступали в драку старшие, а потом уже дрались даже взрослые. Когда же дело доходило до кровопролития, казак Колотинский (потомок польских военнопленных) выходил на улицу с чугунным пестиком. И только тогда все успокаивались. Большие баталии прекращал атаман с подмогой противопожар-

ной дружины (7). А на следующий день встречались, как – будто ничего и не было. Люди не помнили зла, драки были потехой и возможностью показать свою удаль и смелость.

Взаимоотношения с нерусским населением строились в разное время по-разному: в годы советской власти ситуация стабилизировалась. А до революции любому мальчишке ничего не стоило крикнуть проезжавшему мимо казаку: «Кыргыз - малахай» и даже, согнув полу рубахи, показать «свиное рыло». Ну, уж тут держись. В станице Звериноголовской сосланные в разное время плененные поляки долго помнили лампы василькового цвета – целый полк оренбургских казаков нес службу в Варшаве. Помнили и ругали станичников: «Пся кровь». Но со временем многие поляки уехали на историческую родину, а оставшиеся жить в Зверинке приняли православию и были поверстаны в казаки.

Вывод: строительство новых пограничных линий, «сползание» в южные районы старожилов, а также плановые переселения крестьян из центральных губерний России, завершилось освоением новых территорий в Южном Притоболье.

Список литературы

1. Кондрашенков А.А. *Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Часть 1. Заселение территории русскими.* 1966. -С.94.
2. Паллас П.С. *Путешествие по разным местам Российской империи, часть вторая, книга вторая.* - СПб., 1771. - С.40-50.
3. ГАКО. Ф.245 оп.2 д.14.
4. *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Выпуск XXI.* СПб., 1894. *Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Исследование Н.О. Осипова.* - Т. II. - СПб., 1894. - С.327-335.
5. Там же. - С.318-327.
6. Рычков П.И. *Топография Оренбургская.* - Ч.II. - С.179.
7. Водеников Н.А. *Мемуарные наброски.* - Т.1. - Ленинград. - С.108.

А.В. Беспоконный

МУ «Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова», г. Шадринск

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К.Д. НОСИЛОВА К КАТЕГОРИИ «КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ» ЭТНОГРАФОВ

Писатель и путешественник К.Д. Носилов давно привлекает внимание исследователей. Это внимание тем более оправдано в свете наступившего в этом году юбилея – 150 лет со дня рождения Носилова. Все же следует признать, что наименее познанной стороной его жизни является этнографическая деятельность. Это тем более удивительно, ведь в его литературном творчестве, несмотря на то, что повествование ведется от первого лица, главными героями являются коренные народы Российской Севера. Вот здесь и возникает вопрос: что же представляет собой Носилов как этнограф? Вот, например, мнение известного уральского краеведа В.П. Бирюкова:

«По отношению к изучавшимся К.Д. Носиловым малым народностям он отнюдь не был тем капиталистическим этнографом, которые интересовались и интересуются главным образом экзотикой жизни культурно-отсталых племен и народов, чтобы потом «хозяева» этнографов воспользовались научными результатами для закабаления «низших» рас», – писал В.П. Бирюков (1, 20).

В отличие от своих предшественников он остановился не на необычных одеждах, непривычных нравах и обычаях полярных аборигенов, а на «движениях души северянина», отмечает и другой исследователь - А.К. Омельчук (7, 159). Одним из первых, если не первым Носилов обратился к духовной жизни российского «дикаря». Под расхожим словом «дикарь» у писателя действует смысловый, расторопный и, главное, прекрасно понимающий опасную северную природу человек.

«Как много мы еще не знаем в природе. Но это еще ничего: досадно, что мы так уверены в себе, так слепы ко всему подобному... И мы будем всегда такими, потому что не имеем такой чистой души, как этот дикарь...», – писал в своем очерке «Таинственное из жизни самоедов» К.Д. Носилов (4, 9). «Мог ли так написать естествоиспытатель и этнограф-посланец капиталистических колонизаторов?» – вопрошает В.П. Бирюков, комментируя подобное же откровение Носилова из очерка «Белые ночи», где путешественник описывает свое невежество белого человека в знании природы тундры в сравнении с самоедами (1, 21).

Воспевание чистой души «дикаря», безусловно, отличает К.Д. Носилова как писателя, однако для этнографа XIX в. важна практическая направленность его исследований. На протяжении XIX в. этнология находилась в весьма благоприятном положении для ее развития. Россия, как и ряд других европейских государств, будучи крупной колониальной державой, столкнулась с настоятельной потребностью в знаниях о покоренных народах. Потребность была вызвана необходимостью совершенствования административного управления этими народами. Подобные знания могла дать только этнология и поэтому новая наука пользовалась поддержкой своих правительств.

Так являлся ли К.Д. Носилов «капиталистическим» этнографом? Надо отметить, что идеалом в управлении коренными народами Сибири у Носилова был активно порицаемый в советское время за либеральную направленность политической и общественной мысли М.М. Сперанский. «Еще давно нашим гениальным законодателем Сибири графом Сперанским было доказано, что инородцы Севера не могут существовать без помощи правительства...», – читаем мы в статье «В защиту обских инородцев» (2, 11). Безусловно, значительная заслуга Сперанского заключалась в том, что он понимал специфику развития отдельных сибирских регионов, требующую особого подхода в организации управления. Итогом деятельности Сперанского на должности сибирского генерал-губернатора стали «Предварительные правила о свободе внутренней торговли», «Положение о хлебных магазинах» и «Устав об управлении инородцев Сибири», видимо, и являющиеся теми мерами правительства, результаты которых получили одобрение Носилова в упомянутой статье. Для аборигенного населения непосредственное значение имел, безусловно, «Устав об управлении инородцев...». Этот документ разделял коренные этносы на три группы: бродячие, кочевые и оседлые, предусматривая постепенный переход всех «кинородцев» к всеобщей оседлости и уравнение их в правах и обязанностях, а также и в организации управления с русскими. Устав Сперанского также давал право ясачному населению на свободный и беспрошлый сбыт своей продукции, не препятствовал въезду в родовые земли торговым людям и требовал, чтобы казенные продажи не стесняли частной промышленности. «Но, к сожалению, разумное законодательство, благодаря местной администрации, дает нам печальные результаты», – отмечает Носилов (2, 11).

«Мы дали им управление. Администрация посылает

таких управителей, для которых зачастую грабеж, нажива – первая цель, а строгие меры и глупые распоряжения – вот все, что от них видят инородцы. Там создаются свои налоги, произвольно увеличивается ясак, и все это свято исполняется инородцем, который так уважает «царское требование», что не задумывается отдать все, хотя сам остается голодом. Он глубоко предан царю и для него свято все, что потребует начальник, сказав, что это нужно «Царю». Мы отдали их в вековую собственность кучке русских торгашей, которые, поделивши их между собой, решили безжалостно эксплуатировать их», – пишет в статье «Остяки», К.Д. Носилов (3, 13).

«Для него (в данном случае – остяка. - А.Б.) нет ни статистики, для него нет такого лица в целом мире, которое следило бы если не за его бродячей жизнью, то хотя бы за его нуждами, потребностями, – даже в случае голода. У него нет той опоры, той надежды, на которую рассчитывает всякий крестьянин в нужде. Он знает лишь, что где-нибудь в Туруханске, Сургуте, Березове, Обдорске есть «боярин» или писарь, в виде которого он олицетворяет Русское правительство; он знает, что к этому «царскому писарю» нужно являться по временам, отдавать лучших песцов, лучших лисиц от своего промысла, сколько тот будет просить; он знает, что если не отдать это кесарево-кесареви, то его выпорют, будут грозить острогом, заставят силой брать в долг у купцов и пр.»(3, 13). Но остяк, по словам писателя, будет продолжать торговать с купцами, «..хотя завтра увидит, что его «русь» обворовал, обвешал, обманул, и ему будет грустно, что с ним так поступили единственные его просветители и вместе с тем и друзья и враги».

Описывая беды коренных народностей Севера от русских купцов, К.Д. Носилов говорит: «...все это происходит в таком отдаленном глухом краю и среди такого народа, который еще никогда не заявлял о своих нуждах ни публике, ни печати, и едва ли когда будет заявлять...» (2, 11). И он становится глашатаем бед северных народностей России, публикуя очерки и книги об их жизни. «Научная заслуга К.Д. Носилова, кроме его непосредственных научно-исследовательских работ и отчетов по ним и сбора очень богатого коллекционного материала, выражается в привлечении общественного внимания к нашим северным народностям, к их энергической правовой защите и экономическому обоснованию несомненных перспектив значительных улучшений их быта и к их цивилизации. По справедливости К.Д. Носилов может быть назван другом наших северных народов, активным защитником еще в царское время их законных прав», – утверждал М.О. Клер (6, 4). В.П. Бирюков идет еще дальше в своей оценке Носилова и сравнивает его с известным отечественным этнографом: «Подобно Н.Н. Миклухо-Маклаю, Константин Дмитриевич видел в «туземцах» прежде всего людей и людей, страдающих от своей хозяйственной и культурной отсталости, от гнета кулаков, торгашей, предпринимателей, а также от царских чиновников. Вот почему все эти «вогулы», «остяки», «самоеды», «киргизы» и др. видели в К.Д. защитника, «добротного начальника» и доверчиво шли к нему за хозяйственным советом, за юридической и медицинской помощью, за участливым словом»(1,20).

«Местные купцы не раз подкупали тех же вогулов застрелить и отравить меня. На меня сыпались доносы местному губернатору; в меня даже стреляли... Но я не ушел из этого края до тех пор, пока не сделал доброго для вогулов», – пишет К.Д. Носилов в очерке «Через десять лет» (8, 157). Считая основным злом для северных народностей их торговую изолированность от других районов страны, Носилов предполагал, что с освоением новых торговых путей и экономическим оживлением Севера мест-

ное население будет вырвано из рук кучки эксплуататоров и тем самым спасено от нищеты и вымирания.

После исследовательских маршрутов по Северному и Полярному Уралу у К.Д. Носилова родилась идея транспортного перехода через горный хребет по, как он именовал свой вариант, «проходу Семена Курбского» (8, 230-276). К тому времени уже существовало несколько проектов транспортной связи европейской Печоры с сибирской Обью, а если еще шире – Сибири с Северной и далее – Западной Европой. И Носилов сделал то, что, по его мнению, было выходом из описанной ситуации. «Я открыл путь с их реки (т.е. Северной Сосьвы. - А.Б.) на Печору, мне посчастливилось тогда сделать такое счастливое, как я полагал тогда, для вогулов открытие, которое раз и навсегда вырвало их из рук местного купечества и ограничивало местное начальство в том, чем не могли его ограничить ни страх ответственности, ни наши законы, ни глас справедливости и правды. Я страшно тогда верил в светлую будущность своего открытия и полагал, что пароходство, движение, новые люди, которые нахлынут в этот край благодаря открытию пути между такими двумя громадными водными бассейнами, через которые открывался даже путь к европейским рынкам из Сибири, не только вырвут дикарей из рук эксплуатации, но и спасут, образуют, просветят их...» (8, 158). «Мне посчастливилось, – пишет Носилов, – иначе я едва ли бы мог у них сделать многое, потому что борьба в таких краях с русскими была бы в конце концов все-таки для меня невыносимой» (8, 157-158).

Между тем К.Д. Носилов и не собирался бороться с русскими в широком смысле. Экономическое оживление Крайнего Севера выгодно, по его мнению, и русским переселенцам. «И здесь может быть добрая жизнь для русского неизнеженного человека, который недаром прежде стремился сюда, на Север, словно закаляя себя, чтобы стать сильным властелином такой обширной страны, как теперь Россия», – утверждает Носилов (5, 41). В очерке «Вотьяки-вотчинники» он предлагает свою «колониаторскую» идею: «Не пора ли нам двинуть сюда, в эти земли выморочные, в эту среду вымирающего дикаря своих голодающих, ищущих одного хлеба братий и поселить, сделать их рыболовами, звероловами, наградив этой выморочной землей, от которой отступается сам дикарь, не зная, что с ней делать, как пропитать себя» (5, 41).

«Можно облегчить ему (т.е. русскому крестьянину, после переселения на новые земли. – А.Б.) там существование, можно помочь, соединить путями, пароходством этот богатый, в сущности, край с более населенными пунктами, можно согреть его своим вниманием, участием, сделать его возможным для поселения хотя тех несчастных бедняков, которым нужен только кусок хлеба, а не земля, не хлебопашество», – развивает свою идею К.Д. Носилов (5, 41). «Я думаю, что при правительственной помощи и внимании и здесь будет жить русский человек, тем более что богатства края еще не истощены: рыбы, зверя – масса, жить еще есть чем, можно даже жить богато, и пусти сюда тех же архангельских зырян, дозволю им правительство осесть здесь, они осядут, будут жить богато, привлекут русских, вызовут предприимчивость, откроют новые рынки, и если будет надзор, то не разорят, а поддержат, напротив, этих бедных пасынков природы, которые и вымирают только потому, что стали бесильными перед этими быстрыми, сильными реками, перед этой более сложной борьбой за существование» (5, 41).

К.Д. Носилов, по мнению А.К. Омельчука, соглашается с идеей русификации «инородцев», и в частности манси, видя в этом приемлемый путь выживания этого малого сибирского народа. «Носилов считал, что в обрусевшем состоянии вогул «много выигрывает, благодаря сво-

им наклонностям к хозяйству, скотоводству и общественной жизни, что скоро его бывает отличить трудно от русского крестьянина» (7, 162).

К сожалению, из-за нехватки средств проект К.Д. Носилова о соединении бассейнов рек Оби и Печоры был перехвачен известным промышленником А.М. Сибиряковым. Аборигены Крайнего Севера оказались в руках этого предпринимателя. Мечты Носилова были жестоко разбиты. Побывав вновь в этих местах, он увидел изменения, которые принесла манси цивилизация. «Все испортила легкая нажива, все испортил старое, доброе наплыв новых людей и товаров, жадность купцов к легкой наживе, торговле, водка, разврат; новая жизнь не дала деятельности, а только усилила потребность, вызвала страсти. И эти страсти дикаря его губят и отнимают у него последнее, что есть в природе. И мои радужные надежды, что водный путь дает моим вогулам...лучшее, что они просветятся от влияния русских пришельцев, обновят, улучшат свою жизнь, перейдут к ней...только были пустыми, напрасными мечтами» (8, 168).

К.Д. Носилов увидел и антропологические изменения манси, которые также не обрадовали его: «Среди вогулов появились русские лица, глаза, волосы, все то, что нас так резко отличает от их расы. Это, вероятно, то обрусение и есть, которого я так жадно искал через десять лет в вогуле от соседства русских. Да, это обрусение, но оно жалко. Мне ничего не было невыносимее, тяжелее, в этом крае видеть, как русскую кровь, лицо, глаза, русые волосы в грязной одежде» (8, 169).

Таким образом, несмотря на то, что этнографическая деятельность К.Д. Носилова безусловно носила практическую направленность улучшения административного и хозяйственного управления северными народами, она не привела, даже по мнению самого писателя, к положительным результатам. Во многом это случилось потому, что его «капиталистические» начинания не нашли понимания у чиновников царской России. Мало того, постепенно он начинает приходить к выводам об отказе от «капитализации» быта аборигенов Севера. «Что же теперь делать? – вопрошает Носилов. – Опять бороться? Опять выступать в защиту дикаря? Кажется, что да, только теперь надо его защищать от цивилизации, как это ни грустно и горько» (8, 169).

Список литературы

1. ГУГАШ. Ф.Р-1006. Оп. 1. Д. 74. Л. 20, 21.
2. ГУГАШ. Ф.Р-1070. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
3. ГУГАШ. Ф.Р-1070. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
4. ГУГАШ. Ф.Р-1070. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
5. ГУГАШ. Ф.Р-1070. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.
6. ГУГАШ. Ф.Р-1070. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.
7. Омельчук А.К. К. Носилов. – Свердловск, 1989.
8. Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. – Тюмень, 1997.

Т.В. Сапожникова
г.Оса, Пермской области

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛВИНСКОГО БАСЕЙНА В РАБОТАХ ОСИНСКОГО КРАЕВЕДА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ С.А. ШЕСТАКОВА (1884-1974)

Родился Сергей Андреевич 7(20) октября 1884 года в семье крестьянина–середняка села Верхняя Чермода Осинского уезда и прожил в ней всю жизнь, исключая годы службы в армии.

В автобиографии краевед о своем образовании пишет: «...учился 4 года у домашнего учителя. Работал в хозяйстве отца, а в свободное время продолжал свое самообразование, учился по учебникам «Гимназия на дому». Из 30 томов этих учебников проработал 22, материал за 6 классов гимназии» (9). Документы указывают, что в 1931 г. Сергей Андреевич окончил 3-месячные курсы при Осинском педтехникуме и частный курс агрономии-полеводства и животноводства (5).

Можно с уверенностью сказать, что большое влияние на культурно-образовательный уровень будущего краеведа оказала служба в армии, т.к. служил он писарем, в том числе старшего разряда, в царской армии с октября 1907 г. по январь 1911 г. в Китае, в городе Харбине, а во время Первой мировой войны с августа 1914 г. по январь 1918 г. в «штабе запасного полка, где писарем пробыл до конца войны, этот полк был расположен под городом Новгородом, - пишет в автобиографии Сергей Андреевич,- поэтому в Петрограде часто приходилось бывать. Там я находился и во время Февральской и Октябрьской революций, также встретился и с Плехановым (в редакции газеты «Единство»)» (9). Работа писаря предполагает общение с большим количеством образованных людей, высокопоставленных чиновников, знание делопроизводства, умение извлекать информацию из документа и ценить его.

Большая часть трудовой жизни Сергея Андреевича связана с образованием. Началась эта деятельность с работы ликвидатором (безграмотности) в 1926 г. по направлению РОНО (4). В дальнейшем он работал учителем и заведующим в начальных школах деревень Б. Кузя и Подгорная, селе В. Чермода (3). Его ученик И.П. Сесюнин вспоминает: «Это был наш любимый учитель. Мы его уважали и побаивались. Был он пожилой человек, но любознательный. Бывало, зайдет к деду и спрашивает у него о прошлой жизни. Все услышанное записывает в тетрадочку» (2, с.391).

Независимо от того, где и кем работал Сергей Андреевич, все свободное время он уделял сбору сведений о родном крае. Однако краеведческий материал начал публиковать в печати только после выхода на пенсию (9). В это же время, Сергей Андреевич стал и частым гостем школьных аудиторий. Например в январе 1964 г. преподаватели истории школ Бардымской зоны собрались в Елпачихинской школе для обмена опытом и пригласили на встречу «тов. Шестакова, который живо и увлекательно рассказал о истории заселения притулвинских земель, о взаимовлиянии русской, татарской и башкирской национальных культур» (6). Краеведу в то время уже было 80 лет.

Сергей Андреевич опубликовал более 40 заметок и статей в районной газете Осинского и Бардымского районов, в «Календаре – справочнике Пермской области» и краеведческом сборнике «На Западном Урале». В архивном отделе Администрации Осинского района и Осинском музее находится более 30 рукописей.

В кажущемся многообразии историко-краеведческих тем можно выделить два тематических блока: «История сел и деревень Крыловской волости» и «Вопросы происхождения населения Тулвинского бассейна».

Формулировка для названия второго блока была вычленина из ответного письма главы пермской школы археологии О.Н. Бадера С.А. Шестакову. Ученый пишет: «Вашу рукопись с интересом просмотрю. Думая, что не откажется это сделать и доцент кафедры истории СССР мой ученик В.А. Оборин. Пожалуйста, присылайте. **Вопросы происхождения населения Тулвинского бассейна** очень интересуют нас» (1). Это письмо было датировано августом 1959г. и связано с раскопками, которые

вела КАЭ на территории с. Гремячи. Из письма также можно предположить, что другой осинский краевед - Ф.И. Петровых, был связующим звеном между знаменитыми археологами (в дальнейшем переписка ведется уже с В.А. Обориным) и С.А. Шестаковым (7,8).

В 1963 году Сергей Андреевич посылает свой труд о башкирах доценту ПГУ В.А. Оборину (7). В 1964 г. присутствует на проходившем в Перми совещании историков – археологов, где ученые из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми и др. городов Урала представили 46 докладов. Наибольший интерес у краеведа вызвала тема этногенеза народов Прикамья, о чем он пишет в статье «Совещание историков-археологов» (20). В 1965 г. он вновь посылает рукопись В.А. Оборину, но это уже «Материалы к топонимике Среднего Прикамья», которые он собирает вместе с Ф.И. Петровых (11). После замечаний ученого он самостоятельно их перерабатывает (ввиду бездорожья, встретиться с соавтором не может) и посылает их в сокращенном и исправленном виде (8). Всего в фонде В.А. Оборина в ПОКМ хранится 3 рукописи и два письма С.А. Шестакова, остальные рукописи этого тематического блока находятся в Осинском филиале Пермского областного краеведческого музея (ОФ ПОКМ) и в архивном отделе Администрации Осинского района (10-19).

Все эти рукописи можно назвать результатом одного исследования. Краевед ставит перед собой поистине научную задачу: обозначить и проследить этнические процессы Среднего Прикамья. В вариантах рукописей данного блока рассматриваются различные точки зрения на проблемы:

- влияние Великого переселения народов на миграционные процессы в Среднем Прикамье;
- этническая принадлежность и судьба остяков, «пермичей» и других народов Прикамья;
- угро-мадьярская (венгерская) проблема;
- этногенез и история башкирского народа;
- русская колонизация Западного Урала и первые славянские поселения на берегах Средней Камы.

Первоначально он изучает классические исторические труды. В Осинском музее хранится более 20 тетрадей, предположительно 1953-1954 гг., содержащие концепты большого количества источников и исторической литературы, посвященной передвижениям народов Восточной Европы, а именно: «Повести временных лет», работ историков Геродота, Тацита, Прокопия Кесарийского, Болтина, Карамзина, Ключевского, Соловьева, Шторха, Шлецера, археологические данные и др. По сути это историографический обзор темы (10). Много ссылок и на совсем «свежий» для того времени материал, например, работу П.Н. Третьякова «У истоков Руси» (1953 г.). Далее краевед изучает материалы регионального значения: переписи, труды Шишонко, Дмитриева и др. Особенно основательно изучил данные исследований Камской археологической экспедиции. Основным же средством для исследования он выбрал анализ топонимического материала: ойконимов и гидронимов Среднего Прикамья. Эту работу он ведет совместно с Ф.И. Петровых. Значение топонимов в венгерском языке искал Ф.И. Петровых, а в коми-пермяцком, коми-зырянском и башкирском - С.А. Шестаков (11). Очевидно, что краеведы изучили большое количество справочной и специальной литературы, т.к. при изложении используют термины данной вспомогательной дисциплины (гидроним, формант и т.д.). Значение топонима раскрывается комплексно: ищется возможность раскрытия его на разных языках, поэтому приводятся различные варианты его объяснения. Приведем несколько описаний топонимов из рукописи:

1. д. Усть-Тунтор или Товаул, на берегу реки Тулвы. Венгерское слово Тов – дальний, стр. 430. Татаро – баш-

кирское слово тау – гора, слово аул – деревня.

2. р. д. Сюзда на речке Барда басс. реки Тулва. Речек и деревень с таким названием в Среднем Прикамье несколько, д. Сюзанова Бардымского района, р. Сюзьва правый приток Камы. На венгерском языке «сюз» девственный, целинная земля, стр. 421. На коми-пермяцком языке «сюзь» – филин, филинова река. Календарь справочник 1964 года. Речка Сюзьва, басс. реки Сыны, правый приток Камы. Может быть коми-пермяцкого названия, так как окончание ее на - «ва» коми-пермяцкое, а дд. Сюзда и Сюзанова - предполагаем, что протомадьярское названия.

Пытаясь обосновать гипотезу, выдвинутую А.К. Матвеевым, о проживании протомадьяр (предков венгров) на территории Среднего Прикамья, исследователи вычленили более 20 топонимов, которые, как они считали, объясняются только на венгерском языке, например, р.д. Тундук (блестящий, сияющий), р.д. Танып (местожительство, оседлость), р.д. Турка (терпение) и др. (11).

Черновая рукопись под названием «Фамилии населения нашего края» говорит о том, что краевед приступил к изучению и антропонимов, но, видимо, не успел закончить это исследование (19).

Многое в содержании рукописей повторяется, но прослеживается и определенная динамика: совершенствуется язык и структура изложения, приводятся новые факты, признается ошибочность предыдущих выводов и предположений. Так, в одном из последних вариантов рукописи «Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы», Сергей Андреевич пишет: «Автор пришел к предположению, что здесь не были мадьяры – предки венгерского народа, хотя же прежде все топонимы, которые объясняются на венгерском языке, мы с Петровых Ф.И. считали мадьярскими, но эта точка зрения у нас была ошибочной. Мадьяры – это угро-тюрки, последние в лице башкир, а в Среднем Прикамье до монгольского нашествия XIII века башкир не было, а без тюркских племен – это еще не мадьяры, а только южные Угры» (13).

Вероятно, вышеуказанная динамика является результатом переписки С.А. Шестакова с В.А. Обориным, т.к. в письмах ученому краевед благодарит за разъяснение ошибок и просит редактировать явные ошибки и сокращать, а посылая переработанную рукопись пишет ученому: «Согласно вашего письма посылаю Вам тетради, которые заметно сократил. Все итоги приводим, как предположения, а не выводы, если же окажутся ошибки, пусть история исправляет их» (8).

Хотя в письмах указано, что материалы переданы в редакцию (предположительно в Отчеты КАЭ), данный материал напечатан не был. Возможно это связано, как резюмирует В.А. Оборин, с реферативным характером рукописей (12). К сожалению материалы рукописей не стали достоянием большого круга читателей в свое время, не обнаружено ссылок на них и у других краеведов. Сегодня они во многом устарели, т.к. открыто и исследовано много новых археологических памятников и написаны другие научные работы по проблемам, поставленным в них. Но, как пишет краевед, он вложил определенный «кирпичик в здание (краеведческой) исторической науки» (12).

Наибольшую ценность в исследовательском плане представляет воспроизведение преданий и воспоминаний старожилов и, конечно, анализ местных топонимов, многих из которых сегодня на карте региона уже нет.

Изучив деятельность краеведа, поражаешься сколько много он успел сделать, а ведь годы и условия, в которых он жил легкими не назовешь. В своем письме к пермскому исследователю Е.Н. Шумилу знаменитый осинский краевед В. П. Шилов назвал С.А. Шестакова «само-

родком», с чем нельзя не согласиться (21). К сожалению имя краеведа, сделавшего много для изучения нашего края, мало кому известно. Он не является Почетным гражданином района, его именем не названы улицы, о нем мало пишут в краеведческой литературе, хотя его жизнь - это яркий пример подвижничества.

Список литературы

1. Бадер О.Н. - Шестакову С.А., 27 февраля 1959г.// ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
2. Кобелев Н. Деревенька моя (историко – краеведческие очерки о населенных пунктах Осинского района).- Пермь: Пермское книжное издательство. - 2005. - Т.1.
3. Личный листок по учету кадров Шестакова С.А. 24.12.1936./ / ОФ ПОКМ.Ф. С.А. Шестакова.
4. Справка № 115 выдана Осинским районным исполнительным комитетом Сарапульского округа Уральской области 18 апреля 1930г. (был ликвидатором с 25 декабря 1929 по 11 апреля 1930гг.)// ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
5. Удостоверение № 1280 о прохождении 3-месячных пед. курсов при Осинском педтехникуме от 25 сентября 1931г. // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
6. Шарыгин И., Аптуков М., и др. Изучим свой край!//Советское Прикамье. – 1964.- 16 янв.
7. Шестаков С.А. - Оборину В.А., 4 декабря 1963г.//ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 4777.
8. Шестаков С.А. - Оборину В.А., 3 ноября 1965г.//ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 6421.
9. Шестаков С.А. Автобиография//ГАПО ф. р-790. Архивная коллекция «Уральский биографический словарь». Оп.1. Д. 3859. Шестаков Сергей Андреевич (1884- 1974). Л.2-12.
10. Шестаков С.А. Древнейшие народы Восточной Европы // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
11. Шестаков С.А. Материалы по топонимике Среднего Прикамья (в соавторстве с Петровых Ф.И.) // ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 6420.
12. Шестаков С.А. Материалы по топонимике Среднего Прикамья //ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 6421.
13. Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы – башкиры//Архивный отдел Администрации Осинского района. Ф. 132. Оп. 3. Д.7.
14. Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы. Остяки и башкиры. 27.11.1966.// ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
15. Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы. Остяки//ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
16. Шестаков С.А. Первое славянское селение на берегах Средней Камы. 14.03.1966.//ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
17. Шестаков С.А. Переводы инородческих слов на русский язык. 1964.// ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
18. Шестаков С.А. Русская колонизация северо-западного Приуралья и Прикамья. 22.05.1966.//Архивный отдел Администрации Осинского района. Ф. 132. Оп. 3. Д.9.
19. Шестаков С.А. Фамилии населения нашего края //ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.
20. Шестаков С.А. Сопоставление историков-археологов (г.Пермь)//Советское Прикамье.-1964.- 26 дек.
21. Шилов В.П. - Шумилову Е.Н.// ГАПО. Ф. р - 1751. Д. 48. Л. 4-5.

Д.О. Скульмовский

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

К ОЦЕНКЕ ТОМСКОЙ РАЗБОРНОЙ КНИГИ 1680-1681 г. КАК ИСТОЧНИКА ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Разборные книги относятся к основным видам актов источников. Они позволяют установить численность гарнизона, «должности» служилых людей (дети боярские, атаманы, пешие или конные казаки, стрельцы, тол-

мачи, уставщики над плотниками и т.д.), размеры их жалованья (денежного или хлебного), когда они были зачислены на службу (и при каком воеводе), сколько лет состоят на государственной службе и в каких «посылках» за это время побывали (в какие города и остроги, на какие службы).

«Разборная книга служилых людей Томского города 1680/81г.», составленная по указу царя Федора Алексеевича воеводой стольником И.М. Кольцовым-Мосальским и дьяком Ф. Леонтьевым, и опубликованная известным исследователем сибирской истории П.М. Головачевым, хотя и представляет собой поздний источник по первоначальной истории Сибири, зачастую основанный не на точно зафиксированных актовых данных, дает возможность установить имена служилых людей ряда городов-крепостей конца XVI – начала XVII вв.

Благодаря сведениям, приведенным в этой книге, мы можем разделить сибирских служилых людей на несколько групп: 1) по роду службы – пешие и конные (учитывая и характер предыдущей деятельности, например, упоминается о московских стрельцах); 2) по гарнизонам, из которых они прибыли «ставить» Томск – тобольский, березовский, сургутский (в разборной книге зафиксированы имена казаков, строивших и Сургут, и Томск, а также тех сургутян, которых перевели строить «Томский город»); 3) по происхождению – новгородцы, «москвитины», устюжане, соликамцы и т.д.; 4) присланных по «государеву указу», переведенных или прибывших «своей волею» (пришедших «собою»).

Как утверждал П.М. Головачев, из «именной книги» 1680 г. (так ученый называет и датирует анализируемый нами документ) можно извлечь сведения почти о 116 – 120 «человеках, их дедах, основателях Томска». Последних мы, однако, насчитали максимум 80 – 85 (неизвестно количество дядьев Саввы Смокотнина, в то же время Саламатовых, Кожевниковых, Медведчиковых называется несколько человек, а мог представлять их «кланы» только один служилый). Точнее, хотя с немалой долей условности, насчитывается 82 первопоселенца.

В царской грамоте 1604 г. на имя тюменского письменного головы А.И. Безобразова сообщалось: «Велено вверх Оби, в Сургутском уезде, на реке на Томи, в Томской волости поставить город, а для городского ставленья велели есьмя послати из Сургута Гаврила Писемского, да из Тобольска Василия Тыркова, а с ними к тобольским и сургутским и березовским служивым людям в прибавку тюменских служивых людей с атаманом с Дружиною с Юрьевым 50 человек стрельцов и казаков да двух человек пушкарей, а велено тем томским служивым в Томском городе годовать». Далее от А.И. Безобразова требовалось: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас послал из Тюмени в Тобольский город с атаманом с Дружиною с Юрьевым, выбрав лучших стрельцов и казаков 50 человек да двух человек пушкарей» (5, 316). По указанию З.Я. Бояршиновой, в состав отряда Г. Писемского и В. Тыркова помимо служилых людей из Тюмени, Тобольска, Пельма, Березова и Сургута входили тобольские служилые («юртовские») татары, березовские (кодские) остяки князя Игичея Алачева под началом его брата Онжи, сургутские остяки (1, 32).

Определить общую численность отряда, прибывшего весной 1604 года на р. Томь, не представляется возможным. Согласно З.Я. Бояршиновой, только березовских остяков было 100 человек, а тюменских служилых людей во главе с атаманом Дружиною Юрьевым – 50 (1, 33). Об остальных участниках похода сведений нет.

Томская разборная книга называет имена некоторых участников этого похода. Так, о тюменском казаке Бурундукове известно, что «родиною» он «с Соли-Камс-

кой», находился «в службе на Тюмени», откуда и был прислан «ставить» Томск (6, 107). Согласно «разбору» 1680/81 г., строили город на Томи и верхотурские казаки. К примеру, Меркурий Попов, родом новгородец, жил в Соли Вычегодской, потом служил «на Верхотурье», откуда его перевели в Томск для городского «поставленья», и там он стал нести конную службу (6, 68, 120).

Порой при рассмотрении томского «разбора» необходимо выяснить, один ли человек имеется в виду или несколько. К примеру, Кожевников в качестве первостроителя Томска называется трижды. Первое упоминание очень лаконично: о Кожевникове сказано, что он «ставил» Томск. В другой раз оно более подробно: Кожевников, «родом Соли-Камской», пришел «на Верхотурье» и поверстан в новоприборные казаки, в Томск прислан по государевой грамоте «город ставить». В третий раз говорится о верхотурце Петре Кожевникове, присланном «ставить» Томск по государевой грамоте (6, 54, 108, 135). Таким образом, следует полагать, что уроженец Соли Камской верхотурский казак Петр Кожевников принимал участие в «поставлении» Томска. Получается, один и тот же служилый человек упоминается трижды.

В изложении содержания разборной книги П.М. Головачевым содержится несколько досадных ошибок или опечаток. В частности, согласно этой книге, дед Ивашки Корнилова сына Медведчикова служил в Москве в стрельцах, «по указу прислан в Томск для строения и затем в Томск тоже для строения» (6, 108 – 109). Поскольку Томск «ставился» один раз, скорее всего, в первом случае имеется в виду Сургут: менее вероятно, что Медведчиков строил и Кузнецкий острог. (Отец же его приехал в Томск с отцом своим «в молодые летах» и нес конную службу). Разборная книга называет еще трех Медведчиковых: Алешку Иванова сына, отец которого – уроженец Сургута, пришедший в Томск «в давние годы»; Ивашку Кириллова сына, отец которого служил в Сургуте, куда прислан был из Москвы, а затем по указу государя – из Сургута в Томск «город ставить», где верстан в конную службу десятником; Фильку Микитина сына, отец которого состоял «в толмачах» в Томске, куда был переведен из Сургута по царскому указу (6, 99, 103 – 104, 115, 117).

По всей видимости, все Медведчиковы прибыли в Томск из Сургута в разное время (т.к., согласно разборной книге, только двое из них «ставили» Томск) и, вполне вероятно, Корнила, Иван, Кирилл и Микита приходились друг другу родственниками.

По указанию П.М. Головачева, дед и отец казака Илейки Семенова сына Арошева – выходцы «с Москвы», «в Сибирь переведен был для городского поставленья...» (6, 134). Непонятно, кого перевели – отца или деда? Или, что вполне возможно, их перевели обоих?

Некоторые данные интересующего нас источника не отличаются точностью. Например, казанец Матвей Кальнов пришел в Томск «своею волею», как город «зачинался», а Леонтий Пичугин, «родиною Соли Камской» («какого чину», неизвестно), в Томск пришел «собою», как «зачался Томский город», где нес конную службу (6, 62, 64). Неясно, то ли они принимали участие в возведении «Томского города», то ли появились там после его «поставленья».

Более запутанная ситуация с сыном боярским Апотовым и атаманом Алпотовым. Согласно разборной книге, первый был прислан из Сургута «ставить» Томск, второй же «с Москвы послан в Сургут», а затем строил Томск, где служил «в атаманах» (6, 39, 80). В данном случае, как можно думать с большой долей вероятности, речь идет об одном и том же служилом человеке. Но документально известен конный казак Леонтий Олпатов, служивший в Томске в 1608 и 1609 гг. (3, 409, 412). Вряд ли Алпотов

(Апотов, Олпатов), будучи атаманом, тем более сыном боярским, спустя 4 года после основания города стал добровольно служить в конных казаках, хотя его могли и разжаловать за какие-либо провинности. Но близость всех трех фамилий указывает на одно и то же лицо.

Саламатов (Соломатов, Соламатов) неоднократно упоминается среди томского служилого населения первой половины XVII в. Об одном Саламатове известно, что его прислали из Москвы для городского «ставленья». Двое других происходили из Соли Камской, только один переведен был строить Томск с родины, а другой попал в этот город из Сургута (6, 54, 67, 80). Нельзя исключить, что сведения о соликамских Саламатовых относятся к одному человеку. А ведь был еще стрелец Сидор Соломатов, находившийся на службе в «Томском городе» в 1609 – 1611 гг. (3, 411, 426).

О Даниле Мельникове и его отце известно, что их, уроженцев Москвы, перевели «город Томск ставить», и там до смерти они числились «в конной службе». То же самое известно и о Даниле Меньшикове и его отце, за исключением сведений о службе в конных казаках (6, 64, 134). Конечно, фамилии Меньшиков и Мельников не тождественны, но все же близки, а остальные сведения совпадают, учитывая же количество ошибок в томской разборной книге (в передаче П.М. Головачева), нельзя исключать, что Мельниковы и Меньшиковы – одни и те же лица.

Согласно разборной книге, отец и дядья Савки Смокотнина «ставили» Томск. Далее мы узнаем, что верхотурца Петра Смокотнина прислали по грамоте «ставить Томск» (6, 55, 101). Неясно, сколько «дядьев», соорудивших Томск, было у Савки.

О тарском казаке Кононе Торскове известно, что он родился «на Таре», в Томск пришел «город ставить собою», и там продолжал нести пешую службу (6, 119).

Разборная книга называет имена тобольских казаков – первостроителей Томска. Это Григорий Батожков (Батожков), «родом с Устюга Великого», «прибранный» в Тобольск, а затем посланный «ставить» Томск, где его «написали» в конные казаки (6, 68 – 69, 75). Другого казака – Федора Толмачева – прислали из Тобольска для городского «ставленья»; в Томске он нес конную службу (6, 65).

Некоторые сведения о первостроителях Томска в разборной книге утрачены. Так, дед Петрушки ...ибнева (по всей видимости, Згибнева – Д.С.) «пришел в Тобольск волею..., Томской и Кузнецкой ставить». Благодаря документам, опубликованным Г.Ф. Миллером, мы узнаем, что за службу в Кузнецкой земле в 1617/18 г. просил его пожаловать служилый человек Митька Згибнев (в 1616/17 г. Митька с другими казаками «бил челом» и о жаловании за службу в Чатском городе). Он же с товарищами, среди которых был и Иван Згибнев (согласно разборной книге, родом из Соли Камской, в Тобольск пришел «собою», отсюда его прислали «ставить» Томск, там он состоял «в пешей службе»), «не желал» ставить Кузнецкий острог на новом месте (3, 443, 445; 4, 278; 6, 73 – 74, 134). Иван Згибнев упоминается в 1620 г. и в отписке кузнецких воевод Т. Боборыкина и О. Аничкова томскому воеводе Ф. Боборыкину в качестве томского служилого человека (3, 445).

Разборная книга 1680/81г. называет и имена березовских служилых людей. К примеру, Степана Бедрина «с Березова» перевели «город ставить» (2, 16; 6, 106). Андрей Гутов служил «на Березове», откуда тоже прислан был строить Томск (6, 85). Бориса Тупылева из Березова, где он нес пешую службу, перевели «ставить» Сургут; затем он сооружал Томск и Кузнецк (6, 71). «Березовца» Амоса Мангезеина из Березова перевели в Сур-

гут; затем этот служилый «ставил» Томск, где до смерти состоял в конной службе (6, 75).

Согласно разборной книге, Березовского прислали по государеву указу Томск «ставить», и там этот березовец «служил конную службу». По давно изданным документам известно, что служилый человек Кондрашко Березовский отказывался ставить Кузнецкий острог на новом месте (3, 445; 6, 70, 82). Вполне возможно, что это был тот самый Березовский, который и строил Томск.

Курдюкова перевели в Томск из Березова по государственной грамоте; сын этого березовца Андрей нес в Томске конную службу целых 70 лет (6, 65). Интересно выяснить, в каком году Курдюков начал служить по Березову и когда был переведен в Томск, т. к. ничего не говорится об участии этого казака в «поставлении» Томска, но очень уж долго состоял его сын на службе (возможно, ее срок закончился).

Таким образом, благодаря «разборной книге служилых людей Томского города 1680/81г.» нам известны имена некоторых первостроителей Томска, переведенных туда из других сибирских городов. Составленная в конце XVII в., она сохранила сведения почти 300-летней давности, что само по себе примечательно. Уникальность и ценность разборной книги как источника по ранней истории служилых людей Сибири бесспорна.

Список литературы

1. Бояршинова З.Я. Основание города Томска // *Вопросы географии Сибири*. - Томск, 1953. - Сб. 3.
2. Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи // *Томску – 375 лет: Сб. статей*. - Томск, 1979.
3. Миллер Г.Ф. *История Сибири*. 2-е изд., доп. - М., 1999. - Т.1.
4. Миллер Г.Ф. *История Сибири*. 2-е изд., доп. - М., 2000. Т.2.
5. *Описание Сибирского Царства* / Соч. Г.Ф. Миллером. - М., 1998. Кн. 1.
6. *Томск в XVII веке. Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.- доц. П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в.* Б.м., б.г.

Е.А. Тимохин

Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, г. Курган

НОРМЫ ОБЩЕРУССКОГО ПРАВА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII В.)

Данное исследование является попыткой установить взаимосвязь между нормами законодательных источников Западной Сибири (наказы, грамоты), которые затрагивают те или иные аспекты деятельности служилого населения, и нормами общерусского права.

Нами были использованы следующие методы: историко-сравнительный, методы дипломатического анализа актового материала (5,26-48;6,173-176). Содержанием исследования стал анализ Судебника 1550 года и наказов и грамот. Грамоты – документы, регламентирующие отношения вышестоящих лиц и учреждений с нижестоящими, и предписания по конкретным вопросам (2,134). Грамоты в 17 веке были гораздо конкретнее указов и несли распоряжения более частного характера (2,134).

Наказы представляли собой письменные предписания и распоряжения, которые исходили от Сибирского приказа или от разрядных воевод нижестоящим или слу-

жилым людям, приказчикам (2,134). Наказы и такой вид источников как памяти создавались в Москве определенным подъямим, который специализировался на вопросах управления регионом (9,21). Данный вид источников имеет более конкретный характер, по объёму в несколько раз превосходит грамоты и другие делопроизводственные документы того периода (2,134). Наиболее полно метод формулярного анализа был разработан С.М. Каштановым (4;5). Историком А.А. Бродниковым он был применен при анализе формуляров делопроизводственной документации Восточной Сибири (период – 17 век) (2,134-147).

Формуляр грамоты: 1) адресант («От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси...») 2) адресат («...в Сибирь, в Енисейский острог...»); 3) информативная часть (narratio) – изложение обстоятельств дела; 4) распоряжение (dispositio) – («И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б...»); 5) дата. Формуляр наказа: 1) дата; 2) обоснование; 3) адресант; 4) адресат; 5) информативная часть, но она присутствует лишь в некоторых случаях и описывает события предыдущего промежутка времени и объясняет причину появления документа; 6) инструктивная часть; 7) предупредительная часть – мера ответственности адресата за невыполнение наказа (2,134-135). Данная методика применима к документам, которые затрагивают разные стороны деятельности служилого населения Западной Сибири в изучаемый период.

В указанный период основными источниками права был – Судебник 1550 года (11, 24-37). Вместе с тем, в 1606 г. была произведена попытка принять новый Судебник, но он не был принят (11, 36).

Служилое население Западной Сибири в конце XVI – начале XVII века формировалось, как правило, за счёт отпавленных на «вечное житье» отрядов правительственных войск из ближайших, в основном северных городов России и специально сформированных на добровольных началах (8,26). В дальнейшем гарнизоны служилых людей в течение первой половины XVII века пополнялись посредством отрядов, которые были сформированы в восточных и северных городах России и переведенные на «вечное житье» в Сибирь (8,30). Высшее звено: воеводы – как правило, представители боярской и дворянской знати (1,262;8,50;3,126-127). Другие категории служилого населения формировались либо путем набора, либо посредством перевода или они являлись таковыми по происхождению: «по отечеству», то есть дети боярские (8,30,50). К служилому населению также относились и иноземцы – ссыльные (т.н. литва), служилые татары, местная татарская знать и новокрещенные (8,27,50-51;3,94).

Характер служебной деятельности определялся соответствующим комплексом прав и обязанностей. Права и обязанности можно разделить в целом на несколько групп: 1) военно-административные (охрана острогов, городов, посольская служба, сбор ясака и так далее); 2) административно-хозяйственные (прибор пашенных крестьян, транспортировка грузов, винный прием и продажа и так далее). В отношении местного населения права и обязанности служилых людей, как правило, сводились к сбору ясака, охране ясачных волостей, привлечению местного населения к службе (8,27,84-103).

В течение конца XVI – начала XVIII века основной тенденцией межэтнических отношений было отсутствие вмешательства центральной и местной власти в «дела ясачных волостей, где продолжали действовать местные феодалы или представители патриархальной родо-племенной верхушки» (10,168).

Процедуры и основные права и обязанности сторон фиксировались в грамотах и наказах. Их анализ позволяет сказать: при составлении данных документов чинов-

ники сибирского приказа могли руководствоваться нормами обязательственного права. Грамоты и указы могли представлять собой единый комплект документов конкретно-нормативного характера. На это обстоятельство указывает тот факт, что в некоторых наказах имеются формулировки такого плана: «Беретчи государевых дел во всем по государевым по прежним и по нынешним наказом, и по грамотам»(9,40). Т.е. в данном случае имеет место ссылка на прежние документы: не только указы, но и на грамоты. Кроме того в ряде наказов и грамот имеется формулировка – «смотря по тамошнему делу» (7,356,372-373;9,37-38,40). Данная формулировка фиксируется как в нарративной, так и в распорядительной части документов, при этом в разных контекстах. Так в грамоте от 20 января 1604 г. сургутскому воеводе Головину и голове Писемскому о строительстве Томска указывается (в диспозитивной части): «А приведчи к шерти и напоя и накормя, отпустили б есте его к себе в Томскую волость, а с ним послали наших служивых людей, сколь будет человек пригож, смотря по тамошнему делу»(9,37). В данном случае формулировка отражает количественный состав посылаемых служивых людей. В наказе сургутским воеводам Волынскому и Благому от 16 февраля 1608 года данная формула упоминается в контексте связи с наказами и грамотами: «по прежним и по нынешним наказом, и по грамотам, и смотря по тамошнему делу»(9,40). В данном случае можно говорить о более широкой трактовке данной формулы, то есть устойчивого выражения, переходящего из одного документа в другой (5,30). Это означает, что служилое население могло апеллировать в ряде случаев к общерусским нормам права. В частности Н.Н. Симачковой при изучении становления системы воеводского управления в Сибири в конце XVI - начале XVII в. было доказано, что первые воеводы действительно ссылались на нормы общерусского права (12,16). Увидеть данную связь можно на примере анализа других компонентов.

Компоненты формуляра грамот как адресат (*intitulatio*) адресант *inscriptio* идентичны в большинстве грамот, адресат: «От царя и великого князя...», адресант: «в Сибирь...» далее упоминается город, имя воеводы и головы, адресат мог быть более конкретным: название города (7,338,354,358,361-387,399-402;9,37-38). Следовательно, каждая из грамот при выдаче подьячими считалась дополнением к нормам Судебников. То же самое можно сказать и о некоторых наказах, где в структуре формуляра есть идентичные элементы: адресат и адресант(7,355;9,38). Подобная структура формуляра может отражать нормы ст. 97 Судебника: «А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем Судебнике с которого дни уложил»(13,176). В частности это соотношение адресата грамот и титула царя в Судебнике: «От царя и великого князя» и «царь и великий князь». При этом для развития права данного периода было характерно следующее: после введения норм Судебника 1550 года каждый последующий закон приписывался к Судебнику в соответствии со ст.98: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны...и те дела в сем Судебнике приписывати» (11,33;13,176). Рассмотрим данную проблему в более узком аспекте – сбор ясака.

Вопрос о взимании дани (или ясака) появляется уже в первых документах. Так, в грамоте от царя Федора от 1586 г. в повествовательной части в отношении местного князя Лугуя указывается: «Привести ему дань впервые на Вымь к приказному человеку и целовальнику...» (7,338). Сама практика взимания дани, то есть ясака, была заимствована царской властью из татарских ханств и представляла собой уплату дани в виде пушнины

(14,136;3,76). Порядок выплаты ясака мог определяться в рамках распоряжений, исходящих от вышестоящей инстанции. В грамоте царя Федора от 1586 г. порядок выплаты оговаривается как в нарративной (повествовательной), так и в распорядительной части и обобщен формулой «пожаловать»: «...Лугуя князя...пожаловали:...велели имати в Вымской земле, по нашему жалованию, приказным людем, кому будет приказано» - в нарративной части (7,337). Формула «пожаловать» в грамотах встречается в таких вариантах – «пожаловать», «пожаловати», «пожаловали» (7,353,366,372). В грамоте царя Федора данной формулой в обеих частях документа формулой оговорены следующие распоряжения: порядок взимания дани, место сбора, распоряжение местным воеводам не применять силу, не требовать дани, поминок и посулов (7,337-338). Связь с нормами Судебника 1550 года следующая. Формула «пожаловать» сближает нормы, которые ею фиксируются с нормами вещного права (пожалование) и с процедурой выдачи льгот, то есть ст. 43 Судебника 1550 (13,153). Упоминается круг лиц, которые были связаны обязательством выплаты: «его братье или племянником» - в данном случае это наличие коллективной ответственности. Ее правовое содержание – ст. 22: «Учнут искати на наместниках или на волостелех и на их людех по жалобницам», т.е. распространение ответственности за обязательства на слуг господина (13,147).

Регулирование процедуры сбора ясака посредством наказов, грамот и указов можно считать продолжением усиления в XV-XVI вв. хозяйственной функции государства, которая заключалась в «издании различного рода грамот, указов, наказов, регламентировавших порядок хозяйственной деятельности страны, систему пошлин и льгот, стимулирующих развитие определенных ремесел и промыслов» (11,118).

С позиции «пожалования» вопрос об уплате ясака рассматривается в некоторых наказах. Так нормой наказа Мангазейским воеводам в 1601 году предписывалось: «И говорить тем самоядцом и остяком, которые учнут государю служити...государь их за то пожалует и в ясаку велит польготить» (7,394). «Польготить» т.е. уменьшить размер сбора. Нормой наказа сургутским воеводам от 1608 года предписывалось: «царское величество их пожаловал...ясаков лишних имати с них...не велел» (9,39). То есть с современной позиции категория «пожалование» норм наказов и грамот могла быть элементом обязательственного и вещного права. Тем более что в XV-XVII вв. пожалование считалось одним из основных способов приобретения вещных прав (11,121). Таким образом, уплата ясака – одна из форм правовых отношений, основанием которых могли быть нормы наказов и грамот, а также указы. Так, в наказе князю Ф.Елецкому от 10 февраля 1595 года «с ясашных людей...ясак збирати по государеву указу» (7,356). Можно говорить, что пожалование в условиях Западной Сибири становится элементом обязательственных отношений. Подобная тенденция в развитии правового статуса ясака свидетельствует о проведении последовательной политики царизма в отношении к ясачному населению, которая наряду с другими факторами способствовала в целом развитию мирных отношений «русского и нерусского народов в рамках единой государственности» (10,167).

Таким образом, анализ правового статуса ясака показывает, что нормы наказов и грамот, адресованных западносибирским воеводам и головам, служилому населению могли представлять собой единый комплекс нормативных документов, которые дополняли существующие нормы права, и частично воспроизводили их.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. *Научные труды: В 4 т. – М., 1955. – Т.3. Ч.1.*
2. Бродников А.А. *Документальные источники о взглядах служилых людей Восточной Сибири XVII в. на свои права и обязанности // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. – Новосибирск, 1991. – С. 134 – 147.*
3. *История Сибири. В 5 т. Т.2. –Л., 1968.*
4. Каштанов С.М. *Русская дипломатика. – М., 1988.*
5. Каштанов С.М. *Очерки русской дипломатии. – М., 1970.*
6. Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования. – М., 1987.*
7. Миллер Г.Ф. *История Сибири. В 2 т. Т.1. – М, 1999. Приложения*
8. Никитин Н.И. *Служилое население в Западной Сибири 17 века. – Новосибирск, 1988.*
9. *Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. – Вып. VII. – Новосибирск, 1996.*
10. Преображенский А. А. *Урал и западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М., 1972.*
11. *Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М., 1986.*
12. Симачкова Н.Н. *Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Тюмень, 2002.*
13. *Судебники 15-16 веков [Текст]. – М.-Л., 1952.*
14. Трепавлов В.В. *«Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007.*

А.В. Фаузов

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск*

КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ И ЕДИНОНАЧАЛИЕ В ВЫСШИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕПЕТРОВСКИЕ ГОДЫ

На протяжении всего XVIII в. в организации государственных учреждений наблюдалась борьба двух «начал», двух принципов устройства правительственных структур: господствовавшего коллегиального и зарождавшегося единоличного. Каждый из них обладал как достоинствами, так и недостатками; каждый мог быть эффективным для разрешения дел определенного рода.

Единоличная система управления, несомненно, является более оперативной, так как для нее не требуется соблюдения многочисленных громоздких коллегиальных процедур. Более четко реализуется административная специализация, быстрее происходит совершенствование административной практики, а деятельность единоличных чиновников является более ответственной.

Коллегиальная организация в идеале отличается большей осмысленностью и зрелостью решений, оправданном объединением административного опыта нескольких лиц, большей воздержанностью от теоретических взглядов, политических симпатий или антипатий отдельных чиновников, меньшей возможностью подкупа, сохранению здорового консерватизма.

Петр I, как известно, полагал коллегиальность наиболее совершенным устройством для любого государственного учреждения. Именно таким путем он стремился утвердить «начало законности» в правительственных институтах (2, с. 9). Но насколько коллегиальность оказалась действительно эффективной применительно к высшим государственным учреждениям, действовавшим после его кончины?

Высшим правительственным органом к моменту смерти Петра I был Сенат, который являлся образцовой коллегией. Сфера его ведомства была чрезвычайно об-

ширна, а система делопроизводства весьма громоздка. 6 февраля 1726 г. первым государственным бюрократическим учреждением становится Верховный тайный совет, который существенно ускорил процесс решения важнейших управленческих задач. Новый высший орган управления был учрежден также в коллегиальной форме. Поэтому дореволюционный исследователь А.Н. Филиппов был неправ, называя коллегиальность недостатком Сената по сравнению с организацией Верховного тайного совета (5, с. 3-4). Как и подобает коллегии, этот орган состоял из присутствия и канцелярии, не имел начальника, принимал решения единогласно, были возможны особые мнения его членов и т.д. Вместе с тем, Совет обладал одной особенностью, которая отличала его от коллегии в собственном смысле – между членами Верховного тайного совета фактически сложилось своеобразное разделение труда. Каждый из них играл более важную роль при рассмотрении определенных вопросов, что отчасти сближает членов Совета с министрами. Эти факты заставили А.Н. Филиппова находить аналогию Верховного тайного совета с Кабинетом министров. Он полагал, что именно в таком органе и нуждалась система центрального и высшего управления XVIII в. (5, с. 4-5, 21-22) Но эти весьма смелые предположения вряд ли могут быть признаны обоснованными. Во-первых, у каждого верховника не было в подчинении отдельной канцелярии. Во-вторых, вся система центрального управления строилась на коллегиальной организации. Кабинет министров не мог бы появиться без кардинальной перестройки всех административных структур. К тому же для этого еще не созрели субъективные предпосылки, не сформировались соответствующие идеи и т.д. Коллегии же в течение XVIII в. функционировали достаточно эффективно. Они были организованы намного рациональнее прежних единоличных приказов, обладали более определенной сферой ведомства, отличались высокой степенью унифицированности в своем устройстве и делопроизводстве, четкой иерархией чинов. Коллегии стали колыбелью и школой российской бюрократии. Таким образом, дореволюционный юрист отчасти модернизирует историю XVIII в. идеями, которые были широко распространены в XIX столетии.

Итак, Верховный тайный совет, как и Сенат, был устроен по коллегиальному принципу и обладал еще более широкой, чем у Сената, сферой компетенции. Тем не менее, немногочисленный новый высший орган оказался более оперативным. Это объясняется тем, что в обширном поле своего ведомства он уделял внимание только важнейшим проблемам, а все остальные передоверял Сенату. Последний должен был тщательно рассматривать огромный массив не только существенных, но и малозначащих проблем, не решенных другими центральными органами, принимать апелляции и т.д. Вместе эти два учреждения могли бы составить довольно эффективный тандем. Верховный тайный совет согласовывал внешнюю и внутреннюю политику, ускорял процесс решения наиболее значительных (ответственных) проблем, стимулировал сенаторов к более плодотворной деятельности. Сенат объединял все административные структуры и методично решал ординарные управленческие вопросы, а если считал себя не вправе решить определенное дело, то передавал его более полномочной инстанции, которая была, несомненно, более эффективна, чем самостоятельная деятельность Екатерины I или Петра II. И хотя фактически коллегиальность Совета уступала личному влиянию сильнейшего временщика (А.Д. Меншикова, А.И. Остермана или А.Г. Долорукова), формально высший орган действовал исключительно как коллегиальный орган власти.

Отметим, что мнение дореволюционных исследова-

телей о том, что созданием Верховного тайного совета «впервые яснее проводится у нас грань между управлением верховным и управлением подчиненным» (1, с. 359-360; 4) справедливым, на наш взгляд, не является. «Верховное управление», в смысле законодательных элементов власти, верховного суда, и ранее, и в дальнейшем целиком принадлежало одному царствующему монарху. Однако дореволюционные авторы нередко в это же понятие включали и законосовещательные функции, которыми обладал Сенат, бывший также административным (подчиненным) органом. Верховный тайный совет полностью не лишал Сенат законодательной инициативы и законосовещательных прав. В то же время сами верховники занимались отнюдь не только разработкой нового законодательства, но и осуществляли административную деятельность в рамках существующих норм, а также выполняли разнообразные поручения императрицы.

По мнению М.М. Богословского, в компетенцию органов верховного управления, помимо законотворчества, входила «деятельность распорядительная, заключающаяся в разрешении отдельных случаев экстренного характера. Сюда относятся: решение важных вопросов иностранной политики, вопросов военной обороны, государственного хозяйства – словом – решение всех тех чрезвычайных вопросов, которые не могли быть предусмотрены никакими заранее установленными нормами, а затем все те случаи, решение которых верховная власть оставляет за собою» (3, с. 166). Это действительно вполне соответствует полномочиям Верховного тайного совета. Однако, как уже отмечалось, этой деятельностью его не ограничивалась. Замеща монарха в управленческой системе, Совет оставался по отношению к нему органом исполнительным и подчиненным.

Исполняя правительственные функции самодержца в системе управления, Верховный тайный совет, естественно, совмещал в себе различные виды власти (судебная, исполнительная, отчасти законодательная). Но объединение различных властей было свойственно и для коллегий (исполнительная, судебная), и особенно для Сената (исполнительная, судебная, а также законосовещательные и контрольные функции), который унаследовал это от своей предшественницы - Боярской думы. Соединение в Сенате столь различных, несоединимых функций существенно тормозило деятельность административного механизма. Коллегиальное устройство осложняло функционирование Сената как органа исполнительной власти. Поэтому правительство и вынуждено было компенсировать сенатскую волокиту созданием еще одного учреждения, которое, впрочем, как дитя своего века, также возникло в форме коллегии. Но в целом учреждение Верховного тайного совета пусть не качественно, но количественно, и притом значительно, усовершенствовало систему высшего управления.

Список литературы

1. Алексеев А.С. *Русское государственное право*.
2. Берендтс Э.Н. *Несколько слов о «Коллегиях» Петра Великого*. - Ярославль, 1896.
3. Богословский М.М. *История России XVIII века (1725 г.-1796 г.)*. - М., 1915.
4. Сокольский В.В. *Очерк истории русского права*. - Ч.1. - Вып. 1. - СПб., 1911.
5. Филиппов А.Н. *История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета*. - Ч.1.: *Сенат в правление Верховного тайного совета*. - Юрьев, 1895.

МЕЖЕВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В XVIII В.

Начиная с XVIII в., когда наметился переход к индустриальному типу социально-экономических отношений, заметно активизировался процесс мобилизации и перераспределения земельной собственности. Это потребовало, в свою очередь, более четкого учета и законодательного оформления происходивших изменений. Первая попытка разработки законодательной основы всеобщего межевания в исследуемый период относится к 1731 г., когда высочайшими указами от 7 и 28 июня было велено послать во все города, исключая Астрахань, валовых межевщиков для размежевания земель, начав его с Московской губернии. Хотя в силу ряда причин, в том числе и технических, это межевание так и не было осуществлено, был разработан проект нового писцового наказа. Проект в ноябре 1735 г. был направлен на апробацию в Сенат, позднее на его основе был разработан «Свод узаконений по межевым делам». Оба документа были использованы при разработке межевой инструкции 1754 г. (1).

Попытки организовать всеобщее межевание повторились и в царствование Елизаветы Петровны. 31 января 1752 г. была образована особая комиссия с официальным названием: «Собрание, определенное для сочинения о межевании во всем государстве земель инструкции».

Эта комиссия на основе ряда ранних актов составила общий свод узаконений и примерных частных решений по размежеванию, начиная с Соборного Уложения 1649 г. по 1752 г. На основе этого свода была разработана новая межевая инструкция, утвержденная 13 мая 1754 г.

Основное правило, которого, согласно этой инструкции, следовало придерживаться межевщикам в отношении землевладельцев, состояло в сверке прав на имущества с крепостными документами (3).

Если крепостей не имелось, но справки или выписки из писцовых книг подтверждали наследственность владения, и никто другой их не оспаривал, то земли также сохранялись за владельцами и лишь при отсутствии и таких документов владения отбирались. Однако чтобы не наносить экономического ущерба казне и помещику, в случаях, когда на примерных (незаконно захваченных) землях были поселены крестьяне, записанные по ревизии за этими владельцами, и на земли никто больше не претендовал, то и их предписывалось оставлять за «незаконными» владельцами, взыскивая в казну с каждой десятины по 10 коп. Но межевать в этом случае следовало, исходя из числа проживавших там ревизских душ: приблизительно 7,5 десятин пахотной земли на душу и сенокосов «по одной копне на четверть», а излишки отбирать в казну.

Инструкция, как видим, нацеливала на изъятие у помещиков явно незаконно захваченных земель, да и то с осторожностью, чтобы не пострадал невинный землевладелец или его крепостной.

Однако та же инструкция предусматривала и передачу части незанятых казенных земель помещикам. Ст. 4 главы 21 гласила, что порожние казенные земли, сдаваемые в аренду, если они располагались поблизости от вотчинных сел и деревень, следует разделить между владельцами этих селений пропорционально числу зарегистрированных в них ревизских душ (3).

Позже, под давлением землевладельцев, к указанной инструкции были сделаны дополнения, ослаблявшие

«конфискационный» подход к самовольно захваченным помещиками землям. Указом 16 июня 1758 г. разрешалось межевать земли, «на которые ясных крепостей не представлено, по бесспорному владению, по обыску через показания старожилов». То есть давность и бесспорность владения становились достаточным основанием для сохранения владения.

Одновременно устанавливалась строжайшая ответственность за попытку изменения уже утвержденных границ владений. За порчу меж - помещикам штрафы, крестьянам – плети и кнут (4).

С целью проверки эффективности нового законодательства было решено межевать сначала одну Московскую губернию. 5 февраля 1755 г. сенатским указом были учреждены Главная межевая канцелярия при Сенате и Межевая канцелярия в Московской губернии, начался набор землемеров и картографов.

Сразу же выяснилось одно обстоятельство: специалистов нужной квалификации в количестве, достаточном для одновременного межевания нескольких уездов даже одной, столичной, губернии, в стране нет. Следовало срочно начинать их подготовку.

Межевание началось с весны 1756 г., но продвигалось оно вяло. Помещики опасались потерять земли, которыми владели без крепостных документов, бывшие служилые по прибору люди (большинство из них в Московской губернии составляли однодворцы) боялись ограничения их владельческих прав и отрезки части земли в казну, хотя инструкция санкционировала отрезку лишь земель, находившихся на владельческом праве, только у монастырских, владельческих и дворцовых (но не государственных) крестьян, тем более, не у однодворцев.

Чтобы еще более успокоить землевладельцев, указом 11 декабря 1756 устанавливались правила об апелляциях, согласно которым разрешалось подавать жалобы на неправильные действия межевщиков в вышестоящие межевые канцелярии. Тем не менее, массовый саботаж мероприятия землевладельцами продолжался. В итоге не удалось полностью обмежевать даже один Московский уезд.

Между тем разворачивалась подготовка к проведению межевых мероприятий на всей европейской территории страны. К 1761 г. действовало уже 5 межевых канцелярий со штатами. Расходы на их содержание составили почти 100 тыс. руб. в год (5). Неизвестно, как продолжалось бы это неординарное мероприятие дальше, но со смертью Елизаветы Петровны, оно, по сути, остановилось.

Вступив на престол, Екатерина II продолжила подготовку генерального межевания. Однако предварительно было решено изучить уже полученный опыт и на основе этого анализа существенно ускорить процесс. По ее указанию была создана специальная Межевая комиссия, которую вошли влиятельные вельможи: Петр Панин, Николай Муравьев, Михаил Лунин, князь Александр Вяземский. Задача комиссии состояла в выявлении недостатков прежнего межевания и разработке его новых принципов.

Был подготовлен проект манифеста и новых генеральных правил межевания. 8 сентября 1765 г. документы были одобрены Сенатом а 19 сентября подписаны императрицей. В «пакет» вошли «Манифест о государственном межевании», «Реестр ценам для продажи казенных земель и засек, в дачах не бывалых земель» (не бывавших в дачах. - С.Г.) и «Генеральные правила для сочинения по ним межевых инструкций».

Официально задачи межевания Манифест определял следующим образом: «...чтобы привести в известность количество земли и угодий, как всех вообще, так и в

части казне принадлежащих, и чтобы утвердить спокойствие владельцев постановлением правильных и несомненных границ поземельного владения» (6).

Анализируя причины неудачи предыдущего межевания, комиссия пришла к заключению, что оно чрезвычайно тормозилось спорами по поводу границ дач. Приходилось одновременно с межеванием проводить ревизии и редукции спорных владений. Проверялись документы даже у тех, на кого не подавалось жалоб, что особенно сильно беспокоило земельных собственников. Поэтому в законодательство было внесено три принципиально важных изменения:

1. Учитывая неудачный опыт разрешения земельных споров, были приняты меры, стимулировавшие землевладельцев всячески от них воздерживаться. У тех, кто решал спор полюбовно, примерные земли не отбирались. Если же владельцы на полюбовное согласие в отношении границ спорной земли не шли, а после обмеров и сравнения с документами на право владения у них обнаруживалась примерная земля, то 90% ее отписывалось в казенную дачу. Эта мера должна была существенно сократить споры из-за примерных земель, на которые у владельцев не было крепостных документов и потому их в принципе невозможно было разрешить законным порядком.

2. На бесспорные участки никаких документов, подтверждающих владельческие права, не требовалось. Владельческие документы рассматривались только у спорящих и только на предмет спорных мест.

3. Чтобы не задерживать межевание, спорные дачи теперь следовало, не дожидаясь окончательного разбирательства, обмежевывать отдельно. В дальнейшем предполагалось их внутреннее размежевание по особым правилам и за счет спорщиков.

Принципиальное значение придавалось и времени подачи спорного иска. Рубежом являлось начало генерального межевания. Если спорные челобитные были поданы до 1765 г., то такие земли должны были межеваться по генеральным правилам и спор сам по себе разрешался в ходе межевания. При этом иски принимались «только на число четвертей, которое из числа настоящих писцовых четвертей отыщутся при измерении их дач». Иными словами, основанием для подачи иска служило наличие у спорщика крепостного документа с указанием большего числа четвертей, чем имелось в даче на самом деле. На всю остальную, т.е. примерную, землю иски не принимались. После 1765 г. спорные иски не принимались вовсе. Все дачи, размежеванные бесспорно до 1765 г., приравнивались к размежеванным по правилам генерального межевания и оставались «без всякой отмены на все будущие времена». Это могло произойти в результате коштного или опекунского межевания, при отводе пожалованной или купленной земли с составлением планов, при более ранних государственных размежеваниях. В этом случае требовалась лишь проверка планов и межевых знаков на предмет соответствия общим требованиям и формальное утверждение проведенных границ.

В целом, главное препятствие на пути межевания, т.е. споры, временно преодолевалось тем, что спорные земли на планах и в других межевых документах показывались особо. Однако это если и позволяло продолжать общий процесс измерения земель, не снимало вопросов владельческого права на данные участки.

Как уже говорилось, одна из целей межевания заключалась в прекращении земельных споров «на все будущие времена». Все возникающие проблемы следовало разрешить до начала или в ходе генерального межевания, в дальнейшем составленные и выданные вла-

дельцам планы дач становились, по сути, главным и единственным документом на право владения дачей. Всякие попытки пересмотреть итоги генерального межевания путем самовольных захватов теперь жестко пресекались.

Поскольку манифест санкционировал закрепление за помещиками примерных земель, то это могло спровоцировать их на пересмотр границ своих владений накануне генерального межевания и закрепление за собой вновь захваченных казенных земель, например, с целью их дальнейшей перепродажи. Чтобы не было попыток использовать манифест помещиками в качестве официального разрешения на захваты, в него вводился пункт, согласно которому любые захваты и вообще изменения границ после 1765 г. (то есть после начала генерального межевания в стране и до межевания данного владельческого участка) запрещались. Проверку подобных фактов предполагалось осуществлять через свидетелей (понятых). Нарушителю-помещику манифест грозил конфискацией всех примерных земель и крупными штрафами. «Завладелные деньги» были определены в достаточно высокую сумму: 10 руб. в год за десятину. Это было почти на порядок выше той таксы, которая устанавливалась для продажи казенной земли. Предусматривалось и моральное воздействие на нарушителей: их предполагалось включать в списки расхитителей казенной земли, а списки публиковать.

Если же такой поступок совершали крестьяне, им грозили двойной штраф и жестокое телесное наказание, а земля возвращалась законному владельцу. Таким образом, генеральное межевание в первую очередь касалось помещичьего землевладения и должно было, во-первых, разграничить владельческие дачи между собой, и, во-вторых, отделить их от земель казенных.

Однако межевание не сводилось только к установлению границ дач. В ходе его проводились точные измерения угодий, с выделением усадебной, пахотной, сенокосной земли, леса, неудобий. Составлялись планы и подробные экономические примечания. Все это позволяло иметь гораздо более полное представление о местоположении, географических и топографических особенностях, почвенно-климатических условиях, флоре и фауне, реальных и потенциальных экономических возможностях каждой дачи.

Одновременно с владельческими межевались и казенные земли.

Одна из важнейших задач здесь заключалась в наделении государственных крестьян и других категорий свободных мелких сельских производителей землей в соответствии с установленными нормативами. В общем случае таким нормативом считался надел в 15 десятин удобной земли на ревизскую душу. В соответствии с этим принципом, сверхнормативные земли следовало отрезать в казенный фонд, а тем, у кого земли не хватало, — добавлять из казенного фонда. В то же время, насаждалось общинное землевладение с его круговой поручкой, разделами и переделами участков, принудительными севооборотами. Крестьянин при этом терял владельческие права на свою землю и из землевладельца превращался в простого землепользователя. Имеющиеся у них крепостные документы объявлялись недействительными. Таким образом, купленные или пожалованные крестьянам до начала межевания земли объявлялись государственной собственностью и приравнивались к наделным.

Менее последовательно эта политика проводилась в отношении однодворцев. Они сохраняли за собой права на покупные или полученные прадедами за службу земли, если на них были поселены однодворческие крепостные. Такие земли следовало межевать за их вла-

дельцами. Однако продавать тех людей с землей или без земли разрешалось только равным себе однодворцам, с условием, что платить государственные подати за крепостных будет новый владелец (7).

Этот курс продолжался и в последующие годы. Сенатским указом от 31 января 1783 г. однодворцам, а также и государственным крестьянам окончательно запрещалось продавать и закладывать свои земли не только посторонним, но и равным себе (8). Таким образом, законодательство о генеральном межевании далеко выходило за рамки чисто межевого и нацеливало на существенное изменение земельных отношений.

Список литературы

1. Иванов П.И. О Генеральном межевании земель в России и полюбовном специальном размежевании в Московской губернии. Б.м. и Б.г. - С. 12.
2. Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. - М.: тип. С. Селиванского, 1846. - С. 50, 54, 55.
3. Межевая инструкция 13 мая 1754 г. Гл. 12. Ст. 5. // ПСЗ. Т. 14. № 10237.
4. Там же. Гл. 34. Ст. 6.
5. Герман И.Е. Материалы к истории Генерального межевания в России. - М.: тип. В. Рихтер, 1911. - С. 13, 50.
6. ПСЗ. Т. 17. № 12474. П. 1; № 12659. Введение; Т. 23. № 16775. Прим.
7. ПСЗ. Т. 27. № 12659. Гл. 19. Наступление на однодворческое землевладение началось еще в первой четверти XVIII в. Указом 14 августа 1727 г. была запрещена покупка и укрепление другими способами однодворческих земель. (ПСЗ. Т. 7. № 5138). Инструкцией межевщикам 13 мая 1754 г. предполагалось на будущее запретить однодворцам покупку всяких земель, кроме однодворческих (ПСЗ. Т. 14. № 10237. Гл. 23).
8. Кавелин С.П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. - М., 1914. - С. 31.

Ф.В. Бондаренко
г. Екатеринбург

КУПЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ - БАРОМЕТР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Вторая половина XVIII в. на Урале — период окончательного формирования купечества как сословия. Этот процесс проходил на всей территории Российской империи. Став неподатным сословием с правом монополии на торговлю, купечество превратилось в вершину торгово-промышленного класса. Этот статус был подтвержден «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. Согласно этому документу, купцы 1-й и 2-й гильдий получили многочисленные привилегии в ведении хозяйства, были освобождены от телесных наказаний. Купцам всех гильдий предоставили право оплаты рекрутской повинности и исключительное право подрядов и откупов. Помимо экономических привилегий, это укрепило их положение в общей и шестигласной Думах — органах городского самоуправления.

В отличие от общероссийских тенденций в городах Пермской губернии наблюдалось некоторое разнообразие в данном процессе, особенно в Екатеринбурге и Верхотурье.

В развитии купеческого сословия Екатеринбурга отмечалось несколько пиков экономического взлета. Одним из первых в обозначенное данной работой время стала рудопромышленная лихорадка в 1755 г. В этот

период активизировалась разработка рудных месторождений. Непосредственное участие в ней приняли купцы: Марко Сапожников, Петр Зырянов, Сергей Ряхин, Савва Негодяев, Семен Кузнецов, Семен Украинцев и др. Особых успехов в этом деле достиг екатеринбуржец Ефрем Стрежнин, создав на рудниках множество рабочих поселений. Он вел разработку меди по рекам Полевой и Черной, занимался скупкой неперспективных рудников у казны. В 1757 г. им был выкуплен Шилово-Исетский рудник, в дальнейшем перепроданный выходцам из Шарташской слободы. В выкупе паев другого рудника - Иткульско-го участвовали екатеринбуржцы Иван Коробков, Семен Кузнецов.

Всплеск активности в данной сфере был вызван рядом причин. Способствовала этому попытка Екатеринбургского Главного командира уральских заводов Никифора Клеопина создать систему вольных рудопромышленных компаний, тем более, что пример был рядом – пермские рудопромышленники. Финансовой основой стало наличие свободных капиталов, сформированных в результате традиционной торговли на заводских базарах.

Путь купеческих капиталов города Екатеринбурга соответствовал классической европейской модели. Рост финансов, сосредоточенный в руках сословия, позволял использовать их на благотворительные цели, в частности, начать строительство церкви на собственные средства.

Если обратиться к количественному составу купечества Екатеринбурга 1780-1790 гг., то за основу можно взять подсчеты М.А. Горловского, составленные по данным подворной переписи. Так, в 1781 г. купцов, посадских и цеховых с семьями насчитывалось 1129 человек, из них 257 мужчин, 303 женщины и 569 детей младше 15 лет, они вместе составляли 14,1 процента от числа всех горожан. При этом Горловский особо отличал то, что из 92-х екатеринбургских купцов 2-й и 3-й гильдий 79 были местными (1).

В следующем, 1782 г., городской староста М. Рязанов, отвечая на «вопросные пункты» комиссии при Императорской академии наук, указал, что «в... городе находится купцов 144, мещан 343 души...» (2).

В 1784 г. в Екатеринбурге проживало уже 257 купцов и 234 мещанина. Вместе с женщинами купеческого сословия их насчитывалось 1036 человек, то есть примерно 11,3 % от числа жителей города. Подворная перепись 1787 г. показывает, что доля семей купцов, мещан и цеховых в структуре населения составляла примерно 13 %. О численности мещан, посадских и цеховых мужского пола можно судить по числу ревизских душ, указанных в окладных книгах: в 1787 г. - 647 лиц, плативших 40-алтынную подать. Согласно данным за 1795 г., в Екатеринбурге проживало 360 купцов и 1017 мещан, цеховых и посадских, что свидетельствует об общем росте их числа. В 1798 г. в ходе проведения выборов на должности в местные Магистрат и Думу избирателей из купечества было 368, из мещанства и цеховых – 1379 (3).

В последней четверти XVIII в. в городе, по подсчетам И.П. Фалька, проживало около 8 тыс. человек, из них купеческого сословия - 338 душ. Однако И.П. Фальк оговаривается, что это данные без учета жителей, не принадлежащих горным заводам. И.И. Лепехин приводит гораздо большую цифру для купечества - 1370 душ, очевидно, включая в нее и принадлежащее горным заводам население. Среди этих жителей были преимущественно мастеровые, занимавшиеся домашними ремеслами, связанными с заводским профилем города. Они производили изделия из черного, цветного и благородного металлов, а также из цветных камней (посуда, украшения) (4).

Следует отметить также небольшую роль транзитной торговли в экономической жизни города. Это было

связано с тем, что основной продукцией в грузопотоке того времени в регионе были хлеб и железо. Главный поток железа шел по водному пути, севернее - по Чусовой. А хлебный поток через Екатеринбург к этому времени иссяк.

Еще в 1775 г. был установлен гильдейский сбор как налог с объявленного по совести капитала. Для того чтобы стать гильдейским купцом, в то время нужно было обладать капиталом не менее 500 рублей, менее обеспеченные горожане причислялись к мещанскому сословию.

Купцам 1-й гильдии разрешалось заниматься внутренней и внешней торговлей, становиться собственниками заводов и фабрик. Купцам 2-й гильдии позволялось заниматься внутренней торговлей (как розничной, так и оптовой), транспортировкой водным и сухопутным путем товаров по торговым ярмаркам. Купцам 3-й гильдии разрешалось содержать небольшие речные суда, торговые бани, постоялые двора, а также вести розничную торговлю.

По городскому положению 1785 г., по-прежнему любой городской обыватель мог записываться в гильдии, при этом сохранялся однопроцентный налог на капитал, изменились только размеры объявленного капитала. Однако следует иметь в виду, что подсчет производился практически по купеческим семьям, которые владели финансовым капиталом. При этом каждая семья могла включать в свое дело нескольких родственников, вложивших в него свои финансы.

Основным промыслом купечества пермских городов, в том числе и Екатеринбурга, в конце XVIII в. становилась деятельность, связанная с кожевенным, салотопенным, мыловаренным и свечным производством. Основной сырьевой базой становились юго-восточные степи Приуралья: от Петропавловской и Троицкой пограничных крепостей, из Шадринской и Челябинской областей в округ пригонялись табуны крупного рогатого скота и лошадей. В городах было сосредоточено огромное количество предприятий данного производства. При этом екатеринбургским купцам пришлось столкнуться в жесткой борьбе за данный сектор экономики с шадринскими крестьянами. Находясь на перекрестке торговых путей, Екатеринбург превратился в крупнейший пункт мясного торга. В связи с этим в 1783-1784 гг., была произведена реконструкция мясного крытого торгового ряда с «бойницами» скота по особому решению Наместнического правления.

Развитию мясного промысла способствовало утверждение в 1783 г. сенатским указом торгового и почтового пути в Сибирь через Екатеринбург. По стечению обстоятельств данный указ способствовал закату Верхотурья. Город был затянута душливым газом салотопен, в которых перерабатывалось сало-сырец. Многие известные купеческие фамилии выросли на этом промысле: «шарташцы» купцы 2-й гильдии Яков Васильевич Харитонов, Меркурий Степанович Рязанов, братья Дмитрий, Иван и Кирилл Казанцевы, купец 3-й гильдии Петр Астраханцев. «В самом Екатеринбурге при собственных домах салотопни устроили сыновья Ивана Дмитриевича Дубровина Иван, Петр и Илья (единственные второгильдейцы), братья Гаврило и Осип Грязновы (сыновья шарташского крестьянина Ивана Степановича Грязнова), однофамильцы Егор и Матвей Егоровы и Иван Жарков. Крупной кожевней и кожевенной швальней владел Трофим Волегов, на весь город ложно обвиненный посадкой вдовой в убийстве и более года отбивавшийся от навета. На 1784 г. за екатеринбургским купечеством числилось 5 кожевен» (5).

Бурный рост купеческих капиталов сопровождался болезненным крахом некоторых торговых династий, причины были разнообразными. Среди самых громких экономических раззорений последнего десятилетия XVIII в. было банкротство купца 2-й гильдии Якова Васильевича

Харитонов, братьев Григория, Ивана, Егора Пиивы, Осипа Ивановича Грязнова.

На рубеже XVIII - XIX вв. случились заметные изменения в жизни уральских городов, а следовательно, и в самом мобильном сословии – купеческом. Особенно чувствительные перемены произошли в жизни купечества Екатеринбурга, Перми, Кунгура. Екатеринбург все больше терял свое заводское лицо и превращался в крупный административный торговый центр. «17 января 1806 г. Герман подал рапорт в Берг-коллегию, где признал, что железодельные фабрики Екатеринбургского завода практически все время простаивают и в их нынешнем состоянии способны лишь с трудом обеспечивать заказы монетного двора и ближних золотых промыслов. Все то же самое, но с меньшими затратами может дать Нижне-Исетский завод. Вывод напрашивался, и 10 ноября того же года состоялся указ Германа на основании указа нового министра финансов графа Алексея Васильева: все, что еще числится за Екатеринбургским заводом, подлежит скорейшей передаче в ведение монетной экспедиции или переводу на Нижнюю Исеть» (6).

В начале XIX в. остро стоял вопрос о торговых палатах в городе. Генерал-губернатор Карл Федорович Модерах неоднократно извещал власти о недостойном состоянии торговых рядов в Екатеринбурге. «В марте 1802 года, знакомясь с новой заводской командой, губернатор между делом прошелся по городу, и взволновало его нечто совсем не заводское: «В бытность мою ныне в городе Екатеринбурге при осмотре онного нашел я тамошнего гостиного двора многие деревянного строения лавки в крайней ветхости, угрожающее ежечасным падением и от пожара весьма опасения». Губернатор поставил вопрос ребром: или стройте сей час же, или отдавайте строить казне» (7).

Купечество еще долго совещалось о месте и способе строительства. Лишь 5 мая 1803 удалось собрать в общественном доме представителей 63-х купеческих и мещанских семей, среди них Семен Калашников, Иван Щепетильников, Михайло Тарасов, Иван Казанцев, Яков Толстинов, Терентий Рязанов. На этом собрании большинством присутствующих было решено вложить семейные капиталы в строительство каменного гостиного двора. Оно началось в 1804 г. и было закончено в сентябре 1806 г. При этом удалось провести и благоустройство рыночной площади.

Еще одно заметное событие произошло в этом году: городские власти, взяв за образец «Устав столичного города Санкт-Петербурга», сделали Екатеринбург открытым городом для окрестных и приезжих крестьян, иногородних купцов. Основным условием была уплата налогов.

Оживление произошло и в других секторах экономики. Расширился рынок недвижимости. Пробным камнем стало строительство Анисей Грязновой без разрешения городских властей новой мельницы, оконченное к маю 1806 г. Для обеспечения надежности инвестиционного капитала был учрежден чрезвычайный орган - «Конкурса по делам бывших купцов Дубровиных». Курировал эту работу Иван Казанцев. Постоянные операции с недвижимостью Дубровиных дали хороший пример и привели к оживлению этого сектора в дальнейшем. «Конкурсы по делам» обанкротившихся горожан стали обыденным явлением (8).

Еще одним фактором, способствовавшим росту рынка недвижимости, стал «постой», организованный в домах зажиточных горожан. Купцы (Яким Рязанов, Никифор Старцев, Иван Борисов) покупали дома и отдавали в аренду «обществу» для размещения военных, чтобы избежать постоя служивых в собственных домах. Верхом строительного бума стало строительство дома Расторгуева.

В последней четверти XVIII в. отмечался многочисленный исход шарташских крестьян в городское сословие – екатеринбургское купечество. До наших дней дошло письменное свидетельство о том, как происходило изменение статуса семьи Казанцевых. «После смерти Родиона Прокопьевича жена его Пелагея Алексеевна с сыновьями переселилась в 1773 г. в город Екатеринбург из Шарташа», - писал Г.Г. Казанцев (9). (Уточним: село Шарташ для Казанцевых стало своего рода промежуточным пунктом перед их окончательным поселением в Екатеринбурге).

Усиление Шарташской старообрядческой партии в Екатеринбурге было связано с разрешением в 1813 г. Департамента горных и соленых дел «непременным» работникам торговать маслом, мылом, свечами, коженными и металлическими изделиями, оборот которых составлял более 2000 рублей. По данным городской Думы 164 «непременных» работника Шарташского селения постоянно торговали скотом, салом, мясом, кожей. Их оборотный капитал составлял от одной до пяти тысяч рублей, они имели лавки в Екатеринбурге.

Еще одна тенденция наметилась в начале XIX в. в купеческом сословии города – отказ от общественного статуса. При этом, записываясь в мещанство, они продолжали тайком заниматься торговлей и промыслами. Даже угроза рекрутской повинности не казалась такой уж тяжелой и неотвратимой. В обществе уже устоялась тенденция, когда в солдаты отдавали «за распутное поведение» дебоширов, пьяниц, тунеядцев. Зачастую служить отправлялись приемные сыновья мещан. Отказ от состояния в купеческом сословии был связан с увеличением для купцов 3-й гильдии оглашаемого капитала до 8 тысяч рублей. Обременительной становилась также общественная служба в качестве думских гласных, магистратских ратманов, словесных судей, присяжных свидетелей, смотрителей над запрещенными товарами, браковщиков, аукционистах и в других постоянных и временных городских должностях.

К концу первой четверти XIX в. купеческое сословие в Екатеринбурге стало одним из определяющих факторов жизни города. Обладая реальными экономическими и административными рычагами, оно смогло по уровню благосостояния противопоставить себя горнозаводским властям. Вот лишь неполный список имущества некоторых из них: «На 1826 г. 5 салотопен – Анания Нурова (до 4 тыс. пудов сала в год), Парфена Каурова и Фомы Казанцева (каждая до 3 тыс. пудов), Петра Федоровых (до 2,5 тыс. пудов), мещанского сына Василия Семеновича Швецова (до 1 тыс. в год). И еще 3 салотопни бездействовали. 3 фабрики сальных свечей – Фомы Казанцева, купечествующей вдовы Просковьи Тетеновой, мещанина Андрея Петрова, 2 фабрики восковых свечей – Иова Романова и Сидора Андреева. 15 кирпичных сараев, из них 3 казенных, остальные: Фомы Казанцева, наследников умершей Ирины Толстиковой, Александра Загурского, мещан Дмитрия Сопегина, Степана Юхляева, Александра Малых, Якима Мартынова, Григория Чирьева, артиллерийского подпоручика Андрея Григорьевича Клепенина, унтер-шихтмейстера гранильной фабрики Никиты Тауурова, мастеровых Алексея Соплина и Якова Матвеева. Длина сараев от 20 до 60 сажень, в год обжигают от 30 до 150 тыс. кирпичей, впрочем, многие бездействуют. 7 заведений по выделке подошвенных и юфтевых кож – купца Николая Евстратова, мещан Марка Третьякова, Леонтия Кирилловича Бормина, Дементия Сухарева, Осипа Шварева, непременных работников Осипа Климова и Фиоктиста Ильина. 3 заведения по выделке сыромятных кож – мещан Якова Федорова и Артемия Фадеева и непременного работника Федора Скорнякова. Солодовня

мещанина Егора Созыкина» (10).

Помимо традиционных промыслов, существовали и другие: еще в 1811 г. в городе был открыт водочный завод; в 1819 г. купец И.С. Верховданов стал владельцем бумагоделательной фабрики.

К началу XIX в. все более четко вырисовываются новые очертания Екатеринбурга как города с большим административным и торговым ресурсом, с выгодным географическим расположением. Современники отмечали, что суть города заложена в его географическом положении, а не в заводе, с которого он начал жить. Наоборот, завод здесь был притянут в дополнение к другим, более мощным факторам, которые обуславливали развитие пункта и после ликвидации завода.

Очередной экономической всплеск в жизни екатеринбургского купечества в первой половине XIX в. был связан с укреплением позиций «шарташского» купечества в жизни города и с «золотой лихорадкой», начавшейся в 1814 г., когда на Березовских рудниках штейгер Леонтий Иванович Брусницын изобрел новый способ добычи золота из верховых золотосодержащих песков. Золото Сибири - это было «экономическое цунами», захлестнувшее Екатеринбург.

Первый шаг в данном направлении предпринял Я.М. Рязанов. Потерпев финансовый крах в традиционных промыслах в начале XIX в., он сделал ставку на золото, понимая, что с помощью его можно надеяться на удачу, которая вернет его к прежнему финансовому положению. 30 марта 1826 г. Я.М. Рязанов получил «разрешение отыскивать собственным его иждивением во всех казенных землях Вятской губернии золотосодержащие пески» (11).

Однако, кроме Вятской губернии, сфера его интересов распространилась на Туринский уезд Тобольской губернии. Быстро получив разрешение на разработку месторождений и в этих землях, уже летом 1826 г. в Благовещенской волости Туринского уезда он включил в работу первые прииски, получившие название Благовещенский и Фоминский. Документы сохранили имя штейгера, открывшего первые рязановские золотые россыпи, - Василий Комаров, житель Березовского (12).

В это время Тобольская и Вятская губернии считались малоперспективными для поисков золота. Об этом пишут в своей книге С.С. Агеев и В.П. Никитюк: «Надежда открыть там таковое сокровище... сомнительна, ибо и Тобольская губерния от Уральского хребта, долженствующего почитаться центром, разлившим по Пермской и Оренбургской губерниям золотосодержащие пески, отдалена не менее Вятской» (13). Поэтому с такой легкостью Я.М. Рязанов получил разрешение.

В конце 1826 г. начались подготовительные работы, но тут возникла новая проблема. Прииски могли разрабатываться только купцами 2-й гильдии, в которой должны быть заводчики. В это время Яким Меркурьевич не был даже купцом. Попытка передать дело в руки жены Афанасии Васильевны удалась, так как она числилась купчихой 3-й гильдии. Поэтому пришлось обратиться к своему единоверцу Назару Ивановичу Баландину, при этом пришлось отказаться от возможности владения приисками.

Вскоре образовалась группа предпринимателей, активно занимающихся разработками золота в Сибири: Назар, Степан, Алексей, Диомид Баландины, Иван Верховданов, Тит Зотов, Аникий Рязанов, верхотурские купцы Андрей и Федот Поповы. Не отошел от дел и Яким Меркурьевич Рязанов. Так, в документах городской Управы благочиния зафиксирован документ, в котором излагался следующий факт: «Яким Рязанов находится в Томской губернии на золотосодержащих приисках» (14).

Но настоящее богатство пришло с освоением Томс-

кой губернии. Открытие в 1832 г. Степаном Ивановичем Баландиным в Мариинской тайге Кундустюльской россыпи принесло заслуженный результат. Очевидцы утверждали, что золото «гребли лопатой». О другом купце - Тите Поликарповиче Зотове Д.И. Мамин-Сибиряк в своем очерке «Город Екатеринбург» писал так: «Баловень какого-то дикого счастья, добывший золота более чем на 30 млн рублей» (15). Как отмечал Макшеев в начале 50-х гг. XIX в., екатеринбургские промышленники за счет золотодобычи получали около 4 млн руб. в год, что равнялось основному обороту частного капитала в городе (16).

Полученные деньги позволили екатеринбургским купцам подняться на новую ступень в социально-экономическом статусе. Обладая огромными капиталами, обширными связями, заручившись покровителями на местах и в столице, они продолжали расширять свое дело. Вершиной этого процесса стал союз Рязановых с Т.П. Зотовым, который был закреплен родственными узами: Константин Титович Зотов женился на Александре Аникиевне Рязановой. Весь город праздновал венчание, проходившее в Рязановской церкви. Свадьба продолжалась, по свидетельству очевидцев, несколько месяцев. Щедрые подарки сыпались во все стороны: Аникий Терентьевич Рязанов передал в 1834 г. Петербургскому музею самородок весом 2 фунта и 79,5 золотника; в этом же году самородок весом 70 золотников и 48 долей он передал Екатеринбургскому минералогическому кабинету (17). Были и просто откровенные чудачества, такие как прослушивание русских песен Титом Поликарповичем Зотовым в исполнении местных музыкантов на своем балконе с щедрой оплатой или приглашение духовых оркестров со всей Пермской губернии. В январе 1849 г. литератор П.Н. Небольсин, живший в Санкт-Петербурге, получил письмо от «екатеринбургского знакомого» - «прямого русского купца, с бородой и мильенами». «Нынешний зимний сезон, - сообщал купец, - у нас замечателен усиленным набегом артистов разных искусств..., так что не дают перевести духа..., Христиании, виолончелистка Пуччи, пьянист Гверра, вольтижер, калабрийцы-музыканты, панорама, косморама, акробаты, фокусники, ученики Боско..., не говорю уже о театре, который не прерывает своих представлений» (18).

Но деньги шли и на изменение архитектурного лица города. На эти деньги долго и успешно содержалась старообрядческая община, удавалось сдерживать наступления государственной власти, усилившиеся во времена правления Николая I. Развернулось строительство новых храмов, жемчужиной которых стала Иоанна-Златоустовская церковь, убранство которой поражало. В мае 1920 г., когда большевики производили реквизицию церковного имущества, из храма вывезли более 5 пудов серебра, а в окладе чудотворной иконы Казанской Божьей матери насчитывалось 132 бриллианта (19). Как отмечает Н.С. Корепанов, «за первую половину XIX в. в Екатеринбурге развивался мало чем сдерживаемый, начинавшийся, как и положено, с самого низа, европейского типа классический капитализм. В те времена мало где еще в России купечество нарабатывало такой опыт, как в Екатеринбурге. Здесь не было родовитой аристократии и необычайно рано начала формироваться особая политическая культура» (20).

Освоение сибирских приисков, которое также не обошлось без участия екатеринбургских купцов, повлекло развитие и других отраслей хозяйства. Так, «в августе 1838 г. крестьяне Кольвановского округа ведомства Алтайского горного правления заключили с конторой "золотых промыслов господ екатеринбургских купцов Рязановых и компании" контракт на поставку мяса» (21). Передел сибирского рынка золота произошел во второй по-

ловине XIX в. Закончился он поражением соратников «Рязановых, Баландиных и других лиц кампании, Высочайшее утверждение в 1835 г.»

Совсем противоположная ситуация складывалась в Верхотурье. Город, долгое время считавшийся административным центром в уральском крае, начал терять свои полномочия и функции. Тревожный сигнал прозвучал уже в 1743 г. Сибирские и оренбургские губернаторы ходатайствовали о смещении торговых путей южнее, ссылаясь на то, что государственная верхотурская дорога уж слишком непроезжая и разорительная. В 50-х гг. наместником Оренбургского края И.И. Неплюевым было принято решение закрыть проезд купцам через Екатеринбург в Ирбит на Ирбитскую ярмарку. Предлагался альтернативный вариант: путь в Сибирь через Шадринск и Троицк (22). Если учесть, что промышленность в Верхотурье почти не развивалась, о чем свидетельствуют «Ведомости Верхотурской таможни со сведениями об имеющихся по верхотурскому уезду фабриках, ярмарках, ремеслах и пр.», составленная в около 1743 г., то местное купечество занималось транзитной торговлей с Китаем. До 1763 г. имел место некоторый рост населения города, но затем произошло резкое падение (закрытие таможни), торговое значение его стало невелико. Все же в нем еще был большой юфтяной завод, о котором путешественник И.И. Лепехин говорит даже во множественном числе: кожаные заводы... (23)

Главный же торг верхотурцев состоял в рогожах, «которых они великое множество отпускают в Сибирь ежегодно». Занимались они также добычей и отправкой по Туре в различные селения извести и жернового камня. Немало еще сохранилось в то время в Верхотурье и мастеровых людей, «купцов», «художников». По данным И.И. Лепехина, их было 531 человек в 1770 г. против 716 человек по данным третьей ревизии 1763 г. (24).

«Приезжие и верхотурские жители ездят с торгами в сибирские города водяным и зимним и летним путем, а отвозят в сибирь и до кяхтынского форпоста российские и русские товары и наиболее там выменивают в кяхтинском форпосте на российские товары и покупают на ивленные деньги китайские товары и мяхкую рухляд, а как скоро возвращаются с китайскими и мяхой рухлядью из разных городов того в верхотурской таможне познать невозможно» (25).

Создание общероссийского рынка, включение территорий Сибири в единое политическое и экономическое пространство были подтверждены следующими актами: в 1763 г. был официально открыт Сибирский тракт, а 12 февраля 1764 г. была упразднена Верхотурская таможня.

Выходом из экономического тупика для Верхотурья была находка местного разночинца Григория Постникова. Он занимался поисками слюды и точильного камня, но вместо этого нашел три месторождения руды. Местный купец М.М. Походяшин перекупил рудники и финансировал дальнейшие поиски в 1754 г. М.М. Походяшин развернул бурную деятельность, получив 5 октября 1754 г. указ для Г. Постникова и его рабочих людей на поиск металлов между реками Вешерой и Сосьвой. Вскоре были найдены еще три железорудных и 10 богатейших меднорудных месторождений.

Следующим этапом деятельности М.М. Походяшина по освоению земных богатств было строительство завода. Имея не совсем удачный опыт строительства завода в Сибири возле Красноярска, в свое новое детище он вложил всю свою энергию и средства. Тем более, что правительство подталкивало купцов к новой форме экономической деятельности, запретив в 1765 г. недворянское винокурение.

М.М. Походяшин, заявив в 1757 г. в Екатеринбурге в

горной канцелярии о рудниках, уже весной 1758 г. приступил к строительству своего первого Петропавловского завода. Строительство завода было закончено в 1760 г., но это был лишь первый кирпич в строительстве верхотурской походяшинской «столицы». В 1763 г. был построен Николае-Тавдинский, в 1769 г. - Нювчинский, а в 1770 г. - Богословские заводы. Следует отметить, что Верхотурье, будучи в юридическом понимании «городом», имело черты «рассеянного» городского поселения. Основные экономические объекты находились в округе, при этом доходы от производства горных заводов, а также прибыли мелких городских торговцев, обслуживавших заводы, аккумулировались в Верхотурье. Как отмечал П.Г. Рындрюнский, «преобладание принудительного труда в уральской металлургии приводило к тому, что не сама по себе работа на заводах, а обслуживание многочисленного заводского персонала в торговом и ремесленном отношении стимулировало развитие городов» (26).

Но в начале XIX в. кризисные явления в жизни купечества Верхотурья усилились. Это было связано с увеличением представителей других сословий, которые почти не облагались налогами, в первую очередь черносошенное крестьянство. При этом с 1807 г. по 1821 г. налоги, взимаемые с купцов, были повышены более чем в 10 раз. По определению Б.И. Миронова, начало XIX в. было периодом, когда «под натиском деревни происходило потеснение города, падение его относительной роли в промышленно-торговом потенциале страны» (27). Торговлю, И.С. Попов характеризовал как «не обширную». Торговый оборот молочный, пушной и другого рода составлял в 1813 г. около 30 тыс. руб. (28).

Кризисное состояние города можно проследить и по динамике количества домов. В 1801 – 1803 гг. насчитывалось 455, в 1825 г. – 329, в 1833 г. – 363 дома. И лишь в 1840 г. удалось несколько повысить их число, оно приблизилось к 440 домам.

Помимо старейшей династии Походяшиных, из Ямской слободы Верхотурья вышли Поповы, Мухлынины и др. Четыре сына И.Я. Попова после его смерти в 1799 г. расширили торговое дело. Им принадлежали кожаные заводы Верхотурья и Тюмени, они торговали медью богословских заводов, занимались доставкой чая из Кяхты в Европейскую Россию, с 1810 г. занимались винным откупом. Они же снарядили первую экспедицию на поиски золота в Сибирь.

Но город становился слишком удаленным от основных торговых путей, в результате чего в 1823 г. Федот и Степан разделили семейное дело. Затем Ф.И. Попов переехал в Томск, а С.И. Попов – в Семипалатинск. Но данная торговая династия, скорее всего - исключение из общего процесса протекавшего в Верхотурье. За короткий период (1813 – 1815 гг.) многие разорились: «И.П., А.И. и Г. И. Елезаровы; Г.В., С.Г., В.Г., Г.Г. и А.Г. Некрасовы; А.С., И.А., Б.А., Д.А., И.А., И.Д. и С.Д. Титовы; М.М., Д.М., И.Д. и В.Д. Клевцовы; В.В., Ал-й.В., И.В., Аппол.В. и Я.В. Веселовы (все 3-я гильдия); П.Я., И.П., Н.П. и С.П. Поповы (2-я гильдия) по необъявлению капитала перемещены в Верхотурские мещане; А.А., В.А. и Х.А. Поповы (2-я гильдия) по капиталу «явленному особо» от их дяди П.Я. Попова переведены в 3-ю гильдию; четвертый брат К.В. Зеленцов (1-я гильдия) «обществом, хотя в статскую службу и уволен 1814 г., но об исключении его высшего начальства не последовало повеления»; А.В., Ал-др.А., Ал-й.А., П.А., М.А., К.А., А.А. и С.В. Зеленцовы переписаны из 1-ой во 2-ю гильдию» (29).

Основные торговые промыслы пришли в полный упадок. Даже рогожное дело, по сообщению М.П. Погодина, в 1862 г. сошло на нет. Главным занятием стала заготовка и переработка кедрового ореха и других даров леса.

Таблица 1
Динамика купеческого населения Верхотурья в первой
половине XIX в (30)

К середине XIX в. Верхотурье практически сдало все свои экономические позиции. Оказавшись в тени более удачливых соседей Екатеринбурга и Ирбита, купеческое сословие утратило свой статус. Вот характеристика экономического состояния Верхотурья, данная Х. Мозелем: «В торговом отношении Верхотурье не имеет в настоящее время никакого значения. Главнейшие предметы местной торговли составляют хлеб, шелковые, бумажные и суконные материи. Вообще, все товары покупаются торгующими на ярмарках: Ирбитской, Нижегородской и на торжках в соседних заводах: Алапаевском, Нижнетагильском, Кушвинском, а также в Далматове и Шадринске. Торгующее сословие занимается преимущественно мелочною продажей рыбы, соли, сахару, табаку, пеньки, сала, масла, кожи и кожевенных изделий, шерсти, рухляди и проч. ... Фабричное производство Верхотурья заключается в одном кожевенном заведении, в котором работают 6 человек. Ценность годового производства этого заведения составляет около 2.000 р. сер.» (31).

Оказавшемуся на обочине транспортных потоков, лишенному важных административных функций Верхотурью оставалось ждать лишь чуда. Оно пришло во второй половине XIX в. в виде пропаганды мощей св. Симеона Верхотурского. 11 сентября 1863 г. архиепископом Пермским и Верхотурским Неофитом был освящен придел к монастырскому Николаевскому храму во имя св. праведного Симеона Верхотурского.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что купечество наиболее быстро реагировало на изменение социально-экономической обстановки. Будучи наиболее подвижным социальным слоем городского общества, купцы выступали сторонниками наиболее эффективных и быстрых решений. Накопленный экономический потен-

циал, сформированный в торговле, вкладывался в создание и расширение промышленной базы. Происходило слияние финансового и промышленного капитала, что позволяло получать наибольшую прибыль. Имея экономические рычаги и возможность влияния через органы местного самоуправления на коронную администрацию, купечество активно формировало экономическую городскую среду. При ухудшении ситуации они мигрировали на сопредельные территории. Таким местом все чаще в данный период становилась Сибирь.

«Хотя в целом уральские предприниматели создали сравнительно небольшое количество промышленных предприятий на территории Сибири, тем не менее они внесли немалый вклад в развитие некоторых отраслей сибирской промышленности, в том числе винокуренной, судостроительной, стекольной и других» (32).

Примечания и список литературы

1. Очерки истории Свердловска. - Свердловск, 1958. - С. 58.
2. Грибушинские чтения - 2006. - Кунгур, 2006. - С. 72.
3. Там же.
4. Иофа Л.Е. Города Урала. Ч.1. - М., 1951. - С. 190.
5. Корепанов Н. - Первый век Екатеринбурга. - Екатеринбург, 2005. - С. 143.
6. Там же. - С. 175.
7. Там же. - С. 178.
8. Там же. - С. 181.
9. Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. - Екатеринбург, 1998. - С. 22.
10. Корепанов Н. - Указ. соч. - С. 222.
11. ГАСО. Ф.43. Оп 4. Д. 5. Л. 2об. – 3.
12. Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. - С. 65.
13. Там же. - С. 66.
14. Там же. - С. 68.
15. Там же.
16. Иофа Л.Е. Указ. соч. - С. 329.
17. Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. - С. 72-73.
18. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. - Екатеринбург, 2000. - С. 46.
19. Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. - С. 93.
20. Корепанов Н. Указ. соч. - С. 234.
21. Россия в XVII– начале XX в. Региональные аспекты модернизации. - Екатеринбург: УрО РАН, 2006. - С. 215.
22. Иофа Л.Е. Указ. соч. - С. 186.
23. Там же. - С. 187.
24. Там же. - С. 186.
25. Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. - Екатеринбург, 2001. - С. 44.
26. Корепанов Н. Указ. соч. - С. 47.
27. Корчагин П.А. Указ. соч. - С. 56.
28. Попов И.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч.3. – СПб., 1813. - С. 314-316.
29. Корчагин П.А. Указ. соч. - С. 60.
30. Там же. - С. 65.
31. Там же. - С. 68.
32. Россия в XVIII – начале XX в. Региональные аспекты модернизации. - Екатеринбург: УрО РАН, 2006. - С. 237.

Д.М. Овинникова

Уральский государственный университет
им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

ВОРОВСТВО ЛОШАДЕЙ У ДАЛМАТОВСКИХ КРЕСТЬЯН В XVIII В.

Лошадь играла большую роль в хозяйственной жизни крестьян Далматовского монастыря, так же как и других крестьян Зауралья, являясь незаменимой помощницей в сельскохозяйственных работах, гужевым и верховым транспортом, показателем достатка семьи. Об этом свидетельствует фигурирование лошади в русском фоль-

клоре, архитектуре жилища и декоративном искусстве.

Потеря лошади по последствиям могла сравниться с потерей кормильца и причиняла немалый урон крестьянскому хозяйству, поскольку покупка лошади по ценам 1761 г. обходилась крестьянину в 6 руб., что было сопоставимо с 6 копнами сена или 25 пудами пшеницы (1).

Крестьяне теряли лошадей по следующим причинам:

- падеж вследствие болезней (например, в 1720 г. в Далматовской вотчине 180 голов погибло от сибирской язвы) (1);

- рекрутирование лошадей для нужд армии;

- конокрадство, которое стало притчей во языцех у уральских крестьян из-за распространенности этого преступления.

Устойчивую славу конокрадов имели башкиры и татары, чьи кочевья примыкали к Далматовской вотчине. В ходе освоения русскими Приисетья в XVII – XVIII вв. главной проблемой для переселенцев стали набеги этих кочевых народов, которые подрывали экономические ресурсы монастыря и разоряли крестьянские хозяйства, угоняя в плен людей и скот. Наибольший урон животноводству был нанесен во время крупных антирусских кампаний в 1707 – 1711 и 1735 – 1742 гг. Три года подряд, 1707, 1708, 1709, по данным Г.С. Плотникова, башкиры так опустошали вотчину Далматовского монастыря, что игумен не смог собрать положенные сборы с крестьян и внести столовые припасы в Тобольский митрополичий дом. В 1709 г. в Пещанской слободе башкиры убили и пленили 45 человек, было выжжено 40 дворов и скота угнано «без остатка» (3, 44). В июне башкиры отогнали весь скот из дер. Ключевской Далматова монастыря. Только походы драгун и служилых людей Федора Толбузина, переброшенных в мае 1709 г. в Южное Зауралье, позволили отбросить крупные силы башкир от Приисетья. В 1636 г. во владениях Далматовского монастыря были разорены деревни Ключевская, Бугаева, Бисерова, Анчугова, Карпушина, Ложечный Бор, Морозова. В них башкиры выжгли 14 дворов, убили 1 крестьянина, увели 170 лошадей, 22 головы скота (4, 51).

Башкиры представляли угрозу для русского населения не только во время военных действий, но и в мирное время, если таковым можно назвать периоды затишья от набегов, поскольку имели устойчивую славу конокрадов. Записи о происшествиях в Далматовском монастыре изобилуют жалобами крестьян на пропажу лошадей. Несправедливо обвинять в конокрадстве одних башкир и татар, поскольку большинство раскрытых случаев угона лошадей были совершены уголовными элементами из русского населения либо беглыми, гулящими людьми, озабоченными поиском средств передвижения – такими, как Алексей Черепанов, соликамский крестьянин, бежавший «от хлебной скудости» на Тобол и укравший монастырского жеребца (5).

Однако поиски пропавших животных приводили чаще всего к исконному населению Приисетья. Так, монастырский крестьянин Карп Лопата в 1727 г. отнял лошадь у жителя Крутихинской слободы Нестера Каримова, после чего, по сообщению последнего, отдал ее башкирам (6). К ним же переправлял похищенных лошадей Яков Неверов – крестьянин дер. Бисеровой Далматовского монастыря. Конокрадство было у него поставлено на широкую ногу, превратилось в промысел. На допросе он показал, что через своего сообщника переправил «в башкирские жилища» 20 лошадей, украденных у своих соседей (7). Известно также, что крестьянин Затеченской деревни Федор Чапрунов украл у вдовы Авдотьи Ивановой вороную кобылу, которую затем продал татарину (8). Яков Неверов не отрицал своих связей с татарами и башкирами, оправдываясь, что использовал свое влия-

ние на них для поиска лошадей «в татарах». Очевидно, крестьяне иногда обращались к Неверову за помощью в шекотливом деле переговоров с татарами, не оставляя его без вознаграждения (9).

Главным притоном татар-конокрадов являлась дер. Темирбаево Оренбургского уезда, жители которой даже сто лет спустя отличались своей наглостью, смелостью и жестокостью, бравировали своим промыслом. За неделю они угоняли 2 – 3 лошади, за которыми потерпевшие вынуждены были ехать в Темирбаево, да не с пустыми руками – везли татарам деньги, хлеб, мясо, водку. После обильных угощений, унижительных просьб и поклонов крестьяне получали указания, где и как разыскать свою лошадь (10, 340). Не менее страшной, чем потеря лошади, для монастырского крестьянина была потеря времени, которое затрачивалось на ее поиски – обычно 2 – 3 недели, что в страдный период являлось непозволительной роскошью для земледельца (11, 341).

Татары отличались бесцеремонностью в отношении чужого скота. 5 июля 1733 г. около Теченского поселья на монастырской земле расположились юртами татары с женами и детьми, выгнали около ста голов скота на монастырские покосы. Монастырские власти послали повара с конюхом «зганивать» татар с покосов, однако те, разгневавшись, напали на монастырских служителей, избили и отобрали лошадей. Только после вмешательства монахов татары отпустили пленников, однако лошадей удержали у себя (12).

Бороться с конокрадами законными мерами было практически невозможно, т.к. этот промысел стал делом всей общины при пособничестве старшин. Сибирская администрация не торопилась осложнять и без того непростые отношения с инородцами, старалась не ввязываться в конфликты на бытовой почве, что также развязывало руки конокрадам. Однако конокрады среди русского населения наказывались со всей строгостью закона. Дело упомянутого конокрада Якова Неверова разбиралось не в монастырском правлении, а в Исетской провинциальной канцелярии. Обвиняемый три раза подвергался пыткам, был бит плетью, отдан на поруки, но вскоре умер, видимо, от полученных увечий. Его имущество было конфисковано и перешло в распоряжение пострадавших от его хищений, а таких, как выяснилось в ходе следствия, насчитывалось до сорока человек (13). Пострадала и семья Неверова: сын Якова Степан Неверов жаловался, что его жена и мать после смерти отца были переселены «на худой двор», а сам он, Степан, по распоряжению архимандрита, отдан в рекруты, «дабы не явился он подобен отцу своему» (14).

Таким образом, «конное воровство» являлось одним из худших видов хищений и серьезно осуждалось крестьянским обществом. Уличенный в конокрадстве терял уважение соседей, становился бесправным перед миром, бросал тень на всю семью, лишался возможности быть избранным десятником, сотником и т.д. Вместе с тем, это был один из самых простых способов разжиться, поскольку лошади стоили дорого, и всегда имелась возможность сбить их татарам и башкирам. Практически кража скота была несложна, т.к. охватить присмотром все поголовье не представлялось возможным. Лишь во время башкирских набегов скот предписывалось отгонять подальше под охраной пастухов. Статистика показывает, что процент лошадей, возвращенных владельцам, невелик, поскольку обширные малозаселенные пространства Южного Зауралья позволяли безнаказанно уходить от ответственности. Однако в течение XVIII в. произошли положительные перемены, позволившие увеличивать поголовье скота у крестьян: во-первых, усиление военного и административного присутствия русских в Зауралье

сняло актуальность угрозы набегов со стороны коренного населения, а во-вторых, постепенно башкиры и татары втягивались в товарно-денежные отношения с русским населением, являлись уже не только похитителями, но и поставщиками лошадей. По данным В.П. Бирюкова, на ежегодную ярмарку в с. Николаевское пригонялось до тысячи голов лошадей (15, 82). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на ряд достаточно серьезных факторов, обострявших русско-башкирские отношения в Южном Зауралье, итогом их развития стало мирное существование, основанное на дополнении друг друга как в экономическом, так и в военно-политическом отношении.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Шадринске – далее ГАШ. Ф. р-1060. Оп.1. Д. 589. Л.102..
2. ГАШ. Ф. р-1060. Оп.1. Д. 589. Л.39.
3. Плотников Г.С. Очерки бедствий Далматовского монастыря и частию края с 1644 по 1742 год // Пермские епархиальные ведомости. -1869. - №4. - Неофициальный раздел.
4. Там же.
5. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 170. Л. 23.
6. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.
7. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 311. Л. 25.
8. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 311. Л. 32 об.
9. ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 170. Л. 32 об.
10. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XIX века. М., 2003.
11. Там же.
12. ГАШ. Ф.И-224. Оп. 1. Д. 170. Л. 21 – 21 об.
13. ГАШ. Ф.И-224. Оп. 1. Д. 351. Л. 5 об. – 6 об.
14. ГАШ. Ф.И-224. Оп. 1. Д. 351. Л. 8.
15. Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. - Шадринск, 1926.

А.С. Смирнова

Челябинская государственная академия культуры и искусства, г. Челябинск,

С.С. Смирнов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ПРИУРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ

С середины 1890-х годов в России круто изменилась политика в области виноторговли. Акцизная система, основанная на частной инициативе, под воздействием мощного общественного трезвеннического движения была заменена казенной винной монополией. Реформа рассматривалась как важное средство борьбы с пьянством, уже тогда представлявшим собой массовое социальное явление. Однако эта мера влекла за собой и противоречивые экономические последствия. С одной стороны, инициатор реформы С.Ю. Витте, возглавлявший в то время Министерство финансов, рассчитывал, что реформа приведет к существенному росту государственных доходов (доходы от казенной торговли водкой составляли примерно четверть государственного бюджета) и потому не был заинтересован в сокращении объемов виноторговли. С другой стороны, региональные органы власти и общественного самоуправления теряли существенный источник пополнения своих бюджетов и соответственно возможности финансирования социальных программ, включая и антиалкогольные мероприятия. И, в-третьих, частные производители спиртных напитков (в основном помещики – владельцы винокуренных заводов) по-пре-

жнему были заинтересованы в реализации своей продукции, теперь уже через казенные винные лавки, и оказывали давление на правительство.

По указанным выше причинам правительство не решилось сразу осуществить реформу на территории всей страны, а для начала, в виде эксперимента, только на Урале. «Положение о казенной продаже питей», утвержденное в июне 1894 г., «в виде опыта» было распространено в четырех приуральских губерниях – Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, а чуть позже в Вятской. Документ предусматривал ряд мер по упорядочиванию виноторговли: спиртное продавалось только на вынос, сокращалось время торговли, устанавливался возраст ценз для покупателей и продавцов и др. Существенно сокращалась численность торговых заведений, имеющих право на реализацию спиртосодержащей продукции (4). Так, в Оренбурге с января 1895 г. число винных лавок и складов сокращалось более чем в пять раз: со ста до семнадцати (3).

Одновременно для общественной поддержки создавались губернские и уездные комитеты казенного «Попечительства о народной трезвости». Целью попечительства официально провозглашалось распространение среди населения здорового образа жизни путем разъяснения вреда неумеренного употребления спиртного и развития альтернативных (трезвых) форм проведения досуга. Практическая деятельность в этом направлении заключалась в издании и распространении антиалкогольной литературы, открытии чайных, народных читален и т.п. Всё это, по мысли организаторов, должно было отвлекать население от пьянства.

Второй задачей являлось создание специализированных лечебных учреждений (отделений) для алкоголиков.

Попечительствам предоставлялось также право надзора за соблюдением правил торговли спиртными напитками. Могли они и оказывать материальную поддержку тем учреждениям, которые осуществляли деятельность, совпадающую по целям с деятельностью попечительств.

Источниками финансирования мероприятий являлись суммы, ассигнуемые от казны, частные пожертвования, сборы от продажи изданий попечительств и устройства чтений, общественных развлечений и т. п., а также деньги, причитающиеся выявителям нарушений правил о торговле крепкими напитками, если нарушение обнаружено членом попечительства.

Во главе губернских комитетов стояли губернаторы, а в уездах местные предводители дворянства. Членами становились представители епархиального духовенства, директора народных училищ, полицейские чины, акцизные чиновники.

С самого начала комитеты создавались по стандартной схеме, прежде всего в губернских и уездных городах, например, в Уфимской губернии появились Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский, Уфимский, в Вятской губернии возникли Вятский, Елабужский, Ижевский, Котельнический, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский. Из 11 комитетов 10 действовали в городах и только 1 (Ижевский) находился в заводском поселке. Всего в 11 комитетях насчитывалось 740 членов, преимущественно мужчин — 650 человек (5, 120). В Оренбургской, Самарской и Пермской губерниях комитеты действовали во всех уездных городах.

Их деятельность заключалась в надзоре за правильностью осуществления питейной торговли, распространении среди населения знаний о вреде злоупотребления крепкими напитками (антиалкогольная пропаганда),

заботе о лечении алкоголиков (страдающих запоями), организации антиалкогольных мероприятий (чтений, чайных, культурно-массовой работы и т.п.). Таким образом, «попечительства» совмещали в себе пропагандистские и полицейские функции. Надзор, в частности, предусматривал пресечение тайной торговли водкой, продажи ее в долг или под залог, наблюдение за «нравственностью» продавцов, недопущение распития спиртного на улицах. Деятельность «попечительств» финансировалась казной за счет отчислений от штрафов за нарушение правил торговли, членских взносов и частных пожертвований. Значительную часть расходов по содержанию принадлежавших попечительствам чайных, столовых, народных домов, читален и т.д. несли земства и органы городского самоуправления.

В Приуралье значительную часть средств попечительства первоначально получали из государственной казны. Так, в 1895 г. для «попечительств» четырех губерний (без Вятской) было ассигновано из государственной казны 200 тыс. рублей. На эти деньги было открыто 120 чайных, из которых 26 имели читальни (7,372).

К 1901 г. силами Оренбургского, Пермского, Уфимского губернских, а также уездных и Уральского особого комитета было создано 17 книжных складов, 296 пунктов для проведения публичных народных чтений; организовывались вечерние и воскресные классы для обучения взрослых; устраивались театральные представления, народные празднования. Финансирование всех мероприятий осуществлялось из средств местных попечительств, но большая часть расходов покрывалась из государственной казны (6, 22). Наиболее значительной акцией Комитета попечительства о народной трезвости в Челябинске явилось строительство Народного дома, открытого в 1903 г., существующего и функционирующего до настоящего времени. Таким образом, Челябинск стал пионером организации народных домов на Урале. Даже в губернских центрах - Вятке, Уфе, Оренбурге - подобные объекты были открыты значительно позднее.

Казенный характер, а также излишний уклон в образовательно-просветительскую деятельность, не подкрепленный достаточным финансированием, после нескольких лет эйфории стали вызывать критику, а со временем и недовольство общественности, требовавшей от «попечительств» конкретных результатов в виде сокращения народного пьянства, которое, несмотря все эти мероприятия, только росло. Многие в этих условиях считали, что правительство не заинтересовано в существенном уменьшении производства спиртного и потому сознательно подменяет борьбу за сокращение потребления спиртного строительством библиотек, чайных и народных театров. Известный юрист А.Ф. Кони по этому поводу писал, что наивно полагать, будто пьяницу можно перевоспитать, предлагая ему вместо стакана водки стакан чаю, и что прямые расходы на борьбу с пьянством составляют лишь ничтожную долю одного процента казенных доходов от продажи спиртного: «Какое значение могли иметь для борьбы с пьянством ассигнования 4 или даже 5 млн. при доходе от казенной продажи питей свыше 700 млн?» (2, 80).

Подобные настроения стали проскальзывать в материалах местной прессы уже в первые годы после начала питейной реформы, а со временем только усиливались. Масла в огонь подливала статистика, согласно которой за годы казенной винной монополии (с 1895 по 1913) объем доходов казны от торговли спиртными напитками не только не сократился, как это было обещано, а, наоборот, увеличился более чем в три раза. В то же время в официальных документах рисовалась благостная картина. Например, отчитываясь о работе за 1898 г., пред-

седатель Оренбургского уездного комитета попечительства о народной трезвости утверждал, что «открытые в различных селах уезда дешевые народные чайные с бесплатными библиотеками-читальнями с успехом заменили деревенскому населению трактир, служивший местом собрания, отдохновения и развлечения, но с тем вместе так печально влиявший на нравственное и материальное благосостояние посетителей» (1). Управляющий акцизными сборами Оренбургской губернии в подготовленном для губернатора «Очерке о положении дела казенной продажи вина за 1896 год» сообщал, что «внешние признаки болезни пьянства начинают естественным путем ослабевать вследствие стеснения от публичного пьянства» (просвещенный в читальнях народ стесняется напиваться публично). Правда, количество выпитого при этом увеличилось за год на 15%. Но и это обстоятельство чиновника не смутило, поскольку «увеличение потребления идет рядом с уменьшением пьянства». Этот парадоксальный вывод основывался на том, что «исчезает прежний вид потребления, который состоял в выпивании разом в неумеренном количестве». Теперь, хоть и большую дозу, народ выпивал в два раза: после работы вечером и перед работой утром (8, 27).

Несмотря на неутешительную алкогольную статистику, уральский эксперимент царем и правительством был оценен положительно. Началось быстрое формирование попечительств по всей империи. В 1901 г. в России действовало уже 695 комитетов и отделов. На Урале работу попечительств координировали Оренбургский, Пермский, Уфимский губернские комитеты и уездные отделы, а также Уральский особый комитет. (Такой же комитет существовал и в Вятской губернии, однако первые опубликованные отчеты включали в себя сведения только по четырем «экспериментальным» губерниям). Их силами к 1901 г. было создано 17 книжных складов, 296 пунктов для проведения публичных народных чтений; организовывались вечерние и воскресные классы для обучения взрослых; устраивались театральные представления, народные празднества. Финансирование всех мероприятий осуществлялось из средств местных попечительств, но большая часть расходов покрывалась из государственной казны (6, 9-26).

Однако факт стремительной алкоголизации населения, особенно в годы Русско-японской войны и первой русской революции, становился очевидным для абсолютного большинства трезво мыслящих людей. Поэтому в качестве положительных итогов своей деятельности попечительства начинают называть исключительно рост просветительских учреждений и мероприятий, не связывая его напрямую с динамикой потребления спиртных напитков. Наблюдавшийся при этом рост пьянства, по их мнению, был целиком на совести государственных чиновников, которые не проявляли должного усердия в борьбе с незаконной виноторговлей. Так, в отчете Оренбургского уездного комитета за 1904 г. писалось, что, «несмотря на прогрессивно увеличивающееся потребление алкоголя в селах и деревнях уезда, чему способствует в сильной степени развитие тайной продажи вина, никаких сведений об обнаружении и преследовании этой вредной торговли от членов попечительства не поступало. Что же касается самого населения, то и оно не принимает никакого участия в деле борьбы с пьянством» (8, 28). Причину такой инертности авторы отчета усматривали в нежелании государственных чиновников реагировать на предложения «попечительств» о закрытии винных лавок, в которых грубо нарушались правила торговли.

Положение еще более усугубилось в годы первой мировой войны, когда финансовые возможности «попечительств» заметно сократились, а фактический запрет

на продажу спиртного привел к массовому употреблению самогона и суррогатов.

Таким образом, битву с «зеленым змием» приуральские «попечительства» проиграли. Тем не менее, их опыт культурно-просветительской деятельности имел определенное значение для реализации общей культурной политики государства, направленной на распространение грамотности и положительных знаний в народе.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф.10.Оп.2. Д.1. Л.46.
2. Кони А.Ф. К истории нашей борьбы с пьянством//Кони А.Ф. Избранное. - М., 1989.
3. Оренбургский край. - 1894. - 6 ноября.
4. Оренбургский листок. - 1897. - 17 июля.
5. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. - Вятка, 1903.
6. Попечительства о народной трезвости в 1901 г. - СПб., 1904.
7. Русская школа. - 1896. - № 7-8. - С.372.
8. Судорогина Т.В. Заботясь о народной трезвости // Южный Урал: историко-культурные проблемы: Сб. науч. трудов. - Оренбург, 1995. - С.24-35.

А.М. Украинцев

Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т.С. Мальцева, г. Курган

В.И. СЕМЕВСКИЙ О КАТЕГОРИЯХ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА XVIII ВЕКА

Имя Василия Ивановича Семевского – учёного, внесшего выдающийся вклад в создание истории русского крестьянства, - мало известно в настоящее время широкой научной общественности.

«Необходимость истории крестьян в России – истина слишком элементарная < ... > она легко признаётся, но не находит осуществления < ... > Мы имеем историю Государства Российского, пора подумать об истории Русского Народа» (1,VI). Так В.И. Семевский понимал задачу, которая стояла перед отечественной исторической наукой во второй половине XIX века. На основе глубокого историографического анализа, разнообразных материалов архива горного департамента, архива Сената и коллегий, розыскных экспедиций и различных судебных дел автор рисует реальную картину социальной действительности России и, в частности, Урала.

Население уральских заводов состояло из разных категорий рабочего люда. Некоторые заводы, начиная с эпохи Петра I, передавались в частные руки (Воронцовым, Демидовым, Строгановым и др.); при таких передачах владельцы просили правительство доукомплектовать завод мастерскими до того количества, которое определялось штатным расписанием. Так, например, графу Чернышову, владельцу Юговских заводов, дозволено было набрать недостающее число мастерских из черносошных крестьян (224 душ), но с тем, «**чтобы вечно им при тех заводах не быть**» и сколько времени они при тех заводах будут, подушные деньги и прочие подати платить за них из заработанных ими денег...» (2,437). Но как же сделать так, **чтобы вечно им при тех заводах не быть**, но чтобы они оставались при заводах подольше, желательно всю жизнь? Производилось нечто вроде «рекрутского набора (выбор производили сотники с мирскими людьми) и было взято в мастерские 230 человек. При переселении на завод они перевели с собою также жён и детей» (2,437). Интересная подробность приводится

автором: мастерские, попавшие таким образом на завод, уже уплачивали подати из получаемого ими вознаграждения за свой труд, и, казалось бы, община, ими покинутая, «не должна была отрабатывать за них подушный оклад. Однако, это не соблюдалось заводскою конторою, и было строго запрещено только в 1763 г.; кн. Вяземским, причём, было взыскано с конторы в пользу крестьян вознаграждение за излишнюю работу, ими прежде выполненную» (2,437). Кстати, «юговские мастерские просили кн. Вяземского дать им возможность завести свои пашни, но он им отказал на том основании, они должны заниматься только заводскими работами» (2,437).

Как изначально формировалось приписное крестьянство на уральских заводах? Очень просто: по государевой воле. В 1702 году по именному указу Петра Великого, казённый Невьянский завод был отдан во владение Никите Демидову с позволением построить другой на реке Тагил, «к этим заводам были приписаны из крестьян Верхотурского уезда, Аятская и Краснопольская слободы и монастырское село Покровское (974 души)». Подати, хлеб, и всё, что собиралось прежде в пользу государству и на монастырь, Демидов должен был вносить в казну железом по договорной цене. Крестьян, в случае слушания, Демидову разрешено было наказывать батогами и плетьюми и надевать оковы, но «по правому рассмотрению, чтобы обиды и жалобы дельной от них не было» (2,438).

После смерти Никиты Демидова заводы унаследовал его сын, Акинфий, а после него заводское наследство разделили между собой дети его: Прокофий, Григорий и Никита. Так закладывался прецедент формирования новой категории зависимого населения и его передачи по наследству. Прецедент породил особое, даже в рамках крепостничества, посессионное право, в основу которого легли уже не отдельные сделки, а государственные указы, и прежде всего такие, как указ 1721 года - о покупке людей к заводам и 1736 года - о прикреплении мастерских. Акт купли-продажи был весьма специфическим и даже условным. Изначально посессионными крестьянами становились, согласно этим указам, только государственные и монастырские крестьяне и речь шла, в принципе, не о продаже собственно людей, - крестьяне лишь приписывались заводу (предполагалось – до особого распоряжения), оставаясь при этом приоритетно государственными, - оплачивался же сам акт передачи.

Но вернёмся к судьбе, быть может, самых первых крестьян, наречённых посессионными, - она весьма примечательна. Полвека крестьяне хранили в памяти, что они лишь только **приписаны** к заводу и имеют возможность возвратить себе статус монастырских, и вот, в июне 1762 года, двое крестьян купили на Невьянском заводе копию с указа сената о производстве следствия по жалобам приписных к заводам Чернышова и Демидовых по поводу поползновений заводчиков низвести казённых мастерских и приписных крестьян до уровня «своих крепостных». Воевода, задобренный взяткой, пообещал дать делу ход, но, поскольку «дело их отыскивалось медленно», крестьяне «на работу не пошли». Вслед за этим волнения начались на Нижнетагильском заводе среди мастерских и рабочих: они хотели, «чтобы их сравнивали с приписными крестьянами и чтобы они могли работать только за подушный оклад и получали бы вознаграждение наравне с вольнонаёмными» (2,439). Таким образом, мы видим из цитаты, добытой автором в заводских архивах, сложнейшую социальную иерархию в сословии горнозаводских рабочих XVIII века.

Вольнонаёмными были, если следовать логике переписки 1723 года, произведённой полковником Сонцевым, пришлые люди, «которые заявили, что они работа-

ют, переходя с завода на завод, домов не имеют, а живут по заводским издам человек по 300 и по 200» (2,442). По переписи полковника Толбузина (1733 год) таких пришлых с разных мест оказалось 2604 человека и по указу 7 января 1736 года императрица приказала таких людей «оставить при заводах вечно с тем, чтобы Демидов платил за них семигривенную подушную подать и четырёхгривенный оброчный сбор. С мастеровых рекрутов не брать». (2,443).

Так появилась ещё одна категория зависимого люда – *вечно отданных*. По ведомости берг-коллегии в 1763 году на частных заводах таковых было 12183 души (2,443). Особое название этих людей подчёркивало их особый владельческий статус: они были собственностью заводов, но не были при этом крепостными заводчиков. Их, по сути, с большим на то основанием, можно также квалифицировать как посессионных крестьян.

Вольнонаёмные как социально-экономическое явление продолжали существовать. От ревизии до ревизии контингент вольнонаёмных рабочих складывался из «потерянных» беглых крестьян всех категорий: помещичьих, монастырских, государственных, синодальных, и даже дворцовых, а также из безродных и «незаконно рождённых». Очередная ревизия чаще всего переводила их в разряд *вечно отданных*, ибо государству важно было, чтобы население страны было «прибрано», т.е. кому-нибудь принадлежало, а это, в свою очередь, означало бы, что народ учтён и является тягловым. Согласие быть *учтённым* – одна из черт русской ментальности. *Учтённый* человек ощущал себя составной частицей организованного сообщества. *Учтённый*, - значит находящийся под покровительством своего сюзерена, - будь то монастырь, помещик или государство. Существование лиц, неподотчётных и неподчинённых государству, т.е. лично свободных, было немыслимо для его иерархов. Даже дворянство, которое было социально-экономическим основанием крепостничества, также являлось несвободным сословием. «Золотой век» дворянства начинается с манифеста (18 февраля 1762 г.) Петра III о даровании вольности российскому дворянству, манифест предоставил ему свободу распоряжаться личной жизнью.

Нужно признать, что бывшие вольнонаёмные проявили большую лояльность к такому изменению своего социального статуса, по крайней мере, внешне: многие из них были беглыми, другие – безродными, и перспектива стать крепостными их не устраивала, - но именно они были участвующими и сочувствовавшими в пугачёвщине, охватившей Урал в первой половине 70-х. «Злодеи, тем грабительством, пришед в Кайгородскую ратушу, <...> унесли из соляного сбора <...> серебряной монеты сто семьдесят рублёв. А вместо тех оставили они, злодеи, в трёх мешках неведомо откопав принесённых, медных денег семьдесят три рубли тридцать копеек, которые и ныне имеются в оной Кайгородской ратуше. А потом они ж, злодеи, написав себе письменных пашпортов до двадцати и припечатав казённую <...> печатью, из-за устрасия мучением принудили бургомистра Безгачева, <...> разобрали по себе. Токмо на какие имена <...> те пашпорты писаны, о том никакой записки <...> во оной ратуше не оставили. А по взятии тех пашпортов того ж августа «18» в вечеру уплыли в лодках по Каме реке» (3,14). Мы видим весьма оригинальный способ приобретения свободы приписными и вечно отданными крестьянами, представленный восстанием.

Языком бесстрастной статистики В.И. Семевский рисует рабочий день мастеровых. «По адмиралтейскому регламенту (гл. XII, п. 3) полагалось с 10 марта по 10 сентября работать от 12,5 до 13,5 часов в сутки, а в остальное время работа должна была начинаться за час до

восхождения солнца, кончатся через час, и днём отдыха один час. В регламенте, утверждённом берг-коллегией, «каков содержать звон при горном и плавильном деле» (1725 г.), предписано было звонить на работу в четыре часа утра, с одиннадцати до двенадцати – отдых, а затем звонили в четыре часа пополудни: «тогда будет шихта и смена людям, а особенно в плавильнях». По субботам предписывалось отпускать рабочих на основании уложения за три часа до вечера» (2,453). Что касается заработной платы, то с 1737 по 1767 годы она практически не менялась: мастер получал до 40 рублей в год, плавильщик 27 рублей, засыпщик 18-20, таскальщик-16, комплектные рабочие обыкновенно 12 рублей в год. В конце XVIII века на Юговских заводах Осокина первый мастер плавки получал 60 рублей, второй - 30 рублей в год; подмастерья по 5 копеек, а рабочие по 9 копеек в день с пуда выплавляемой меди (2,453).

Обстановка становилась конфликтной, если завод вставал. Демидов в 1735 году просил, чтобы во время остановки завода, а также во время болезни мастеровых жалованья им не платить, ибо до сего времени, писал он, «оного платежа не бывало и жалобы ни от кого не происходило» (2,453). А мануфактур-коллегия смотрела на это иначе и признавала право рабочих на вознаграждение за прогульные дни по вине фабрики. В русле этого прецедента, президент берг-коллегии Томилов, будучи в Екатеринбурге, велел в случае приостановки работы «по недостатку воды или припасов посылать работников на *различные* работы за плату, назначенную плакатом 1724 года и выдавать по 10 копеек в день» (2,454).

Демидов славился своей прижимистостью. На попытку Татищева ввести обязательное обучение детей мастеровых он ответил отпиской: «Чтобы обязательских детей от 6 до 12 лет в школах обучать охотников, а в неволю не принуждать, понеже такого возраста многие заводские работы исправляют и при добыче железных и медных руд носят руду на пожеги и в прочих лёгких работах, и у мастеровых в науках бывают» (16,454). Кабинет в 1735 году решил, чтобы на частных заводах учили детей читать и писать только желающих, а если кто из них пожелает «вступать в прочие науки, таких учить при казенных заводах» (2,454).

Впрочем, бывало и наоборот: сами рабочие не отдавали своих детей в школу. Так, в начале царствования Екатерины II мастеровые Юговских заводов графа Чернышева жаловались князю Вяземскому, что контора взяла у них детей для обучения грамоте с жалованием по 1 копейке в день. Вяземский распорядился всё оставить в прежнем положении, «дабы они, будучи в самом малолетстве, праздны не были, а затем могли быть определены к разным должностям и производить оплату по плакату, т.е. в том же размере, как если бы они были на работе» (2,454).

Системообразующим элементом русского общества было крепостное право, следовательно, образ жизни, как господствующего класса, так и народа происходил и зависел от принудительного труда крепостных и отношения к ним как к существам совершенно бесправным, всецело находящихся в господской воле. Всё остальное в жизни как помещиков, так и крестьян было производным.

Указ Екатерины II, изданный в 1780 году и исходивший из принципа, что человеку свойственно заботиться о том, что ему принадлежит, а не о том, что может быть у него отнято, закреплял частную собственность на заводы и фабрики, что низводило посессионных крестьян до состояния крепостных. Это открывало широчайшие возможности для произвола заводчиков и фабрикантов в отношении рабочего люда. Жалованная грамота дворян-

ству доводила крепостное право до его логического совершенства: она вобрала в себя всё, чего добивалось дворянство в максимализации своих привилегий. Существует мнение, что Екатерина сознательно довела крепостные отношения до абсурдного и, вместе с тем, логически обоснованного конца, чтобы убедить элиту общества – дворянство – в необходимости их отмены, но это ничего не меняло к лучшему в жизни крестьян, особенно крепостных.

И крепостные, и те, кто их эксплуатировал, принадлежали к православию и, соответственно этому званию, и те и другие должны были исповедовать одни и те же ценности. «Народ всегда считал крепостное право неправдой и несправедливостью, но виновником этой несправедливости он считал не царя, а господствующие классы, дворянство. Внутренне народ жил православной верой, и она давала ему возможность переносить страдания жизни. Религиозная санкция царской власти в народе была так сильна, что народ жил надеждой, что царь защитит его, прекратит несправедливость, когда узнает всю правду» (4, 14). Отсюда проистекал тот стихийный анархизм низов, который проявлялся во время стихийных же бунтов, восстаний, крестьянских войн, и утопизм если не всех, то многих проектов, исходивших от просвещённых верхов.

То, что крепостнические порядки восторжествовали, вело объективно к деградации всю социальную систему России. «В период с 1762 по 1771 годы более 9 тыс. дворян находились на государственной службе. 60% дворян относились к разряду «мельчайших помещиков», причём около половины из них владели лишь начальной грамотой, а 8% были вовсе неграмотными. Негативная тенденция нарастала особенно активно к исходу XVIII века» (5, 189-191). Неудивительно, что поиск интенсивных методов ведения хозяйства был чужд дворянским «митрофанушкам», что великолепно показано классической русской литературой. Как отображено и другое: компенсировалось неумелое ведение хозяйства за счёт нещадной эксплуатации крепостных и пролезания в чины благодаря местническим данным.

Для понимания сути происходившего в XVIII веке важен ретроспективный анализ, и он возможен, если иметь дело с таким статистически насыщенным материалом, который оставил нам В.И. Семевский. Крестьянский вопрос, безусловно, имел судьбоносное для всей страны значение, ибо он стал выражением того тектонического разлома русского общества, который угрожал самому его существованию. Раскол прошёл не только по образу и качеству жизни, но и по её нравственному смыслу, религиозным и духовным ценностям, которые некогда считались исходными и общими для всех. Нежелание отказаться от несправедливой привилегии иметь в качестве холопов таких же христиан, – людей той же крови и веры, свидетельствовало о многом... Государство же, закрепляя этот тектонический разлом, приближало и свою собственную гибель.

Выводы – в области морали. Государство, если оно стоит на страже безнравственных общественных порядков, не может и само и быть и называться христианским или, по крайней мере, нравственным. Точка равновесия в эволюции крепостного права была пройдена прежде, чем на троне Российской империи воцарилась Екатерина II. Вопрос быть или не быть крепостным порядкам был поставлен в гамлетовской остроте звучания тогда, когда Петр начал европеизацию страны и именно он должен был увидеть метаисторический смысл той стратегической альтернативы, от решения которой зависели судьбы России. Только он сам, стремясь войти в европейское сообщество цивилизованных стран, должен был осмысленно ответить крепостничеству *не быть*. Петровское

«окно в Европу» оказалось тесноватым для всего комплекса новшеств технологического, социального и культурного плана, которые могли бы существенно повлиять на историческое развитие страны. В окно «перетащили» лишь то, что могло пролезть в окно, – внешне престижные, декоративные, в самой Европе используемые как *этикет*, проявления цивилизованности. Вопрос о путях развития был решён не в качественных, а в количественных параметрах, и, прежде всего, в экономике страны.

Список литературы

1. Семевский В.И. Введение // Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. В 2 т. - Т.1. - С.-Петербург: типогр. Сущинского, 1887. – Л III с.
2. Семевский В.И. Глава III // Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. В 2 т. - Т.1. - С.-Петербург: типогр. Сущинского, 1887. - 504 с.
3. Крестьянская война 1773 – 1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. – М.: Наука, 1973. – 440 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. – 222 с.
5. Фаизова И.В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии// Отечественная история. – 1990. - № 3.

О.Б. Фоминых
Курганский государственный
университет, г. Курган

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ XIX - НАЧАЛА XX В.

Архитектура представляет собой одну из форм культурной деятельности человека, связанную с созданием объектов искусственной среды обитания. На архитектуру всегда проецировались черты, характерные для определенного культурно-исторического состояния общества. В культурно-историческом процессе архитектура представляет собой не только стили и формы. Она зависит от целого ряда факторов, в том числе социальных и экономических условий.

Одним из периодов активного развития в истории городов Южного Зауралья был XIX век. Сформированные в это время планы городской застройки, архитектурные ансамбли улиц во многом определили последующее развитие городов Южного Зауралья, их индивидуальный внешний облик. История становления города отражается так или иначе на своеобразии его внешнего облика. На своеобразии городской застройки обязательно отражается природный ландшафт, климатические условия; на характере городской архитектуры оказывает определенное влияние жизненный уклад, традиции, род занятий населения. В формировании архитектурного облика города важную роль играет градостроительная политика страны (она, как правило, либо не вмешивается в план и внешний вид застройки, либо жестко контролирует их). Общественная жизнь города связана с формированием системы учреждений и центров культурно-бытового назначения, и также накладывает отпечаток на архитектурную композицию города. Массовая застройка обывательского жилья чаще всего исполняется в традиционных строительных материалах. Это, с одной стороны, создает впечатление сходства, и вместе с тем делает лицо города по-своему неповторимым, индивидуальным. На стилевом решении городской архитектуры провинции отражаются также новые веяния в области зодчества.

Уже в XVIII веке начинают складываться как культур-

ные центры города Курган, Шадринск, Далматово. Обладая достаточной численностью населения, необходимыми экономическими и природными ресурсами, занимаемая определенное стратегическое положение и выполняя свои административные функции, каждый из этих центров вносил свой специфический вклад в развитие региона. В XIX веке активизируется развитие городов Российской империи. Начинают активно развиваться и города Южного Зауралья. На формирование их архитектурного облика в значительной степени повлияла градостроительная политика Российского государства начала XIX века. На смену свободной планировке городов приходит регулярная застройка по единой сетке плана. Эти изменения отразились на архитектурном облике городов Южного Зауралья, хотя в каждом проявлялась своя специфика. Прежде всего, они увеличились в размерах, среди традиционной деревянной одноэтажной застройки постепенно распространяются полукаменные и каменные строения одно-, двух- и более этажности. Регламентированная система застройки улиц и межквартального пространства, обязательное строительство городских зданий по образцовым проектам – все это имело свои плюсы и минусы, не всегда способствовало сохранению самобытности городов, а наоборот, часто нивелировало, подгоняло под единый стандарт городскую застройку. Положительным, несомненно, был тот факт, что типовые проекты разработаны были профессионалами в соответствии со стилевыми канонами того времени, конструктивно и художественно проработаны (ведь собственных архитекторов в Южном Зауралье в начале XIX в. практически не было). Обратной стороной было то, что проектов было ограниченное количество, а это могло повлечь за собой эффект обезличивания. Решение *проблемы сохранения архитектурного своеобразия городов Южного Зауралья в период реформ XIX века* заключалось в особенностях культурного развития и использовании особых строительных приемов и строительных материалов.

Анализ архитектурного наследия Южного Зауралья XIX–н. XX в. позволяет выявить его основные стилистические особенности. Большинству зданий архитектурной застройки городов Южного Зауралья этого периода (1800 – 1910 гг.) присущи характерные признаки *эklekтики с элементами классицизма, русского стиля, классицизма, элементов барокко (очень редко)*, в конце XIX– начале XX века появляются и *элементы модерна*.

Одной из существенных черт в формировании культурного своеобразия архитектуры Южного Зауралья в XIX веке является тот факт, что здесь особенно ярко проявляется *церковно-монастырский* характер колонизации Зауралья и Сибири. Отсюда одно из направлений развития зауральской архитектуры можно определить как *церковно-монастырский*. Яркий пример этого рода представляет собой *Далматовский Свято-Успенский мужской монастырь*, который строился и перестраивался на протяжении почти двух столетий; к концу XIX века монастырь представлял собой целый церковный комплекс, обнесенный крепостной стеной с двумя сторожевыми башнями, надвратной церковью. Внутри монастыря располагаются все службы, трапезная, поварня, монашеские кельи, двухэтажное общежитие (кельи для паломников), конюшни, мастерские. Главным же архитектурным украшением монастыря был белокаменный Успенский собор, строительство которого началось еще в XVIII веке. Церковь белокаменная освящена во имя *Рождества Христова* с трапезной, теплая, с приделом Преподобного Дмитрия Солунского. *Верхняя церковь*, летняя – во имя *Успения Пресвятой Богородицы*, увенчана пятью главами. Это, пожалуй, единственный пример *двухъярусного* храма на территории Курганской области. Успен-

ский монастырь был единственным таким величественным архитектурным ансамблем, а по тем многочисленным культурным функциям, которые он выполнял, мог сравниться с целым городом. Далматовский Свято-Успенский монастырь с момента образования его начал формироваться как *духовный центр* – первый в Южном Зауралье. Ансамбль монастыря строился в целом в традициях *русского храмового зодчества*. В нем явно прослеживаются традиции московской архитектуры, вместе с тем они преломляются через традиции уральского зодчества (верхотурского и соликамского) – в результате обретают свое неповторимое лицо. «...Древнерусская традиция каменного зодчества из Соликамска шла к Уралу и в Зауралье» (1). Как и в Соликамске, в архитектуре храмового комплекса монастыря наблюдается то же *пятиглавие* церквей, *шатровое завершение башен*, основные объемы которых – *восьмерики на четвериках*. В оформлении храма соседствуют разнообразные элементы декора, в одном сооружении соединяются различные стилиевые особенности: двойные завитки-волкуты, тройные кокошники, уральский жучковый орнамент и т.п. Крепостные сооружения Далматова монастыря выполнены в традициях русского зодчества. Стены ограды, включая часть северо-западной стены, имели арочную конструкцию с двумя ярусами амбразур. Ход по верху крепостных стен, защищенный зубцами, представлял третий боевой ярус (2). *Скорбященская церковь* (1870 – 1881), освященная в честь иконы «Всех Скорбящих Радосте», или как её называли в народе – розовая, – несет на себе явно выраженные отголоски уральского *барокко*.

Стилевое разнообразие ансамбля можно объяснить прежде всего тем, что экономические и культурные связи Урала с центральными и северными областями России способствовали обогащению местных традиций, а работа мастеров в различных районах обогащала их художественный язык и творческую фантазию (3).

По всей территории края возводились *приходские церкви и часовни*, большей частью каменные. Строились они чаще местными умельцами, на пожертвования прихожан, возможно по чертежам, присылаемым из губернии или согласованным в Екатеринбургской епархии. При всем множестве приходских церквей, храмов и часовен не наблюдалось, тем не менее, среди них двух похожих. Такое разнообразие в выборе проектов и декорировании построек говорило не только об ответственности и важности строительства, но и художественном вкусе заказчиков и исполнителей.

В церковном зодчестве края сосуществовали главным образом два стиля – *древнерусский и классицизм*. *Богородице-Рождественский собор* в Кургане, ныне утраченный, был выстроен в стиле провинциального *русского классицизма* и являлся одним из самых красивых зданий города XIX – н. XX в. Собор был крупнейшим в крае и мог вместить три тысячи молящихся. Летняя часть храма была выстроена в *византийском стиле*, имела форму квадрата, завершалась громадным куполом, по углам возвышались четыре башенки, одна из которых служила колокольной. *Александро-Невская церковь* (1896–1901) была построена из красного кирпича в *древнерусском стиле* с отголосками романских черт (4). В храмовой архитектуре как наиболее раннем типе построек прослеживается наибольшее стилиевое разнообразие. Так, в архитектуре старейшего храма г. Шадринска *Спасо-Преображенского собора* сочетаются элементы «украинского» *барокко с русскими мотивами*. Большинство других церквей края построены также в основном в русском стиле с наложением отдельных черт других стилей. Доминировал *русско-византийский стиль*, который пропагандировался в этот период, как официаль-

ный стиль для храмовой архитектуры. Примерами могут служить здания *Покровской церкви, Вознесенской церкви* г. Шадринска.

Ведущее положение в архитектурном наследии г.г. Шадринска и Кургана XIX века занимают *гражданские объекты*. Они не только преобладают количественно в городской застройке, но и формируют облик городов: композиционно-пространственные особенности внутриквартальных пространств, масштаб уличного фронта, стилевые формы, декор фасадных композиций. Выше уже отмечалось, что архитектурной застройке этого периода присущи характерные признаки *эkleктики, классицизма, русского стиля, барокко (очень редко)*, появляются также и *элементы модерна*. Особая техника открытой кирпичной кладки с использованием формованного и лекального кирпича, работа с кирпичом как с природным камнем (вытачивание, обтесывание) для придания ему нужной формы способствовали формированию в архитектуре особого *«кирпичного стиля»*, особенно в Шадринске. Создание объектов гражданской и промышленной архитектуры различной стилевой направленности в технике открытой кирпичной кладки в городах Южного Зауралья в XIX веке придает индивидуальность и типовым проектам.

Развитие в крае производства, переработки сельхозпродукции и торговли, прочное положение купечества во многом определяют своеобразие архитектурного облика городов. Особенно ярко это проявляется в Шадринске. Основные улицы начинают застраиваться каменными зданиями, среди которых преобладали купеческие дома усадебного типа, расположенные на обширном участке в окружении различных служб и магазинов. Это позволяет обозначить как явление *купеческий стиль*. Позднее появляются особняки и другие общественные и производственные постройки. Прослеживается определенная устойчивость и повторяемость композиционных схем, которые выявляются к началу XX века как местные традиции. Устанавливаются формы *«кирпичного»* и *«русского»* стилей.

Еще одна отличительная черта гражданской архитектуры края – *многофункциональность* комплекса. Здания составляют *единый комплекс* строений, размещенных на участке, образуя замкнутое внутреннее пространство. Тип торгово-жилой городской усадьбы в архитектуре Шадринска и Кургана сохраняется и к началу XX века. Самый распространенный тип строения в XIX веке – *каменная лавка*, часто размещенная на усадебном участке с типичной схемой фасада – вход в центре строения и двумя боковыми окнами-витринами. Особенностью архитектуры г. Шадринска XIX века являются *капитальные склады, кладовые и амбары*. Являясь второстепенными хозяйственными сооружениями, они часто выдвинуты на красные линии улиц и тем самым участвуют в формировании архитектуры улиц и площадей города. Объемы складов приобретают крупные габариты, обильно декорированы и указывают на монументальность форм. С ростом населения города развивается городская инфраструктура, возникает потребность в *общественных, административных и образовательных зданиях*. Сохраняется и деревянная застройка в различных вариантах.

С учетом всех положительных и отрицательных свойств, как дерева, так и камня, в архитектуре обывательской застройки края распространился в XIX веке тип полукаменного дома. Это высокий дом (одно или двухэтажный) с сухими теплыми верхними покоем из дерева, стоящими на *каменном фундаменте*, или на *полуцокольном этаже* из камня, с находящимися в нем службами и подсобными помещениями.

Таким образом, архитектуре Южного Зауралья в XIX

веке свойственен ярко выраженный торговый характер; преобладают в основном гражданские здания, которые служат интересам купечества. Своеобразие архитектурной застройки выразилось в застройке уличного и внутриквартального пространства (*купеческая усадьба, торговые комплексы, каменные лавки и капитальные склады*). Можно привести ряд примеров подобного рода. Это *торговые комплексы* купцов Л.А. Сурикова (ул. Михайловская, 65), Н.Т. Вагина (ул. Михайловская, 74), Ф.А. Сошникова (ул. Октябрьская), И.А. Мыльниковой (ул. Февральская, 55), торговый ряд купца Мазова (ул. Комсомольская-Октябрьская). Это дом *купца А.А. Данилушкина* на бывшей Центральной улице (ул. М.Горького, 170), *особняк купца И.П. Колпакова*, входящий в архитектурный ансамбль улицы Дворянской и выполненный в стиле эклектики, украшенный пирамидами-башенками по периметру крыши. Здание краснокирпичной кладки, декорировано в стиле эклектики, на главном фасаде выведен *балкон с ажурной ковanej решеткой*.

Одной из обязательных городских построек были здания, где размещалась местная администрация, органы управления. Это тип гражданской постройки, на архитектурный облик которой, прежде всего, обращалось внимание. Как правило, это одно из старейших зданий в застройке городов Южного Зауралья, поэтому в архитектуре их часто использовались элементы *классицизма*. В г. Кургане это *дом городского головы Ф.В. Шветова* (1862-63 г.) на углу современных улиц Томина и Куйбышева. В его архитектуре сочетаются композиционные признаки позднего классицизма с декором эклектики, он к тому же сочетал в себе несколько функций, здесь располагались жилые покои и административные помещения. Для городских построек 60 - 70-х годов характерно применение, зачастую в упрощенной форме, *объемно-планировочных и декоративных схем классицизма*. Среди купеческих построек этих лет распространение получил планировочный тип усадьбы. Пространство усадьбы замыкалось высоким ограждением с композиционно развитыми воротами, украшенными столбами с лепниной и другим декором. Жилой дом ориентировался главным фасадом на улицу, и в то же время его объемы развивались вглубь участка. Приемы пространственного формирования таких построек основывались на использовании массивных объемов, несколько утяжеленных пропорций и упрощенных стилевых элементов классицизма в декоре фасадов (*усадьба – особняк купцов Березиных* - Куйбышева, 59). Тяжеловесность построек подчеркивалась также толщиной стен и *фундаментальностью* кладки. В целом объемно-пространственное решение всей купеческой усадьбы тяготело к композиционной замкнутости. «Усадьба И.С. Березина – уникальный для истории архитектуры Урала образец городской усадьбы позднего классицизма» (5).

К числу уникальных сооружений относится и *Дом А.И. Кочешева* (ул. Советская, 92), крупного курганского коммерсанта и землевладельца, профессионально владевшего искусством фотографии, ему принадлежала типография и фотоателье. В здании в нижнем этаже размещалась типография, в среднем объеме - книжный магазин, в верхнем этаже - фотоателье. Здание в значительной степени эклектично, сочетает в себе черты классицизма, русского стиля, отголоски барокко, но смотрелось очень органично и являлось несомненным украшением города.

Определенное влияние на архитектурное своеобразие г. Кургана оказало пребывание в нем *декабристов*. В разное время в городе проживали и представители высшей знати, представители дворянской интеллигенции, военные. Некоторые ссыльные декабристы покупали дома

и даже перестраивали их по своему вкусу, демонстрируя всему городу *столичные архитектурные образцы*.

Большую художественную ценность представляет собой бывший **дом купца Д.И. Смолина** – уникальный по планировочному решению и убранству фасада образец жилого дома. В декоре использованы мотивы русской деревянной резьбы, выполненной в камне. Идея воплотилась благодаря уникальной технике открытой кирпичной кладки. Еще больший эффект придавало зданию использование побелки для некоторых деталей декора. Особняк построен в традициях купеческой архитектуры того времени, первый этаж отдан под торговые площади, на втором этаже располагались жилые комнаты. Здание – яркий пример использования в архитектуре города эклектического стиля.

Среди архитектурных памятников г. Кургана **Дом инженера Ф.Ф. Остапца** (ул. Пушкина, 85) является примером наиболее последовательного и полного воплощения *принципов модерна*. Построенный в 1897 году неизвестным архитектором, особняк Ф.Ф. Остапца близок по своим композиционным принципам образцам *западно-европейского модерна*. Объемно-планировочное решение дома характеризуется асимметричностью. Его угловое положение обусловлено выделением трех неравных объемов эркерного типа, увенчанных островерхими кровлями различных силуэтов. Пространственная композиция дома имеет открытый характер и очень динамична. Стилиевые элементы модерна широко использовались в декоре фасадов особняка. Линейные орнаментальные мотивы модерна развиты в рисунках резных наличников, оконных переплетах и декоративном замке чердачного слухового окна. Своеобразие архитектурного облика здания дополняется силуэтом островерхих граненых кровель эркеров и конфигурацией чердачных слуховых окон. Модерн ярко проявил себя и в архитектуре Шадринска.

Уникальным образцом деревянного зодчества является построенный в начале XX века **Дом купца К.М. Дунаева**, также сочетающий в себе черты различных стилей. Его отличительной особенностью является резной декор, выполненный в технике глухой и пропиловочной резьбы.

В рамках небольшой публикации невозможно охарактеризовать все многообразные стилиевые особенности зауральской архитектуры, это задача более глубокого исследования.

Примечания

1. Зуева М.И. *Архитектура Шадринска*. – Шадринск: Исеть, 1994. – С. 15.
2. См. подробно: Грязнов Д.С., Лепихина Т.Н., Пономарева Г.А. *Край по имени Далмата*. - Т.1. - Курган: Зауралье, 2002. – С. 85-93.
3. См.: Пашков А.А. *Далматовский монастырь – выдающийся памятник культуры //История культуры Южного Зауралья*. - Т.1. – Курган: КГУ, 2005. – С. 166.
4. См.: Курган: мгновения века. *Фотоальбом*. – Курган: Зауралье, 2004. – С.23, 26; Васильева А.М. *Забытый Курган*. – Курган: Зауралье, 1997. – С.305-310.
5. Курган: мгновения века. *Фотоальбом*. – Курган: Зауралье, 2004. – С.40. - Т.1. – С.-Петербург: типогр. Сущинского, 1887. – 504 с.

Т.В. Козельчук

Курганский государственный университет, г. Курган

ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЧИНОВНИКА XIX ВЕКА

Источник, о котором пойдет речь, был опубликован в 1899 г. в журнале «Русская старина» под названием «Письмо опытного чиновника сороковых годов младшему собрату, поступающему на службу» (1). Определенно сказать о личности автора текста – А.С. Зарудного – на данный момент не представляется возможным. Анализ содержания «Письма» позволяет утверждать, что он, вероятнее всего, был государственным служащим, иначе невозможно было узнать тонкости служебной психологии и быта, которые приобретались лишь с опытом. Если предположить, что под видом «опытного чиновника» писал человек из небюрократической среды, то тогда сложно объяснить, почему он сосредоточен только на характеристике внутрислужебной обстановки и не затрагивает весьма существенную для российской действительности проблему взаимоотношений бюрократии и общества. Несмотря на то, что данный источник относится к эго-документам, личность самого автора не имеет решающего значения. Ценность «Письма» заключается в том, что он представляет рефлексию русского чиновничества и в своей критической оценке бюрократической реальности перекликается с мнением русского общества XIX века.

Для достижения лучшего эффекта при передаче своей мысли А.С. Зарудный избрал эпистолярный жанр. «Письмо», к примеру, начинается с традиционного обращения: «Милостивый государь, Любезный друг!» и т.д. Но это лишь форма, информация в тексте четко структурирована и напоминает инструкцию. Документ содержит более 20-ти пунктов и подпунктов, каждый из которых, моделируя конкретную ситуацию из служебной практики чиновника, одновременно содержит совет, как правильнее поступить, что сказать и т.п., одним словом, как «действовать на служебном поприще» (1, 543).

Однако все эти рекомендации имеют целью отнюдь не повышение качества государственной службы. Как говорит автор: «Я хотел бы, чтобы вы сделали не только способным и дельным чиновником, но заставили бы всех признавать вас за такового» (1, 543). «Заставили» - ключевое слово, определяющее один из смыслов данного источника, в чем нас убеждает дальнейшее знакомство с содержанием. Например, «если по делу открылось какое-нибудь упущение или беспорядок и от вас требуют объяснение, никогда не признавайтесь виновным и пишите объяснение как можно длиннее, непонятнее и запутаннее; никто не прочтет его, но, увидев, что вы написали много, признают вас правым» (1, 545). Как видим, более опытный государственный служащий, каковым декларировал себя автор, предлагает выстраивать поведение исходя из стремления избежать возможного наказания, потери репутации, то есть во что бы то ни стало, несмотря на реальное положение дел, создать и сохранить образ «способного и дельного чиновника».

Настоящее «письмо» знакомит читателя с основами, или «азбукой», чиновничьего служебного этикета. «Начните с азбуки, - пишет автор, - заучите хорошенько выражения: ваше превосходительство и ваше сиятельство; с этих слов начинайте, этими словами кончайте фразу, когда вы обращаетесь к милостивому начальству». Вторым пунктом следует: «Кланяйтесь начальству наше-

му тем ниже, чем выше стоит оно в порядке чиновачалия, и давайте подчиненным для пожатия тем меньшее количество пальцев правой руки, чем ниже стоят они в порядке подчиненности» (1, 543). Так, стилистические изящно и одновременно правдиво и убедительно определяются восходящие и нисходящие взаимодействия чиновника в служебной иерархии.

Особое место в чиновничьей повседневности занимали все-таки взаимоотношения с начальством. «Никогда не делайте того, что нужно делать, а делайте то, что желает высшее начальство» - вот, пожалуй, главная формула успеха русского чиновника, квинтэссенция его служебного предназначения. И эту формулу автор доводит до логического завершения: «Откажитесь от собственного взгляда на вещи, усвойте себе взгляд начальников ваших, не имейте мыслей своих, развивайте только мысли начальников и постарайтесь все, даже почерк ваш, сделать сколько можно более похожим на их почерк» (1, 545). Под умелым пером «опытного чиновника» эти отношения приобретают иезуитский оттенок. Но здесь не гипербола и вряд ли просто художественный прием критики. Царский чиновник действительно всецело зависел от своего непосредственного руководителя, что подтверждают не только вся отечественная дореволюционная социологическая, правоведческая литература и корпус нарративных источников. В частности, такая зависимость зафиксирована в «Уставе о службе», утвержденном в 1857 г. Знаменитый «третий пункт», которого боялись служащие, а точнее статья 788 из отделения третьего «Устава о службе» звучала следующим образом: «Чиновников, кои по убеждению начальства неспособны к исправлению возложенных на них должностей, или почему-либо неблагонадежны, или сделали вину, известную начальству, но такую, которая не может быть доказана фактами, предоставляется начальникам, от коих в общем порядке зависит увольнение от должностей, сими чиновниками занимаемых, увольнять по своему усмотрению и без просьбы их...» (2, 188-189). Уволенный служащий терял пенсию и даже не имел права обжаловать решение. Большинство русских бюрократов не могли не считаться с этим и были вынуждены, подчинившись культуре начальства, держаться особой линии поведения – заискивать, подхалимствовать и т.п.

Именно «Устав о службе» находится с рассматриваемым «Письмом» в едином смысловом поле. Особенно это касается тотальной регламентации жизни подчиненных со стороны начальствующих лиц: «... Надлежит, чтобы начальники имели надзор и над поведением и обхождением своих подчиненных, и побуждали оных к добродетелям и похвальному любочестию, удерживая от безбожного жития, пьянства, лжи и обманов» (2, 173).

В приведенных выше цитатах скрыто предупреждение - человек, попадая на государственную службу, теряет свое собственное «я», становится безликим и главное – бесправным, беззащитным. Компенсировать недостаточность статуса отечественным госслужащим помогала другая коммуникационная линия: чиновник – не чиновник. В нашем «Письме» есть только одно скромное замечание, затрагивающее такие взаимоотношения: «Просителей высушивайте терпеливо, но отвечайте им в самых неопределенных выражениях: дело ваше рассматривается, в докладе, дано предположение, послан указ и т.п.» (1, 544). И все, больше ни полслова. Казалось бы, вот где должен проявиться подлинный профессионализм чиновника – при выстраивании диалога с обществом. Но автор, упоминая вскользь, позиционирует данный служебный момент как некую акциденцию, не заслуживающую внимания новичка.

Большее место в источнике занимает описание мо-

дели служебного поведения. «Если вы хорошо работаете, но не кричите, что у вас бездна дел, то вы нисколько не выиграете в общем мнении»; «берите всегда домой портфель, наполненный бумагами, и хотя дома вы можете заниматься чем-нибудь другим, но говорите, что занимаетесь делами»; «не решайте ни одного дела, но от всех отписывайтесь»; «старайтесь все дела сваливать на других и вместе с тем кричите, что все на вас сваливают дела, давая тем самым заметить, что все считают вас за дельного, опытного и работающего чиновника...»; «никогда не говорите определенно на основании такого-то закона, говорите неопределенно: на законном основании»; «...если вы скоро будете отписывать бумаги, другие скажут, что ваши занятия легки...» (1, 544, 545). Наконец, в качестве итоговой сентенции служба чиновника уподобляется ситуации «белки в колесе»: «...Не старайтесь окончить всех дел и помните, что вы всегда, как белка в колесе, будете бежать, ожидая, что добежите до чего-нибудь – но ни до чего не добежите» (1, 544). Последнее звучит как приговор, снимающий проблему поиска смысла существования чиновника. Выражение «другие скажут» создает ощущение психологически напряженной атмосферы, окружающей чиновника, говорит о латентной конфликтности чиновного социума.

Одну из типичных поведенческих реакций, описанных в источнике, можно коротко прокомментировать как предостережение: инициатива наказуема! «Если в голове у вас предположение, клонящееся к усовершенствованию закона, судопроизводства или судоустройства, к упрощению порядка и хода дел, не старайтесь привести мысли своей в исполнение - Боже вас сохрани! Вы прослывете новатором, беспокойным и бестолковым человеком. Сохраните эту мысль на случай, если вас спросят об этом» (1, 545). И далее не менее важно: «Развивая новую идею людям, закоренелым в пагубном рутинизме, грубом застое и захирении, вы только затрудните их, и потому мысли вашей не дадут хода...» (1, 545). Под видом очередного совета «младшему собрату» А.С. Зарудный метко подчеркивает негативные качества отечественной бюрократии.

Также критически источник воспроизводит систему ценностных приоритетов чиновника, из которой решительно исключена наиважнейшая составляющая – справедливость, а образ истины приобретает искаженно уродливые формы. «Отписывая дела, заглушите врожденное в вас чувство справедливости, и пусть незнакомо для вас будет сострадание к несчастному и потому: никогда не старайтесь держать сторону истины, когда вооруженная против нее ложь сильнее и прикрыта законными формами, ... в таких случаях ... держите сторону сильного, и прослывете правдивым чиновником» (1, 544). Правда и ложь, справедливость и несправедливость, таким образом, меняются местами. В данном случае «Письмо» не просто задает императив поведения, оно воспроизводит особые ценности, свойственные бюрократическому социуму, которые при некоторых обстоятельствах идут в разрез с общечеловеческими.

Информационная значимость рассматриваемого источника заключается также в том, что он позволяет подчеркнуть один из решающих факторов карьерного роста. Автор без обиняков утверждает: «Не надейтесь столько на способности свои, сколько на протекцию. ... Если у вас есть протекция, - вы гений..., вы скоро пойдете вперед, но если у вас протекции нет: - вы дурак набитый, вы ровно никуда не годитесь, вы решительно ничего не знаете, вы никогда не выиграете по службе» (1, 543). Этим фактически перечеркиваются все другие рекомендации: никакие «способности» не помогут, если нет протекции – «этой благодетельной волшебницы» (1, 543). Подобные

сравнения только усиливают впечатление. Настоящий пример наглядно демонстрирует возможности эго-документов, ведь на основании изучения одних формулярных списков можно выделить единственно формальные причины продвижения по службе – социальное происхождение, образование и др. При этом неформальные, например, клиентарные связи, нередко оказывающие решающее влияние, элиминируются за рамки реальных чиновничьих жизненных практик.

Адресуя «Письмо» будущему чиновнику, А.С. Зарудный разговаривал таким способом со всей читающей «Русскую старину» публикой. Буквально на трех страницах текста ему удалось создать довольно нелюбимый образ русского чиновника XIX века и даже шире. Однако сам герой повествования оставался как бы невиновным в своей нелюбимости или, точнее, беспомощным перед системой: или принимаешь правила игры, или не имеет значения вообще поступать на службу. Так автор решал свою задачу – критиковать отечественную бюрократическую реальность.

Как источник «письмо» полисеманлично. Прежде всего, представляет ценность его непосредственная, прямая информация, позволяющая реконструировать модель служебного поведения, воссоздать целый ряд ее компонентов – деловой этикет, востребованные профессиональные качества, особенности делопроизводства, факторы карьерного роста. За всем этим стоит более глубокий смысловой пласт, «прочитав» который можно определить специфику мотивации чиновника в принятии решений, обрисовать некоторые мировоззренческие аспекты, охарактеризовать корпоративную психологию русского чиновничества. Исходя из заданного источником смыслового направления, историк может, например, понять причины дисфункциональности бюрократического механизма. Можно сказать, что по ту сторону текста угадывается российская действительность.

При всей обозначенной источниковедческой значимости невозможно назвать «Письмо» самодостаточным источником и снять вопрос об идентичности его содержания существовавшей действительности. В частности, нельзя забывать о том, что российское чиновничество было сложно дифференцировано, условия службы, мотивация, интересы каждой из групп разительно отличались. Было бы упрощением называть все чиновничество безликой аморфной массой и говорить исключительно о недостатках бюрократии. То есть «Письмо», как и всякий источник, имеет свои пределы нашего доверия к нему.

В заключение отметим, что рассматриваемый текст представляет особый бюрократический дискурс, благодаря которому можно узнать, как воспринимали и как оценивали свою жизнедеятельность сами чиновники, как они ее переживали. Использованные при этом автором сатирические средства лишь обостряют наше восприятие созданного социального стереотипа. Таким образом, эвристическая ценность и актуальность данного текста как эго-источника видятся в возможности приблизиться к пониманию феномена отечественной бюрократии.

Список литературы

1. Зарудный А.С. Письмо опытного чиновника сороковых годов младшему собрату, поступающему на службу // Русская старина. - 1899. - № 12. - С. 543-546.
2. Устав о службе по определению от правительства... и положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского. - СПб., 1910.

К ВОПРОСУ ИЗБРАНИЯ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ (по материалам г. Вятки

второй половины XIX - начала XX в.)

Радикальные преобразования второй половины XIX века затронули все сферы жизни российского общества. В этих условиях реформы в области местного самоуправления были неотъемлемой частью этих преобразований, как наиболее целесообразные и соответствующие новым историческим условиям.

Как показал анализ материала, степень реализации законодательных положений во второй половине XIX века во многом определялась региональной спецификой, социально-экономическими и общественно-политическими факторами. Предоставленная законодательством финансовая независимость на практике сводилась к обеспечению административных структур, совмещение в одном лице председателя думы и управы сделало номинальным заложенным в структуру городского самоуправления принцип разделения властей. И лишь модернизация на рубеже веков дала новый толчок развитию органов общественного представительства, позволив им создать стабильные источники пополнения бюджета.

Значительный интерес в вопросе реализации городских реформ второй половины XIX века представляет анализ материала по выбору городского головы. Это обусловлено рядом причин. Во-первых это его значительный правовой статус и его весомая роль в работе городского самоуправления. Во-вторых, изучение данного вопроса позволяет выявить характер взаимодействия местной администрации с органами общественного представительства.

Избрание глав общественного управления подвергалось тщательному контролю со стороны губернатора. Городской голова был наделен довольно широкими полномочиями. По статье 82 Городового положения 1870 года должность городского головы, как и членов городской управы, «замещается по выборам городской думы». Должность эта была исключительно важной, т.к. городской голова руководил деятельностью всех трех определенных в статье 15 Городового положения «учреждений городского общественного управления» (3,824). Во-первых городской голова председательствовал в городских избирательных собраниях по разрядам, т.е. контролировал правильность и законность выборов в новый состав думы. Городскому голове должны были направляться жалобы на «неправильное избрание отдельных лиц», а также на нарушение вообще установленного на выборах порядка». По окончании выборов голова заверял «выборной лист», т.е. результаты голосования. Во-вторых, руководил деятельностью думы. В силу статьи 57 Городового положения голова делает «распоряжения о созвании городской думы». Он же определяет повестку дня заседаний думы. Только по распоряжению городского головы и под его личную ответственность печатались доклады по делам, назначенным к слушанию и распространялись среди гласных (статья 59), только он мог пригласить на заседание думы «посторонних лиц, от которых можно ждать полезных объяснений» (статья 62). Желавший внести предложение на заседание думы обязан был оповестить городского голову за три дня до заседания о содержании своего заявления (статья 60). В-третьих, городская управа состояла под председательством го-

родского головы. Городская управа решала дела после коллегиального обсуждения «по большинству голосов». Но если городской голова найдет, что решение большинства «противно закону, то он останавливает исполнение оно» (статья 77). Городовое положение наделяло городского голову правом «вето» на решения городской управы.

Эти и ряд других прерогатив головы делали его решающей фигурой в городском общественном управлении.

Кроме того, городской голова губернского города являлся членом Губернского по городским делам присутствия. Из членов этой административной организации он был единственным, за кем было сохранено право участия в выборах (статьи 11 и 19) (3, 825). При этом городской голова не являлся членом какого-либо ведомства, т.е. не был правительственным чиновником. Дума не могла уволить голову, а предать его суду имел право только Сенат.

Вступление в должность избранного думой городского головы зависело от представления губернатора министру внутренних дел. Процедура утверждения властями избранной думой городского головы и его заместителя была довольно сложной. Городская управа после выборов подавала губернатору рапорт об их результатах с приложением баллотировочного листа и формулярного списка избранных. Из канцелярии губернатора эти документы поступали в Губернское по городским делам присутствие для заключения о правильности проведения выборов в думе. В присутствии в течение недели рассматривались и жалобы гласных на проведение выборов. По истечении этого срока губернатор отсылал в Министерство внутренних дел свое официальное представление кандидатур с приложением их формулярных списков и баллотировочного листа. Министр либо утверждал городского голову, либо нет. Извещения об утверждении городских голов публиковались в «Правительственном вестнике». Об утверждении министром губернатор оповещал городскую управу. После этого городской голова на заседании думы приносил присягу, обещая добросовестно исполнять свои обязанности и уведомлял губернатора о вступлении на должность с такого-то числа.

Городовое положение 1892 года сохранило функции и полномочия городского головы, изменив его статус: теперь он считался состоящим на государственной службе (8, 328).

Городской голова играл роль посредника между административной властью и общественным представительством. Только через городского голову могло повлиять на решение думы Губернское по городским делам присутствие, т.е. губернатор. Это не могло не отразиться на прямой заинтересованности губернатора в выборе на эту должность лица, способного обеспечить проведение в думу интересов администрации. И как показывает анализ местного материала, городской голова нередко становился рычагом воздействия губернатора на думу. Так, в 1887 году в конфликте между думой и губернатором по вопросу увеличения штата городской полиции голова пытался склонить думу в сторону его положительного решения (5, 106, 113; 6, 125).

При законе 1870 года фактом недоверия администрации к думскому избраннику был случай с выбором на второе четырехлетие на пост городского головы г. Вятка купца Я.Н. Жирухина. Параллельно было отправлено конфиденциальное письмо, в котором сообщалось, что Жирухин вероисповедания православного и соответствует указанным в Городовом положении требованиям для утверждения в должности городского головы, но при этом губернатор счел необходимым сообщить сведения компрометирующего характера. В частности, говорилось, что

источником его обогащения являются взятки, которые он получал, работая в городском общественном банке (7, л.97). Сведениям такого рода в МВД значения не придавалось. Дальнейшего своего развития дело не получило и никаких последствий для вятского городского управления не имело. Сам Жирухин благополучно прослужил в должности городского головы два срока. Таким образом, законодательство не давало возможности местной администрации оказывать прямое влияние на избрание глав общественного управления губерньских городов. Окончательное решение по данному вопросу выносили вышестоящие инстанции. Последние, как показывает местный материал, руководствовались соображениями политической благонадежности общественного управления, а не благополучием городского хозяйства.

В 1909 году в вятском городском управлении возникла проблема с выбором городского головы. Это было связано с уходом раньше срока с этой должности, по болезни, Поскребышева – человека авторитетного в думских кругах, положительно характеризующегося в местной демократической печати. Напряженная общественно-политическая ситуация по стране в данный период обусловила соответствующий подход местной административной власти к избранию глав общественного управления. Когда вместо Поскребышева дума выбрала на должность городского головы члена управы Васнецова, последний отказался от должности (1;7). Тогда губернатор, негативно охарактеризовав его в отчете МВД, назначил вместо него Сунцова, лидера местной монархической партии, зарекомендовав его перед МВД как политически благонадежного (1, л.3). Городская дума, не желая вступать в открытое противостояние с губернатором, решает выбрать на должность городского головы нейтральное лицо, изначально не способное вызвать каких-либо подозрений в неблагонадежности. Таким человеком оказался Павел Николаевич Шкляев, за плечами которого было 37 лет государственной службы. Тем не менее, губернатор, воспользовавшись жалобой некоторых гласных на неправильное производство выборов, совместно с Губернским присутствием, отменил их. В МВД губернатором Горчаковым была послана весьма неблагоприятная характеристика Шкляева как сторонника левых партий. Одновременно запрашивалось право назначить вместо него Сунцова, «показавшего полную способность к ведению городского хозяйства и в небольшой промежуток времени поставившего его по силе возможности на должную высоту» (1, л.10).

Вряд ли аргумент о хозяйственности Сунцова был основной причиной такого благоволения ему со стороны губернатора. Судя по всему, определяющей здесь была его политическая принадлежность, позволяющая административной власти направлять работу думы в нужное русло. Тем не менее, МВД утвердило в должности городского головы П.Н. Шкляева. Очевидно, в условиях реакции правительство не видело в городском самоуправлении серьезной оппозиции существующему режиму. Между тем, Шкляев оставался для местной администрации лицом нежелательным в роли главы общественного управления.

В 1911 году при губернаторе К.Л. Страховском Шкляев был приставлен военным ведомством к награде за услуги, оказанные при постройке казарм для прибывающих в город войск. Тогда К.Л. Страховским в МВД было послано конфиденциальное письмо, в котором указывалось, что Шкляев не заслуживает полученной награды, «...как направивший свою деятельность вразрез законным пожеланиям губернской администрации» (2, л. 26-26 (об.)). В частности, отмечалось промедление Шкляева в постройке казарм и делался вывод, что какой-либо

личной заслуги Шкляева в этом деле не усматривается. В результате такого комментария Шкляев так и не был награжден. Тем не менее, были очевидны его признание и популярность в среде гласных – на четырехлетие с 1913 года он в очередной раз был выбран городским головой. На этот раз отправленное губернатором в МВД письмо о сотрудничестве с «противоправительственными партиями» возымело свое действие – МВД не утвердило его в должности городского головы (2, л.54).

Когда в начале 1916 года от должности городского головы отказался по болезни Н.А. Пестов, до окончания четырехлетия (до осени 1917 года) дума третий раз выбирает Шкляева (2, Л.63). На этот раз какого-либо противодействия со стороны администрации не было из-за непродолжительности срока службы.

Ситуация с выбором городского головы показывает, насколько была велика в устройстве общественного управления роль субъективного фактора, в частности, межличностных отношений. Так, «Вятская речь», задаваясь вопросом неутверждения Шкляева, отмечала следующее: «... Да потому, говорит обыватель и гласные города, что Павел Николаевич теперь не ко двору: он не угодничал, не околичивался по передним, имел странную по теперешним временам привычку в своих служебных отношениях опираться на закон и неохотно позволять наступать себе и городскому управлению на ногу» (4). В какой степени такой комментарий соответствовал действительности, судить трудно за неимением каких-либо фактов неподчинения городского головы губернатору или его уклонения от обязательств. Но очевиден, на базе выбора главы общественного управления, факт противостояния думы и администрации – обе стороны пытались закрепить это право за собой. В целом, выбор городского головы можно рассматривать как индикатор взаимоотношений местной административной власти с органами самоуправления. В этих условиях губернские власти могли рассматривать выборы городского головы как механизм воздействия на общественное представительство.

Список литературы

1. ГАКО. – Ф. 587. Оп 13. Д 37.
2. ГАКО. Ф.587. Оп 14.Д.113
3. Городовое положение 1870 г. // ПСЗРИ – Отделение первое. – СПб., 1874. - Т.14.- №48498.
4. Вятская речь за 1913 год. - Вятка, 1913.- №182.
5. Журналы вятской городской думы за 1887 год. – Вятка, 1887.- С. 106,113.
6. Журналы вятской городской думы за 1888 год. – Вятка, 1889. – С. 125.
7. РГИА. - Ф. 1287. - Оп. 38. - Д. 1304.
8. Энциклопедический словарь изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – Ярославль, 1991. – Т.17.

О.В. Чёрная
г. Курган

К ВОПРОСУ ПОВТОРНОГО БРАКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.

На современном этапе развития общества отечественной исторической науке не обойтись исследованиями объективных социально-экономических структур на макроуровне. Историк необходимо проникнуть «за структуру», увидеть исторического человека в его органической связи с исторической средой сквозь эту самую структуру, обратиться к его субъективным намерениям, чувствам и стремлениям, способам восприятия и вариантам «ответов» на импульсы, исходящие от объективных

структур. Обращение к микроуровню исторического бытия, а именно к локальным системам, к числу которых относятся и Южное Зауралье, позволяет изучить историю реальных людей, понять их психологию и глубже проникнуть в суть структурных изменений, оценить функциональную значимость последних и их связь с развитием страны в целом.

Обращение историков к исследованиям на волостном материале в наше время стало требованием профессии и фактом историографии. Это позволяет не просто досконально изучить предмет с применением специальной нередко тонкой методики анализа, но и не потерять человека за усредненными цифрами. Обращение к фондам Государственного архива Курганской области – это только частично вопрос исправления сведений, собранных, агрегированных и отправленных местными властями в центр. Гораздо более важно, что первичные данные, содержащиеся в сообщениях низовых органов власти, позволяют нам увидеть исторический процесс во всей его полноте.

Крестьянская семья давно уже стала объектом изучения самых разных наук. Причем интерес проявляют не только науки, основанные на исследовании самой деревни, но и рассматривающие общество в целом, поскольку преобладающие в обществе формы семьи служат показателем уровня его модернизации, в значительной мере обуславливают положение в нем женщин и детей и т.д. Исследование «брачной модели» зауральского крестьянства дает нам ключ к пониманию демографической ситуации в регионе. Крестьяне отводили институту брака очень четкое место и в частной жизни своей семьи, и в общественной жизни всего крестьянского мира, регламентируя детально проработанную систему заключения брачного союза и сопровождая его до мелочей продуманными обрядами. Мотивы заключения брака могли быть самыми разными. Небезынтересен с этой точки зрения повторный брак.

В качестве объекта исследования выбрана Марайская волость Курганского округа, материалы которой уже подвергались анализу П.А. Свищевым за период с 1898 по 1917 гг. и были признаны репрезентативными как полностью коррелирующие с общеуездными данными (6,118). Во второй половине XIX - начале XX в. Марайская волость состояла из трех приходов: Марайского, Заложинского и Носковского. Полному исследованию и сопоставлению с имеющимися общеуездными данными подверглись метрические книги всех приходов с 1868 по 1918 гг. В 1895 г. в волости проживали 6 304 человека, в то время как средняя населенность волости по округу равнялась 6 790 человек (5,107-117). Динамика естественного прироста населения волости близка к общеуездной: за 1895-1912 гг. население волости увеличилось на 36%, а уезда – 35,6% (2,74-75). Проведенные П.А. Свищевым сопоставление динамики числа браков и сравнительный анализ общего коэффициента брачности по волостным и общеуездными материалам также демонстрируют их полную корреляцию (6,118). Кроме того, костяк стабильного старожильческого населения, удобное положение волости в уезде и губернии (с точки зрения построения брачной модели), а также социальная, конфессиональная и этническая однородность населения Курганского уезда позволяют нам с определенной долей достоверности экстраполировать результаты исследования Марайской волости на всю территорию Южного Зауралья (2,74-75;3;4).

Обратимся к брачной модели Марайской волости (1). Средний возраст вступления в первый брак для мужчин будет равен 20,9 лет, для женщин – 19,2 лет. Процент заключения первых браков среди мужчин и женщин прак-

тически взаимозависим, т.е. повышение процента у мужчин автоматически ведет к повышению у женщин. В среднем доля мужчин, вступающих в первый брак, составляет 80%, женщин – 90%. Соответственно, доля мужчин, заключающих повторный брак составит 20%, а женщин – только 10%. Ранее данный факт объяснялся «большой свободой мужчин в области брачного выбора» (6,119), а также тем, что «у женщин гораздо меньше шансов повторно найти брачного партнера» (6,121). Чтобы проверить этот вывод, нами проведено исследование на примере прихожан Богоявленской церкви Марайского прихода. Будут ли такие данные репрезентативными, покажет сравнительный анализ брачной модели прихода с моделью волости.

Средний возраст заключения повторного брака для мужчин по волости будет равен 36,5 лет, по приходу – 36,8 лет, для женщин – 31,8 лет и 32,2 года соответственно. Разница в возрасте будет 10,6 лет в обоих случаях. Брачная модель Марайского прихода и в первом, и в повторном браках практически копирует модель волости. Динамика заключения первых браков также схожа. Кроме того, брачный рынок Марайского прихода не замыкается на себе, брачные контакты выходят не только за пределы самого прихода, но и за пределы волости. Следовательно, проследив причины скачков динамики на примере прихода, мы сможем понять и динамику волости.

Обратимся к брачной модели повторных браков Марайского прихода. В среднем доля повторных браков составляет 21% у мужчин и 11% у женщин. Нижний предел приходится на 1904 г. – 6% у мужчин и 3% у женщин, верхний – на 1915 г. – 55% и 30% соответственно. Из них женаты на девицах 52%, на вдовах – 40%, замужем за холостяками 8%, т.е. вдовы «вступают» девицам всего 2%. Так являются ли вдовы «вторым (по предпочтительности) эшелон» брачных партнеров (6,121)?

Вероятно, что необходимо рассмотреть соотношение вдов и вдовцов. Для этого сравним смертность мужчин и женщин в возрасте от 15 до 45 лет, т.е. самый широкий диапазон возраста вступления в брак. Вдовцы и вдовы старше указанного возраста часто имеют взрослых детей и не имеют малолетних, поэтому, как правило, не заинтересованы в заключении нового брака. Всего за период с 1868 по 1918 гг. в Марайском приходе умерли 4006 мужчин и 3708 женщин, из них интересующего нас возраста 261 мужчина и 383 женщины, т.е. смертность женщин репродуктивного возраста на 3,8% выше смертности у мужчин. Даже если предположить, что определенная часть мужчин остается холостяками, то вдовцов получается больше, чем вдов.

Сравнительный анализ динамики показателей смертности женщин репродуктивного возраста и заключения повторных браков мужчинами Марайского прихода показывает их взаимозависимость. Повышение смертности уже через год, как правило, ведет к повышению повторных браков. Так пики смертности женщин приходятся на 1878, 1884, 1889, 1901, 1905, 1913 годы, а пики заключения повторных браков мужчинами – на 1878-1879, 1884, 1892, 1901, 1912, 1914 годы. Таким образом, мужчина, потерявший жену, стремится сразу же вступить в повторный брак. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что в большинстве случаев он не способен растить детей в одиночку.

Если же сравнить динамику смертности мужчин и заключения повторных браков женщинами, то картина получится несколько иной. Пики смертности мужчин приходятся на 1868, 1877, 1884, 1886, 1905, 1910, 1912-1913, 1916 года, а пики заключения повторных браков женщинами – на 1872, 1880, 1895, 1897, 1901, 1908, 1914, 1918 годы, т.е. проходит около трех лет, прежде чем женщина

вступает в повторный брак (причем эта динамика относительно стабильна). Кроме того, о том, что повторный брак не был уже личным делом, касающимся только жениха и невесты, как в случае заключения первого брака, говорит зачастую значительная разница в возрасте супругов. Здесь уже первую роль играли не физическая привлекательность и личное обаяние, которые, конечно, имели место быть. Повторный брак затрагивал судьбу всей семьи, главное место в которой занимали дети. Возможно, что женщина попросту не торопится взять на себя ответственность за чужих детей, так же как и холостяки не спешат брать замуж вдов. Возможно, что она имеет родственников или взрослых сыновей, которые способны выполнить мужскую работу. Если же вдова имеет малолетних детей и не имеет помощи со стороны, то она будет стремиться вступить в новый брак, а мужчина-вдовец с малолетними детьми охотнее возьмет женщину, которая уже имеет опыт материнства.

Итак, оценивая все вышесказанное можно сделать предположение о том, что в Южном Зауралье конца XIX - начала XX в. процент заключения повторных браков был достаточно высоким, а женщины имели практически равные шансы с мужчинами на вступление в повторный брак.

Примечания.

1. ГАКО Ф. 235, оп. 6, д. 128, 131, 132, 134, 135, 136, 143, 144, 156, 161, 163; оп. 2, д. 130, 131, 139, 150, 157, 166, 178, 186, 195; оп. 3, д. 17, 24, 28, 36, 48, 57, 70, 74, 83, 94, 101, 117, 127, 129, 136, 144, 149, 150, 162, 164, 183, 189, 193, 206, 211, 226, 229, 243, 247, 262, 265, 277, 279, 291, 294, 304, 309, 317, 323, 332, 337, 348, 352: оп. 4, д. 6, 11, 28, 38, 66, 81, 82, 106, 119, 125, 154, 155, 185, 194, 240, 257, 294, 297, 320, 333, 385, 415, 416.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897г. – СПб., 1905.
3. Обзор Тобольской губернии за 1898 г. – Тобольск, 1898.
4. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. – Тобольск, 1916.
5. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа Тобольской губернии. – Курган, 1895.
6. Свищев П.А. Брачность крестьян Южного Зауралья в конце XIX - начале XX вв. (К методологии регионального исследования) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. – Курган, 1994. – Вып. 7.

С.С. Коновалов
Курганский государственный
университет, г. Курган

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Основная особенность дореволюционной историографии истории введения земских учреждений на Урале заключается в том, что значительная часть работ этого периода написана не профессиональными историками, а земскими деятелями, публицистами, краеведами. Время проведения реформы и ее последствия стали периодом становления социальных исследований, важное место среди которых заняли вопросы местной политики. Историографические источники позволяют выделить несколько направлений в дореволюционной историографии истории введения земских учреждений на Урале. В данной статье мы рассмотрим научное наследие представителей либеральной историографии по проблеме земского самоуправления на Урале. Исследования ли-

беральных учёных и краеведов носили разносторонний характер, были разными по объёму и имели свою специфику. Общим для них было наличие обширного статистического материала, без которого изучение деятельности земств было немислимо.

Хроника образования и деятельности Пермского земства с 1870 по 1890 г. представлена А.А. Дмитриевым (4, 281-315). Особенностью его работы является краткость и лаконичность изложения событий тех лет. Исследователь занимался историей профессионально, что и наложило отпечаток на его «Летопись». Он верно и точно назвал первых членов Пермской уездной земской управы, её председателя М.И. Любимова и отметил эпохальность введения земских учреждений на Урале. Все сколько-нибудь значимые события того времени расписаны буквально по дням и часам. Таким образом, историк как бы выступает в роли «репортёра», ведущего свой «репортаж» с места событий. Кроме того, изложение по годам дало исследователю возможность осветить проведение земской реформы на территории Пермской губернии в контексте других «великих реформ». На страницах «Летописи» автор предстает перед нами как человек незаурядного ума и энциклопедических знаний. Земская реформа, проведенная в 1870 г. в Пермском крае, органично вписана им в историю города Перми и губернии. Вообще же этот год для Пермской губернии был особым еще и потому, что именно в это время была проведена городская реформа, которая, по мнению летописца, завершила реформу местного самоуправления.

Либеральный писатель Д.Л. Мордовцев позитивно охарактеризовал первое пятилетие деятельности земств Пермской губернии. Его повествование – это, прежде всего, взгляд столичного человека на реформу местного самоуправления в Пермском крае (9). По мнению автора, история земской реформы есть неотъемлемая часть истории политической. Исследователь затрагивает не только Урал, но и остальные регионы России. В каждом из регионов Д.Л. Мордовцевым отмечены свои особенности. Данное обстоятельство позволило историку представить историю местного самоуправления в целом. Автор подчеркнул, что из всех реформ 60-70х гг. XIX в. на земскую реформу русское общество возлагало самые скромные надежды. Либеральная печать пореформенного времени относилась к оценке реформы местного самоуправления по-разному. Однако сдержанные оценки реформы доминировали. Д.Л. Мордовцев же отмечал, прежде всего, политический характер русского земства, указывая на то, что оно имеет свою историю, деятелей, борьбу, движение, победы и поражения, литературу.

Профессор А.Н. Митинский в своем труде (8) выявил взаимоотношения земства и заводов. Использование материалов оценочно-статистического бюро Пермского губернского земства привело исследователя к выводу о несоответствии представительства гласных в земстве платимым ими в виде земских налогов суммам. Таким образом, социальный состав земств Урала оказывается в поле зрения историка. Анализируя его, исследователь заключил, что фактическими хозяевами Пермской губернии являлись мелкие торговцы и мелкие собственники, платящие сравнительно ничтожную часть налогов, а поэтому и не особенно бережливые в их расходовании. Некоторые Пермские земства, например Чердынское, автор называет земствами «на казенный счет», то есть существующими на правительственные субсидии.

В фундаментальном труде Б.Б. Веселовского (2) на богатом документальном материале раскрыта сорокалетняя деятельность земств Урала практически во всех сферах жизни общества. Прежде всего, историка интересовала хозяйственная деятельность отдельных земств в

той степени, которая необходима для общей их характеристики. В своих научных изысканиях автор опирается почти исключительно на печатные источники. Его труд может быть с полным правом назван энциклопедией земской жизни. Помимо чисто фактического материала, работа интересна и тем, что в ней имеется значительная библиография. Указатель в двух частях, опубликованный в 1-м и 4-м томах монографии Б.Б. Веселовского, включает около 5 тысяч названий и, по словам самого автора, «далеко не исчерпывает» земской литературы. Деление земств на «крестьянские» и «помещичьи» исследователь считал простой народнической схемой. В интересах цельности изложения материала, автор нашел необходимым в конце каждого отдела работы кратко резюмировать основные положения исследования. Анализируя земские доходы по губерниям, историк отметил их неравномерный рост и то, что период усиленного роста «весьма правильно сменяется с затишьем». Он констатировал, что наиболее характерной чертой деятельности земств Уральского края являлась средоточие центра тяжести земской жизни в уездах, от которых исходила инициатива всяких начинаний: губернское же земство всегда прозядало свою инертность. Историк сделал вывод, что отличительной чертой земских учреждений на Урале был аполитичный прагматизм.

Негативную оценку реформе местного самоуправления на Урале даёт «Записка горнозаводчиков о земском деле в Пермской губернии» (5). Автор или авторы (нам это точно не известно) её, подводя итоги семнадцатилетней деятельности земских учреждений, сетуют на неоправданно большие сборы и расходы земств Пермского края, львиная доля которых падала на заводское производство. Анонимный характер данного исследования позволяет выявить взгляд на земскую реформу со стороны владельцев заводов: «Состоя почти исключительно из лиц, ничем не владеющих и потому не участвующих в платеже сборов, учреждения (земские) довели свои расходы до небывалых нигде цифр» (5, 2). По данным «Записки...» сборы усиливались с каждым годом и были неоправданным бременем для заводчиков. Данное обстоятельство заставило авторов всесторонне рассмотреть последствия и результаты земской реформы.

Я.В. Абрамов предложил вниманию читателей книгу «Что сделало земство, и что оно делает», посвященную двадцатипятилетней деятельности земских учреждений (1). Характерной особенностью его научных изысканий явилась публикация (в начале каждой главы) списка использованных материалов и источников. Основное внимание автор уделил реализации и последствиям земской реформы в области народного здоровья, народного образования, экономического положения населения, а также земским инициативам и законодательной базе земских учреждений. Наряду с фактическим материалом общероссийского значения в монографии присутствуют данные по Уралу.

Обобщающий характер носит работа С.И. Шидловского (13), посвященная земским учреждениям 34 губерний Европейской России. Его труд посвящен изложению соображений местных Комитетов о значении земства, земском представительстве, мелкой земской организации. Работа ценна тем, что автор использовал все многообразие письменных источников, которые были ему доступны: от журналов заседаний земских управ до разного рода записок и писем. При этом сами участники событий тех лет обретают видимые очертания, так как соображения, приводившие комитеты к тем или иным заключениям, а также высказанные в заседаниях возражения изложены исследователем в почти дословных выписках из источников. Такой способ подачи фактов обеспечил точ-

ность изложения материала и позволил С.И. Шидловскому сравнить характер излагаемых соображений в комитетах различных губерний. Нам его работа важна тем, что существенное внимание он уделил в ней земствам Урала.

Вопрос о земской реформе 1864 г. на Урале и введении земских учреждений на окраинах Российской империи рассмотрел Т.И. Тихонов (11). Он указывал, что нельзя противопоставлять деятельность администрации и земств. По его мнению, они должны действовать совершенно самостоятельно и независимо друг от друга под надзором и контролем общества и правительства. Тем самым историк подчеркивал естественность развития деятельности земских учреждений путем ее поощрения и постепенного расширения. Совершенно справедливым было его замечание о том, что вмешательство представителей местной администрации парализует земскую деятельность.

В 1914 г. земские учреждения в России отмечали свой пятидесятилетний юбилей. Осветить итоги пятидесятилетней деятельности земства попытался В.Е. Трутовский (12). По его мнению, земство 1864 года было всеобщим. Анализируя состав гласных по Уралу, историк пришел к выводу, что в уездах число гласных-крестьян только в незначительной степени уступало числу гласных-дворян, а разночинцы были в меньшинстве. В земствах «не губернских», по его мнению, почти полная гегемония принадлежала дворянам – помещикам, несмотря на то, что, соединившись вместе, крестьяне и разночинцы могли бы провести своих кандидатов. Исследователь объяснял это главным образом безличностью большинства крестьян-гласных и индифферентностью разночинцев. Так обстояло дело в течение 26 лет, пока земское положение не было изменено в 1890 г. коренным образом. Земство из всеобщего состояния превратилось в сословное.

История введения земских учреждений на Урале нашла свое отражение и в коллективной работе Г.Е. Львова и Т.И. Полнера (7). Вне всякого сомнения, данная работа для своего времени являлась одной из лучших, поскольку не каждая книга способна была выдержать 12 изданий. Работа написана простым и доступным языком. Уральские земства привлекли внимание авторов благодаря тому, что они были одними из первых земств России, которые активно помогали крестьянскому населению в земледелии. Особенное внимание исследователи уделили Пермской агрономии. Они пришли к выводу о доходности и перспективности института земских агрономов на Урале.

Отдельные сюжеты, посвященные проблемам земских учреждений на Урале, освещаются в «Вестнике Уфимского земства» и в «Сборниках Пермского земства» (3). Губернский предводитель дворянства А.А. Новиков в своей работе (10) приводит некоторые данные о социальном составе земских учреждений края. В.Е. Игнатьев попытался оценить деятельность земств в области народного образования. Он пришел к выводу, что некоторые земства Уфимской губернии довольно прохладно относились к народному образованию (6). Примерно такой же точки зрения придерживался уже упоминаемый нами ранее Б.Б. Веселовский в своей обобщающей работе «История земства за 40 лет».

Наличие историографических источников показывает, что отечественная дореволюционная либеральная историография истории земских учреждений на Урале не так многочисленна, как историография других проблем пореформенного Урала, в частности отмены крепостного права в крае. Основным мотивом публикаций либеральных историков было отстаивание неприкосновенно-

сти реформы земского самоуправления 1864 г., самостоятельного всеобщего местного самоуправления, дальнейшего углубления и расширения компетенции земств. Авторы акцентировали внимание на хозяйственных заслугах и неудачах земства, доказывали лояльность земских органов по отношению к администрации. Идеализация деятельности земств и их организации по «Положению» 1864 г. (после принятия закона 1890 г.) стала основной чертой либеральной историографии.

Список литературы

1. Абрамов Я.В. *Что сделало земство и что оно делает.* – СПб., 1889.
2. Веселовский Б.Б. *История земства.* – СПб., 1909-1911. – Т.1-4.
3. *Вестник Уфимского земства. 1879 год. Вып.1-6.* – Уфа, 1879; *То же. 1880 год. Вып.1-3,6.* – Уфа, 1880; *То же. 1881 год. Вып.1-7.* – Уфа, 1882. *Сборники Пермского земства.* – Пермь, 1872-1899.
4. Дмитриев А.А. *Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. Первый опыт краткого изложения истории Перми.* – Пермь, 1889. – С. 281-315.
5. *Записка горнозаводчиков о земском деле в Пермской губернии.* – СПб., 1887.
6. Игнатьев В.Е. *Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном корпусе за 25-летие существования.* – Оренбург, 1901. – Вып. II.
7. Львов Г.Е., Полнер Т.И. *Наше земство и 50 лет его работы.* – М., 1916.
8. Митинский А.Н. *Горнозаводской Урал.* – СПб., 1909.
9. Мордовцев Д.Л. *Десятилетие русского земства (1864-1875 гг.).* – СПб., 1877.
10. Новиков В.А. *Сборник материалов по истории Уфимского дворянства.* – Уфа, 1879.
11. Тихонов Т.И. *Земство в России и на окраинах.* – СПб., 1907.
12. Трутовский В.Е. *Современное земство.* – Пг., 1914.
13. Шидловский С.И. *Земство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России.* – СПб., 1904.

А.В. Коняхин

Курганский государственный университет, г. Курган

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПРОЕКТОВ СОЕДИНЕНИЯ СИБИРСКИХ РЕК С ЕВРОПЕЙСКИМИ

Географическая близость многих притоков разветвленных речных систем Сибири и Европейской России позволяла населению устраивать волоки через водоразделы. Перевал через Урал был, конечно, самой трудной частью пути. «Камень», грандиозная горная цепь, вершины которой в «облака не видети, а коли ветрено, ино облака раздирает, а длина его от моря и до моря», пугал своей неприступностью, дикостью: «Место пустое, а жилецких людей на Камени нет» (1, 85; 2, 156).

Пути по Печоре и ее притокам обслуживали главным образом промышленные нужды населения русского Поморья. Другой, имеющий более важное значение для присоединения Сибири путь, – рекой Камой и ее восточными притоками. Корни Камского пути уходят в древность. Но только после падения Казанского царства русские встали твердой ногой на Каме и ее притоках.

Несколько путей вело с Камы за Урал. В XV – XVI вв. наиболее известен был путь «от Соли Камской мимо Чердынь Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву – реку, да Лозьвой вниз в Тавду, да Тавдою вниз до Тобола реки» и далее по Иртышу и Оби. Этот путь имел то преимуще-

ство, что он был тесно связан с Вычегдой и Печорой. Путь Камою и Вишерою мимо Чердыни стал доступен русским после присоединения Перми в 1472 г. Уже в 1483 г. этим путем ходили русские воеводы против пельымских манси походом.

Значение Чердынского пути утратилось с открытием Артемием Бабиновым в 1597 г. более короткого пути от Соли Камской на верховья Туры (3, 10-11).

Другой путь с Камы за Урал шел по ее притоку Чусовой до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Тагильского волока, волоком в 25 поприщ на реку Жаравля, из Жаравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил, из Тагила в Туру (1, 95).

В XVII в. путь по Чусовой шел, однако иначе, чем в 80-х годах XVI в., когда им воспользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Утки, близ устья которой в Чусовой (Уткинской) слободе высаживались и продолжали путь сушею на реку Режь, далее вдоль Режи через слободы Аятскую и Арамашевскую на реку Нейву и Невьянскую слободу, откуда дальше водным путем по Нице спускались до Тюмени.

Необходимо отметить, что чрезкаменный водный путь был сопряжен со многими трудностями и даже опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам, нередко «тесными речками». Вот как описывал свои впечатления от путешествия на пути в Китай И.Идес в конце XVII в.: «16 мая пошли мы вверх по небольшой узкой реке Чусовой... Здесь нами вновь овладело беспокойство, поскольку упомянутая река в определенное время выходит из берегов, а мы как раз были на ней в это самое время, и разлилась она так, что затопила все берега. Наши суда много раз задевали верхушки деревьев: глубина реки внушала нам большой страх, так как в случае быстрого спада воды мы бы все погибли... Грести мимо каменных скал было не столько опасно, сколько невозможно, так как течение несло нас с такой быстротой от утесов, с такой силой и бешенством, что мы чувствовали себя как будто посредине великого океана...» (6, 58-59).

Интерес к возможному созданию водного пути из европейской России в азиатскую проявлен был еще в XVIII в. Российский естествоиспытатель академик П.С.Паллас, руководивший в 1768–1774 г. большой экспедицией в Оренбургский край и Сибирь, посетивший в 1770 г. Черноисточинский завод, остановился на возможности соединения через Черное озеро, реку Черную, впадающую в Тагил, с Чусовой по притокам Висиму и Шайтак. По мнению Палласа «сие есть единое из всех способнейших мест, где бы возможность соединения сибирских рек с российскими испытать надлежало» (4, 7; 5, 45А).

В 1798 г. ставился вопрос о соединении речных систем европейской и азиатской России посредством сооружения канала между Чусовой и Исетью. Автором этой идеи выступил адмирал О.М.Дерибас. В отзыве на поданную им записку указывалось на нецелесообразность предполагаемых работ (из-за гористости местности) по рекомендованному направлению.

В 1804 г. старший леоописатель капитан-лейтенант Веселый предложил два варианта соединительного пути в районе северного Урала. Со стороны Иртыша оба варианта предусматривали использовать последовательно реки Тобол, Тавду, Сосьву, Вагран. От водораздела в сторону Камы путь, согласно первому варианту, проходил по Улсе и Вишере, а согласно второму – по Сурье, Улсую, Язве и Вишере. Проект вызвал интерес. Начались изыскания, но нивелировка не дала положительных результатов. Также был оставлен без внимания путь, по которому Ермак прошел в Сибирь.

В 1806 г. горный инженер Дерябин предложил еще

один вариант соединения рек Чусовой и Туры по их притокам – Серебрянке, Баранче, Кушве. Однако эта идея даже не была рассмотрена, так как содержала фантастический для того времени элемент – устройство 10-верстного туннеля через Уральский хребет.

Государством даже не предпринимались попытки сделать искусственные соединения речных систем. Частная инициатива в этом отношении не принималась во внимание. Имеется свидетельство, что в начале XIX в. тобольский купец Крылов добивался разрешения за собственный счет прорыть канал между Кетью и Енисеем с правом монопольного владения им в течение 60 лет. Но ему в этом было отказано.

Еще об одной попытке известно гораздо больше. В 1815 г. купец Зотов, управляющий заводами Яковлева на Урале, начал строительство канала между Чусовой и Решеткой, впадающей в Исеть. Уже был прорыт участок канала длиной 2 версты и шириной в сажень (2,13 м), когда местная администрация остановила работы до выяснения возможных последствий сооружения. Инженер-поручик Гермес, командированный на место, признал расчеты Зотова правильными. Проект предусматривал создание плотины со шлюзом на Чусовой для того, чтобы через канал подавать воду в Решетку (4, 28). Но Совет управления водяных и сухопутных сообщений, рассматривавший дело в октябре 1816 г., проявил чрезмерную осторожность, и дело заглохло.

Вопрос о создании непрерывной водной сети был поднят вновь в 1832 г., когда генерал-майор Паренцов, будучи на Урале, обнаружил проект Зотова по соединению Чусовой и Решетки. Проект был представлен Военному министерству. Затем он рассматривался Советом Главного Управления ПС и публичных зданий. 27 января 1838 г. последовало указание о новом «надлежащем исследовании», которое проводил инженер – майор Термен. Отдавая распоряжение, Главное Управление имело в виду два связанных между собой замысла: соединить системы Камы и Иртыша по их притокам Чусовой и Исети, улучшить водный путь, ведущий к Ирбиту по Ирбиту, Нице, Туре и Тоболу. Термен счел проект купца Зотова неудобным из-за наличия множества заводских плотин на Исети. Исследования на местности проводились долго. Сравнение затрат на строительство соединительного пути (около 30 млн руб.) и объемом товарооборота между европейской Россией и Сибирью (17,5 млн руб.) удерживало власти от дальнейших изысканий. Предлагалось изыскания «отложить до времени, когда промышленность сибирского края усилится и укажет надобность в этом соединении». В этой формуле заключалась позиция государства в целом к вопросу об отношении к речному транспорту региона.

Позднее так называемых предположений, или замыслов, идей межбассейновых соединений сибирских рек между собою и с реками Европейской России высказывалось немало. Разумеется, изысканий, проводившихся в этой связи, а тем более проектов было гораздо меньше, попытки же их реализации единичны. Тем не менее, эта деятельность вызывает интерес не просто как часть исторического прошлого. Она отражает определенную сторону исторического опыта в освоении Зауралья, показывает последовательное накопление знаний по топографии, гидрологии, гидрографии.

Список источников и литературы

1. Бахрушин С.В. *Научные труды*. - Т.3. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
2. Беляков А.А. *Внутренние водные пути России в политической истории конца XIX – начала XX века // Отечественная история*. - 1995. - №2.
3. Бирюков М.П. *Краткая Першинская летопись (с. Першинс-*

- кое Далматовского района Курганской области). - Ч.1. - Свердловск, 1976.
4. Житков С.М. Проекты соединения водных путей России. - Спб., 1908.
  5. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ), ф.473, оп.1, д.1725.
  6. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). - М., 1967.

С.В. Батуев

Куртамышский краеведческий музей
им. Н. Д. Томина, г. Куртамыш

КОМЕНДОР ИВАН КОБЛОВ

Иван Николаевич Коблов родился 4 января 1879 года в д. Кузьминовка Куртамышского уезда. Крестьянская семья Кобловых, состоявшая из 11 человек, жили неважно. Двое братьев жили в батраках. С 8 лет стал батрачить у богатого односельчанина Лазаря Булатова и Иван. В 18 лет отец женил Ивана, а вскоре и сам, после смерти жены, привел другую, да еще с четырьмя детьми. Из-за женитьбы отца Иван с ним поругался. И через год с женой и ребенком ушел от отца жить отдельно, в купленную за 28 рублей избенку (1).

Осенью 1900 года Ивана взяли на военную службу. В кавалерию он не пошел – весил много: пять пудов и тридцать фунтов. Определили в моряки и отправили в Кронштадт. После четырехмесячной учебы в четвертом флотском экипаже он был назначен в учебную артиллерийскую команду. После окончания учебы Ивану Коблову было присвоено звание комендора. Во время смотра ему посчастливилось встретиться с императорами двух великих держав – Вильгельмом и Николаем II, которые обходили русские корабли, и от Вильгельма он даже получил 2 рубля. А удачная стрельба по учебным мишеням свела его с адмиралом С. О. Макаровым, находившемся в то время на корабле.

Вот как вспоминал об этой встрече сам Иван Николаевич: «Степан Осипович подошел ко мне, потрепал по плечу и сказал:

- Молодец ты, братец! Хорошо стреляешь!

Я на радостях из всей мочи гаркнул:

- Рад стараться!!!

Адмирал даже уши зажал:

- Этак ты оглушить меня можешь!

Плез в карман, вынул два серебряных целковых и протянул мне:

- За усердие!»

В 1902 году через Одессу, Сингапур и Гонконг на корабле «Россия» Иван Коблов оказался под крепостью Порт-Артур. Получив назначение на крейсер «Севастополь», он стал комендором двух шестидюймовых пушек. Здесь и застала Ивана Коблова война. В ночь на 27 января 1904 года, без объявления войны, японские миноносцы напали на русскую эскадру. «Японец стрелял, а мы отстреливались. 31 марта выходили эскадрой в море, «Петропавловск» налетел на клотик (мину). Из 880 человек только сорока удалось спастись». Вместе с командой погиб и адмирал Макаров. «Когда мы об этом узнали, многие матросы плакали. И я не удержал слез, потому что был Степан Осипович нашему брату вместо отца родного...» (2).

После блокады Порт-Артура с суши положение русских стало катастрофическим. «Ходили около Порт-Артура на подбитие японских крепостей. Нарвались на мину. Стали под «Белый Волк» и там были до сдачи. Перед сдачей утром рано утопили на 22 сажени свой корабль. Выплыли на берег». Вскоре Иван Николаевич заболел

цингой, и после сдачи Порт-Артура вместе с другими пленными оказался в Японии. В деревне Хамадера содержалось 10 тысяч пленников, которые жили в бараках по 200 человек. «После подписания 23 августа 1905 года мирного договора нас стали отпускать с переводчиками по ресторанам. Вскоре начали отправлять домой. Во Владивостоке нас встретили как арестованных – с винтовками. Погрузили скорее на поезд, и дальше. В Челябине уже сошли. 13 января 1906 года пришел домой» (3).

О боевых подвигах комендора Коблова свидетельствовали его награды: Георгиевские кресты II, III, IV степеней, а также серебряная медаль, присланная уже после войны на Куртамышское волостное правление. Еще во многих событиях страны и края принял участие И. Н. Коблов, но это уже другая история.

Примечания

1. Материалы Куртамышского краеведческого музея им. Н. Д. Томина. Основной фонд № 1007 (3).

2. Воробьев В. Две встречи с адмиралом Макаровым // Новый мир. -1960. - 10 января.

3. Материалы музея им. Н.Д. Томина.

Е.В. Коваль

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

ВДОВСТВУЮЩИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

На протяжении XIX – начала XX в. в Российской империи всего четыре женщины имели титул вдовствующей императрицы. Мария Федоровна (супруга Павла I) носила этот титул 27 лет (1801-1828 гг.), Елизавета Алексеевна (супруга Александра I) – 6 месяцев (ноябрь 1825 – май 1826 гг.), Александра Федоровна (супруга Николая I) – около 5,5 лет (1855-1860 гг.), Мария Федоровна (супруга Александра III) – 34 года (1894-1928 гг.).

В «Учреждении об императорской фамилии», изданном Павлом I в 1797 г., прописано положение и содержание каждого члена императорского дома, в том числе и вдовствующих императриц. В § 46 Учреждения отмечается: «Все вообще остающиеся, по кончине своих мужей в вдовственном состоянии удерживают титул, место и либерю, принадлежащая их мужьям; супруга же Государя, буде вдовою останется, пользуясь всеми преимуществами, имеет еще и председательство перед Супругою Царствующего» (3, 531). Так устанавливалось некое преимущество положения при выходах и официальных церемониях вдовствующей императрицы по сравнению с супругой царствовавшего императора. Это следовало из § 36 Учреждения: «В собраниях и во всяких подобных сему случаях, после Императора и Императрицы, Великие Князья и Великие Княжны, также Князья и Княжны крови Императорской, имеют первыя места; а председательство между собою наблюдают старшинство родов, в родах старшинство лиц» (3, 530).

Согласно Учреждению, императрица во время царствования супруга получала из государственной суммы по 600000 рублей в год, а также средства на содержание ее двора (3, 536), а во вдовственном положении «оставляет при ней все приобретенное движимое и недвижимое имение, положенное по сему установлению, годовую сумму и содержание Двора, на все время пребывания Ея в земле Нашей». Данный законодательный акт признавал, что вдовствующая императрица «движимым и недвижимым имением располагает по собственному своему соизволению; ежели ж умрет, не сделав оному распорядка, в таком случае то все имение поступает в

наследство дочерям и меньшим сыновьям по закону. Престолом владеющий в наследстве не участвует» (3, 536). Если бы вдовствующая императрица решила выехать из государства на постоянное место жительства «все движимое свое имение берет с собою, а недвижимое отдает или продает, кому за благо разсудит и во всех местах, где б ни была, получает из вдовья половину определенного» (3, 536). Однако данное учреждение не было применено на практике, так как ни одна из вдовствующих императриц Дома Романовых после кончины супруга не решилась покинуть Россию. Это не относится к императрице Марии Федоровне (супруге Александра III), эмигрировавшей за границу после крушения самодержавного строя и Российской империи.

В Учреждении имеется примечание относительно содержания императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I): «Хотя Супруга Наша по особому Нашему установлению и получает ежегодно миллион рублей; но сие по тому, что Она советом и согласиём Своим, помогла Нам утвердить на пребудущия времена тишину, спокойствие и блаженство государства, в образе и порядке Наследства, следственно фамилии Нашей: чем Мы Ей, как виновнице блаженства сего, и одолжены» (3, 536). Мария Федоровна получила большее содержание после кончины супруга. Вдовствующая императрица, по положению, должна была получать 200000 рублей карманных денег, но император Александр I просил мать принять миллион. Мария Федоровна довольно скромно расходовала получаемые средства. Из этого миллиона она тратила на свои прихоти и туалет только 17000. Все прочее раздавалось бедным, а прежде всего она составляла капитал на свои заведения. Великим князьям она имела привычку дарить по 10000 р. на именины; но в 1812 г. она приостановила на год свои подарки, представляя на вид, что нужно помогать раненым и сиротам (2, 15). Императрица Мария Федоровна еще при жизни супруга уделяла большое внимание благотворительности и просвещению, положив собственным примером традицию, которая окончательно определила род занятий женской половины императорской фамилии. Взяв под свое личное руководство и покровительство основанных Екатериной II благотворительных учреждений призрения, в дополнение к ним она создала целый комплекс учебно-воспитательных, медицинских и «богаделенных» благотворительных учреждений, названный после ее кончины в ее честь «учреждениями императрицы Марии» или «Ведомством учреждений императрицы Марии» (6, 13). Мария Федоровна лично руководила подведомственными ей благотворительными учреждениями: составляла учебно-воспитательные программы, занималась правовыми, административно-хозяйственными, финансовыми и кадровыми вопросами, связанными с этими учреждениями (6, 33). Марией Федоровной были сделаны наиболее значительные пожертвования подведомственным учреждениям из всех представительниц императорской фамилии. Историк А.А. Хитров отмечает, что по данным «Сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии», вышедшего в трех томах в 1884-1898 гг., на 1884 г. ее пожертвования исчислялись в 1241478 рублей серебром и еще 515389 рублей ассигнациями. Для сравнения пожертвования супруги Александра I Елизаветы Алексеевны по исчислению на 1884 г. составляют 1510597 рублей ассигнациями (6, 31).

С 19 ноября 1825 г. по 4 мая 1826 г. в Российской империи имели титул вдовствующей императрицы сразу две представительницы Дома Романовых: Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Однако Елизавета Алексеевна носила этот титул недолго, по причине слабого здоровья, которое усилиями врачей поддерживалось еще

до кончины императора Александра I, а после внезапной смерти супруга ее болезнь только прогрессировала. В результате она даже не сопровождала траурную процессию в Санкт-Петербург, оставаясь в Таганроге до апреля 1826 г. Скончалась Елизавета Алексеевна в возрасте 47 лет в г. Белеве, по дороге в Санкт-Петербург. Елизавета Алексеевна говорила, что «не привезла с собой в Россию ничего и потому ничем распорядиться не может» (4, 446), исходя из таких соображений завещания она не оставила.

Вдовствующая императрица Александра Федоровна (супруга Николая I) продолжала благотворительную традицию, но ограничивалась только представительскими функциями, посещая вместе с супругом женские институты. В 1830 – 1850-е гг. императрица болела, что накладывало определенный отпечаток на уклад жизни императорской четы. Врачи рекомендовали сменить климат и императрица долгое время лечилась за границей (в Эмсе, Ницце, Сицилии, Неаполе, Флоренции), но принятые меры не давали ей возможности окончательно поправиться. Так же в случае с Елизаветой Алексеевной, внезапная кончина супруга Александры Федоровны, императора Николая I, пошатнула и без того слабое здоровье императрицы. По настоянию врачей зиму 1857 г. она провела в Ницце и Риме, а в 1859 г. прошла курс лечения в Эмсе (Германия) и отдыхала в Швейцарии. Возвратившись в Россию, вдовствующая императрица, не переставая болеть, умерла в возрасте 62-х лет. Несмотря на то, что положение вдовствующих императриц Дома Романовых, согласно «Учреждению об императорской фамилии» Павла I, было наиболее почетным, ни Елизавета Алексеевна, ни Александра Федоровна не смогли в полной мере воспользоваться преимуществами подобного положения.

В 1886 г., вследствие разрастания фамилии, Александром III было изменено павловское Учреждение. Сокращались выплаты членам императорской фамилии и число лиц, пользовавшихся титулами великий князь, великая княжна, князь и княжна императорской крови. Урезано было и пособие императрицы, которая теперь должна была получать ежегодно только 200000 рублей, не считая содержания двора (6, 9-10). Однако последняя российская вдовствующая императрица не бедствовала. Император Николай II сохранил за матерью все привилегии и привилегии, принадлежавшие ей ранее. Мария Федоровна получала также возможность сохранить за собой прежние резиденции и двор, содержание которых новый монарх принял на свой счет. В первые годы царствования Николая II она имела огромное влияние на него, давая советы в делах управления государством. Прежде такие вопросы ее нисколько не интересовали, теперь же она считала своим долгом в них вмешиваться (1, 238). Вдовствующая императрица разделила взгляды своего старшего сына на морганатические браки представителей Дома Романовых (Кирилла Владимировича, Михаила Александровича и др.), однако не всегда соглашалась с формой наказания для провинившихся. Вдовствующая императрица позитивно оценивала идею создания Думы, так как интуитивно понимала, что это одно из средств выхода из политического кризиса.

Что касается благотворительности, то Мария Федоровна стремилась к сохранению Ведомства учреждений императрицы Марии как самостоятельной и независимой от государственного контроля структуры, хотя глубоко не вникала в жизнь подведомственных ей учреждений. «Руководство благотворительностью, – считает А.А. Хитров, – было для Марии Федоровны важным делом и по причинам личного характера. Хорошо известно, что она недоброжелательно относилась к невестке – императрице Александре Федоровне. Существовало нео-

фициальное соперничество между двором Марии Федоровны и императорским двором. (...) Управление учреждениями императрицы Марии являлось для Марии Федоровны свидетельством ее самостоятельности и независимости. О том, чтобы уступить руководство Александре Федоровне, не могло быть и речи» (6, 39). Под ее покровительством находились также Российское Общество Красного Креста, Императорское Общество спасения на водах и др. Во время первой мировой войны вдовствующая императрица организовала госпитали в Москве, Киеве и Тифлисе, два военно-санитарных поезда на 100 и 400 человек, 5 лазаретов, перевязочно-питательный отряд, санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров, убежище для увечных воинов при Максимилиановской лечебнице. Помимо этого со склада Аничкового дворца на фронт отправлялись теплые вещи, белье, табак, съестные припасы, образки, Евангелие, и пр. (5, 30).

Таковыми остались в истории четыре вдовствующие императрицы Дома Романовых. Две из них (Елизавета Алексеевна и Александра Федоровна) не смогли смириться с потерей любимых супругов, последовав через короткое время за ними. А обе Марии Федоровны, прожив долгую жизнь, старались быть достойными своих царственных супругов, влияя на политические решения своих сыновей-императоров и проявляя заботу о русском народе.

Список литературы

1. Воррес Й. *Последняя Великая Княгиня // Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. - СПб., 2003.*
2. *Из записок Марьи Сергеевны Мухановой (Фрейлины Высочайшего Двора). - М., 1878.*
3. ПСЗ-I. Т. XXIV.
4. Федорченко В.И. *Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. - Красноярск, - М., 2003. - Т.1.*
5. Федорченко В.И. *Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. - Красноярск, - М., 2003. - Т.2.*
6. Хитров А.А. *Дом Романовых и благотворительность. Вторая половина XIX – начало XX вв.: (по материалам Санкт-Петербурга и Петербургской губернии). - Калининград, 2004.*

Ю.Н. Кряжев

Курганский государственный университет, г. Курган

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ II И ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

К дворянству и чиновничеству по роду занятий и близости к императорской власти в России примыкало духовенство. В начале XX в. оно представляло собой относительно небольшую, но весьма влиятельную группу населения России: православное, инославное (римско-католическое, протестантское, армяно-григорианское) и нехристианских исповеданий, среди которых выделялось мусульманское и иудейское духовенство.

Однако подлинно государственной религией выступало православие. Православная церковь пользовалась мощной поддержкой императора Николая II и являлась носителем и проводником официальной идеологии, так как фактически находилась на государственной службе Святейшего Синода, своеобразного «министерства духовных дел», нередко осуществляя эту службу совместно с государственными служащими - гражданами и военными. Православное духовенство России имело свою

систему рангов (санов) и титулов, как частных, так и общих. Духовенство делилось на черное (монашеское, принимавшее целибат - обет безбрачия) и белое.

Духовенство (вместе с семьями) составляло особое привилегированное сословие со своей системой прав и обязанностей. Принадлежность к этому сословию была несовместима с принадлежностью к дворянству. По количеству имевшихся привилегий лица духовного звания шли сразу же после дворянства.

На представителей белого православного духовенства, как и на их коллег по другим конфессиям, кроме отправления религиозных треб для населения, возлагался ряд функций, выходящих за рамки их сугубо культовых обязанностей. Они вели регистрацию рождений, браков и смертей. Священники преподавали обязательный закон божий школьникам и богословие студентам (межфакультетская кафедра богословия была обязательной в каждом высшем учебном заведении). Духовенство использовалось Николаем II для сыска по совершенным политическим преступлениям при помощи исповеди; оно увещевало восставших крестьян, сопровождало смертников на эшафот.

Удельный вес духовенства России в начале XX в. от нижних звеньев до самых высших по отношению ко всему населению составлял всего 0,7%, в том числе православного - 0,5%. В относительно большем количестве духовенство было в обеих столицах: в Петербурге - 0,6%, в Москве - 1,2%. Если все духовенство региона принять за 100%, то православного насчитывалось 95,3%, других христианских конфессий - 1,9%, нехристианских конфессий - 2,8% (1).

Данные о количестве православных, вероятно, преувеличены, других вероисповеданий - преуменьшены. Например, по некоторым сведениям, было сильно занижено число старообрядцев и всякого рода сектантов, которые обычно старались избежать переписи или скрывали свое «верование», считая невозможным при существовавших условиях открыто заявлять о своей религиозной принадлежности во избежание преследований. У нерусских народностей, где порой проводилась принудительная христианизация, многие местные жители вынуждены были записываться «православными», хотя таковыми не являлись. Так, статистика искусственно завышала число православных и занижала представителей других вероисповеданий. Это обстоятельство проливает свет на соотношение православного духовенства и православных прихожан России.

Отметим, что численность духовенства России в 1900-х гг. постепенно возрастала, хотя и не так быстро, как население. С 1897 по 1902 г. численность священнослужителей возросла с 62 тыс. человек до 70, хотя для черного духовенства отчет обер-прокурора Святейшего Синода, по-видимому, дает уменьшенные цифры сравнительно с теми, какие дала перепись 1897 г. Белого духовенства в 1902 г. насчитывалось: протоиереев - 2,3 тыс. человек, священников - 44,5 тыс. человек, дьяконов - 15,0 тыс. человек, псаломщиков - 43,5 тыс. человек, всего - 105,3 тыс. человек. К 1908 г. последний показатель вырос до 107,0 тыс., в том числе священников - св. 48,0 тыс. (против 44,5 тыс. - в 1902 г.).

Черного духовенства в 1902 г. числилось 15,1 тыс. мужчин и 43,0 тыс. женщин (почти втрое больше женщин, чем мужчин), оно размещалось в 500 мужских монастырях и в 362 женских, всего - 862 (считая, в том числе архиерейские дома и подворья). По отчету обер-прокурора Святейшего Синода выходит, что численность черного духовенства с 1897 по 1902 г. уменьшилась, и это уменьшение становилось еще более очевидным в последующие годы: так, в 1908 г. было 9,3 тыс. монахов и 8,3 тыс.

послушников, всего 17,6 тыс. человек; 12,6 тыс. монахинь и 40,3 тыс. послушниц, всего 52,9 тыс. человек, причем общее количество монастырей равнялось 923. Между тем в 1903 г. монахов было 17,6 тыс. человек, то есть намного больше (2). Впрочем, это замедление и даже прекращение роста мужских монастырей не относится к женским, число которых продолжало увеличиваться вместе с увеличением количества монахинь.

К 1917 г. численность населения 647-ми православных монастырей только в Центральной России составила 74,1 тыс. чел. обоего пола, в том числе монашествующих 33,1 тыс. человек, послушников 41,0 тыс. человек. Распределение монастырей и монашествующих по районам выглядело следующим образом. В Северо-Западном насчитывалось: 131 монастырь, 6,6 тыс. человек, населявших их, включая 1,5 тыс. монашествующих и 5,1 тыс. послушников; в Центрально-Промышленном соответственно - 268, 24,2 тыс., 6,5 тыс., 17,7 тыс.; в Центрально-Земледельческом - 157, 33,1 тыс., 22,5 тыс., 10,6 тыс.; в Поволжском - 91, 10,1 тыс., 2,6 тыс., 7,5 тыс. Всего в России в это время насчитывалось 1,2 тыс. мужских и женских монастырей, 107,0 тыс. человек обоего пола, населявших эти монастыри, в том числе 33,6 тыс. монахов и монахинь и 73,5 тыс. послушников и послушниц (3).

Самый многочисленный слой монастырского населения составляли послушники и послушницы - лица, готовившиеся к вступлению в монашество. Однако основным (по значению) слоем были монахи и монахини, составлявшие особое сословие, статус которого определялся как гражданским (светским) законодательством, так и церковной регламентацией. Монашествующие подразделялись на три степени: первоначальные, малосхимники и великосхимники. Степени отличали монашествующих по строгости обетов, которые состояли в добровольном ограничении монашествующего в пище, одежде, постели, количестве молитв и поклонов - земных и поясных.

Основную массу монашествующих и послушничавших в православных монастырях России составляли выходцы из крестьян и городской бедноты, преимущественно крестьянки. Если крестьянская девушка до 25-летнего возраста не выходила замуж, то она получала презрительное название «вековуха» и оказывалась вне нормального течения крестьянской жизни. По-видимому, «вековухи» составляли значительную, если не главную массу монастырских послушниц. Кроме того, в монашество уходили многие бездетные вдовы, судьба которых также была жалкой и беспросветной. Сюда же надо причислить немалое число бесприданниц, которые не хотели идти замуж в чужие бедные семьи и предпочитали монашеское бытие.

Православное духовенство в церквях и монастырях в начале XX в. имело сложную структуру, из которой условно можно выделить высшее, среднее и низшее духовенство. Высшие церковные иерархи приближались по своему социальному и материальному статусу к верхам правящих слоев. Как правило, они происходили из черного духовенства, сосредоточенного в основном по монастырям, где накапливались огромные богатства. Некоторые монастыри были настоящими латифундистами. Они являлись также крупными лесоторговцами, домовладельцами и рантье. Многочисленные богомольцы, стекавшиеся в наиболее чтимые монастыри, приносили им огромный доход. По своему экономическому строению монастырское хозяйство было однородным с помещичьим хозяйством, претерпевавшим медленный и затяжной процесс эволюции к новым формам.

Белое духовенство в целом было обеспечено не столь хорошо, как черное, но и среди приходских священнослужителей существовал довольно зажиточный слой. Наи-

более богатой частью белого духовенства было городское; по уровню доходов оно примерно соответствовало верхушке интеллигенции и средних предпринимателей. Сельское духовенство было менее обеспеченным, нежели городское, хотя и было более многочисленным. Это объясняется небольшим размером или полным отсутствием казенного жалованья, бедностью крестьянского населения и растущим земельным утеснением, влиявшим на величину церковных наделов.

Распределение церковной земли между членами причта (священником, дьяконом и псаломщиком) строилось так, что наибольшая часть надела приходилась на долю священника. Чаще всего земля обрабатывалась наемными работниками или отдавалась в аренду, иногда возделывалась самими членами причта. Кроме земли, важным источником дохода духовенства являлась плата за требоисправления (крещение, венчание и пр.). Устанавливались также различные сборы с прихожан.

Низший сельский клир (дьяконы и псаломщики), наименее обеспеченные слои духовенства, по уровню доходов приближался к среднему крестьянству, доход же сельских священников примерно соответствовал доходам зажиточной части деревенского населения. Такое положение способствовало тому, что в целом сельское духовенство стояло ближе к своей пастве, нежели городское. Этим обстоятельством, а также меньшей общей развитостью крестьянского населения объясняется тот факт, что сельское духовенство, по сравнению с городским, оказывало большее влияние на прихожан. Но в свою очередь и прихожане оказывали влияние на священнослужителей. Однако среди сельского духовенства стала выделяться верхушка, ставшая на путь активного обогащения.

Значительные различия в правовом и имущественном положении отдельных групп духовенства порождали в нем противоречия. Наиболее сильными были противоречия между черным и белым духовенством, между иерархами, рядовыми священнослужителями и низшим клиром. Традиционная структура русской православной церкви в начале XX в. начинала испытывать дезинтеграционные процессы.

Примечания

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2241. Л. 420–421; Ф. 797. Оп. 75. Д. 177. Л. 7–8 об.; Д. 461. Л. 1; Оп. 76. Д. 10. Л. 563; ОР РГБ. Ф. 234. П. 7. Д. 1. Л. 76 об.
2. Там же. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1398–1399; Д. 4011. Л. 20; Д. 5722. Л. 1; Ф. 776. Оп. 1. Д. 18. Л. 30–30 об.; Ф. 797. Оп. 94. Д. 245. Л. 2; Ф. 807. Оп. 2. Д. 1324. Л. 151; ОР РГБ. Ф. 174. К. 92. Д. 73. Л. 2 об.; Ф. 230. П. 10802. Д. 5. Л. 33; Д. 29. Л. 19.
3. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 27. Д. 1389. Л. 231; Ф. 1235. Оп. 7. Д. 13. Л. 7 об.

Л.А. Евдокимов

Курганский государственный университет, г. Курган

ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ

Судьба моего прапрадеда Терентия Евдокимова и его семьи, жившей в XIX в. в Псковской губернии, Пикалинской волости, в деревне Кобылина, да и всего рода Евдокимовых, была предопределена реформой в государственной деревне генерала П.Д. Киселева. Главным вопросом преобразований Киселева был вопрос о земле. Он волновал миллионы государственных крестьян в различных районах европейской части страны, но особенно в Псковской, Смоленской и некоторых других губерниях. В 1843 г. средний душевой надел в Псковской

губернии составлял 2,8 десятины (16, 209). На большей части территории губернии земля была малопродуктивной. Крестьяне страдали от недостатка сенокосов и выгонов, отсюда слабое развитие скотоводства и плохое унаваживание почвы. Наиболее распространенной была трехпольная система полеводства, но сохранялась перелога и подсека. При подготовке земли к севу использовались примитивные землевладельческие орудия: одноконная соха и легкая деревянная борона; при уборке урожая - коса, серп, цеп. Как следствие, псковские крестьяне получали низкие урожаи. Урожай яровых хлебов давал на одно посеянное зерно 2 - 2 зерна. Сбор озимого клена был выше и составлял сам 3 - 3 (16;310) До нового урожая многим хлеба не хватало, поэтому хлеб пекли из муки с добавлением мякины и корней других растений и плодов (15).

Отчаявшись поправить дела на старом месте, крестьяне возлагали надежды на новые хлебные края. После восьмой ревизии (1853 г.) в правительство, а затем в созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ стали поступать многочисленные прошения государственных крестьян о наделении их землями с учетом деревенского населения в соответствии с законом о праве крестьян иметь по 15 десятин земли на ревизскую душу в многоземельных и по 8 десятин в малоземельных губерниях. Но такого количества земли в Псковской и многих других губерниях не было. Возникла необходимость в переселении крестьян на запасные земли в многоземельные окраинные губернии. Этим и занялось Министерство государственных имуществ во главе с П.Д. Киселевым.

8 апреля 1843 г. был принят закон о переселениях. Он определил, кому, куда и когда дозволено переселение. Для крестьян Псковской губернии таким местом стала Тобольская губерния и в частности Курганский округ. Инструкция к закону рекомендовала крестьянам посылать доверенных людей для предварительного осмотра отведенных земельных участков. Перемещение к месту назначения должно осуществляться партиями в сопровождении проводников, снабженных пропусками и маршрутами следования. В пути следования переселенцы должны быть обеспечены продовольствием, бесплатными квартирами для ночлега. Они имели право пасти скот, если таковой имелся, на общественных пастбищах. Заболевшим в пути должны быть предоставлены подводы, их предполагалось лечить за счет казны (5).

Как правило, переселялись в Сибирь смелые, инициативные, но бедные крестьяне. Не просто оставлять места, где родился, вырос, отчий дом, близких, кладбище, где лежат предки. Перед тем как покинуть родные места, шли в церковь и говели три дня. Православная вера глубоко проникла в русское крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения России. В 1847 г. вышли в свет «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. В них он отмечал религиозность русского народа. Думаю, что это соответствовало истине. Конечно это не было чистым богословием, ибо русский крестьянин в большинстве своем был безграмотным и православная вера проникала в народ не из церковных книг, а из рассказов родителей, священников, упрощенных изданий. Осмелюсь не согласиться с В.Г. Белинским, писавшем в июле 1847 г. в письме к Гоголю, что русский народ «по натуре своей глубоко атеистический», а его отношения к образу (иконе): «годится - молиться, не годится - горшки покрывать» (1, 215). Не было русских городов и сел без храмов, нередко даже в самой маленькой глухой деревеньке была часовня. Никто насильно не заставлял строить церкви. Они возводились на добро-

вольные пожертвования прихожан. В каждом доме в переднем углу находились иконы. Перед ними молились, благословляли на брак, в далекий путь. С ними провожали в мир иной и т.д. В начале 60-х годов XX вв. я по служебной надобности объехал почти все районы Курганской области. Не был только в Мокроусовском районе. Религиозность сельских жителей была уже не та, что 100 лет назад, сказались антирелигиозная политика партии, советской власти и воспитание в детских садах, школах. Неделями я жил в селах, бывал во многих домах. Иконы были на месте, зачастую перед ними горели лампадки. Но нигде не видел, чтобы образами закрывали горшки. А более ста лет назад, в 1846 -1847 гг. и в более поздние годы, переселенцы, осенев себя крестным знамением и взглянув в последний раз на родную деревню, отправлялись в дальние неизвестные края с таким расчетом, чтобы весной - летом обустроиться на новом месте.

Терентий Евдокимов

Первая партия из Псковской губернии Псковского округа Пикалинской волости в количестве 149 душ мужского пола отбыла из разных мест 22 ноября 1845 г. Псковская палата государственных имуществ предполагала, что в Курганский округ она вступит 5 апреля 1846 г. (6). Псковичам предстояло преодолеть путь примерно в три тысячи верст через леса, болота, степи, не всегда встречая поддержку, содействие и понимание со стороны администрации и населения губерний, через которые они следовали. Большинство не имели необходимой обуви и одежды. Своих денег было мало, а путевого пособия не всегда хватало.

21 января 1846 года, опередив предположения псковской палаты, 97 душ мужского и 102 женского пола прибыли в Курганский округ (9). Многие не выдержали длинного трудного пути. Они возвращались или умерли в дороге (7). Из 44 пришедших семей только у одной было 2 лошади, «а остальное в мешках, у 5 семей по одной лошади с упряжью и белье в мешках или сундуке», 35 - имели «надетое платье, а прочее в мешках», у 3 семей была только одежда (8).

В составе первой партии из деревни Кобылина (так значиться в документе) Пикалинской волости Псковского округа пришли мой прапрадед Евдокимов Терентий 46 лет (отчество неизвестно) и моя прапрабабушка Анна Матвеевна Евдокимова 42 лет. С ними дети: от первого брака Терентия Екатерина 20 лет и Илья 13 лет; от второго брака (с Анной Матвеевной) - Степанида 7 лет и Семен 5 лет - мой будущий прадед; а так же племянница Терентия Акинья 18 лет. Имели они «надетое платье, а прочее в мешках» (8). Сколько было этих мешков и что в них, можно только гадать. Конечно, была сменная одежда и обувь, кухонная утварь (ложки, чашки), сельскохозяйственный инвентарь (серпы, топоры, стальные клинки кос) и др. «Во временной отлучке» оказался «неродной (непонятно двоюродный или сводный) брат Терентия Афанасий Макаров» так и не появившийся в месте поселения псковичей (8). Возможно, он не выдержал трудной дороги и вернулся, а может, что-то случилось. Кто знает?

Первая партия прибыла в Курган, как уже было отмечено, 21 января. Немалые трудности пали на их долю. Главной проблемой было жилье. Где жили зимой и ранней весной? Чаще всего они размещались недалеко от Кургана в волостях Падеринской, Сычевской, Введенской (17, 224). Многие не выдерживали выпавших на их долю испытаний и уходили в мир иной. С апреля 1846 г. в возрасте 42 лет умерла Анна Матвеевна, жена Терентия (2). В 1847 г. он женился третий раз на Ульяне Дмитриевне. Кто она? Неизвестно. Метрической книги за 1847 г. в архиве нет. Главной проблемой для переселенцев было

получить землю. Участникам первой партии отвели участок №1, расположенный в Чернавской волости при речке Нижнее-Черной у деревни Обуховой. Доверенные лица от крестьян первой партии Кирилл Евстигнеев и Мина Иванов 19 апреля 1846 г. подписали документ о том, что они «избрали под собственное свое и доверителей земельные места в участке Ярославцевском... на 97 душ» (3). У деревни Обуховой Терентий Евдокимов в соответствии с законом получил 45 десятин пахотной земли, а позже и 3 десятины леса.

С приближением весны Тобольская палата государственных имуществ за счет государственных средств выделила переселенцам один плуг на 8 домохозяев и по паре волов на каждого домохозяина, ссуду семенами на 3 года. Для хозяйственного обзаведения прибывшим выдавались безвозвратные пособия в размере 20 руб. на семью. Кроме того, они в течение 4-х лет не платили податей, а в следующие 4 года платили половину оброчной подати. На 8 лет они освобождались от взноса хлеба в хлебозапасные магазины, на 6 лет от воинского постоя, на 3 набора от рекрутской повинности, с них снимались прежние недоимки (1,20;17,224).

Поскольку юго-восточная часть Ярославского участка примыкала к деревне Обуховой, то часть переселенцев из Пикалинской волости, в том числе и Терентий Евдокимов, поселились в Обуховой, но числились до 1920 года в посемейных списках Ярославского крестьянского общества. Всего к деревне Обуховой было подселено по одним данным 261, по другим 268 переселенцев (10). Но если старожилы занимали левый, южный берег речки Нижнее-Черной, то новое поселение возникло на правом, северном берегу.

Получилось следующее распределение земли (11):

Количество	удобной земли	
	десятин	сажен
У старожилов 135 душ	2480	1500
У переселенцев 268 душ	3919	1200

У старожилов на 1 душу м. п. приходилось 18 десятин, у переселенцев немногим более 14 десятин. Возникли противоречия, которые не дошли, однако, до столкновений. Договорились и мирно быстро переделали землю, ибо была весна, не мешкая, надо было пахать, сеять, сооружать жилище. До строительства домов пока руки не доходили, копали землянки, крыть которые по инструкции можно было досками или соломой. Постепенно дело налаживалось, стали возводить дома, благо, что в России всегда существовала взаимопомощь.

В деревне Обуховой ко времени появления переселенцев было 39 домов, в которых жили 135 душ м.п., приехавших из Барабинского прихода (12). Откуда появилось название деревни Обуховой? Священник Ярославской Покровской церкви Яков Васильевич Киановский в «Летописи с 1856-1896 гг.» привел такую легенду: «Деревня Обухова... получила название от обуха топора, которым большая часть жителей, заселявших тогда заимку, защищалась от частых нападений киргизцев, которые крайне беспокоили и угоняли в степь их лошадей... жители ранее бывшей заимки Обуховой в свою очередь, защищаясь...силою топора и других орудий, сами отнимали имущество киргизов, угоняли от них лошадей и таким образом приобретали себе богатство» (13).

И на новом месте псковичи оставались государственными крестьянами и обладали определенными правами. Они имели право вступать в браки. Заключать договоры и обязательства, заниматься торговлей и промышленностью, учинять судебные иски, иметь движимое и недвижимое имущество. Но вместе с тем они были прикреплены к сельскому обществу и не могли свободно

пользоваться правом передвижения. Без увольнительного свидетельства общины государственные крестьяне не имели права уйти. Самовольная отлучка крестьянина рассматривалась как побег, его возвращали на старое место и наказывали. Круговая порука гарантировала исправное отбывание каждым членом общины казенных, земских и мирских повинностей. Каждый крестьянин своим имуществом отвечал за недоимки членов общины. К неисправным плательщикам применялись такие меры взыскания, как отдача его в посторонние заработки, установление над ним опеки, продажа имущества. Даже могли отобрать надел и т.д. Государственные крестьяне могли подвергаться телесным наказаниям. В России положение крестьянина никогда не было легким. Труд был тяжелым, положение внизу общественной лестницы.

Тяжелый труд и многие заботы привели к тому, что 15 марта 1853 года в возрасте 53 лет в горячке скончался Терентий Евдокимов. В этом же году от холеры умер его сын от первого брака Илья (4). Дочь Т. Евдокимова от первого брака Екатерина в 1862 году вышла замуж за крестьянина села Ярославское Алексея Иванова (14). Какова судьба дочери от второго брака Степаниды, проследить не удалось.

Примечания

- 1.Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т.Х.
- 2.ГАКО. Ф.-235. ОП.1. Д.56.Л.1437.
- 3.ГАКО. Ф.-235. ОП.4. Д.4.Л.273.
- 4.ГАКО. Ф.-235. ОП.6. Д.78.Л.352; 551.
- 5.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.125.
- 6.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.186.
- 7.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.273.
- 8.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.275.
- 9.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.475.
- 10.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.517; Д.1081. Л.13.
- 11.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.54; 83.
- 12.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.13.Л.82.
- 13.ГАКО. Ф.-245. ОП.1. Д.21.
- 14.ГАКО. Ф.-245. ОП.6. Д.104.Л.415.
- 15.ГАКО. Ф.И.-21. ОП.1. Д.1.Л.1.
- 16.Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Предпосылки и сущность реформы. - М., Л., 1946.
- 17.Павлуцкий Г.Г. Южное Зауралье в конце XVIII - первой половине XIX в.// История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). - Т.1. - Курган, 1995.

А.В. Сушко

Омский государственный технический университет, г. Омск

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭТНОНИМА «КИРГИЗ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХОВ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Прежде, чем вести речь о киргизском (казахском) национализме, следует разобраться с самоназванием этого народа в изучаемый нами период. Самоназвание, или этноним, является одним из ключевых структурных элементов политической культуры народа, символом, с помощью которого националисты мобилизуют массы населения на политическую борьбу под выдвигаемыми ими лозунгами. Следует отметить, что слово «казах» как этноним, как самоназвание народа, в начале XX столетия практически не использовалось предками современных казахов ни в разговорном языке между собой, ни в официальных обращениях к властям, ни в политическом

лексиконе в годы революции и гражданской войны. Во всех источниках речь идет о «киргизах» как самоназвании и официально этнониме народа, который, благодаря деятельности нескольких поколений националистически ориентированной интеллигенции, обретет единство и станет современным казахским народом с национальной государственностью.

В дореволюционных русских источниках нет даже упоминаний о народе «казахи». В то время будущих казахов называли киргизами или киргиз - кайсаками. Знаменитая работа лидера киргизских националистов А. Букейханова называлась не «Казахи», а «Киргизы» (2). Киргизы вели кочевой образ жизни. В их среде господствовала родоплеменная культура. Уровень образованности киргизских масс был крайне низок, имелись лишь отдельные националистически настроенные представители интеллигенции, считавшие своим долгом преодолеть межродовую борьбу и модернизировать киргизов в нацию в европейском понимании этого слова. Важно, что, по имевшимся тогда этнографическим сведениям, киргизы «признавали себя членами одной и той же народности» (1, с. 104).

В годы революции и гражданской войны интеллектуалы-националисты киргизы не ставили вопроса о смене этнонима и, в итоге, добились образования Киргизской республики. В первые годы Советской власти дореволюционное понимание этнической истории киргизов продолжало оставаться неизменным, хотя в отдельных интерпретациях истории киргизов имелись некоторые расхождения. В официальном органе Наркомнаца - газете «Жизнь национальностей», в период создания Киргизской республики была напечатана статья «Киргизы», написанная Заведующим киргизским отделом Наркомнаца. Статья дает имеющиеся на тот момент представления о современных казахах. «Киргизский народ, или правильнее «кайсак», как он сам себя называет, образовался не ранее 14 века как союз разноплеменных общин и родов монгольского и тюркского происхождения, кочевавших по степным равнинам Северного Туркестана и Южной Сибири. Роль организующего ядра в этом союзе играла особая казачествующая вольница узбекского происхождения, которая дала союзу свой язык и единую социально-правовую структуру» (5). В выходящей на территории Киргизской Республики в Семипалатинске газете «Степная правда» была опубликована речь Заместителя председателя Киргизского комитета на совещании ответственных работников в губернском исполкоме со сходной трактовкой киргизской истории. «Киргизский народ. Этим именем принято называть целый ряд родственных народов, говорящих наречием тюркского языка, известным под именем языка киргизского» (6).

Почему же активисты-националисты сменяют этноним с «киргизы» на «казахи»? Племенные самоназвания «киргиз-кайсаки» или «киргиз-казаки», «кара-киргизы», сведенные к общему этнониму «киргизы», содержали в себе признаки родового начала и препятствовали их действиям, направленным на превращение «киргизов» в современную «нацию», основанную на общей культуре и имеющую государственность. Получив государственность, интеллектуалы озаботились самоназванием новой «советской нации», которое бы объединило всех киргизов, способствуя преодолению межродовых противоречий. Эту задачу еще в 1914 г. одним из первых осознал Ахмед Байтурсунов, начавший издавать в Оренбурге киргизскую газету «Казак». Стратегическая цель газеты - объединить всех киргизов, сформировав из них нацию со всеми культурными и политическими атрибутами. В Государственном архиве Российской Федерации сохранился целый ряд информационных материалов о киргизах, ис-

пользовавшихся государственной властью при выработке официального курса этнической политики в отношении этого народа. Например, в «Историко-экономическом очерке жизни Киргизского края», датированном 2.12.1921 г., объяснялось появление самоназвания «казак» среди киргизов: «XI в. Около этого времени на историческую сцену выступили новые тюркские племена, известные под общим названием киргиз-кайсаков. Сами себя степные жители называли «к а з а к» - белая гусыня, в которую воплотился добрый дух и потомки от брака с которой полководца Калчи-Кадыр стали называться казакими. Слово киргиз первоначально было совершенно не известно последним и они стали слышать его преимущественно от русских, которые за их набеги «казаков» стали называть их «киргизами», перенося на них название самого воинственного рода старшей орды кайсаков, постоянно нападавших на города, села и караваны соседей» (3, л. 46.).

Однако в той культурной и политической обстановке этноним «казак» был не приемлем, так как, во-первых, на территории Киргизской Республики жили казаки (казачество), представлявшие из себя особое сословие, к которому центральные государственные власти относились крайне негативно и перерождение «киргиз» в «казаков» внесло бы путаницу в русскоязычное государство; во-вторых, введение этнонима «казак» должно было способствовать преодолению родовой борьбы и укреплению в историческом сознании киргизов - будущих казахов идеи об общей исторической судьбе. Тем более, «вину за приобретение самоназвания киргиз» можно было возложить «на русских колонизаторов, эксплуатировавших инородцев». Такая линия поддерживалась коммунистами-интернационалистами центра страны. В уже процитированном «Историко-экономическом очерке жизни Киргизского края» о межэтнических отношениях киргиз к русским говорилось: «Русский для него (киргиза. - А. В.) - это урядник, полицейский насильник», далее в документе приводились киргизские народные «дожившие до сего времени пословицы «Убей у русского отца и дай денег», «Если у тебя русский друг - держи камень за пазухой» (3, л. 50). Эти поговорки красноречиво характеризуют состояние русско-киргизских межэтнических отношений в начале XX века.

Учитывая фактическое отсутствие в годы революции и гражданской войны «казахского национализма» и наличие «киргизского», трансформация которого в «казахский» не была predetermined, о периоде революции и гражданской войны, справедливо вести речь о «киргизском национализме», имея в виду современных казахов. В пользу данного подхода говорит и то, что далеко не все территории, заселенные в представлении того времени киргизами, в результате революции и гражданской войны и последующего развития Советского государства, вошли в Киргизскую Республику (затем Казахскую ССР), не все племена относимые современниками к киргизам, стали казахами.

В этой связи существует, на наш взгляд, антинаучная позиция «ученых», задающихся вопросом: «Что из себя представляет казахский народ и существует ли он вообще или же это нечто, искусственным образом слепленное из разных племен и осколков племен?» - и отвечающих на этот вопрос: «Нет, перед нами не народ, народа такого не было, нет да и не будет» (4, с. 29).. Однако любой народ, имеющий государственность, когда-то был собран из различных племен своей элитой, мобилизован и, благодаря усилиям этой элиты, обрел государственность. В начале XX века казахского народа в политическом смысле, действительно, еще не существовало. Были племена киргизов, осознававших свое общее происхож-

дение. На этой основе их интеллигенция и начала работу по формированию казахской нации в современном ее виде. Эта работа завершилась в 1991 году образованием национального государства казахов – Казахстана.

Таким образом, мы считаем продуктивным при изучении национального движения казахов в годы революции и гражданской войны использовать конструктивистскую теорию понимания этнической общности. В XX столетии в границах Киргизской Республики киргизы, имевшие в исторической памяти общее самоназвание «казаки», в результате интеллектуальных усилий националистически настроенной интеллигенции трансформировались в «казахов». Из приведенных материалов видно, что еще в начале 20-х гг. XX в. современные казахи представляли собой ряд крупных родоплеменных объединений, имевших общую историческую память, отражающую сознание племенного родства и общность истории, но, в то же время, имевших собственные самоназвания и общее наименование «киргизы», которое они использовали для общения между собой и соседними этническими группами, а также в контактах с органами государственной власти.

Список литературы

1. Брокгауз Е. А., Эфрон И. Я. *Энциклопедический словарь*. - М., 1991. - Т. 29. - С. 104.
2. Букейханов А. *Киргизы. Формы национального движения в современных государствах*. - СПб., 1910.
3. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 436.
4. Гунькин Н. В. *Казачий кулак против экспансии инородцев*. - М., 1998.
5. *Жизнь национальностей*. - 1919. - (21) 13 апреля.
6. *Степная правда*. - 1921. - 16 июня.

В.А. Кислицын, Л.А. Комогорова
Курганский государственный
университет, г. Курган

ДОХОДНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД НЭПА

В настоящее время проблема восстановления и развития крестьянских хозяйств настойчиво выдвигается жизнью. Государство уже наметило программу решения этой острой проблемы, но без учета и знания процессов классового расслоения крестьянства, структуры и роли отдельных социальных слоев деревни нельзя правильно построить не только перспективный план сельского хозяйства, но и подойти к разрешению текущих задач. Однако политикам необходимо использовать опыт прошлого, дабы не повторить его ошибок.

В настоящей статье сделана попытка оценить процесс экономического развития единоличных хозяйств и выявить их уровень доходности. Исходным материалом для настоящей статьи являются разработки бюджетов крестьянских хозяйств на Урале за 1924-25, 1925-26, 1926-27 гг., а также данные статистических сборников и публикации экономистов в «Хозяйстве Урала».

В ходе изучения экономики различных групп уральской деревни выяснилось, что до 1927-28 года государственная статистика при разработке бюджетнообследованных хозяйств производила группировку их только по посевным группам, хотя материалы давали возможность и требовали от ЦСУ производства в иных группировках, в частности, по социальным признакам.

По произведенным Н. Ишмаевым исчислениям соотношение классовых типов по посевным группам представляется в следующем виде. Бедняцкие хозяйства можно найти в различных группах, но в массе они преобладают среди беспосевных и с посевом до 3-х десятин, а так-

же среди безлошадных и с 1 рабочей лошастью. В сред-непосевные группы попадают такие бедняцкие хозяйства, которые имеют большой состав семьи, не имеют инвентаря и рабочего скота и являются фактически зависимыми от зажиточных. В своей массе середняцкие хозяйства состоят из групп с посевом 3,1-4,0 дес., 4,1-6,0, 6,1-8,0 дес., но они встречаются и среди других посевных групп, в них же преобладают хозяйства с 2-мя лошадьми и 2-мя коровами, а для зауральских округов значительный процент и из групп с 3-мя и 4-мя лошадьми и коровами. Зажиточные хозяйства можно встретить во всех группах, но преобладают в высших посевных и лошадных группах. Это большинство хозяйств, ведущих торговое земледелие, или имеющих предприятия в наемную рабочую силу, отдающих систематически напрокат сельскохозяйственные машины и орудия, занимающихся торговлей или ростовщичеством, арендующих землю в целях капиталистического накопления и т.д. (4, 79).

Теперь становится понятным, почему классовые группы деревни экономисты 1920-х гг. начинают измерять отношениями, которые существуют между отдельными слоями в производстве и обмене. По их классификации бедняцкая группа состоит из пролетариев и полупролетариев деревни, которые вынуждены систематически изыскивать себе дополнительные средства существования на стороне, вне своего хозяйства, путем продажи своей рабочей силы, найма средств производства и т.д. Средняцкая состоит из мелкого и среднего крестьянства, главным источником которых является доход от своего хозяйства, наем и отпуск рабочей силы. Зажиточная состоит из мелкокапиталистических прослоек, собственно богатого крестьянского (товарного, эксплуататорского) хозяйства и кулачества (предприниматели-промышленники, крупные земледельцы при 2-х и более работниках и т.п.). Разница между этими прослойками по существу дела в размерах капитала и размерах накопления и отчасти в формах капиталистического накопления (5, 77-78).

Доходность крестьянских хозяйств А. Воробьев предлагает рассматривать как оплату труда, вкладываемого крестьянином в сельскохозяйственное производство. Это он объясняет тем, что предприниматель-крестьянин вкладывает в сельское хозяйство почти исключительно свой собственный труд и труд своей семьи. Следовательно, понимание предпринимательского дохода как присвоения прибавочной стоимости, создаваемой наемным трудом, неприменимо к крестьянскому хозяйству. Более того, даже в наиболее экономически мощной группе крестьянских хозяйств роль наемного труда в сельскохозяйственном производстве очень невелика, так что и здесь доход крестьянина в подавляющей своей части является оплатой труда, и только в небольшой доле его можно рассматривать как доход капиталистически-предпринимательского типа (2, 67).

Из статистических данных следует, что две высшие группы с посевом от 10 до 16 и более 16 десятин дают условно чистого дохода, т.е. иными словами средств для удовлетворения потребностей семьи и платежа повинностей, 559 и 1021 руб. на хозяйство, т.е. в месяц примерно 46,6 и 85,1 руб. Это – максимальные результаты, получаемые от сельского хозяйства наиболее состоятельными группами крестьянского населения. По расчету на полного едока две высшие группы располагают доходом в размере 102 и 192 руб. в год, или 8,5 и 16 руб. в месяц, а на душу 6,4 и 11,9 руб. в месяц. Только при крайне низком уровне потребностей крестьянского населения можно считать избыточным доход от сельского хозяйства даже и в этих высших группах. Нечего говорить, что доход от сельского хозяйства в низших группах совершенно недостаточен для удовлетворения самых минимальных нужд

крестьянства, и что без дополнительных поступлений от других отраслей хозяйства, а главным образом, от внеземледельческих заработков, эти группы не в состоянии были существовать (2, 69).

Доходность от всего сельского хозяйства, если ее выразить в расчете на десятину посевной площади, у зажиточных только на 10% будет больше, чем у бедняков. При расчете на десятину сельхозплощади (т.е. пашни плюс сенокоса) доходность десятины зажиточного будет превышать бедняцкую уже на 70%. Помимо того, и десятина посева и десятина лугов у зажиточных приносит больше дохода, чем у бедняков. Все это и создает сильную дифференциацию в валовой доходности с десятины сельскохозяйственной площади по разным классовым группам. Можно с уверенностью констатировать, что беднота во всех районах области использует пашню значительно слабее, чем зажиточные, что главным образом объясняется отсутствием у них основных и оборотных средств. Процент использования пашни зависит от уровня интенсивности хозяйства того или другого района (6, 127).

Любопытно, что исчисленная экономистами за 1924-25 г. абсолютная цифра валовой доходности на 1 десятину сельскохозяйственной площади – 28 р. 65 коп. почти полностью совпадает с таковой же за 1922-23 г. по бюджетным данным Урала. Доходность эта чрезвычайно низка. Во многих районах Союза хозяйства имеют доходность, доходящую в Центрально-промышленной области и на Украине до 60-70 рублей.

Эти показатели свидетельствуют о весьма низком уровне интенсивности нашего крестьянского хозяйства. Десятина используемой в хозяйстве сельскохозяйственной площади (усадыбы, пашни, сенокоса) дает в среднем 18,8 руб. условно чистого дохода.

В животноводстве мы имеем ту же самую картину. Подавляющую роль в продукции скотоводства играет продукция крупного рогатого скота; продукция интенсивных видов скотоводства, а именно продукция свиноводства занимает скромное место.

В общем, материалы бюджетного обследования подтверждают для Урала тот общеизвестный факт, что в районах более интенсивного хозяйства единица площади дает и более высокий доход, однако, в пределах района определенной системы хозяйства или, другими словами, определенного уровня интенсивности крупные хозяйства получают с единицы площади не меньше дохода, чем мелкие, при значительно меньших затратах средств на единицу площади. Это положение может быть отнесено и ко всей Уральской области в целом (6, 128-129).

Следовательно, необходимо отметить чрезвычайно значительную роль внеземледельческих поступлений в крестьянское хозяйство. В среднем по Уралу сельское хозяйство дает всего 54,7% всех доходных поступлений крестьянского хозяйства. Даже в типичных с/х районах восточного и южного Зауралья этот процент не превышает 61,6-69,2% (2, 77; 1).

Доля заработка от кустарно-ремесленных занятий в нашем районе очень не велика – всего 12% денежного заработка, больше всего он имеет значение в доходе бедняка и середняка, наименьшее – у зажиточного. Высокий процент среди середняков числа хозяйств с предприятием объясняется тем, что мелкие кустари не прибегают к найму чужой рабочей силы и чаще всего их предприятия являются малоприбыльными. Таких в Уральской области много. Этим кустарям не следует смешивать с кустарями-предпринимателями, являющимися мелкими капиталистами (8, 441; 6, 127).

В зажиточном хозяйстве абсолютная сумма заработка превышает бедняцкий заработок в 3,5 раза, но этот

заработок, характеризующий социальные взаимоотношения с другими группами деревни, совершенно иной, чем у двух других типов крестьянства. Свыше 60% денежного заработка зажиточного хозяйства – это заработок от эксплуатации сельхозмашин и чистый доход от торгово-промышленной деятельности, чего ни у середняков, ни тем более у бедняков не наблюдается (6, 127; 8, 443).

По объему хозяйственной деятельности и по размеру основных средств производства на первом месте стоят середняки, на втором – бедняки и только на третьем – зажиточные хозяйства. Центральное место середняцкому слою крестьянства принадлежит также и по массе производимой в сельском хозяйстве валовой и товарной продукции.

Пользуются наемной рабочей силой все классовые типы, но социальная и производственная сущность этого найма в них различна. Беднота нанимает средства производства зажиточного крестьянина. Наем рабочей силы среди середняков в большей степени выражен в предоставлении поденной работы. Процент зажиточных хозяйств, пользующихся наймом, нужно считать преуменьшением, т.к. учет найма в этих хозяйствах крайне затруднен ввиду сокрытия и плохой регистрации (4, 80).

Арендуют землю все слои крестьянства, но наибольший процент составляют зажиточные, а сдают в аренду в большинстве бедняки. Размеры арендных отношений в области таковы, что они начинают играть существенную роль в производственных, а значит и в социальных отношениях крестьянства.

Промыслы наиболее сильно развиты в бедняцкой и зажиточной группах и значительно слабее в середняцкой группе, особенно в земледельческих округах. Огромное большинство зажиточных с промыслами – это самостоятельные хозяева, имеющие кустарные предприятия, торгово-промышленные предприятия, извоз и т.п. Беднота отпускает свои рабочие руки на с/х работы, в предприятия и другие работы. Ремесленников и кустарей как самостоятельных хозяев среди них очень мало – 8-10% в земледельческих районах и 17-19% в горнозаводских, причем это будут почти исключительно ремесленники (плотники, пильщики, сапожники, корзинщики и т.д.), тогда как в зажиточной группе будут преимущественно кустари. Среди середняков попадают те и другие, но они не предприниматели-промышленники и обычно работают без мастерской, на дому (4, 89).

Больше всего заработков вне своего хозяйства и доходов от предприятий приходится на хозяйство группы зажиточных крестьян, значительно меньше – на середняков и еще меньше – на бедноту. Большой удельный вес этих доходов имеется, главным образом, в горнозаводской полосе и Предуралье в зажиточной и бедняцкой группах хозяйств, причем у первых под заработками следует понимать почти исключительно доходы от промыслов (извоз и т.п.), а у бедноты – доходы от продажи своей рабочей силы (4, 90).

Таким образом, доход крестьянских хозяйств по Уралу состоит из заработков от сельского хозяйства и внеземледельческой деятельности. Большую часть дохода приносит как раз внесельскохозяйственная деятельность. Доходность единоличных хозяйств примерно одинаковая. У зажиточных и кулацких она выше за счет большого количества посева, а также использования новых средств и технологий производства на практике.

Список источников и литературы

1. Бюджеты крестьянских хозяйств на Урале за 1925-26 год. Т.6 /Тр.Урал.обл.стат.управления. – Свердловск, 1928.
2. Воробьев А. Доходность крестьянского хозяйства на Урале /Хозяйство Урала. – 1926. – №18. - С.67-80.

3. Воробьев А. Средства производства в крестьянском хозяйстве на Урале. // *Хозяйство Урала*. – 1926. – №17. – С. 86-96.
4. Ишмаев Н. О классовом расхождении деревни // *Хозяйство Урала*. – 1926. – №10. – С. 69-81.
5. Ишмаев Н. Сельскохозяйственный налог и интересы классовых групп крестьянства // *Хозяйство Урала*. – 1927. – №2-3. – С. 76-95.
6. Казанский Ф. Доходность крестьянских хозяйств по социальным типам // *Хозяйство Урала*. – 1927. – №10. – С. 103-110.
7. Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. Краткий статистический справочник. Год 1-й / Урал. обл. стат. управление. – Свердловск, 1926. – 343 с.
8. Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г. Краткий статистический справочник. Год 2-й / Урал. обл. стат. управление. – Свердловск, 1927. – 520 с.

В.Г. Савельев

Курганский государственный университет, г. Курган

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 1921 – 1924 гг.

После окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике в Южном Зауралье осенью 1921 года стали возрождаться коллективные сельскохозяйственные предприятия в традиционных сферах совместной деятельности крестьян. Так, первые 8 сельскохозяйственных товариществ организовались в селах «Глядянском, Утятском, Митинском, Галаевском, Чернавском, Чесноковском, Ново-Комогоровском и Крутальском по почину самого крестьянства» (1). В г. Кургане 29 января 1922 года состоялось первое уездное собрание «Селькредсоюза», представленное 9-ю организациями, в том числе «5 с/х товариществами, 3 с/х кредитными товариществами и 1 земледельческой трудовой артелью» (2). К 1 октября 1922 года общее количество коллективных сельхозпредприятий возросло в 8 раз и достигло 70, в том числе «24 с/х товариществ, 8 с/х кредитных товариществ, 2 земледельческих трудовых артели и 36 маслодельных артелей» (3). Необходимо отметить, что такой значительный рост сельхозпредприятий происходил практически при полном отсутствии у крестьян свободных материальных средств и опирался лишь на «огромный исторический опыт прошлой работы» (4).

Помимо традиционных коллективных организаций крестьян в Южном Зауралье к 1924 году создаются и совершенно новые, такие как сельскохозяйственные коммуны, машинные и мукомольные товарищества, а также «грузовые трудовые артели». Большинство сельскохозяйственных предприятий, как возрожденных и ранее существовавших, так и совершенно новых по принципам функционирования, были кооперативными. Единственным исключением являлись сельскохозяйственные коммуны, которые в своей деятельности исключали два наиболее важных принципа кооперации – материальной заинтересованности в результатах своего труда и вознаграждения строго в соответствии с произведенным продуктом. Эти обстоятельства, на наш взгляд, указывают на необходимость выделения сельскохозяйственных коммун в отдельную группу сельскохозяйственных предприятий. Появление данного типа коллективных сельхозпредприятий не было случайностью и выражало интересы определенной части сельского населения, стремившегося улучшить свое положение через максимально коллективную форму сотрудничества. В подтверждение данного

факта приведем выдержку одного из многочисленных обращений крестьян в высшие органы власти с просьбой о помощи. Так, 22 января 1927 года по поручению комсомольской ячейки деревни Гусиной Лопатинского района Курганского округа Карпушин А.С. обратился к председателю ВЦИК М.И.Калинину. В письме автор указал, что деревенские комсомольцы, обсудив вопрос об организации сельскохозяйственной коммуны, выразили единогласное желание вступить в нее. Однако сразу же возник второй вопрос – «пособит ли нам Советское государство и даст ли оно нам сельхозмашины, а именно 1) трактор «Фордзон», 2) сеялки, 3) борону, 4) самосброску, 5) сенокосилку, 6) пару лошадей, 7) пару рогатого скота, 8) пару свиней и далее на оборудование помещений для нас и для скота» (5). Дать ответ сельским комсомольцам секретариат ВЦИК поручил Уралоблисполкому, который передал право решить этот вопрос Курганскому окрисполкому, а последний – соответственно Лопатинскому райисполкому. Секретарь Лопатинского райисполкома дал простой и исчерпывающий ответ: «Гусиновская комсомольская ячейка предъявляет к государству такие громадные требования, что безусловно удовлетворить их просьбу нецелесообразно» (6). Более подробное обоснование отказа дал секретарь Курганского окрисполкома А.Матвеев, указав, что «всякое кооперативное, коллективное и коммунальное начало среди трудящихся есть единственный и правильный путь», однако «правительство подходит к организации коммун таким порядком, как вы думаете, не может, у него на это нет средств» (7).

Рассмотрим, какое место занимали коллективные сельскохозяйственные предприятия (в большинстве своем кооперативные) в Южном Зауралье в 1921 – 1924 гг. среди индивидуальных крестьянских хозяйств. Необходимо отметить значительный рост членов с/х кооперации с 7348 человек в 1922 году до 30 452 человек в 1924 году. Всего в 1924 году в Курганском округе было 88 305 крестьянских хозяйств, из них 34,2 % хозяйств участвовало в том или ином типе сельхозкооперации (8).

Рассмотрим материальное положение крестьян-кооператоров. В «Обзоре сельскохозяйственной и потребительской кооперации Курганского округа за 1924 год» приведены следующие процентные данные по наличию у членов сельхозкооперации лошадей и коров (табл. 1) (9).

Таблица 1

Приведенные данные говорят о кооперативной деятельности как коллективной и привлекательной для сельского населения, но в большей мере для менее состоятельных слоев. Так, в 1924 году с/х кооперация объединила 59,6% беднейших крестьян, 35,8% середняков и 4,6% зажиточных крестьян.

Выясним, какое направление в с/х кооперации было наиболее востребованным среди крестьян. Для этого сравним численность с/х кооперативов на 1 января 1924 г. Наибольшее число кооперативов – 56 представляли собой маслодельные артели, за ними шли с/х кредитные товарищества и с/х товарищества, которые позже получили название «коллективных хозяйств», – по 39, замыкали список с/х трудовые коммуны – общее число их ежегодно изменялось, оставаясь сравнительно небольшим – от 2 до 7 коммун (10). Количество тех или иных сельхозпредприятий объективно показывает их привлекательность для сельского населения. Вместе с тем, нельзя не отметить, что значительная часть возрождаемых сельхозпредприятий

ятий была «дикой», то есть находилась в руках частных лиц. Так, в «Докладе о состоянии сельхозкооперации за 1924 год» указывалось, что «в 1923 году из всего количества заведений, арендованных у государства, лишь 11,2% находились у кооперативных организаций, а 38,8% - у частных лиц» (11). Более того, в докладе содержится вывод, в котором прямо говорится, что «этот новый нарождающийся тип кулака не менее, если не более опасен, чем остатки прошлого, т.к. он лучше постиг значение современного механизма и ничего не имеющий в прошлом, он способен на самый бешеный ряд авантур» (12). Детальное рассмотрение данного явления выходит за рамки статьи, поэтому подведем итоги. Коллективные формы сельскохозяйственных предприятий Южного Зауралья были традиционно привлекательны, так как отвечали экономическим интересам большинства крестьян. Незначительная часть наиболее бедного слоя сельского населения создала максимально коллективную форму сельхозпредприятия – коммуну, которая по характеру деятельности являлась коллективным, но не кооперативным сельхозпредприятием, так как исключала из своей деятельности наиболее важные принципы кооперации. В целом коллективные сельскохозяйственные предприятия Южного Зауралья в начале 1920-х годов возродились сразу же, как только государство предоставило такую возможность.

Примечания

1. ГАКО, ф. р – 315, оп. 1, д. 563, л. 41.
2. Там же, л. 41.
3. Там же, л. 42.
4. Там же, л. 42.
5. ГАКО, ф. р – 315, оп. 1, д. 608, л. 151.
6. Там же, л. 147.
7. Там же, л. 146.
8. ГАКО, ф. р – 315, оп. 1, д. 563, л. 42.
9. Там же, л. 44.
10. ГАКО, ф. р – 315, оп. 1, д. 562, л. 331.
11. Там же, л. 352.
12. Там же, л. 345.

Л.В.Алексеева, И.И. Коньшева

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА СЕВЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (1924-1926 гг.)

С конца 1923 г. Обь-Иртышский Север оказался в составе Уральской области. Следовательно, при изучении проблемы проведения землеустройства в регионе, необходимо учитывать его осуществление на Урале. Землеустройство на Урале стало проводиться с 1920 года и к 1928 г. областное земельное управление осуществило значительную работу по учету имеющегося земельного фонда, что, полагаем, заложило основы для формирования системы государственного учета земель в области. Областной и окружные отделы землеустройства Уральской области окончательно организовались и приступили к работе в конце декабря 1923 г. По документам ЦДОО-СО следует, что землеустроительный аппарат Уральской области был централизован и работал на самокупаемости.

Весь земельный фонд области распределялся по категориям земель. Исходя из имевшихся проблем, сложившихся в землепользовании Уральской области, ОблЗУ определило главные направления землеустройства: это лесоустройство и регулирование земельных отношений

с точки зрения пахотного фонда. Анализ документов ОблЗУ свидетельствует, что мероприятия этого ведомства до середины 1920-х гг. и землеустройство в области носили скорее стихийный характер, несмотря на попытку поставить землеустройство на плановые основы.

В отчете за 1923 г. о работе Областного земельного управления (ОблЗУ) в области землеустройства указывалось, что необходимо сосредоточить внимание на проведении внутриселенного землеустройства, а не только на межевании земель. До сих пор работа землеустроительных органов была сосредоточена на внутриволостном и междуселенном и шла только по линии оформления прав на землепользование. В основном усиленно эту работу рекомендовалось проводить в предуральных округах (7, л.43). Таким образом, внутриселенное землеустройство непосредственно должно было привести к дифференциации крестьянских хозяйств в деревне, поскольку к этому неизбежно вела реализация классовых принципов распределения земли при прочих условиях (количество едоков, количество работников, скота и инвентаря).

В 1924 г. в северных районах Уральской области начался новый этап в землеустройстве региона. В 1924 - 1926 гг. был проведен комплекс первичных мероприятий по землеустройству в связи с новым районированием. Рассмотрим основные направления работ по землеустройству в северных районах Тобольского округа. В плане по землеустройству 1924 г. Уральской области по очередности Тобольский округ был десятым, планировалось землеустроить 111 524 десятины земли, а также планировались и виды землеустроительных работ: волостное и междуселенное землеустройство (7, л. 47).

Значение леса и охотоугодий в жизни населения являлось чрезвычайным, поэтому вопросы регулирования лесопользования были первостепенной важности. Тобольский окрисполком издал в 1920-е гг. целый ряд нормативных документов, касающихся лесного хозяйства: обязательное постановление № 21 от 7 декабря 1924 г. «О порядке использования кедровников», обязательное постановление № 22 от 7 декабря 1924 г. «О мерах по сохранению леса и борьбы с истреблением его вблизи городов и населенных пунктов», обязательное постановление № 23 от 4 января 1925 г. «О порядке заготовки лесных материалов и побочных продуктов леса», «Правила ведения лесного хозяйства в лесах местного значения», «Правила отпуска и расходования леса населению на общественные надобности, на дорожное строительство, кустарям и пр. из государственных лесов Тобольского округа». Однако отсутствие необходимого финансирования, нехватка профессиональных кадров и сопротивление населения нововведениям не давали возможности в полной мере проводить на Обь-Иртышском Севере лесоустройство и лесопользование (5, с. 68-69).

Тобольским окружным земуправлением решались вопросы распределения и закрепления за населением кедровых и ягодных угодий. Эта работа возлагалась на РИКи, которым необходимо было учесть все ягодные боры, выяснить их доходность, расположение по отношению к населенным пунктам и затем распределить ягодники между земельными обществами. Пользование ягодниками разрешалось бесплатно (4, л.4). Районные лесные комиссии также занимались распределением ореховых и ягодных угодий. На очередном заседании Сургутской районной лесной комиссии, которое состоялось 26 марта 1926 года, рассматривали и утверждали списки ореховых и ягодных угодий по району, подлежащих распределению и закреплению за населенными пунктами. Постановили: гражданам села Сургут разрешить пользоваться ореховыми угодьями в пределах Локосовского

сельсовета, так как в Сургутском сельсовете по количеству дворов и населения ореховых угодий недостаточно. Гражданам деревни Сытоминой, Н-Ляминой и юрт Куниных Сытоминского сельсовета предоставить право совместного пользования с гражданами Тундринского сельсовета в пределах последнего. Решение всех недоразумений по праву пользования ореховыми и ягодными угодьями оставить за РИКом и земельной комиссией (4, л.5).

Насаждение огородничества в регионе ознаменовалось выделением земель различным учреждениям и служащим. Согласно распоряжению Тобольского ОКРЗУ Березовскому, Кондинскому и Сургутскому райисполкомам о выделении школам-интернатам рыболовных, охотничье-промысловых и сельскохозяйственных участков Комитет Севера при ВЦИК, Комитет Севера при Тоболрисполкоме от 24 января 1924 года просили нарезать соответствующие участки следующим туземным школам-интернатам: Карымской Кондинского района, Полноватской Березовского района, Юганской Сургутского района. Участки должны были быть такими, чтобы школа-интернат могла его обслуживать своим инвентарем. Независимо от вида угодий необходимо было выделить по 1,5-3 гектара для огородничества и выращивания зерновых культур. Передача необходимых участков должна быть оформлена особыми актами, которые затем высланы в ОкрЗУ (6, с. 273).

На особых правилах происходило наделение земель военнослужащих. Тобольским окружным исполнительным комитетом 1 декабря 1925 года была направлена копия Сургутскому районному исполнительному комитету, в которой сообщалось об изменении льгот в области трудового пользования и сельского хозяйства для военнослужащих и их семей, утвержденной СНК РСФСР 19 июня 1925 года (1, л.37). С середины 1920-х гг. как свидетельствуют документы, земля стала выделяться на строительство сельских поселений (1, л. 26).

На примере Сургутского района можно представить все сложности землеустройства в регионе. 8 марта 1925 года Сургутскому районному исполнительному комитету сообщалось заведующим ОкрЗУ, что согласно ст. 127 Земельного Кодекса размеры садовых участков в селениях определяются обществом, постановлением большинства его полноправных членов и должны быть одинаковы для всех дворов. 28 марта 1925 года из Сургута в Президиум РИК поступили сведения, в которых указывалось, что в сельских местностях порядок пользования землей устанавливался Земельным обществом, а Земельное общество устанавливало правила и условия переделов, причем садовые участки переделам не подлежали.

14 апреля 1925 года Сургутская земельная комиссия на основании протокола № 2 сообщила, что ввиду отсутствия в законе конкретных норм, указывающих на передел земли необходимого обслуживания крестьянского двора, ввиду наступления строительного сезона и применительно к условиям Севера положить в основном размеры уже существующих усадеб. А 16 апреля 1925 года Сургутская земкомиссия обратилась в Окрземуправление с просьбой выслать руководящие указания по размерам площади земли для крестьянского двора (3, л. 8).

2 августа 1925 года Сургутский РИК обратился в Окрземотдел с просьбой выслать для полного руководства Земельный Кодекс последнего издания со всеми к нему комментариями, все циркуляры и распоряжения центра, Облсполкома и Окрисполкома по землеустройству в условиях Севера, так как до сих пор крестьянство, владеющее землей и лесом без всякого раздела, не весьма легко усвоит земельную политику, и, возможно, потребуются вести разъяснительную работу по созданию земель-

ных обществ. Поэтому для проведения землеустройства в условиях Севера понадобится разрешение практических вопросов и указаний к ним самого Окрземотдела, без которых невозможно проведение землеустройства на месте (2, л.18).

Следовательно, несмотря на обозначившиеся подходы в уральских организациях по механизму проведения землеустройства в области, на Севере Западной Сибири сохранялось много неясного. Местные органы власти обращались за разъяснениями и инструкциями в окружные организации, полагая, что это хоть в какой-то мере прояснит проблемы землеустройства территории. Таким образом, в 1924-1925 гг. землеустройство в регионе не приобрело сколько-нибудь организованного характера.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее - ГАХМАО). Ф. 103. О. 1. Д. 21.
2. ГАХМАО. Ф. 103. О. 1. Д. 32.
3. ГАХМАО. Ф. 103. О. 1. Д. 33.
4. ГАХМАО. Ф. 103. О. 1. Д. 44.
5. Голополов Е. И. Лесное хозяйство Обь-Иртышского Севера // *Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки.* - Выпуск V. - Тюмень, 2003.
6. *Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919 – 1929). Сборник документов.* - Новосибирск, 2005.
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. О. 2. Д.326.

С.А. Пилипенко, О.К. Снегурова
Сибирская государственная
геодезическая академия, г. Новосибирск

НАДГРОБИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА ИЗ НОВОНИКОЛАЕВСКА

Одной из актуальных проблем современного краеведения является изучение городских некрополей сибирских городов XIX - первой четверти XX века.

История новониколаевских (Новосибирск с 1925 года) некрополей коротка и мало изучена. Город молодой, быстро рос и развивался, поэтому к 1920-м годам те кладбища, которые были на окраинах города, оказались в его центре. В 30-50 годы XX века основные кладбища были снесены и перепрофилированы из кладбищ в парки культуры и отдыха: Нарымский сквер у цирка, Центральный парк, Берёзовая роща. На каждом из кладбищ была церковь, из них сохранилась только Вознесенская церковь у цирка, ныне Вознесенский собор. Поэтому большинство надгробий того времени утеряны.

Очень остро стоят следующие немаловажные вопросы: содержание старых закрытых кладбищ, теснота действующих, вандализм и хищение элементов надгробий. Так в Барнауле Нагорное кладбище с его высокохудожественными надгробиями известных купцов Сибири было ликвидировано в 30 годы XX века. Местным жителям разрешили перезахоронить останки своих близких и перенести надгробия на Булыгинское кладбище, открытое в те же годы. Немногие воспользовавшиеся этим предложением, перенесли дореволюционные надгробия на новое место. На самом же Нагорном кладбище сегодня сохранилась могила выдающегося учёного Ядринцева. В Томске также утрачен городской некрополь. В городе Бийске постановлением Гордумы 18 августа 2005 года кладбище стало именоваться мемориальным историческим памятником «Бийский Вознесенский некрополь» (1, 91).

В посёлке Кольвань Новосибирской области также

имеется некрополь, подвергаемый разрушению. В городе Куйбышев (бывший Каинск) городской некрополь взят под охрану государства. Некрополь старого Бердска ныне утрачен и виден только при низком отливе Обского водохранилища. Кроме того, каменные надгробья зафиксированы в сёлах НСО: села Чингисы, Завьялово, Дубровино.

Иначе дело обстояло с кладбищем в Закаменской части (ныне Октябрьский район г. Новосибирска). Скорее всего, оно появилось в начале XX века, точно пока неизвестно. Церковь или часовня для отпевания изначально отсутствовала.

В соответствии с указом правительствующего Сената и Святейшего Синода от 23 мая 1772 года для Томской губернии, действовавшего до 1917 года: «**Хоронить надлежит в выгонных местах, расстоянием от последнего городского жилья не ближе 100 сажен, а если место позволит, то за 300. Места погостов обносить плетнём, забором или рвом с валом в сельской местности**» (1, 89).

Закаменский некрополь Новониколаевска был расположен на удалении от жилых построек и только в 40-е и 50-е годы XX века оказался в центре жилых кварталов. Анализ карт города показал, что кладбище не меняло своих границ, находясь в квартале между улицами: Воинская, Никитина, Гурьевская и Гаранина. В 60-е годы XX века кладбище было закрыто. Большая часть надгробий утрачены. Кладбище использовалось как парк для отдыха. На нём была разбита футбольная площадка, проложены дорожки. В настоящее время в Юго-Восточной части парка началось возведение построек храмового подворья православной церкви.

По просьбе настоятеля отца Святослава Невзорова для осмотра территории бывшего кладбища был приглашен отряд археологического кружка «Кыпчак» Сибирской государственной геодезической академии.

При осмотре территории нами была найдена надгробная плита начала XX века. Она находилась за территорией строящегося храма и изначально была смещена от основного места. Этот вывод был сделан со слов священнослужителей, которые рассказали, что при строительстве храма были найдены кости людей, которые решили перезахоронить под этой плитой. При рытье ямы для ковчежца с костями следов первичного захоронения не были встречены.

Надгробие было сделано из песчаной плиты, с применением операций по распиловке, высечке рельефного креста, шлифовки и нанесению надписи. Плита к низу сужалась. На лицевой стороне плиты был выбит рельефный крест с тремя лопастями и площадкой для погребальной эпитафии. Длина найденного надгробия 97 см, ширина верхней части 61, нижней 42 см, толщина плиты 13 см.

Надпись начинается с середины креста: «Здес покоится; мл.(аденец?); Сиргей В. Тараканов. рожд. 1914; 20. юн. сконч. 1918; 11 авгус. и. мла. (денец?); Димитрий. В.; рожд. 1918. 25. ма (рта/я?); сконч. 21. сентяб».

В дальнейшем на этой территории была найдена аналогичная надгробная плита, но без надписи. Судя по её виду, это была заготовка надгробной плиты, с ещё не нанесённой эпитафией. Второй ближайшей аналогией является надгробие из села Дубровино Машковского района НСО. Все надгробия изготовлены из известняка, имеют близкую к прямоугольнику форму и выполнены примерно в одной технике, с применением низкого рельефа для акцентирования основных деталей. Эти плиты схожи эпиграфически типом надписей, включавших в себя анкетные данные погребённых (2, 38).

Сразу после нахождения надгробия встал вопрос о его атрибуции и сохранении для будущих потомков. Мы предложили администрации Новосибирского краеведчес-

кого музея взять его на хранение, но нам было отказано под предлогом отсутствия мест хранения для подобных объектов, хотя его габариты это позволяли.

Тогда мы после консультации с НПЦ НСО согласовали этот вопрос с настоятелем храма. Позже оба надгробия были перенесены на охраняемую территорию храмового надворья.

В надписи на надгробии встречаются буква «і» с точкой, что характерно для правил правописания дореволюционной России. Декретом от 17 октября 1918 года «О реформе шрифта и норм правописания», подписанным наркомом В. Брончем-Бруевичем, буква «і» с точкой и другие буквы, повторяющиеся в словах, были упразднены. Сохранилась она только в пословице - «Расставить все точки над И». Подводя итоги, можно сказать, что значение таких памятников очень велико. Найденное надгробие является не только интересным памятником истории городских некрополей, но и поздним памятником палеографии города.

На территории Новосибирска это пока единственное датированное надгробие с надписью, сохранившей правила дореволюционной орфографии, т.е. являющееся памятником эпиграфики. Дальнейшее изучение некрополя сулит поднять новые проблемы истории нашего города и Сибирского региона.

Список литературы

1. Бородовский А.П. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета НГПУ. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. - Вып. 5. - С. 36 - 38.
2. Коваленко П.С. Бийский Вознесенский некрополь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Барнаул: Изд - во Азбука, 2006. - Выпуск XV. - С. 89 - 91.

В.Л. Копылов

Курганский пограничный институт
г. Курган

ШГПИ – ПЕРВЫЙ ИНСТИТУТ ЗАУРАЛЬЯ. ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ (1939-1941 ГОД)

В связи с введением в 1934-1935 годах всеобщего обязательного семилетнего обучения и ростом числа школ – семилеток в стране возросла потребность в преподавательских кадрах. Так, в 1938 году Наркомат просвещения РСФСР испытывал нехватку 58 тысяч учителей пятых-седьмых классов, выпуск же педагогических вузов республики составил в том же году всего 20 тысяч специалистов.

Челябинский пединститут, обслуживавший область, в состав которой входило и нынешнее Зауралье, выпустил в тот год 90 учителей, а их требовалось 1770 (1).

Для того, чтобы ликвидировать разрыв между потребностью в специалистах и их выпуском, в стране в 1939 году выходит Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР № 318 от 27 июня 1939 года «О реорганизации педагогических училищ Наркомпроса РСФСР в учительские институты». Согласно этому Постановлению Наркомпросу РСФСР предписывалось реорганизовать с 1 сентября 1939 года 48 педагогических училищ в двухгодичные учительские институты. В приложении к Постановлению приводился список педагогических училищ Наркомпроса РСФСР, реорганизуемых в двухгодичные учительские институты, и план приема в эти институты в 1939 году. Именно тогда Шадринское педучилище было реорганизовано в Шадринский учительский институт с двух-

летним сроком обучения. Был установлен и план приема в институт: в 1939 году он составил 180 человек (2).

11 июля 1939 года Челябинское облоно издает приказ, согласно которому директор Шадринского педучилища Л.Л. Волкова передала дела по училищу временно исполняющему обязанности директора Шадринского учительского института М.П. Богомолу. Приказом Наркомата просвещения РСФСР № 1212 от 1 августа 1939 года на должность директора Шадринского учительского института был назначен Павел Александрович Малков, который одновременно с этим был и директором педучилища и издавал приказы отдельно по институту и педучилищу. Заместителем директора по учебной работе института был утвержден Михаил Павлович Богомол, помощником директора по педучилищу – Александр Николаевич Дюков (3).

В составе института первоначально было 3 факультета: исторический, русского языка и литературы, физико-математический. На первый курс в 1939 году было принято 116 студентов (4).

Кадры преподавательского состава учительского института состояли главным образом из лиц, направляемых по путевкам Народного Комиссариата просвещения РСФСР и преподавателей Шадринского педучилища, перешедших на работу в Шадринский учительский институт. Приказом директора института от 31 августа 1939 года с 1 сентября были назначены на преподавательские должности: Е.М. Новосельский – старшим преподавателем (математический анализ); Н.М. Тронина – старшим преподавателем (общая физика); И.А. Дубовицкий – преподавателем старославянского языка и истории русского языка; старший лейтенант Л.В. Андреев – преподавателем военной подготовки; М.П. Богомол (зам. директора по учебной части) – преподавателем курса истории СССР. Всего к началу учебного года на 3-х кафедрах трудилось 15 преподавателей. Учебную базу института составляли 12 учебных кабинетов и библиотека (5).

В первый год не было ни одного кандидата наук, испытывалась нехватка учебников, наглядных пособий, технических средств, однако преподавательский коллектив стремился как можно успешнее выполнять Постановление XVIII съезда ВКП(б) 1939 года о переходе в нашей стране ко всеобщему среднему образованию в городах и завершению всеобщего семилетнего образования в сельской местности, в соответствии с этим решением расширялась школьная сеть и подготовка учительских кадров. В первый же год были организованы: десятимесячные курсы по подготовке учителей для начальных, средних школ при институте; краткосрочные курсы по повышению квалификации учителей; шестимесячные общеобразовательные курсы, после окончания которых выдавали аттестат об окончании средней школы.

В 1940 году состоялся последний выпуск Шадринского педучилища, и оно было расформировано. Часть его преподавателей перешла на работу в учительский институт. Так, в период 1939-1940 гг. Шадринский государственный учительский институт был укомплектован педагогическими кадрами.

Для организации учебно-методической работы были образованы кафедры физики и математики (завкафедрой Е.В. Новосельский), русского языка и литературы (завкафедрой И.Д. Дубовицкий), истории (завкафедрой М.П. Богомол), педагогики (завкафедрой А.Н. Дюков), марксизма-ленинизма (завкафедрой П.А. Малков). В 1940 году на 5 кафедрах работало 25 преподавателей. С 1 сентября 1940 года В.И. Лазутин был назначен деканом физико-математического факультета, а с 16 сентября 1940 года Т.Н. Сидельникова – деканом факультета русского языка и литературы (3).

В 1942 году институт располагался в двух зданиях,

имел 2 общежития и студенческую столовую. Студенты шефствовали над Шадринской средней и Красномышльско-й семилетней школами. Совместно с районом был создан родительский университет. Преподаватели читали лекции, а студенты выступали с концертами. В институте был создан студенческий ансамбль песни и пляски, который объединял более 170 певцов, музыкантов, танцоров, чтецов и других исполнителей. Руководителем этого коллектива был Г.П. Лихачев. Институт был создан в год, когда в Европе началась Вторая мировая война, поэтому огромное внимание руководство института стало уделять военной и физической подготовке студентов. Регулярно проводились сдачи норм на оборонные значки - «Ворошиловский стрелок», «Готов к противохимической обороне». В институте работали спортивные секции по гимнастике, лыжам, стрельбе. Одной из форм военной подготовки в те годы являлись военизированные походы, способствовавшие воспитанию качеств, необходимых для бойца Красной Армии. В январе 1941 года группа студентов совершила лыжный переход по маршруту Шадринск – Челябинск в 236 километров. До июня 1941 года студенты вместе с преподавателями совершили несколько тренировочных трехкилометровых походов в противогазах и один зимний ночной переход на 26 километров Шадринск – Красномышлье и обратно (1).

Все эти навыки и умения вскоре пригодились. Первые выпускники сдавали государственные экзамены уже в дни Великой Отечественной войны. В 1941 году институт закончили 92 учителя 5-7 классов, в том числе учителей истории – 14, учителей русского языка и литературы – 52, учителей физики и математики – 26. Но уже на второй день войны больше 40 человек из числа студентов и преподавателей ушли на фронт, в их числе был и директор института П.А. Малков (6).

Открытие учительского института в г. Шадринске было большим событием культурной жизни не только города, но и многих районов будущей Курганской области. Это было время, когда в нашей стране осуществлялся переход ко всеобщему семилетнему образованию. Школы нуждались в квалифицированных учительских кадрах, нужен был и научно-методический центр, который бы возглавлял рост и развитие школьного дела в Зауралье. На решение этих задач была, в первую очередь, направлена деятельность молодого Шадринского государственного учительского института.

Список литературы

1. Коурова И.Г. Первый институт Зауралья// Блокнот Агитатора. - Курган, 1984. - № 7.
2. Куприн В.А. Шадринский педагогический институт на пороге XXI века// Наука и образование Зауралья.- 1999. - № 3-4 (6-7).
3. Борисов С.Б. Шадринский государственный педагогический институт: 1939-1999. - Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1998.
4. Пушкарёв Н.Г. Шадринский государственный педагогический институт (цифры и факты)// Шадринский курьер. – 26 августа 1999.
5. Пушкарёв Н.Г. Годы создания// Исеть. - 28 октября 1999.
6. Бронников Н.Л. Старейший в Зауралье// Шадринский рабочий. – 05 декабря 1969.

Ю.Ю. Пажит
Уральский государственный горный
университет, г. Екатеринбург

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Среднего Урала)

История российско-, советско-польских отношений не раз меняла вектор своего развития. Вторая мировая война оказалась в ней новой точкой отчета. Для Советского Союза ее начало тесно связано с участием в разделе Польши. Мотивация этой акции нашла свое отражение на страницах газеты «Правда»: «Советское правительство не может ... безразлично относиться к тому, чтобы одиночные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными» (1). Фактически же реализация секретных статей подписанного 23 августа 1939 г. между Германией и СССР пакта привела к массовой депортации польского населения.

Современная историография по-разному оценивает число депортированных – от 320 до 380 тыс. чел. (2). Бывших польских граждан расселили на Европейском Севере СССР, в Поволжье, Казахстане, Сибири, Урале. Так, на территории Уральского региона их разместили около 40 тыс. чел., большинство из которых стало проживать в спецпоселках Свердловской и Молотовской областей (3).

Для расселения и хозяйственного обслуживания прибывшего в Свердловскую область контингента было организовано 56 спецпоселков в 20 районах, в которых и разместили 26,8 тыс. чел. (8,3 тыс. семей). Осадники и беженцы соответственно стали проживать в Березовском (1 037 чел. и 485 чел.), Пышинском (1 100 чел. и 592 чел.), Ревдинском (1 704 чел. и 2 347 чел.), Серовском (1 208 чел. и 3 069 чел.), Таборинском (753 чел. и 1 074 чел.), Тавдинском (800 чел. и 739 чел.) и других районах. Кроме того, осадников расселили также в Ирбитском (1 270 чел.) и Режевском (944 чел.) районах (4).

Появление на Среднем Урале спецпоселенцев-осадников и беженцев поставило перед территориальными органами НКВД задачу обеспечения людей самым необходимым. Принятие спецпоселками Свердловской области бывших польских граждан выдвинуло на первый план жилищную проблему. Ответственность за ее решение была возложена на местные власти, которые, как следует из различных источников, с ней не справились. Так, в Левинском спецпоселке Красноуральского района под жилье был приспособлен бывший скотный двор, где на каждого человека приходилось от 1,8 до 2 кв.м (5). Работавшие в тресте Березовзолото осадники жили в бараках по 2-3 семьи в одной комнате.

В подавляющем большинстве люди не были обеспечены необходимым бытовым инвентарем. В спецпоселках Гладковский, Перерождение, Тесьма Серовского района не имелось ведер, умывальников, стульев, коек, постельных принадлежностей, в результате чего люди были вынуждены спать на полу. В спецпоселках Верхнетавдинского комбината спецпоселенцы были размещены в квартирах, где не было вторых рам и электроосвещения. В результате сразу по прибытии 6 человек попали в больницу с обморожением (6).

Уровень обеспечения людей одеждой и обувью составлял желать лучшего. Тяжелое положение сложилось на Дегтярское, более половины рабочих которого не

были обеспечены обувью. Из общего числа спецпоселенцев (390 чел.) треста Березовзолото валенки имелись только у 98 чел. В результате значительную часть рабочего дня люди проводили у костров, пытаясь согреться (7). Из материалов по созданию жилищно-бытовых условий спецпоселенцев следует: «... Снабжение промтоварами плохое. Особенно острый недостаток в завозе хоз. обихода: кастрюль, тарелок, ложек, керосиновых ламп, умывальников и др. Спецпереселенцы для приготовления пищи применяют консервные банки; вместо ламп делают фитильники, керосин на спецпоселки не завозился в течение трех месяцев, большинство освещается лучинами. Теплой одежды завезено и продано недостаточно. Работавшие беженцы не обеспечены валенками на 45%, фуфайками на 50%, стежными брюками на 70%. Не имеющие обуви в лесу работают либо в лаптях, или же в кожаных сапогах, в результате в амбулатории зарегистрировано до 60 случаев обморожений ног» (8).

Таковы сухие строки отчета, за которыми скрывалась каждодневная борьба людей за выживание. Ситуация усугублялась произволом со стороны руководителей работ. Так, начальник лагерного пункта Воробино, на лесоучастке которого были заняты спецпоселенцы, приказал отобрать у последних железные койки и матрацы и отдать их вербованным колхозникам (9).

Постоянные перебои в снабжении продуктами питания, одеждой и обувью вели к многочисленным заболеваниям и человеческим потерям. Ни один из спецпоселков не имел своей собственной продовольственной базы, поэтому часто в течение нескольких месяцев люди могли получать только один хлеб. В декабре 1940 г. в спецпоселок Тесьма для размещенных в нем 439 чел. беженцев было завезено всего 1800 кг картофеля, 591 кг моркови, 564 кг крупы, и 413 кг соли (10). Нередко такому положению дел способствовала «реализация» продуктов еще в пути следования. Согласно отчетам по снабжению спецпоселенцев продуктами, в декабре 1940 г. – январе 1941 г. в спецпоселки Серовского района не попали макаронные изделия (228 кг), крупа (437 кг), масло (115 кг), мясо (115 кг) и ряд других необходимых продуктов (11).

Высокой смертности способствовал и уровень медицинского обслуживания, весьма далекий от желаемого. Во многом это зависело от расположения спецпоселков. Например, жители спецпоселков Красноуральск-медьруда, Дегтярмедьруда, Асбестрой обслуживались наравне с кадровыми рабочими в общих больницах. Между тем, в отдаленных спецпоселках не всегда имелись фельдшерские пункты, а имевшиеся часто не были обеспечены медикаментами, инвентарем, мебелью, бельем. При этом квалификация медицинских кадров иногда не оставляла надежды на своевременную помощь. Например, летом в Ревдинском районе заболеваемость брюшным тифом приобрела массовый характер во многом потому, что фельдшер Медведев у первых заболевших диагностировал грипп и не предпринял мер к изоляции (12).

В спецпоселке Бахметка Тугулымского района дезинфектор Иванова сожгла у спецпоселенцев Демских Я. и Гнель А. полушубок, костюм, белье. В докладной записке о состоянии спецсылки в Свердловской области решение проблем в области здравоохранения нашло следующее отражение: «Со стороны Тугулымского райздраводела руководства над медпунктами осуществляется недостаточно, вместо практической помощи занимаются пьянством. Например: Зав. райздраводелом Еремеев... в поселке Бахметка напившись лечебного спирта в пьяном виде уехал домой» (13).

В целом изучение материально-бытового аспекта проблемы размещения на Среднем Урале бывших

польских граждан позволяет сделать вывод о том, что жизнь в спецпоселках была исключительно тяжелой. Даже за 10 лет практики переселения государством сотен тысяч людей проблема обеспечения их жильем так и не была решена. Постоянная нехватка продовольственных товаров и одежды способствовала высокой заболеваемости и смертности. К объективным причинам сложившегося положения можно отнести само тяжелое время кануна войны и ее начала. Часто ни территориальные органы НКВД СССР, ни хозяйственные организации вследствие отсутствия соответствующих фондов не могли обеспечить минимально необходимого уровня проживания. В то же время, изучение источников со всей очевидностью приводит к выводу и о наличии субъективных причин. К таковым следует отнести личностный фактор (представителей местной власти различных уровней), который в условиях абсолютного бесправия спецпоселенцев играл далеко не последнюю роль.

Список литературы

1. Правда. - 1939. - 18 сентября.
2. По данным А.Э. Гурьянова их было 320 тыс. См.: *Польские спецпереселенцы в СССР в 1940 – 1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. - М., 1997. - С. 114-136. В.Н. Земсков утверждает, что их было 380 тыс. См.: Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3 т. - Т.2. 1940 – 1959. - М., 2001. - С. 167.*
3. Капустин А., Мотревич В. Спецпереселенцы // *Уральский рабочий. - 1991. - 9 июня.*
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.9479. Оп.1. Д.79. Л.99.
5. Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (далее – АУФСБСО). Ф.1. Оп.1. Д.101. Л.67.
6. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д. 79. Л.21.
7. Там же.
8. Там же. Л.106.
9. Там же. Л.107.
10. Там же. Л.26.
11. Там же.
12. АУФСБСО. Ф.1. Оп.1. Д.101. Л.69.
13. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.79. Л.42.

М.Н. Федченко

Курганский государственный университет, г. Курган

ДОКУМЕНТЫ КУРГАНСКОГО ОБКОМА ВКП (Б) О МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОМ ПОЛОЖЕНИИ МЕСТНОГО И ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ (1943 – 1945 гг.)

В 1943 – 1945 гг. материально-бытовое положение зауральцев было более тяжелым, чем в 1941-1942 гг. В декабре неурожайного 1943 г. нормы снабжения людей хлебом, особенно в сельской местности, были снижены до 500 г для рабочих, 300 г для служащих, 200 г для иждивенцев. К тому же райисполкомы могли уменьшать эти нормы и даже снимать со снабжения иждивенцев «в зависимости от их обеспеченности продовольственными ресурсами собственных хозяйств». Зимой 1943 – 1944 гг. во многих районах области норма выдачи хлеба составляла 100 – 150 г. В 1941 – 1942 гг. в г. Кургане на одного жителя приходилось примерно по два квадратных метра жилой площади. В связи с образованием в феврале 1943 г. Курганской области положение с жильем в новом областном центре катастрофически ухудшилось. Следует все же отметить, что и в годы войны различные социальные группы населения существенно отличались по уровню

жизни, обеспечению продуктами питания и промтоварами, жильем. Об этом убедительно говорят рассекреченные архивные документы Курганского обкома ВКП(б).

В Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области нами изучены документы, ранее имевшие грифы «Особая папка», «Совершенно секретно», «Строго секретно», «Секретно»: постановления бюро ОК, ГК, РК ВКП(б), выделенные в «особые папки»; переписка обкома партии с ЦК ВКП(б), СНК СССР, другими центральными органами власти, а также с райкомами и горкомами партии; жалобы, заявления, письма в различные властные структуры, а также частная переписка граждан, находившихся на фронте и в тылу; информация, поступавшая в обком ВКП(б) из местных органов НКГБ, НКВД, судов и прокуратуры.

В «особой папке» обкома партии имеется его постановление от 7 августа 1943 г. о бездушном отношении руководителей Глядянского района к семьям фронтовиков. Здесь рассмотрение прошений граждан на получение пенсий и пособий затягивалось на многие месяцы. Так, заявление В. Жандаровой о выдаче пособия было подано в январе, а рассмотрено райисполкомом лишь в конце июля 1943 г., когда ее сын-фронтник уже погиб. Аналогичная судьба пришла на долю В. Парахиной, заявление которой о пособии рассматривалось в течение семи месяцев. Жены и дети воинов ходили по деревням за 30 – 40 километров, чтобы обменять кое-что из своих вещей на продукты питания. Бездушное отношение властей к людям порой приводило к трагическим последствиям. В селении Глядянка жена фронтовика М. Иванова, отчаявшись от голода и потеряв рассудок, убила трех своих малолетних детей, а затем покончила с собой (1).

12 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление «О снабжении партийно-советских работников Курганской области». Для них организовывались закрытые от остального населения столовые и магазины. Был утвержден контингент на улучшенное снабжение продовольствием и промтоварами: по первой группе – 318 чел., по второй – 400 чел., по третьей – 500 чел. Кроме того, 900 чел. было определено на второе горячее питание. Так, к первой, «высшей литерной группе снабжения» относились секретари обкома ВКП(б), председатели обкомполкома и его заместители, начальники областных управлений НКВД, НКГБ, заведующие областными отделами здравоохранения, народного образования, областной прокуратурой, облвоенком, председатель областного суда, начальник управления Наркомата юстиции РСФСР, управляющий областной конторой Госбанка, управляющий областной конторой Заготзерно, главный государственный торговый инспектор, уполномоченный Наркомата заготовок, управляющий Главнефтеснабом, первый секретарь Курганского горкома ВКП(б), главный редактор областной газеты «Красный Курган», первый секретарь обкома комсомола, председатель президиума облпотребсоюза, другие высшие должностные лица области, городов и районов Зауралья.

В третьем квартале 1943 г. продовольственные фонды, выделенные для обеспечения партийно-советского актива и остального контингента, снабжавшегося по карточкам, были отоварены по мясу и рыбе на 85 %, жирам – на 79 %, сахару – на 14,6 %. Секретарь обкома ВКП(б) А. Ахлюстин писал в ЦК партии о том, что «при условии полного обеспечения актива, части продуктов недостает и приходится совершенно прекратить выдачу продуктов остальному контингенту, проживающему в городах и рабочих поселках». В связи с появлением среди партийно-советского актива «нездоровых настроений» обком партии принял 4 апреля 1944 г. решение просить СНК

СССР и ЦК ВКП(б) увеличить количество лиц, снабжающихся по первой группе с 318 чел. до 500, по второй – с 400 чел. до 700 (2).

В ноябре 1944 г. в письме к заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну секретарь обкома партии П. Тетюшев и председатель облисполкома С. Моликов сообщали о том, что Курган не входил в список городов, находящихся на гарантированном обеспечении продовольствием. Рабочие и служащие предприятий и учреждений и их семьи не получали продовольственных карточек, за исключением контингентов, снабжавшихся через закрытую торговую сеть. В письме содержалась просьба включить Курган как областной центр в список городов, находившихся на гарантированном продовольственном снабжении. Из переписки местных властей с Москвой узнаем, что в 1944 г. Курганской области было выделено менее 10 % мыла от необходимой потребности, что создавало угрозу возникновения эпидемий (3).

Нами обнаружены справки, адресованные в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) по жалобе эвакуированных в Яланский совхоз Сафакулевского района семей работников ЦК партии и ЦК комсомола, которые снабжались по специальным нарядам облторготдела. По сравнению с третьим кварталом 1942 г., в последующих двух централизованное поступление продовольствия для этих семей резко уменьшилось: по мясу примерно в четыре раза, рыбе – в пять раз, маслу растительному – вдвое, сахару – в 2,5 раза. В связи с этим эвакуированные предъявляли претензии к руководству местного совхоза. Директор совхоза Филатов сообщал в обком партии о том, что «совхоз не имеет продуктов питания: овощей, круп, грибов, ягод, а поэтому не может оказать эвакуированным жителям помощь этими продуктами». Далее сообщалось, что в 1942 г. все эвакуированные сажали огороды, но из-за неурожая некоторые не обеспечили себя картофелем и покупали его у местных жителей. 7 апреля 1943 г. совхоз выдал одновременно на каждого эвакуированного по одному килограмму мяса и по два килограмма картофеля. Ежедневно каждый ребенок из семей эвакуированных получал по 0,5 л молока. Совхоз обеспечил каждую семью отдельной комнатой для проживания, сложил в них печи с плитами. Были выкопаны погреба для овощей, у домов построены ледники для хранения продуктов. Эвакуированные жители обеспечивались дровами. Семьи работников ЦК партии и ЦК комсомола получали в небольшом количестве мясо, рыбу, масло, сыр, рыбные консервы, яйца, молоко, кофе, чай, рыбную икру, шоколад, курагу, то есть многие продукты, недоступные для местного населения (4).

В связи с образованием Курганской области, городские власти нового областного центра стали принудительно переселять местных жителей из лучших квартир в худшие, чтобы расселить в лучших квартирах областное и городское начальство. Письма-жалобы горожан даже на имя И. В. Сталина не помогали. Жильцов выселяли не судом, а по решению горисполкома в административном порядке. Жена сержанта-фронтовика А. Широких писала И. В. Сталину: «Наши дома берут под квартиры областных работников. Им, значит, нужны хорошие квартиры, а нас с маленькими детьми можно выбросить за борт, потому что нет с нами отца, потому что он ушел защищать Родину ... тогда как те, у кого дома мужья и отцы, занимают по две комнаты на трех человек и их не трогают...» (5).

В «особой папке» обкома ВКП(б) содержится материал о том, что работники торговли и сферы бытового обслуживания усиленно занимались «самоснабжением», выполняли в первую очередь заказы на пошив одежды и обуви для лиц, которые оказывали им взаимные услуги. Ряд работников обллегпрома и лица, связанные с

ними, пошили себе большое количество одежды и обуви, значительно превышавшее нормы снабжения. По решению обкома партии был снят с работы начальник обллегпрома Ю. Лернер, а директор швейной мастерской В. Либерман отдан под суд. В годы войны США присылали в СССР для бесплатной раздачи семьям фронтовиков и инвалидам войны одежду и обувь. Однако в марте 1945 г. Курганский горисполком выдавал лучшие американские вещи в основном руководящим и торговым работникам города, то есть лицам более обеспеченным и отказывал в выдаче одежды и обуви жителям, которые нуждались в помощи (6).

Значительную часть ранее засекреченной информации о жизни населения в тылу составляют жалобы граждан в различные властные структуры. Авторами большинства из них являлись не рядовые рабочие и колхозники, а интеллигенция – учителя, офицеры-фронтовики, их жены, эвакуированные, имевшие хорошее образование. Во многих ответах местных властей в Москву по жалобам граждан прослеживается мысль о том, что жалобщики зачастую жили не хуже тех, кто за помощью не обращался. В конце 1943 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева пришло письмо эвакуированной в Усть-Уйский район А. Колесниченко. Она писала: «За 17 месяцев меня район ничем не снабдил, не обеспечивает как эвакуированных ни дровами, ни квартирой, только лишь 300 г хлеба без всякого приварка... Сельпо также плохо снабжает, продуктов дают мало, приходится сидеть больше голодом, чем кушать и на каждом шагу слышать: «Зачем Вы приехали?»... Мы продаем последние рубашки, а продать уже нечего... Просим секретаря ЦК ВКП(б) разобрать наше заявление и через торговые организации снабжать нас товарами, как пользуются все эвакуированные». По этому письму секретарь обкома партии ответил в ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву: «Установлено, что гражданка Колесниченко материально обеспечена, работает в сельпо на сушке картофеля, хлебным пайком обеспечивается: на себя 400 г, и на сына – 300 г. Кроме того, получает в сельпо рыбу, пряники, картофеля 16 кг ежемесячно. Квартирой обеспечена» (7).

Однако в архиве встречаются и очень печальные материалы. В апреле 1943 г. секретарь обкома партии С. Дерябин писал секретарям райкомов и горкомов: «В колхозе «Коллективист» Белозерского района семьи красноармейцев истощены и не способны к физическому труду... Имеются случаи, когда отдельные красноармейские семьи в данном колхозе употребляют в пищу трупы павших животных ... В колхозе им. Свердлова Уксянского района колхозница М. Комарова, имея на иждивении 5 человек детей в возрасте от двух до тринадцати лет, от истощения болеет, дети опухли, ходят по двору и подбирают выброшенные остатки пищи ... В колхозе им. Буденного Уксянского района семья красноармейца Петрова живет исключительно тяжело. Сын его Александр (16 лет) занимается кражами. При обыске в квартире Петрова были обнаружены трупы собак и кошек, из которых семья готовит себе пищу. Аналогичные факты имелись в Лопатинском, Звериноголовском, Упоровском и других районах». Курганский городской военный комиссар писал секретарю горкома партии и председателю горисполкома: «Похоронить в Кургане труп – проблема. Гробы заказывать негде, да и не из чего, могилу вырыть некому, нет транспорта, чтобы отвезти труп на кладбище». Из письма Л. Останиной (Юргамышский район) на фронт мужу: «Посмотрели бы вы на нас, несчастных солдаток, вы бы сказали: за что же наши дети и жены мучаются. Я до сих пор сижу без дров, лошади не дают. Поплачь, с тем и вернешься. На нас никто не смотрит, говорят: «много вашего брата красноармейцев, теперь все крас-

ноармейки и нечего ходить и плакать»». А. Менщикова (Курган): «Саша, как жить на 300 граммов. Работы прибавляют, а паек убавляют. Зиму проживем, а к весне будем валиться как мухи» (8).

Типичная бытовая картина жизни глубинного райцентра показана в коллективном анонимном письме И.В. Сталину (апрель 1945 г.): «Дорогой товарищ Сталин. Просим Вас, рабочие и служащие Уксянского района Курганской области, обратите внимание на наше начальство ... С 1 по 15 марта мы были без хлеба, раза четыре дали из овса одни комочки, есть нельзя было, зато они все пьянствуют каждый день. Райком, райисполком, НКВД, сельпо и прочее начальство жарят колхозных поросят, белую муку меняют на масло, яйца ... Где искать правды, когда им говорим, то они отвечают, что война, ничего не поделаешь, так видно война только для бедных рабочих и колхозников да несчастных нас раненых, а таким, как первый секретарь райкома, начальник НКВД, председатель райисполкома – им можно заниматься пьянством и развратом, а жены их никакой работой не занимаются, чем за мужьями бегать и скандалы учинять ... Люди жизнь свою отдают за Родину и за Вас, т. Сталин, а они зажирили, им всего достаточно, и их как видно война не касается ... А бывает, что хлеб в полях и на зиму на корне остается и картофель не убран ... Есть много не порядков, а не можем им ничего сказать, нам в тюрьмы ни за что не хочется неповинно как-нибудь страдать, а что сделать с ними не знаем, и решили Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, пожаловаться ...» (9).

Таким образом, рассекреченные архивные документы ВКП(б) периода Великой Отечественной войны позволяют более объективно, точно, рельефно реконструировать картины повседневного быта населения советского тыла, показать, что великая Победа над врагом была достигнута ценой перенапряжения физических и духовных сил наших соотечественников.

Примечания

1. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1 – Ос. Д. 1. Л. 80 – 81; Оп. 1. Д. 168. Л. 235; Оп. 2. Д. 164. Л. 23; Д. 169. Л. 7, 9.
2. Там же. Оп. 1 – Ос. Д. 1. Л. 252 – 257; Оп. 2. Д. 154. Л. 120.
3. Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 227, 232, 237.
4. Там же. Д. 178. Л. 7 – 12.
5. Там же. Оп. 1. Д. 168. Л. 40 – 43.
6. Там же. Оп. 1 – Ос. Д. 1. Л. 297 – 303; Д. 2. Л. 50 – 51.
7. Там же. Оп. 1. Д. 168. Л. 183, 191.
8. Там же. Оп. 2. Д. 164. Л. 35; Оп. 26. Д. 11. Л. 28 – 29.
9. Там же. Оп. 3. Д. 102. Л. 80.

Е.В. Некрытый

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С. ХРУЩЕВА И УСИЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

В начале 1950-х годов в СССР наблюдалось значительное ухудшение основных показателей экономического развития. Возможности мобилизации финансовых ресурсов из традиционного сектора были исчерпаны, что заставило новое советское руководство пойти на серьезную корректировку экономического курса.

Генеральное направление социально-экономической политики страны, в том числе и аграрной, было впервые за долгие годы пересмотрено Г.М. Маленковым. Важнейшей задачей председатель правительства считал в

кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства.

Приведение в жизнь мероприятий, разработанных Г.М. Маленковым, вызвало небывалый рост личных хозяйств населения. Аграрная реформа 1953 г. оказала стимулирующее воздействие на оживление трудовой активности сельских жителей. Но преобразования Г.М. Маленкова не нашли поддержки среди остальных «наследников» И.В. Сталина. Уже начиная с 1956 г. происходит поворот к политике ограничения индивидуальных хозяйств.

В мотивации деятельности Н.С. Хрущева в аграрной сфере, в том числе и по отношению к приусадебным хозяйствам селян, доминировали политические мотивы. Он считал, что социалистическая система победоносно развивается, не зная кризисов и потрясений, демонстрируя свои преимущества перед системой капитализма (12,58). Проводя свои аграрные преобразования, Н.С. Хрущев стремился к расширению колхозно-совхозного производства, для того, чтобы уменьшить роль приусадебного хозяйства. Удовлетворение потребностей населения страны в продовольствии планировалось осуществить исключительно за счет общественного сектора. Приусадебное хозяйство считалось всего лишь дополнительным, причем временным источником снабжения колхозников продуктами питания, пока колхоз не сможет полностью решить эту проблему.

В связи с этим возросла степень обобществления КРС. Если в 1956 г. в личной собственности сельских жителей находилось в Челябинской области 37% голов КРС, то в 1964 г. только 21%, в Оренбургской области – 39 и 22% и в Курганской области – 33 и 21% соответственно. Таким образом, наивысшая степень обобществления КРС на 1956 г. была достигнута в Курганской области – 67%, но уже в 1964 г. в среднем по Южному Уралу удельный вес обобществления скота вырос до 69% (11, 11, 26, 49, 147, 154, 160, 178, 185, 192; 10).

Еще большей степени обобществление КРС достигло непосредственно в колхозах. Так, если в 1956 г. в личной собственности колхозников Челябинской области находилось 33% от общего количества скота, то в 1964 г. только 4%. Подобные процессы были характерны также для Оренбургской и Курганской областей. В Оренбургской области в 1956 г. колхозники владели 44% КРС. В 1964 г. процент скота, находившегося в собственности колхозников, сократился до 13%, а в Курганской области – с 50 до 11% (11, 11, 26, 49, 147, 154, 160, 178, 185, 192; 10).

Тенденция ограничения личных хозяйств усилилась со второй половины 50-х годов. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении колхозными делами» отмечалось, что во многих районах колхозник не заинтересован в том, чтобы иметь личное хозяйство, предусмотренное Уставом. Постановление ориентировало колхозы и местные органы власти на сокращение приусадебного хозяйства (5, 94-96).

Местные органы власти необоснованно восстанавливали обязательные задания колхозникам, рабочим и служащим совхозов по выращиванию скота, продаже государству мяса, молока, яиц. Колхозникам предлагалось брать на себя обязательство по продаже государству продуктов животноводства. С колхозников, не имевших в личном пользовании скота, собирали деньги на покупку в магазинах и на рынках мяса, масла для сдачи их государству. Тех колхозников, которые не могли выполнить задания, в ряде случаев лишали приусадебных участков и выпасов для скота. Рабочих и служащих увольняли с работы. Подобные факты нарушений закона имели мес-

то в Троицком и Кизеловском районах Челябинской области (7).

Проведение ограничительных мер вызвало сокращение всех видов поголовья скота в личном подворье. На Южном Урале это сокращение в 1959 г. составило 22,4 тыс. голов крупного рогатого скота. Поголовье КРС в приусадебных хозяйствах с 1960 г. по 1964 г. уменьшилось на 66 тыс. голов (9; 10). Это было связано как с сокращением кормовой базы в результате ликвидации севооборотов, чистых паров, расширения посевов кукурузы, так и с политикой, проводимой по отношению к индивидуальным хозяйствам колхозников и рабочих совхозов.

Необходимо отметить, что сокращение поголовья скота наблюдалось только в личных хозяйствах колхозников, в приусадебных же хозяйствах рабочих и служащих совхозов, наоборот, происходил его рост. Так, в Челябинской области количество КРС в 1963 г. составило 164,3 тыс. голов по сравнению с 125,9 тыс. в 1960 г., в Оренбургской области – 128,7 и 105,7, в Курганской – 99,9 и 75,3 тыс. голов соответственно. Уменьшение поголовья КРС в данном виде хозяйств в 1964 г. по сравнению с 1963 г. (по трем областям на 42,5 тыс. голов) было вызвано засухой 1963 г. (9;10).

Таким образом, сокращение поголовья скота в индивидуальных хозяйствах колхозников было вызвано общим сокращением этого вида хозяйств в связи с преобразованием колхозов в совхозы. Начиная с 1961 г., как отмечает М.Н. Денисевич, большую часть продукции личных хозяйств производили не колхозники, а рабочие и служащие (2,112). Это стало новым явлением в сельскохозяйственном производстве, которое изменило традиционные источники поступления продуктов питания.

Ущемление владельцев личных хозяйств сыграло не последнюю роль в усилении стихийной, нерегулируемой государством миграции селян в город. Это, в свою очередь, означало как повышение городских потребностей в сельскохозяйственной продукции, так и снижение производительности труда в сельском хозяйстве. Однако, в новых условиях сельскохозяйственный производитель не мог насытить рынок продуктами питания, в связи с необоснованными заданиями по продаже государству мяса, молока и яиц.

Уменьшение продукции личных хозяйств, поступающей на рынок, вызвало падение объема продаж и рост цен. Так, на рынках Оренбурга цены на мясо выросли за пять лет (1960-1965 гг.) с 1,8 руб. до 2,8 руб., в Челябинске – с 2 до 3,5 руб. увеличивались цены и на молоко: в Челябинске с 0,4 до 0,5 руб., в Оренбурге с 0,25 до 0,3 руб. (2,113). Проявилось противоречие между ростом потребностей населения и возможностью их удовлетворения.

По данным М.Н. Денисевича, на Урале, как и по всей стране, возникли перебои в снабжении населения продуктами сельского хозяйства, прямым следствием которых явились ограничения на их продажу и рост цен. Но увеличение цен было вызвано постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г., в соответствии с которым были повышены закупочные цены на сельскохозяйственные продукты примерно на 35%. Причиной повышения закупочных цен стало стремление государственного и партийного руководства создать дополнительные стимулы для колхозов и совхозов. Данная мера должна была способствовать увеличению производства мяса, мясной продукции и сливочного масла. Но эта вполне разумная и оправданная мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан, так как постановлением предусматривалось увеличение цен на сельскохозяйственные продукты, поступающие в город, на 30%. В результате этого в обществе возникла социальная и политическая напряженность (3,278; 2,112).

Аграрная политика середины 50-х – начала 60-х годов не затрагивала основ сформированной еще при И.В. Сталине экономической модели. Сельское хозяйство, как и прежде, рассматривалось как обобщественный организм. Индивидуальное хозяйство противопоставлялось социалистическому строю, виделось как чуждое и ненормальное явление. Предпринимались попытки их насильственного слияния с колхозно-государственной собственностью, что вызвало перераспределение источников поступления продовольственных товаров. Однако, колхозно-совхозное производство не могло удовлетворить потребности растущего городского населения, что приводило к социальной и политической напряженности.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР, 1953. 15 августа.
2. Денисевич М.Н. Индивидуальное хозяйство на Южном Урале (1930 - 1985 гг.). - Екатеринбург, 1991.
3. Зеленгин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. - М., 2001.
4. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - Т. 8. - М., 1972.
5. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - Т. 9. - М., 1972.
6. ОГАКО. Ф. 166. Оп. 15. Д. 198. Л. 4.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 24. Д. 41. Л. 8.
8. ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 6. Д. 22. Л. 226, 270, 271.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 337. Д. 1417. Л. 79, 80, 84.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 337. Д. 4248. Л. 70, 71, 75.
11. Численность скота в СССР. Стат. сб. - М., 1957.
12. Шестаков В. А. XX съезд и социально-экономическая политика. Круглый стол: XX съезд КПСС в контексте минувшего века // Преподавание истории и обществознания в школе. - 2007. - №2. - С. 58.

Н.А. Лушников
Курганский государственный
университет, г. Курган

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ НА СЕЛЕ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 60–е гг. XX ВВ.

Сельское хозяйство Курганской области, его развитие в 60-е гг. XX века находилось под контролем государства в лице Коммунистической партии Советского Союза. Кадровые вопросы решались централизованно путем направления специалистов того или иного профиля на места. Много внимания уделялось и подготовке кадров для колхозов и совхозов.

Широким фронтом велась подготовка специалистов сельского хозяйства. Курганский сельскохозяйственный институт и 5 сельскохозяйственных техникумов за пятилетие (1960 – 1965 гг.) выпустили более 2,8 тысяч специалистов с высшим и средним образованием. К началу 1964 года в колхозах и совхозах области работало 1176 агрономов, 929 зоотехников и ветеринарных работников, 355 инженеров и техников. Обком и райкомы партии повышали роль специалистов в производстве, вели с ними систематическую работу. В области сложились определенные формы работы со специалистами: научно-технические и экономические конференции, областные съезды-семинары агрономов, сельских механизаторов, зооветработников.

Специалисты сельского хозяйства стали резервом укрепления состава руководящих кадров. Обком и райкомы КПСС выдвигали на руководящую работу в колхозы и совхозы как опытных организаторов из партийно-советского актива, так и проявивших себя на практической работе специалистов сельского хозяйства. В 1964 году

они возглавляли 51 совхоз из 60 и 127 колхозов из 224. Кроме того, 170 специалистов возглавляли полеводческие бригады, отделения и фермы (3, 301 – 302).

Отдел партийных организаций ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР 18 декабря 1963 г. поставил вопрос о подготовке и переподготовке сельскохозяйственных кадров по Курганской области. Выполняя постановление ноябрьского Пленума ЦК КПСС, Курганский сельский обком КПСС и сельские производственные парткомы приняли конкретные меры к укреплению состава руководящих кадров колхозов и совхозов. В 1963 году было направлено директорами совхозов 14 человек, председателями колхозов - 41 человек. Особое внимание обращалось на укрепление руководящих кадров отстающих колхозов и совхозов. В экономически слабых хозяйствах было заменено 3 директора совхозов, 8 председателей колхозов и 18 бригадиров производственных бригад колхозов, 25 управляющих отделениями и фермами совхозов. В эти хозяйства было направлено также 72 специалиста, 8 бухгалтеров и 212 механизаторов. В декабре 1963 года на базе передовых колхозов и совхозов были проведены 5-дневные семинары руководителей и специалистов экономически слабых хозяйств, где они познакомились с передовыми методами организации труда и ведения общественного хозяйства. Специалисты, которые рекомендовали себя хорошими организаторами, направлялись на должности руководителей бригад колхозов, ферм и отделений совхозов. За 11 месяцев 1963 г. на эти должности было направлено 146 специалистов сельского хозяйства.

Из 60 директоров совхозов 45 имели высшее образование и неполное высшее образование, 15 - среднее образование, из них - 53 специалиста сельского хозяйства. Из 223 председателей колхозов - 43 с высшим образованием и неполным высшим образованием, 114 - со средним образованием, из них 132 специалиста сельского хозяйства. Однако, несмотря на принятые меры по укреплению кадров председателей колхозов, 40 человек - с незаконченным средним образованием и 25 с начальным образованием. Многие из них имели опыт практической работы, являлись хорошими организаторами производства. Обком КПСС и сельские производственные парткомы приняли меры к их обучению на краткосрочных курсах и семинарах. За 1961–1962 гг. при Курганском сельскохозяйственном институте и сельскохозяйственном техникуме прошли 1,5-месячные курсы повышения квалификации 1064 человека из числа председателей колхозов, управляющих отделениями и фермами совхозов, бригадиров производственных бригад, специалистов и инспекторов-организаторов производственных управлений. В 1963 году во всех сельских профтехучилищах были открыты подготовительные курсы руководящих кадров колхозов и совхозов среднего звена, на которых обучался 261 человек.

Была проведена работа по улучшению заочной учебы руководящих кадров колхозов и совхозов и созданию необходимого резерва для выдвижения. В сельскохозяйственных высших и средних учебных заведениях в 1963 году училось 1020 человек колхозников, рабочих и служащих совхозов.

За 1961-1962 гг. Челябинскую советско-партийную школу окончил 41 человек, работали на руководящей хозяйственной работе в сельском хозяйстве.

В соответствии с решением бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР при Шадринском сельскохозяйственном техникуме были открыты межобластные 6-месячные курсы и одногодичная школа подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов. За это время на 6-месячных курсах прошли переподготовку 55 человек и в

одногодичной школе -126 человек. В 1963 г. на курсах обучалось 22 человека, а в одногодичную школу было направлено 63 человека.

Сельские производственные парткомы и управления обращали особое внимание на подготовку кадров массовых профессий. В зимний период во всех хозяйствах проводилось обучение колхозников и рабочих совхозов в агротехнических школах и школах механизаторского всеобуча. К началу весенне-полевых работ 1963 года было подготовлено 4187 трактористов, 1239 комбайнеров, 2672 кукурузовода и 9742 сеяльщика зерновых культур. Во всех колхозах и совхозах была проведена переаттестация трактористов, установлена зарплата в зависимости от классности. Перед уборкой урожая на семинарах передового опыта было подготовлено 4187 трактористов, 1239 комбайнеров, 2672 кукурузовода и 9742 сеяльщика зерновых культур, 4980 машинистов жаток, 1690 комбайнеров для работы на комбайнах с широкозахватными жатками и 1190 наладчиков уборочных агрегатов и механизированных токов. В 1963 году обучалось 5500 колхозников и рабочих совхозов.

Для изучения широкого распространения и внедрения достижений науки и передового опыта парткомы и производственными управлениями систематически проводились семинары, организовывались экскурсии работников колхозов и совхозов в передовые хозяйства области и страны (4, 130 - 132).

На заседании бюро Курганского обкома КПСС, проходившем 1 октября 1965 года, обсуждались вопросы обеспеченности кадрами в сельской местности. Было отмечено, что районные производственные управления укомплектованы неплохими кадрами. Все начальники управлений имеют высшее образование и являются специалистами сельского хозяйства. Была проведена работа по улучшению состава заместителей начальников управлений, увеличилось количество специалистов на 5 человек и составило 67% от общего количества. Должности главных агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров-механизаторов управлений были укомплектованы в основном соответствующими специалистами с высшим образованием. Несколько улучшился состав главных инженеров-строителей управлений.

Бюро обкома КПСС постановило, что некоторые райкомы партии и областное объединение «Сельхозтехника» ослабили внимание к подбору кадров управляющими районными объединениями «Сельхозтехника»: из 21 управляющего 14 имели высшее образование, 6 – среднее и 1 – начальное образование, среди этих работников в целом уменьшилось количество специалистов.

Многие райкомы партии, областное управление сельского хозяйства и трест «Скотооткорм» не приняли мер для выполнения постановлений обкома КПСС об улучшении качественного состава председателей колхозов и директоров откормочных совхозов.

Областное управление сельского хозяйства слабо направляло работу районных производственных управлений сельского хозяйства в деле подбора кадров, зачастую сводя свою роль к формальному согласованию работников. Несмотря на большую сменяемость председателей колхозов, состав их улучшался медленно. С 1 октября 1964 года по 1 октября 1965 года сменилось 36 председателей колхозов, из них 8 освобождены как несправившиеся с работой и скомпрометировавшие себя. Всего же за год количество председателей колхозов с высшим и средним образованием увеличилось лишь на 12 человек, специалистов сельского хозяйства – на 9 человек.

По-прежнему оставался неудовлетворительным состав директоров откормочных совхозов, двое из двадца-

ти трёх не имели среднего образования, учились из них заочно в техникумах лишь четверо. За год сменилось 6 директоров откормсовхозов, в том числе пять с высшим и средним, один – с незаконченным средним образованием, вновь назначены три директора со средним и три – с незаконченным средним образованием.

В результате работы Бюро обкома КПСС были приняты следующие постановления: райкомы партии, областное и районные управления сельского хозяйства, областной трест «Скотооткорм», областное управление «Сельхозтехника» были обязаны усилить внимание к подбору и воспитанию руководящих кадров районных производственных управлений сельского хозяйства, директоров совхозов и председателей колхозов, управляющих районными объединениями «Сельхозтехника».

Было запрещено областному управлению сельского хозяйства и тресту «Скотооткорм» выдвигать на должности председателей колхозов и директоров совхозов людей, слабо знающих сельскохозяйственное производство и не проявивших себя на предыдущей работе. В ближайшие 2 – 3 года все директора совхозов и председатели колхозов должны иметь высшее или среднее сельскохозяйственное образование, необходимо было поставить под контроль и оказывать помощь директорам совхозов и председателям колхозов, обучающимся заочно. Областное управление сельского хозяйства и сельхозотдел обкома КПСС в месячный срок должны были внести на бюро обкома КПСС предложения об утверждении председателей экономически слабых колхозов, провести работу с секретарями райкомов КПСС о несении личной ответственности за подбор и воспитание сельскохозяйственных кадров.

Отдел организационно-партийной работы и сельскохозяйственный отдел обкома КПСС обязались строго контролировать выполнение данного постановления (1).

10 октября 1967 года партийный комитет, администрация Катайского совхоза Альменевского района и парторганизации ферм уделили много внимания подготовке кадров, ознакомлению кадров механизаторов с передовыми методами труда. 25 механизаторов и комбайнеров были подготовлены в организованном при совхозе филиале училища механизации, 70 механизаторов прошли подготовку, переаттестацию и повысили свою квалификацию (2).

Таким образом, проблема кадров в 60-е гг. решалась административными методами, под контролем областного комитета и районных комитетов КПСС. Проводилась большая работа по повышению квалификации руководящих кадров совхозов и колхозов, агрономов, зооветспециалистов, механизаторов. Был взят курс на повышение образованности работников сельского хозяйства: к примеру, при Шадринском сельхозтехникуме была открыта одногодичная школа подготовки руководящих кадров. Работники сельского хозяйства широко направлялись на учебу в средние и высшие учебные сельскохозяйственные заведения. В целом к 1965 году должности агрономов, зоотехников, ветврачей и механизаторов были укомплектованы соответствующими кадрами. Однако существовали определённые недостатки в подборе кадров – всё сводилось к формальному согласию работника. Часть председателей колхозов были смещены по причине неудовлетворительной работы или компрометации самих себя. Но в целом обстановка с обеспеченностью кадрами на селе в 60-е гг. XX века оставалась удовлетворительной.

Список литературы

1. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 285, д. 93, л. 22 – 24.
2. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 293, д. 169, л. 248.

3. *Очерки истории Курганской областной организации КПСС.* – Челябинск, 1977.
4. *Хрестоматия по истории Курганской области (1946 – 1996).* – Курган, 1998.

И.Г. Коурова
Курганский государственный
университет, г. Курган

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ КАДРАМИ И МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х – 70-е гг. XX В.

С развитием сельскохозяйственного производства, ростом его энергетической базы, усложнением технологических процессов возрастали требования к кадрам, занятым в аграрном секторе экономики. Особое место кадровый вопрос занял в решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, который попытался переориентировать социалистическое аграрное производство на интенсивный способ развития. Решение указанной задачи во многом зависело от наличия и рационального использования трудовых ресурсов.

Пленум обратил внимание местных партийных органов на необходимость постоянной работы по подготовке, повышению квалификации и воспитанию кадров специалистов сельского хозяйства. В развитие решений пленума в январе 1966 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем улучшении системы повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства». И уже в марте 1966 г. Курганский обком КПСС провел первый набор слушателей на специально созданный при КСХИ факультет повышения квалификации руководящих работников сельского хозяйства (5).

В области регулярно, как никогда ранее, проводятся съезды, семинары, совещания руководителей и специалистов – аграриев. Эти старые традиционные формы обком в те годы стремился превратить в более активные виды общения и обучения, тщательнее их готовил. Так, областное совещание агрономов, проведенное в феврале 1967 г., обком КПСС вместе с областным управлением сельского хозяйства начал готовить сразу после уборки урожая 1966 г. Для подготовки совещания областной комитет партии привлек ученых КСХИ и опытной станции, ведущих агрономов, руководителей колхозов и совхозов. Было организовано 10 комиссий, которые обобщили опыт передовых хозяйств, результаты опытов в научных учреждениях области, проанализировали причины низких урожаев в ряде районов области. Результаты обобщений были доложены на пленарном заседании и обсуждены в ходе работы 8 секций. Выступило с докладами, сообщениями, в прениях 98 участников совещания, получился откровенный, поучительный разговор агрономов, а по некоторым проблемам агротехники завязалась дискуссия. В феврале 1968 г. в такой же форме было проведено совещание инженеров по высокопроизводительному использованию сельскохозяйственной техники.

Для руководителей и специалистов среднего звена практиковались зональные совещания. Осенью 1966 г. такие совещания (в 5 пунктах) были организованы для зоотехников, ветработников и заведующих фермами. В начале апреля 1968 г. состоялись деловые встречи бри-

гадиров комплексных и тракторных бригад, агрономов и механиков отделений и ферм по вопросу повышения культуры земледелия и увеличения производства зерна. Для повышения экономических знаний практиковались 5-10 – дневные семинары при КСХИ и учкомбинате областного статистического управления. За два учебных года - 1965-1966 гг. и 1966-1967 гг. – в области через различные формы повышения квалификации прошли почти 18,5 тыс. руководителей и специалистов высшего и среднего звена (3).

Принимая действенные меры к повышению квалификации руководителей, специалистов и рядовых работников сельского хозяйства, партийные и советские органы Зауралья не менее пристальное внимание уделяли их пополнению, стремясь максимально рационализировать сеть и структуру соответствующих учебных заведений. В IX и X пятилетках специалистов-аграриев в области готовили пять техникумов и один вуз, на дневном отделении, которых обучалось свыше 3 тыс. студентов; студентов-заочников сельскохозяйственных учебных заведений насчитывалось в области более двух тысяч. Подготовку кадров массовых профессий осуществляли 14 СПТУ, выпуск из которых возрастал год от года: в 1965 г. – 3,6 тыс., в 1966 г. – 4,5 тыс., в 1967 г. – 4,7 тыс. За 1970 -1980 гг. СПТУ подготовили 69,9 тыс. механизаторов, животноводов, мастеров машиностроения, механиков и других представителей массовых профессий (4; 7,76).

Однако насыщенность сельского хозяйства Курганской области трудовыми ресурсами оставалась недостаточной. К 1980 г. обеспеченность специалистами по разным оценкам составляла от 52 до 58,2%, а 40% должностей было укомплектовано практиками, не имевшими специального образования (8, 188). Еще хуже складывалась ситуация с кадрами массовых профессий, в первую очередь с механизаторами, закрепляемость которых в селе составляла не более 20% от вновь подготовленных. В результате после незначительного (на 1,5 тыс.) роста численности трактористов и комбайнеров в годы восьмой пятилетки на протяжении девятой и десятой шел процесс их постоянного количественного сокращения с 27,2 тыс. в 1970 г. до 26,1 тыс. в 1980 г. Правда, в сравнении с 1965 г. численность механизаторов в зауральском селе все-таки возросла – на 1,6%, и это только при увеличении тракторного парка (без комбайнов) за этот же период на 80%. Такая диспропорция приводила к ухудшению использования техники. Аналогичное положение с кадрами наблюдалось и в других сферах аграрного сектора. Зауральское село теряло население при естественном приросте сельских жителей в 1960-1970-е гг. выше, чем в городе, вследствие механического передвижения (2). Из села уезжали люди, как правило, трудоспособные, с высокой образовательной и профессиональной подготовкой. Их миграция в значительной степени обуславливалась неудовлетворенностью содержанием труда, его малой механизацией, примитивной техникой. Молодые, квалифицированные механизаторы, к примеру, изъявляли желание работать на высококлассных машинах - тракторах К 700, К 701, Т 150 и т.п., а их в зауральских колхозах и совхозах насчитывалось немногим более 3 тыс., зато тракторов морально устаревших марок имелось почти 19 тыс. (1).

Одной из жизненно важных, но так и не решенных в те годы проблем являлось отсутствие нормальных жилищных условий в селе. За IX и X пятилетки в области было построено около 4 млн кв. м жилья, из них в сельской местности только 938,2 тыс. кв. м (0,9 млн. м²), причем половину этой жилплощади сельчане выстроили на свои личные средства. Жилье в сельской местности Курганской области отличалось крайне низким уровнем благоустройства: из 23 райцентров лишь 11 имели водопро-

вод и 5 канализацию, только 13 % сельского населения было обеспечено централизованным водоснабжением (8,55).

Весьма существенным фактором, оказавшим влияние на отток жителей из села, являлось неудовлетворительное состояние зауральских дорог. Несмотря на то, что в области постоянно велось дорожное строительство (только в X пятилетке было построено 800 км дорог с твердым покрытием), Курганская область по этому показателю занимала среди российских регионов 70-е место, а 330 центральных усадеб колхозов и совхозов не имели круглогодичной транспортной связи с райцентрами (6).

То есть меры, намеченные мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, последующими постановлениями и решениями съездов по обеспечению сельскохозяйственного производства квалифицированными кадрами, в Курганской области, несмотря на максимальные усилия властных структур по их подготовке, переподготовке, повышению квалификации, не давали ожидаемых результатов, так как минимальными оставались условия для их закрепления в селе. Динамичное развитие материально-технической базы сельскохозяйственного производства не сопровождалось соответствующим развитием социальной инфраструктуры сельской местности. Следствием явился отток кадров.

Примечания

1. ГАКО. Ф.Р. 1541. ОП.8. Д.3061. Л.9.
2. ГАКО. Ф.Р. 1546. ОП.8. Д. 3060. Л.Л. 2,2 ОБ. 3,14; Ф.Р. 1541. ОП.8. Д.1271.Л.47.
3. ГАОДКО. Ф.166. ОП. 294. Д. 360. Л. 75.
4. ГАОДКО. Ф.166. ОП. 294. Д. 360. Л.80.Л.82
5. ГАОДКО. Ф.166. ОП. 294. Д. 360. Л.92
6. ГАОПДКО. Ф.166.ОП.332. Д.245. Л.19.
7. Курганская область в одиннадцатой пятилетке 1981-1985 гг.: Статистический сборник. - Челябинск, 1987.
8. Проблемы и перспективы комплексного развития производительных сил Курганской области в свете решений XXVI съезда КПСС. - Курган, 1981.

А.И. Шевельков

Коломенский государственный педагогический институт, г. Коломна, Московская область

РОЛЬ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В РАЗРАБОТКЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Основные направления аграрной политики в 1950-1980-е гг. определялись постановлениями ЦК КПСС, Политбюро и пленумов ЦК КПСС, общее количество которых превысило 1500. Большинство постановлений второй половины XX века - совместные решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Несомненно, что ведущая роль в формировании и реализации аграрной политики принадлежала отделам ЦК КПСС, Госплана СССР, а также сельскохозяйственным министерствам и ведомствам, количество которых исчислялось десятками, а вместе с постановлениями местных партийно-советских, хозяйственных, сельскохозяйственных органов - тысячами. Вся координация подготовки проектов постановлений по аграрным вопросам, которые должны были приняты к исполнению, была сосредоточена в сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС. Достаточно сказать, что только в этом отделе ЦК КПСС функционировало около 30 секторов. Одни ведали отраслями сельского хозяйства, другие отвечали за вопросы развития сельского хозяйства в от-

дельных республиках, регионах и даже крупных областях. Сюда направлялись тысячи справок, отчетов, других документов, которые рассматривались или переправлялись в другие инстанции.

Особенно много документов приходило и прорабатывалось при подготовке проектов постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам развития сельского хозяйства. Подготовка отдельных, наиболее сложных с финансовой точки зрения вопросов проектов, осуществлялась достаточно длительное время, иногда несколько лет. В преддверии пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства, решением Политбюро создавались специальные комиссии, которые готовили материалы, проекты постановлений. Самое продолжительное время в преддверии мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС работала комиссия под руководством члена Президиума ЦК КПСС, заместителя председателя Совета Министров СССР Д.С. Полянского, которая подготовила около двадцати проектов постановлений. В ее составе были представители Госплана СССР, руководители профильных министерств и ведомств.

Хотя позднее Л.И. Брежнев говорил, что лично ему было поручено готовить документы и пленум ЦК КПСС. Следует отметить, что еще в феврале 1964 г. Н.С. Хрущевым было принято решение о проведении пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству в ноябре 1964 г. Поэтому в течение нескольких месяцев до отстранения Н.С. Хрущева подготовка документов велась под его личным контролем. Комиссия Д.С. Полянского использовала и эти материалы, которые направлялись в ЦК КПСС различными министерствами и ведомствами.

Однако не все документы, подготовленные в партийно-государственных ведомствах, комиссией были приняты сначала на заседании Президиума ЦК КПСС, а затем пленума ЦК КПСС. При этом, по предложению разработчиков проектов, пленум «поручил» Президиуму ЦК КПСС «доработать» практически все документы, что свидетельствовало о сохранении окончательного решения не за коллективным, а за руководящим органом партии в лице небольшой группы. Необходимо также отметить, что из числа принятых на пленуме документов большинство не было опубликовано в печати. Одна из причин - внесение дополнительных изменений, которые не обсуждались на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС.

Решение о публикации постановлений пленума принимались в результате персонального опроса каждого члена Президиума ЦК КПСС. Практически в течение месяца после окончания «этапного» пленума по сельскому хозяйству, решался вопрос о предании гласности отдельных документов. И в этом вопросе еще не было того единодушия, «власти покорства», которое проявилось уже через несколько лет. К примеру, Н.В. Подгорный был против публикации постановления об оказании финансовой помощи колхозам. Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют, что с ним согласился и Л.И. Брежнев. Однако постановление было опубликовано в средствах массовой информации. Вероятно, Президиум ЦК КПСС не поддержал решение Л.И. Брежнева и Н.В. Подгорного. Отсутствие возможности работать с документами Президиума (Политбюро) ЦК КПСС, не позволяет достоверно восстановить обсуждение данного вопроса.

Начиная с середины 60-х гг., со времени прихода нового руководителя ЦК КПСС, в средствах массовой информации, в сборниках документов партийных и государственных органов, все постановления ЦК КПСС по вопросам развития сельского хозяйства публиковались только «в изложении». Одновременно и многочисленные «приложения» и «задания», число которых иногда насчитывало несколько десятков, не публиковались. Это

позволяло руководящим партийно-государственным структурам проводить их коррекцию, изменять показатели. Очень «дозированной» становится информация материалов пленумов ЦК КПСС.

Во-первых, стенограмма мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС была последней публикацией брежневской эпохи. Только спустя почти четверть века была опубликована Стенограмма мартовского (1989 г.) пленума ЦК КПСС, что было связано с перестроечными процессами. Как показывает исследование архивных документов, со второй половины 60-х гг. даже партийная элита, присутствовавшая на пленумах и совещаниях в ЦК КПСС, не получала полной информации о реальном положении в сельском хозяйстве.

Прежде всего, это касалось негативной информации, которая свидетельствовала о нарастании в экономике, а особенно в ее аграрном секторе кризисных явлений. Из «рабочих» вариантов докладов изымались целые разделы. Цензорами выступали члены Политбюро, помощники Л.И. Брежнева. Больше всего «усердствовал» руководитель Организационно-партийного отдела ЦК КПСС К.У. Черненко. К примеру, из первоначального варианта доклада Л.И. Брежнева на июльском (1970 г.) пленуме ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства было изъято более 30 позиций, где излагалось реальное положение в сельском хозяйстве, производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции, состоянии материально-технической базы, соотношении с капиталистическими странами в потреблении на душу населения продовольствия.

После мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС координация вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства была поручена специально избранному секретарю ЦК КПСС. Первым куратором сельского хозяйства стал заведующий ЦК КПСС Ф.Д. Кулаков, а затем его сменил М.С. Горбачев. Оба были связаны с работой в Ставропольском крайкоме КПСС. Под их руководством Сельскохозяйственный отдел, его сектора непосредственно отвечали за подготовку так называемых «Записок» в Политбюро ЦК КПСС по вопросам развития сельского хозяйства. Как и при Н.С. Хрущеве, существовала практика обсуждения этих документов сначала на заседании Политбюро, а затем на расширенных заседаниях партийных работников в ЦК КПСС.

Несмотря на то, что при снятии Н.С. Хрущева его упрекали в том, что он «руководит сельским хозяйством с помощью записок», все последующие руководители ЦК КПСС сохранили эту практику. Однако, направляемые в нижестоящие партийные организации «записки» не содержали полной информации о производстве продовольствия в сельском хозяйстве страны. Она просто изымалась из полной версии «записок», которые обсуждались на закрытых партийно-хозяйственных активах.

В Госплане СССР, отличие от ЦК КПСС, до конца 60-х гг. был только один отдел, который ведал вопросами развития сельского хозяйства. Однако после того как руководитель Госплана Н.К. Байбаков подвергся серьезной критике за провалы в реализации задач развития сельского хозяйства, обострении продовольственной проблемы в стране, число отделов и секторов здесь было увеличено. Однако уже вскоре против «чрезмерного» сосредоточения рычагов управления аграрным сектором страны в Госплане СССР выступило Министерство сельского хозяйства страны.

В «подковерной» борьбе за право распределять государственные и материально-технические ресурсы, выделяемые на развитие сельского хозяйства, и был смещен основной «возмутитель», выдвигенец Н.С. Хрущева, министр сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич, кото-

рый находился на этой должности около 15 лет. За Госпланом СССР были сохранены основные функции распределения финансовых и материально-технических ресурсов. Несмотря на то, что в 70-80-е гг. происходил целый ряд изменений в структуре руководящих органов сельского хозяйства, которые были призваны повысить эффективность руководства сельским хозяйством, Госплан СССР, руководимый одним из последних «сталинских» наркомов Н.К. Байбаковым, удержал свои позиции.

Как известно, Н.С.Хрущев первым приступил к реорганизации министерских структур, которые были восстановлены после его отстранения. Несостоявшийся в ноябре 1964 г. пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства был также призван провести радикальные изменения в структуре органов руководства колхозами и совхозами.

В 60-80-е гг. сложилась практика, когда многие рабочие проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров готовились в нижестоящих партийно-государственных структурах. Это в значительной степени облегчало работу вышестоящих партийно-государственных структур. Это требовало многочисленных согласований, уточнений.

Именно на этой стадии возникали трения между союзными и республиканскими планирующими органами. Первые были заинтересованы в сокращении объемов централизованного финансирования, стремились затягивать с принятием решений, что отрицательно сказывалось на положении в сельском хозяйстве. Вторые иногда даже шли на то, чтобы представить более критическим положение в аграрном секторе своего субъекта, чтобы выпросить больше денег и материально-технических ресурсов, особенно в условиях стихийных бедствий, ликвидации последствий неблагоприятных погодных условий. Поэтому по направлению вышестоящих партийно-государственных органов параллельно на местах готовились специальными комиссиями другие справки и документы. В итоге происходила затяжка решений, которые иногда требовали оперативности.

Как свидетельствуют архивные документы ряда российских государственных структур, несвоевременная поставка семян для восполнения погибших в результате низких температур озимых в 1972 г. привела к потере несколько миллионов тонн зерновых, банкротству тысяч колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР. Эти же документы позволяют сделать вывод, что затягивание постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства этого важнейшего региона страны привело к более значительным дополнительным финансовым расходам государства.

Почти десять лет, начиная с середины 60-х гг., решался вопрос о принятии радикальных мер по возрождению Нечерноземной зоны РСФСР. Однако по-прежнему значительные средства уходили на поддержание целинных хозяйств Казахстана, на чем постоянно настаивал еще Н.С.Хрущев. И только обострившийся кризис в сельском хозяйстве, рост числа убыточных хозяйств в РСФСР, а также резкое усиление оттока селян из центральных областей страны в начале 70-х гг. убедили руководство страны обратить серьезное внимание на Нечерноземье. Однако время было упущено. Как оказалось, многомиллиардные средства, направляемые в 70-80-е гг. сначала на развитие сельского хозяйства, а затем всей агропромышленной инфраструктуры, не смогли восстановить весь социально-экономический потенциал региона, разрушенный в годы Великой Отечественной войны, в результате неэффективной аграрной политики 50-60-х гг.

В заключение необходимо отметить, что решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 60-х гг. сначала по-

литиками, а затем и учеными были определены как «новая аграрная политика». По нашему мнению, следует уточнить, что ее основы были заложены при Н.С.Хрущеве, начиная с сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Реализация осуществлялась фактически теми же партийно-государственными структурами, теми же методами, которые в предшествующие годы не привели к подъему сельского хозяйства.

Эта политика осуществлялась не только в условиях сохранения административно-командного диктата над сельским хозяйством, но и применения форсированных подходов, которые уже использовались во все предшествующие годы, начиная с коллективизации. С каждым годом более явнее ощущались элементы уже осужденного волонтаризма, в том числе в решении вопросов развития сельского хозяйства, который прикрывался заверениями о соблюдении ленинского принципа коллективного руководства, неукоснительном выполнении ленинского кооперативного плана.

А.А.Носков

Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа

КАЗАЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОСТИ К НАЦИОНАЛИЗМУ

На раннем этапе русского освоения жизненного пространства среди казаков (уральских, донских, терских и сибирских) преобладали бессемейные одиночки. Обзавестись семьей мешал недостаток невест. А.Б. Карпов, опираясь на достоверность и объективность старинных преданий, отстаивал точку зрения, что первоначально казачьи общины были интернациональны, но всё же большинство было выходцев из Московского государства (2). Точку зрения А.Б. Карпова относительно происхождения и этнического состава первых яицких казаков разделял и Л.Л. Масянов, который писал в своей работе, что изначально «уральцы были великороссами» (3). Но славянских красавиц на степных просторах было мало, и часто казаки женились на пленницах. В переписке с турецкими властями они писали: «А серебро и золото за морем у вас из ходим. А жен себе красных любых выбираем и от вас же уводим». Таким образом, казачий генотип вообрал в себя и восточные черты окрестных народов. Только начиная с переписи начала XVIII века, женское население по количественному отношению выравнивается с мужским. С этого момента невест предпочитали брать из своей среды, хотя до второй половины XIX века сословные перегородки не были препятствием к созданию семьи - казаки часто женились на дочерях крестьян, посадских людей, ямщиков. Позднее жен стали выбирать преимущественно в своем кругу, это связано с возросшей требовательностью к невесте. Многим казакам не нужны «мужицкие дочери». Так, оренбургские казаки предпочитали брать невест из чужих станиц. В некоторых казачьих станицах обязательным требованием к невесте было умение ездить верхом. А в Уральском войске считалась плохой невеста, которая не знала псалтыри и часослова и не умела читать «по-церковнославянски». Из главных добродетелей жены перечислялись то, что она обязана была содержать в порядке дом, заниматься воспитанием детей, шить, стирать, готовить еду. Это же подтверждается и в записках об уральских казаках В.И. Даля, который писал: «Они все знают церковную грамоту, служат сами по старопечатным книгам, хозяйничают с покупного добра, потому что своего, кроме рыбы и скота, нет ни-

чего, ниже неба; ткнут шелковые пояски, шьют сарафаны... и рубахи с шелковыми рукавами и вяжут понемногу чулки, другой работы у них нет». Максимов называл уральских домохозяек «казаками-лежебоками». Впрочем, и в других казачьих районах всеми работами вне дома занимались мужчины.

В казаки принимали беглецов разных вероисповеданий. Здесь были православные и староверы различных толков, «татары исповедовали магометанскую веру, калмыки верили в Делай Ламу». Это в большей степени относится к раннему периоду истории формирования казачества, а с XVIII в. всё большее число казаков-уральцев обращались к старообрядчеству, или к расколу. Увеличение численности казаков-старообрядцев в первую очередь было связано с увеличением потока беженцев-раскольников, прибывавших в то время на р. Урал. Подавляющее большинство старообрядцев среди уральских казаков принадлежало к религиозным общинам так называемых поповцев и беспоповцев (первые принимали священнослужителей, вторые отвергали их). Среди некоторой части казаков было заметно также влияние сектантов – духоборов и молокаев.

Среди казаков-христиан мы встречаем не только православных, но и выходцев из европейских стран католического и протестантского вероисповедания. Помимо этого, с незапамятных времён в столице Войска Донского – Черкасках жили отдельной станицей казаки-татары, исповедовавшие ислам. Они имели мечеть, выбирали станичные власти. Сродни им были калмыки. Ни государство, ни казаки не вмешивались в их традиционный быт и религию. В целом же государство должно было считаться с местными традициями. Отсюда – постоянное «запаздывание» в реализации государственной церковной политики на Дону.

Становление казачества шло через отрицание сословной принадлежности вновь пришедших, и потому дети духовенства (которых призывали к себе казаки) считались коренными казаками, и места в причтах формально никогда не передавались по наследству, как это было в российских землях. В XVII веке казачьи земли были включены в состав патриарших областей. Это означало, что по всем церковным вопросам нужно было обращаться к главе русской православной церкви. Многие порядки, по которым жили казачьи общины-приходы оставались без изменений.

Первоначально даже воззрения голутвенного и домовитого казачества (особенно это касается «старых» казачьих войск Уральского, Донского и Терского), особо не отличались. Хотя голутвенное казачество формировалось в основном из пришлого (беглых крестьян) населения и первоначально, смотрело на многие вещи с так сказать «холопской» позиции. Лишь спустя некоторое время, возможно, пару десятилетий (одно поколение), они усваивали, что «казачья воля и царя поболее». Атаман выбирался из простых (как правило, чаще это были представители домовитых казачьих родов) казаков на время и при первом же недовольстве его могли снять (а то и «покарать») с этой должности, и он становился обычным казаком.

В конечном итоге становится понятно, что казачество не было конфессионально однородным и веротерпимостью – обычное явление в казачьих сообществах. Что касается государственной политики в вопросах веры, то, отдавая приоритеты православию, она, тем не менее, исходила из принципа сохранения казачества как особого военного сословия. И если изменения в управлении православной церковью входили в противоречие с местными традициями, а тем более льготами казаков, то новые порядки в казачьих сообществах (их приходах) не вводили.

Что же касается рождения и формирования проблемы нетерпимости между казаками и новопришлыми, то она в первую очередь возникла из-за уменьшения земельных наделов, а уже потом из-за столкновений на религиозной и этнической почве. Безусловно, что проблема подобной ассоциации казачества как этноса поднята лидерами казачьих Войск (общественных движений). Но возникает вопрос, существенен ли этот момент для рядовых казаков? Здесь мы поддерживаем позицию С.К. Сагдеевой: «У современных «казаков» отсутствует самостоятельное этническое самосознание, при этом представление о своей принадлежности к казачеству у них выражено достаточно отчётливо». Только начиная с первой трети XVII века в казачьих общинах чётко обозначилось деление казаков на «домовитых» и «голытьбу». Если в 1638 году донские казаки ответили царскому послу, что у них нет ни «лутших», ни «хутших», поскольку все они равны, то уже во второй половине XVII века у них сложилась «своеобразная аристократия, главным образом из бывших атаманов и есаулов». Говоря другими словами, «казаки, выделившиеся из рядов войска своими способностями и храбростью и неоднократно избиравшиеся в старшины, сохраняли... привилегированное положение в войске; за ними оставался и почётный титул старшины, означавший... как бы особый класс, члены которого главным образом занимали выборные должности». При этом, «пользуясь трудом пленников... а потом и пришлых работных людей, старшины заводят табуны коней и стада рогатого скота». Лишь после этого мы можем говорить о сохранившихся для истории и зафиксированных документально именах яицких казачьих атаманов, тогда как из атаманов предшествовавшего периода нам известны немногие, да и достоверность существования некоторых из них весьма сомнительна.

Для большинства казаков и особенно их руководителей вопрос о том, чем является казачество – сословием или народом, остро встал в 1917 году. В то время развивавшаяся революция при любом ее исходе упразднила бы казачье сословие, поэтому лидеры казачества ради сохранения своих привилегий и интересов на общеказачьих съездах и кругах стали доказывать, что казачество – это народ, а не сословие, которое можно было бы уничтожить. Вновь этот вопрос стал подниматься в 90-е годы XX века в связи с возрождением казачества. Причём вновь у штурвала подобной позиции встали атаманы вновь возродившихся казачьих Войск. Так в науке на Кубани «верховодит» атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов. Удивительно, но всё это происходит с тихого согласия крупных кубанских и донских исследователей казачества (Р.Н. Ратушняк, Е.И. Дулимов, Н.А. Мининков). К примеру, Р.Н. Ратушняк на одной из конференций озвучил «позицию кубанской научной общности» по месту казачества в современной России: «Казачество – это суперэтнос, неприкосновенный запас всего российского общества, наделённый высокими моральными и нравственными качествами, которые должны служить примером всему российскому обществу». По вопросу об их качествах можно привести факт вывешивания на груди наград (медалей): «5 лет возрождения казачества», «10 лет возрождения казачества», «15 лет возрождения казачества», что вряд ли можно считать примером для подражания и проявления высоких нравственных качеств.

В любом случае казаки близки, как никакая другая межэтническая социальная общность, со всей своей полиэтничностью и поликонфессиональностью к российскому этносу. Но в то же самое время вполне справедливо говорить о межцивилизационном диалоге в казачьих Войсках между этническими группами и различными конфессиями (см. подробнее: 5).

При этом можно выделить влияние различных факторов, которые способствовали появлению казачьего феномена. Под этим понятием я подразумеваю создание этнокультурной социальной группы, которая впитала в себя множество различных аспектов окружающих их этнических сообществ. И, конечно же, помимо влияния полиэтничности на повседневную жизнь, существует гораздо большее влияние на всю систему казачьего общества, которое создало возможность появления неких протогосударственных начал у них. Многие авторы по-разному объясняют данный феномен. Так, Н.И. Никитин считал казачество симбиозом структур дофеодальной эпохи, устройством казачьих сообществ он связывал с принципами военной демократии, представляя атаманов в качестве военных вождей, а казацкие отряды – их боевыми дружинами (4). Н.А. Мининков полагает, что в поисках истоков демократических форм внутреннего устройства казачьих сообществ не обязательно ходить далеко во времени: яркий пример демократического строя даёт, скажем, современный казакам Новгород. Он же указал на схожесть причин сохранения демократического строя на Дону и на Русском Севере: наличие этнически неоднородной массы, суровые условия существования. Многие крупные исследователи казачества рассматривают казачий круг как исторического наследника новгородского веча. Некоторые исследователи (А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян (1)), пытаюсь объяснить феномен выживания казаков в столь трудных условиях противостояния различным политическим силам (Московской Руси и Османской империи), выводят из «азиатских» традиций (решающая роль военачальников и жёсткая дисциплина). Была на Дону и своя специфика: демократическое устройство вольных татарских отрядов и станиц, с которыми «смешались», «ходили» казаки. В последнее время стало очень популярным поднимать вопрос о несформировавшейся окончательно казачьей государственности и называть казачьи сообщества «потестарными структурами» (6), на мой взгляд, эта позиция достаточно продуктивна и должна лечь в основу новых исследований ранней истории казачества. В то же самое время структура казачьего войска такова, что сложно прямо говорить о феномене казачьей «демократии». Так как в переплетении исконных казачьих традиций, принятие решения большинством, до принятия решения казачьей старшиной в противовес остальному казачьему населению. То есть, на мой взгляд, можно говорить применительно к ранней истории казачества о так называемой «демократии толпы» (научно охлократия), переход к реально действующему механизму и последующей трансформации в марионеточный пережиток традиционного уклада жизни казаков.

При этом возникает вопрос, как стало возможно превращение столь разношерстной (с точки зрения этнического состава) публики в сильное войско со своим самоуправлением и укладом жизни. Отвечая на него, понимаешь, что это произошло вследствие их столкновения с различными силами (большей частью отрядами различных восточных народов). Так как одной из самых основных функций Круга были решения по внешней политике и военному устройству, объявлению войны, заключению мира, составлению военных планов, зачитывание царских грамот, отправление посольств и т.д.

Список литературы

1. Казачий Дон. Ч.1 /Под ред. А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна. - Ростов-на-Дону, 1995.
2. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. - Уральск, 1911. - С. 39-48
3. Мяснов Л.П. Гибель Уральского казачьего войска // Казачий круг: Альманах. - 1991. - Вып. 1 - Ч.1. - С. 8
4. Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих

сообществ (К постановке вопроса) // Феодализм в России: Сб. науч. ст. - М.: Наука, 1987. - С. 236-245.

5. Носков А.А. Влияние полиэтничности и поликонфессиональности на повседневную жизнь казачества // Изучение повседневности в отечественной и зарубежной исторической науке. - Уфа: БГПУ, 2007. - М. 75-80.
6. Рыблова М.С. Донское братство. - Волгоград: ВолГУ, 2006.

Е.Н. Туболова

Государственное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области», г. Курган

ИЗ ИСТОРИИ АВТОБУСНОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА г. КУРГАНА (по материалам ГУ «ГАОПДКО»)

После образования Курганской области перед руководством города Кургана встали задачи в области его благоустройства: прокладка водопровода, замощение основных улиц, жилищно-культурное, бытовое и коммунальное строительство. Во время проведения 2-й Курганской городской конференции КПСС 3 - 4 марта 1945 г. в числе других был поднят и вопрос о транспорте. Как сказал один из участников конференции, директор завода «Уралсельмаш» А.К. Генкин: «Если бы мы не проложили тротуары, так рабочие весной тонули бы» (1). Город, действительно, был неблагоустроен, дороги и тротуары непроходимы. Удаление окраин, отдельных населенных пунктов от центра города составляло 6-8 км. Отсутствие транспортного сообщения между центральной и привокзальной частями города причиняло неудобство не только людям, приезжающим в Курган, но и самим горожанам, проживающим в привокзальной части города, за линией железной дороги, в Ново-Северном поселке, в районе продольного водопровода и т.д. Городская автотранспортная контора в марте 1945 г. располагала тремя автобусами, два из которых были исправны и имели необходимый штат. Пуск в эксплуатацию автобуса упирался только в отсутствие горючего, месячный расход которого на одну машину при 10-часовом рабочем дне составлял 1500 кг. Для выделения централизованного наряда городской автотранспортной конторе в количестве трех тонн горючего в месяц была составлена телеграмма председателю совнаркома РСФСР А.Н. Косыгину (2).

Общественный пассажирский транспорт появился в городе летом 1946 г. Маршрут № 1 «Рынок – Вокзал» пролегал по улицам Красина и Куйбышева. Проезд стоил 15 копеек за остановку. Население обслуживали автобусы марок ГАЗ-03-30, ЗИС-8 и ЗИС-16. Первая модель отечественного автобуса ГАЗ-03-30, освоенная в 1933 г., имела 17 мест. ЗИС-8 был рассчитан уже на 19 мест для сидения и 8 для стояния. Более удобный и вместительный ЗИС-16 мог перевести 34 пассажира и был оборудован 24 сиденьями. Максимальная скорость первых автобусов составляла от 60 до 65 км/ч.

В следующем 1947 г. автобусное движение осуществлялось с перебоями. За 10 месяцев услугами транспорта воспользовалось 554830 человек (3). План по перевозке пассажиров был выполнен только на 81,3%. Причин тому было множество. Постоянно менялось руководство, организация трижды переезжала. Территория не была огорожена, не охранялась и не освещалась, что способствовало частым кражам. Профилактический ремонт машин не производился. Из имеющихся в конторе 15 автобусов, на линию выходило не более 5, работали по 3-4 часа (4). Остальной парк стоял на ремонте из-за

недостатка запасных частей, получить которые можно было только из Москвы. Техника находилась под открытым небом, без гаража, ремонт производился там же. Помещения, предназначенные для конторы, занимались высшим авиационным училищем и 3-м отделением милиции. Чтобы исправить положение, решено было выделить пиломатериал для строительства гаража и забора, освободить помещения, осветить территорию, мастерские и обеспечить снабжение парка запасными частями. К 1949 г. ситуация не улучшилась. Управляющий конторой т. Ситников, извиняясь за работу транспорта, прямо заявил: «Городская автотранспортная контора до того развалилась, что мы не в состоянии обеспечить курсирование автомобилей от вокзала до рынка и от «Уралсельмаша» до вокзала. Мы имеем 14 автобусов, которые еле-еле ползают по городу» (5). Для нормальной и бесперебойной работы транспорта нужны были дороги. Например, на пути из Кургана в Рябово машины объезжали все поля и в результате тратили тонны горючего. Так, за один день 2 февраля 1949 г., пытаясь найти дорогу, водители сожгли 4-5 тонн бензина (6).

В 1950-е гг. произошло увеличение автобусного парка. Если в 1952 г. контора имела 28 машин, то после выделения городу новых автобусов их число достигло 35. Но это не изменило ситуацию с обслуживанием населения. Люди по-прежнему скапливались на остановках в ожидании транспорта, особенно утром и вечером в часы пик. Из 35 автобусов, имеющихся в городе, на линии работало 7-10. Техника стояла под открытым небом на улицах Урицкого и Пролетарской. Каждое утро в течение 3-4 часов водители тщетно пытались завести свои машины, в результате автобусы выходили на линию несвоевременно. Среди горожан даже бытовало мнение, что если хочешь опоздать на работу, иди на остановку, обязательно опоздаешь. В конце 1954 г., когда у города имелась уже 41 машина, автобусов все равно не хватало. Причины были прежними: плохие условия труда, отсутствие ремонтной базы, профилактория и гаража. Несмотря на трудности в работе, парк увеличивал объем пассажироперевозок. Если в 1950 г. услугами транспорта воспользовались 2 млн, то в 1954 г. эта цифра достигла 7 млн человек (7). 23 ноября 1955 г. в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР № 4185-р в Кургане было организовано пассажирское автохозяйство, насчитывающее в своем составе 47 автобусов и 28 легковых и грузовых такси (8). Отсутствие гаража приводило к преждевременному износу техники и ненормальным условиям работы обслуживающего персонала. На письмо в Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР о выделении 500 тыс. рублей для строительства гаража на 100 мест был получен отказ. В конце 1956 г. по городу ходило уже 56 автобусов, 45 больших и 11 малых (9). Руководство предприятия решило перейти на бригадный метод работы, чтобы исключить выходной день для машин. Количество автобусов на линии увеличилось с 31-32 в сентябре до 38-39 в декабре, а в выходной 40-42, иногда 43 (10). Изменилось и отношение к транспорту. Это отразилось в цифрах. Если раньше автобусы ежедневно перевозили 43-45 тыс. человек и собирали от 13 до 15 тыс. рублей, то в декабре количество пассажиров увеличилось до 67-70 тысяч, сумма выручки на неделю составила 18-20 тыс. рублей, а в выходной день доходила до 22-23 тыс. (11). Если вспомнить 1947 г., когда месячный план по перевозке пассажиров составлял от 63 до 82,8 тысяч человек, то нельзя не согласиться с тем, что прогресс в работе транспорта был. Проблемами являлось снабжение запасными частями, дефицит помещений, отсутствие склада. В качестве перспективы на будущее было запланировано построить гараж на 100 машин, получить

25 новых автобусов, увеличить число линий и единиц техники на них. От горисполкома транспортники ожидали проведения благоустройства проезжей части дорог, прежде всего, в Восточном и Северном районах города.

Если проанализировать недостатки в работе пассажирского транспорта за первые 10 лет, то получится следующая картина. На большие очереди на остановках, нарушение графика работы, низкую культуру обслуживания и грубость кондукторов пассажиры жаловались постоянно. Особенностью первого года работы было полное отсутствие дорожного покрытия и большой перерасход топлива. В 7 часов утра на линию выходила одна машина, движение остальных начиналось только в 8. Рабочие завода «Уралсельмаш», проживавшие в привокзальном районе, предложили начинать рейсы с 6 часов утра и сделать точные указатели остановок. Порой желающих уехать было так много, что кондуктор продвигалась по салону по спинкам сидений. По состоянию на 6 августа 1946 г. автобусные остановки в г. Кургане не были оборудованы, отсутствовали специальные площадки, навесы и даже скамеечки (12). Улицы не имели тротуаров и не освещались. В 1951 г. в ходе благоустройства города завод «Уралсельмаш» взял на себя обязательство построить у завода крытый павильон для пассажиров городского автобуса, а также установить на автобусном маршруте № 2 «Уралсельмаш – Кургансельмаш» 12 световых указателей автобусных остановок (13). В 1954 г. на заседании 7-й городской партийной конференции секретарь улового парткома Полудинцев А.С. высказал свое возмущение по поводу того, что многие граждане ездят в автобусах бесплатно и предложил организовать проверку билетов (14). Весьма показательны и вопросы, прозвучавшие на заседании 9-й городской партийной конференции в 1956 г. Вот лишь некоторые из них. Будет ли сделан мост через линии к выходу на улицу Ленина во избежание очереди на транспорт? Когда увеличат количество автобусов на Северный и Рябово и почему не сделают будки ожидания автобусов на постоянных стоянках летом от дождя, зимой от холода и скамьи в них, т.к. порою ждешь больше часа? В ответах прозвучали обещания увеличить число автобусов и построить в следующем году не менее 5 павильонов ожидания на конечных остановках.

Одной из больных тем было обеспечение общественным транспортом городских окраин, таких как поселки Ново-Северный, машиностроительного завода, ТЭЦ, Локомотивный и Восточный. Если удалось наладить относительно четкое движение на линии «Вокзал – Рынок», то с расписанием автобусов в сторону северной группы заводов - машиностроительного, арматурного и химмаша - периодически возникали трудности. Рабочие приходили на остановку, и, так и не дождавшись автобуса, шли пешком по темной дороге. Очень плохо снабжался транспортом и машиностроительный техникум, расположенный на расстоянии 5 километров от города. Вот как описывал это один из студентов Охохонин Б.М.: «Я учусь на 4-м курсе машиностроительного техникума вечернего отделения и от имени студентов машиностроительного техникума я хочу сказать, что очень плохое положение у нас с транспортом. Дают 2-3 машины на 300 человек учащихся. Все учащиеся собираются и стараются скорее попасть на автобус, и преподаватели тоже не лекции читают, а смотрят в окно, не идет ли автобус. Многие бросили учиться из-за того, что нет транспорта и не возят» (15). В качестве положительного примера можно привести сведения об установлении летом 1953 г. регулярного движения автобусов между Курганом и отдаленными районными центрами, а также маршрутов до пионерских лагерей и мест массового отдыха горожан. Был в истории авто-

бусного движения Кургана случай полной остановки транспорта до 14 часов. Это произошло 8 октября 1954 г. по причине перебоя в снабжении парка горячим.

Существовали определенные трудности и в работе с кадрами. Так, в 1947 г. в течение года сменилось 3 начальника автотранспортной конторы и несколько исполняющих обязанности. Каждые 2-3 месяца гараж поступал в ведение нового заведующего. Контора не была укомплектована работниками основных специальностей. При потребности 15 водителей имелось только 11. Кондукторского состава недоставало 5 человек. Кадры не были закреплены, в результате возникла большая текучесть рабочей силы. Было принято 55 человек, уволено – 35 (16). Трудовая дисциплина находилась на низком уровне. Имели место опоздания на работу, пьянство, прогулы, самовольное использование автомашин. Бензин не только расходовался, но и расхищался. Так, в 1947 г. в городской прокуратуре были заведены два уголовных дела. Одно, о расходовании 2 тонн бензина, было прекращено в виду того, что бензин не расходовался, документы не подделывались, а просто подписывались. Другое же, о краже 20 кг топлива, планировалось довести до суда (17). К концу 1956 г. ситуация с кадрами почти не изменилась. По городу имелось 78% шоферов 3-го класса, 16% - второго и только 4% первого класса (18). Подготовка квалифицированных водителей не велась. Городу нужна была школа шоферов. Дисциплина на дороге не соблюдалась. За 10 месяцев 1956 г. 446 водителей было лишено прав, из них 39 работников автотранспортной конторы (19). На 1 ноября 1956 г. в пассажирском автохозяйстве создалась тяжелейшая обстановка с кадрами, не хватало 110 человек: это 48 шоферов, 52 кондуктора и 10 производственных рабочих (20). Лишь к концу года контора была укомплектована на 95% и появилась возможность выпустить все машины на линию.

Таким образом, на протяжении 10 лет преодолевая трудности, решая проблемы, учитывая и исправляя ошибки, работники единственного в городе транспортного предприятия смогли создать условия для организации и работы автобусного пассажирского транспорта г. Кургана.

Примечания

1. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 75. Л. 120.
2. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 27. Д. 27. Л. 196.
3. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 282. Л. 81
4. Там же. Л. 78.
5. ГАОПДКО. 10. Оп. 5. Д. 339. Л. 85, 107.
6. Там же. Л. 108.
7. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 48. Д. 3. Л. 100.
8. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 14. Д. 63. Л. 23.
9. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 58. Д. 4. Л. 56.
10. Там же. Л. 55.
11. Там же.
12. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 214. Л. 9.
13. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 4. Л. 81.
14. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 48. Д. 3. Л. 74.
15. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 58. Д. 4. Л. 166.
16. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 282. Л. 78-78 об.
17. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 85. Л. 108.
18. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 58. Д. 4. Л. 103.
19. Там же.
20. Там же. Л. 54.

А.С. Воробьев, В.А. Кислицын, Л.А. Комогорова
Курганский государственный
университет, г. Курган

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Одним из важнейших направлений работы ученых-историков Курганского государственного университета является исследование истории Южного Зауралья. Но эта работа носит первостепенный характер не только для историков, но и для филологов, географов, юристов, биологов, педагогов. Не случайно в школьном образовательном процессе специально выделен региональный компонент.

В этой небольшой статье, посвященной актуальным проблемам изучения истории Южного Зауралья, тезисно остановимся лишь на нескольких, наиболее важных, на наш взгляд, вопросах.

Мы уже неоднократно отмечали, что краеведение (родиноведение) играет важную роль по целому ряду причин. Исследование истории своей семьи, своего дома, своей улицы, своего края может стать для молодежи чистым источником родниковой воды. Именно изучение малой Родины создает уникальную возможность взглянуть на историю как бы изнутри, через призму человеческих интересов, радостей и страданий, обыденной повседневной жизни, почувствовать дух времени. Поэтому краеведение выполняет не только научно-познавательную функцию, расширяя знания об окружающем мире, но и играет важную роль в воспитании подрастающего поколения.

Не надо забывать и о том, что, по словам Владимира Павловича Бирюкова, известного уральского и зауральского краеведа, изучение окружающего есть «источник высоких наслаждений». Наслаждений от познания нового, неизведанного, от совершенных открытий, от прикосновения к своим истокам. Только так, изучая отечественную историю и прошлое своих предков, постигая свои генетические корни, можно воспитать настоящего гражданина, человека - патриота.

Южное Зауралье представляет для этого замечательные возможности. Мы живем в уникальном крае, обладающем целым рядом особенностей. Прежде всего, – это перекресток дорог, ворота из Европы в Азию и из Азии в Европу. Место бесчисленных миграций народов, их переселений, а в связи с этим – один из котлов, где варилась человеческая цивилизация, формировались, отработывались межэтнические взаимоотношения. Кто только не побывал здесь: здесь жили люди и в эпохе неолита и раннего железного века, через эту территорию прошли протоарийцы, скифы, сарматы, савроматы, финно-угры, татаро-монголы, башкиры, затем наша территория вошла в состав Российской империи.

Но и в этот период, если взять историю заселения и освоения края, мы столкнулись с многочисленными миграциями. Южное Зауралье - уникальная территория, куда пришли переселенцы примерно из 20 губерний европейской России, со своими традициями, обычаями и праздниками, разнообразной культурой, со своим аграрным опытом. Это были выходцы из Поморья, Предуралья, таежного Зауралья, Урала. В середине XIX века здесь появилось значительное число переселенцев из Псковской, Смоленской, Орловской, Курской, Полтавской, Харьковской, Витебской, Воронежской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Черниговской, Тульской, Калужской, Новгородской, Вятской губерний...

Мы тесно породнились с Европейской Россией, с Уралом и Сибирью. Поэтому один из самых непростых вопросов: кто мы? Сибирь, Урал или Зауралье? Геогра-

фически – несомненно, Западная Сибирь, начало западносибирской низменности, а культурно и экономически мы тесно связаны с Уралом. Об этом много писали, спорили и будут продолжать спорить историки, писатели, краеведы, политики. Но несомненно одно: наш край – уникальный синтез различных традиций, разнообразного опыта, своеобразная модель России.

Как самостоятельная административно-территориальная единица Курганская область образовалась совсем недавно – 6 февраля 1943 года. Активное заселение Южного Зауралья русскими и присоединение к Российскому государству началось с середины XVII века. До революции нынешняя территория региона своими различными частями входила в три губернии: Тобольскую, Пермскую и Оренбургскую. С 1919 г. – в Челябинскую губернию. С 1923 – в Уральскую область. С 1934 – в Челябинскую область. И только 6 февраля 1943 года родилась самостоятельная Курганская область.

Но и в этот период население края не оставалось неизменным, а постоянно менялось. В годы войны на фронт призвано свыше 200 тысяч человек, более 115 тысяч не вернулись. Вместе с тем, сюда было эвакуировано 150 тысяч человек гражданского населения. Еще одна волна миграций пришла на период конца 80-х – 90-е годы XX века, когда начался «парад суверенитетов» и на территории СССР возникло полтора десятка самостоятельных государств, из которых стремительно стало выезжать русскоязычное население. Некоторые вернулись на свою историческую родину в Южное Зауралье. В свою очередь, в настоящее время значительное число населения, особенно молодежи, уезжает в поисках более высокооплачиваемой работы в Екатеринбург, Челябинск, Москву, Петербург, работает вахтовым методом на тюменском Севере.

Важную роль играет то, что Курганская область – регион-трудоголик, ставший жертвой своего трудолюбия. 90% собственной источниковой базы бюджета – вложенный труд и лишь 10% – природная рента (в Тюменской области – наоборот).

А ведь есть все предпосылки для стабильного экономического развития области. Исторически Южное Зауралье – сельскохозяйственный придаток горнозаводского Урала. Но и один из центров ремесел, маслоделия России. В советское время произошел резкий качественный скачок в развитии. Появилось и быстро встало на ноги мощное машиностроение. Получило серьезную техническую и социальную базу и сельское хозяйство. С 1943 по 1990 г. в Курганской области в 20 раз возросло производство продукции промышленности в целом, а в легкой промышленности – в 27, электроэнергетике – в 28, в машиностроении и металлообработке – в 58, в промышленности строительных материалов – в 117 раз (!).

Доля машиностроения (особенно среднего – ВПК) в этот период составила 60% в промышленности. Этому способствовало наличие таких гигантов, как КМЗ, КЗКТ, автобусный завод, «Кургансельмаш», ШААЗ, Катайского насосного завода, ряда крупных мясокомбинатов, объектов стройиндустрии и других предприятий.

В селе 440 колхозов и совхозов имели 12 тысяч 300 комбайнов, 25 тысяч тракторов. Была дешевая электроэнергия и другие энергоносители. Как следствие – ежегодно получаемые 3,5 млн тонн зерна, 1 млн 200 тыс. голов крупного рогатого скота. Строительством десятков школ, клубов, фельдшерско-акушерских пунктов, детских садов в зауральской деревне.

Славу Южному Зауралью ковали замечательные люди, которые здесь жили и трудились. Вспомним лишь некоторых из них. Монах Далмат (прожил 103 года). Математик Первушин. Изобретатель радио Попов. Санитарный

врач Молессон. Скульптор Иванов-Шадр. Академик живописи Бронников. Первые дважды Герои Советского Союза Грицевец, Кравченко, Евстигнеев. Генерал-полковник Шумилов, который пленил фельдмаршала Паулюса в Сталинграде, маршал Голиков, генералы Катков, Киселев, Криволапов, Черепанов. Народный полевод Мальцев, кудесник ортопедии Илизаров, хирург Витебский. На земле Южного Зауралья родились, жили писатель Югов, художники Ильюшин, Петухов, Ромадин, фольклорист Иванов-Балин, артист Колпаков, основоположник кино-воспитания и кинообразования Рабинович. О них и о современных зауральцах, прославивших свой край, очень много писал доктор исторических наук, профессор В.В. Пундани и другие историки, благодаря чему их имена отложились сегодня в солидных, в том числе энциклопедических трудах.

Таким образом, нам есть чем гордиться и есть о чем писать. Поэтому изучением истории родного края начали заниматься с момента его присоединения к государству российскому. Краеведение в Южном Зауралье стоит на плечах гигантов. Можно вспомнить «путешествующих академиков», декабристов, таких краеведов, как Зырянов, Абрамов, Скалозубов, Бирюков, Кондрашенков, Прусс, Лапин и многих других.

И в современных условиях эта работа продолжается. В 90-е годы краеведам нашего региона, несмотря на многочисленные проблемы и трудности, удалось сделать очень многое. В Кургане под руководством большого энтузиаста и замечательного ученого Николая Филипповича Емельянова в 1990 году было воссоздано областное общество краеведов. Одновременно была развернута деятельность шадринских краеведов по сохранению культурного наследия своего края.

Была налажена координация работы ученых и учителей, работников архивов, музеев и библиотек, всех энтузиастов краеведения. В работу включились десятки исследователей. Затем круг авторов был значительно расширен.

Началась регулярная публикация достигнутых результатов, сначала в виде т.н. «серой литературы», затем в краеведческих сборниках «Земля курганская: прошлое и настоящее», «Шадринская провинция», и, наконец, удалось выйти на настоящие «академические издания», такие как 7-томная «История Курганской области», хрестоматии и сборники документов, монографии по актуальным проблемам истории Южного Зауралья, школьные учебники и учебно-методические пособия.

В 2000-е годы эта работа не только была продолжена, но и приобрела новые особенности.

Во-первых, в настоящее время активное участие в краеведческой деятельности принимают как традиционные центры краеведения (Курган и Шадринск), так и новые центры, в том числе краеведы в большинстве районов области.

Продолжают плодотворную работу по изучению различных сторон жизни Южного Зауралья, его прошлого и настоящего ученые **Курганского государственного университета**. В частности, под руководством доктора исторических наук, профессора, действительного члена академии военных наук, заслуженного работника высшей школы Валерия Владимировича Пундани и доктора исторических наук Владимира Владимировича Менщикова ученые трех кафедр исторического факультета проводят научные исследования по социокультурной истории Урала и Зауралья с древнейших времен до начала XXI века.

Проводится анализ проблем этноконфессионального состава населения двух сопредельных регионов России, этнопсихологии и межнациональных отношений, тенденций их развития, внутреннего, духовного мира, быта и

нравов урало-сибирского населения, различных его слоев и конфессий, административного управления, основной категории населения - крестьянства, тенденций развития модернизационных процессов, теоретико-методологических и практических аспектов генеалогического исследования, социально-экологической системы на Урале и в Зауралье после октября 1917 года. Продолжаются исследования в области изучения структуры социокультурного пространства региона в широких хронологических рамках.

На основе полученных результатов исследователи не только опубликовали отдельные статьи и монографии, но и приняли участие в широком круге научных конференций, в подготовке «Сибирской исторической энциклопедии» и энциклопедии «Челябинская область».

Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор Валентина Павловна Федорова плодотворно руководит научно-педагогической школой в области вербальной фольклористики Зауралья. Под ее руководством проведены исследования духовной и материальной культуры старообрядцев, изучаются региональные и локальные традиции фольклора в Зауралье, выявляется специфика фольклористики Зауралья, сформирован фольклорный архив с использованием материалов экспедиционной полевой работы.

Под научным руководством доктора биологических наук, профессора Науменко Николая Ивановича исследуются региональные проблемы биоразнообразия, природопользования, безопасности и устойчивого развития. В частности, например, в 2007 году проведены работы по выявлению и анализу флоры в Щучанском, Альменевском, Сафакулевском, Звериноголовском и Кетовском районах Курганской области, уточнены региональные списки сосудистых растений, моховидных, лишайников и водорослей Зауралья.

Ведется мониторинг хода восстановления биоценозов и почв пирогенно нарушенных территорий, охваченных пожарами 2004 года. Дополнен и уточнен список растений «Красной книги Курганской области». Проведена работа по формированию гербарного фонда созданной в сентябре 2007 года вузовско-академической лаборатории «Гербарий и ботанический музей».

Это только несколько примеров работы Курганского госуниверситета, но краеведческой работой занимаются и Курганская сельскохозяйственная академия, и Шадринский государственный педагогический институт, и другие учебные заведения области. В системе школьного образования важное значение имеет региональный компонент.

Продолжается активная и системная работа **областного краеведческого музея**, который не только руководит деятельностью музеев области, но и практически возглавляет работу по сплочению краеведов области, прежде всего вокруг всероссийских научных конференций «Зырянские чтения».

Огромный вклад как в сохранение документально-богатства Южного Зауралья, так и в организацию научных исследований по актуальным проблемам истории нашего края вносят **архивы Курганской области**.

Краеведческая деятельность является одним из приоритетных направлений работы и Курганской **областной универсальной научной библиотеки имени А.К.Югова**, которой занимаются все отделы библиотеки и, прежде всего, отдел краеведения. Областная библиотека на деле стала центром сбора, накопления, хранения и использования краеведческой информации. Краеведческий фонд носит универсальный характер и составляет только в отделе краеведения 5,5 тысяч экземпляров книг, 110 компакт-дисков. В нем также представлены местные периодические издания. Выделена коллекция

литературы досоветского и первых лет советского периода истории родного края.

Активное участие в организации краеведческой деятельности принимают и общественные организации, такие как **областное общество краеведов, Зауральское генеалогическое общество им. П.А.Свищева, географическое общество, краеведы Шадринска и Шадринского района**, в чем мы еще раз убедились, проведя День краеведа в 2007 году в Шадринске.

Но все это традиционные центры краеведческой деятельности.

Нужно отметить, что за последние годы, особенно в связи с подготовкой к 60-летию и 65-летию Курганской области, а также к 60-летию Великой Победы, заметно улучшилось отношение к краеведческой деятельности со стороны администраций различных уровней, в том числе практически всех районных администраций, что выразилось в создании лучших условий для издания краеведческой литературы по истории районов и населенных пунктов области. Активно участвовали в краеведческой деятельности работники издательств «Зауралье» и «Парус-М», писатели и журналисты.

Таким образом, за последние годы значительно расширился охват краеведческой деятельностью населения Зауралья.

Второе, о чем хотелось бы сказать, это разнообразие форм краеведческой деятельности: регулярно организуются и проводятся научно-практические конференции, студенческие и школьные конференции, краеведческие чтения, Дни краеведа, конкурсы, выставки, экспозиции и многое другое.

Например, традиционными стали Дни краеведа, в 2008 году в Кургане был организован уже третий день краеведа, в прошлом году такой день состоялся в городе Шадринске. В декабре 2007 года успешно прошли пятые «Зырянские чтения», в марте нынешнего года – третьи «Емельяновские чтения». Регулярными стали «Юговские чтения», в 2007 году прошли уже четвертые такие чтения. Систематически проводятся школьные краеведческие конференции. Сами эти факты весьма многозначительны. Они говорят о том, что за последние годы краеведение в Курганской области сделало новые успешные шаги.

Как следствие, заметно выросло количество и качество выпускаемой краеведческой литературы, разнообразие тематики краеведческих исследований. Фонд краеведческого отдела Юговки с каждым годом все больше пополняется новой литературой. Об этом свидетельствует, к примеру, такой факт. Если в 2006 году в краеведческий отдел областной библиотеки поступило 450, то в 2007 году – 480 названий краеведческих книг.

Не умаляя значения ни одной из книг, изданных за последние годы, назовем **некоторые из изданий последних лет**:

К 60- 65-летию Курганской области были изданы такие работы, как: «Курганская область: Лидеры и время. Сборник документов (1943-2003)» (Курган, 2003); «Ветер времен» (Курган, 2003); «Курганская область в цифрах за 60 лет: Статсборник» (Курган, 2003); О.А. Богомолов. «Зауралье на карте России» (Курган, 2004); «Административно-территориальное деление Курганской области (1917-2004 г.) Справочник» (Курган, 2005); «Добро пожаловать в Зауралье» (Курган, 2007).

Не менее интересные работы вышли **к 60-летию Великой Победы**: «Этих дней не смолкнет слава: Зауралье и зауральцы в годы Великой Отечественной войны» (Курган, 2005); «Южное Зауралье в годы войны: история в документах» (Курган, 2005); Кодинцев А.Я., Подливалов В.В., Федченко М.Н. «Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоен-

ных лет (1941-1953)» (Курган, 2004); «Книга памяти: Солдатские вдовы Зауралья» (Курган, 2006).

Привлекают внимание и **научные труды по отдельным направлениям жизни Зауралья**: «Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (К 70-летию Т.М.Потемкиной). Сборник статей» (Курган, 2007); «История культуры Южного Зауралья» (Т.1-3. Курган, 2005-2006); «Зауральская генеалогия. Сб. научных трудов». Выпуск 2 (Курган, 2006); «Сводный каталог дореволюционных изданий. Южное Зауралье. Вып. III регионального свода книжных памятников «Память Зауралья» (Курган, 2005); А.Л. Михашенко. «Становление и развитие образования в российской провинции в 1719-1917 гг. (На материалах южно-зауральского региона Западной Сибири)» (Курган, 2004); «Фольклор и литература Зауралья: Из истории зауральской фольклористики. Уч. пособие» (Курган, 2005); А.И.Семакин. «Состояние и перспективы развития промышленности Курганской области» (Курган, 2007); «Живы в памяти потомков. (Сборник материалов разных исследований по декабристскому движению с 1961 по н. вр.)» (Курган, 2005); «Лесное хозяйство Курганской области» (Куртамыш. 2007.); Науменко Н.И., Зырянов А.В., Огнева Н.А. «Особо охраняемые природные территории Курганской области». (Курган, 2001.); «Зауральское крестьянство 1919-1922 г.» (Курган, 2008) и другие.

Здесь названа только малая толика опубликованных работ, выпущенных за последние годы. Но даже этот перечень показывает, насколько плодотворно трудятся зауральские краеведы.

И сегодня краеведы продолжают свою подвижническую деятельность, прежде всего, по координации работы, в том числе по получению и обобщению информации обо всей краеведческой литературе, которая выходит в Курганской области. А впереди - новые издания. Например, давно назрела необходимость в выпуске «Энциклопедии Курганской области». Актуальным остается расширение просветительской деятельности, приобщение к информации о родном крае большего числа зауральцев. Для этого необходимо увеличение тиражей издаваемой краеведческой литературы и возрождение лекционной деятельности краеведов. Таким образом, несмотря на достигнутые успехи и полученные результаты, краеведческое движение в области продолжает развиваться, четко видя новые ориентиры и стремясь вперед.

А.И. Кулинич

Курганский государственный университет, г. Курган

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XXI В.

На постперестроечном пространстве сложилась новая, отличная от советской, структура государственных органов, занимающихся охраной историко-культурного наследия. Стало формироваться новое законодательство. Несмотря на нововведения и изменения, многие проблемы советской охраны так и остались актуальными, не решенными: паспортизация (ведение реестра), выявление предмета охраны, утверждение охранных зон и др. К ним добавились и новые: приватизация, финансирование мероприятий по содержанию памятников и др.

Данные проблемы угрожают нашей истории, исторической памяти, вследствие чего пути их решения, ис-

следование данной темы, представляется довольно актуальными.

24 февраля 2004 г. Курганской областной Думой был принят закон «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся на территории Курганской области». Данный нормативный акт выглядит, в некоторой степени, сокращенным вариантом федерального (2). Но это характерно не только для нашей области. Если обратиться к законодательству других соседних регионов, то картина окажется во многом сходная. К примеру, в аналогичном законе Тюменской области встречаются те же статьи, что и в законе Курганской. Но у соседей документ носит более практический характер, так как в нем содержится больше информации об объектах культурного наследия, более широко рассмотрены актуальные проблемы, нежели в нашем (3).

Предметом местного законодательства являются отношения в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, находящихся на территории Курганской области, «в том числе отношения, возникающие при применении органами государственной власти Курганской области мер, направленных на их выявление, учет, изучение, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за их сохранением и использованием» (2).

Одним из слабых мест нормативного документа являются статьи 9 и 10. Они посвящены вопросам финансирования мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия. Источниками данных мероприятий могут быть бюджет Курганской области, внебюджетные поступления, либо иные источники доходов. Эту проблему закон прописывает довольно условно, что говорит о скудности нормативной базы. Отсутствие подзаконных актов усугубляет ситуацию. Фактически становится непонятно, за чей счет должны содержаться памятники.

Важное место в законе занимает статья 16: «О государственной историко-культурной экспертизе». Она также написана в соответствии с федеральным законодательством.

Проблема государственной историко-культурной экспертизы в настоящее время является одной из самых острых в нашей области. Объясняется это тем, что не разработаны критерии для проведения экспертизы. Если не учитывать историко-культурное значение объекта, то его балансовая стоимость будет на порядок ниже стоимости аналогичного по размерам (занимаемой площади) современного здания (1, 21-22). Классифицируя ценность архитектурных памятников, необходимо выделять историческую и утилитарную составляющие, оценивая их в комплексе. При выявлении исторической ценности необходимо обращать внимание на личность архитектора, время постройки, стиль, распространенность подобных сооружений в регионе и многие другие факторы (4, 39-40).

Сейчас в Курганской области памятников федерального значения – 25, из них 12 – архитектуры и 13 – археологии. Это очень плачевная статистика как относительно объектов археологического, так и архитектурного наследия. Из 12 памятников архитектуры в городе Кургане находятся четыре: дом Дунаева М. М. (1906 г.), дом декабриста Нарышкина М. М. (1833-1837 гг.), дом, в котором жил Кюхельбекер В. К. (1845-1846 гг.), дом декабриста Розена А. Е. (1833-1837 гг.) (6). Но дом декабриста Кюхельбекера, находящийся в этом списке, памятником быть не может, так как сейчас воссоздана лишь копия здания – оригинал был утрачен. Это вызывает долю недоверия к работе специалистов, составивших данный список, и, следовательно, к полноте и качеству самого

списка. Подобные замечания относятся и к памятникам археологического наследия, которых несомненно больше, чем 13. И, в соответствии со статьей 4 Федерального закона N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», все объекты археологического наследия должны быть федерального значения (2).

Несмотря на подобные недоработки, объекты федерального значения должны охраняться Правительством РФ, из бюджета РФ. Объекты культурного наследия регионального значения сохраняются из областного бюджета. Учитывая тот факт, что Курганская область считается дотационной, воплотить это в полной мере не представляется возможным. Выход можно видеть в приватизации памятников, что в теории выглядит достаточно неплохо, но, взглянув на примеры, становится ясно, что слабая законодательная база может привести к необратимым последствиям – разрушению большинства объектов культуры.

Одним из последних примеров является разрушение 24-26 апреля 2007 г. флигеля усадьбы купца Соколова, памятника архитектуры.

На этом месте (улица Дворянская) во второй половине XIX века стояла деревянная усадьба, которую приобрел купец Соколов 19 декабря 1874 г. В то время она представляла собой деревянный одноэтажный дом, два амбара, две загоны и баню. Купец обнес все строения кирпичной стеной и в 1889 г. выстроил двухэтажный дом. Первый этаж был кирпичным, верхний – деревянным. Подобные дома были типичны для зауральского купеческого сословия в то время. Позже на усадьбе появился одноэтажный кирпичный флигель, выходящий торцом на улицу. Все здания усадьбы Соколова были выстроены в стиле эклектики, сочетали различные элементы нескольких стилей. После революции усадьба была муниципализована и заселена. В начале 1990-х гг. ее снесли, расчистив место под новое строительство, оставив только флигель с кирпичными воротами. Несколько позже, в 1993 г., краеведы добились присвоения ему статуса памятника регионального значения.

С 90-х гг. прошлого века на памятник большое внимание обращали предприниматели. Их, прежде всего, интересовала земля, которую он занимал. Данный объект культурного наследия находился в исторической, центральной части города.

В 2006 г. территория бывшей усадьбы стала собственностью предпринимателя Сергея Никитина, стал он владельцем и памятника - флигеля.

В декабре 2006 г. был принят Федеральный закон № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий». В соответствии со статьей 18 в Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вносился ряд изменений. Пункт 4 статьи 48 Федерального закона № 73-ФЗ излагается в следующей редакции: «При государственной регистрации договора купли-продажи объекта культурного наследия новый собственник принимает на себя обязательства по сохранению объекта культурного наследия, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности на данный объект и указываются в охранном обязательстве собственника объекта культурного наследия» (8). В итоге предприниматель Никитин выдал охранное обязательство комитету по культуре и искусству, заверив, что в течении двух лет проведет ремонтно-реставрационные работы памятника.

По проекту на месте усадьбы планировалось строи-

тельство административного здания, так, чтобы флигель оказался встроенным в здание. «Архитекторы посчитали такой вариант гибельным для памятника. Здание прорезали три несущие стены, установить их, не разрушив флигель, невозможно» (7). От предлагаемых проектов построить здание рядом с флигелем, а памятник отреставрировать Никитин отказался. В период с 24 по 26 апреля 2006 г. предприниматель снес объект историко-культурного наследия регионального значения, зная, что этим нарушил множество законов.

По мнению Василия Кислицина, кандидата исторических наук, доцента, председателя областного общества краеведов, «если мы начинаем сносить памятники, значит мы теряем историческую память» (7). С этими словами нельзя не согласиться. В последнее время такие печальные новости все чаще появляются на страницах газет, в другой прессе, а это значит, что общественное сознание находится на низком уровне. Заинтересованными остаются только ученые и работники сферы охраны. К сожалению, люди не привыкли понимать, что сбережение культурного наследия – одна из приоритетных задач. И какими бы ни были законы – плохими или хорошими – они не начнут работать без такого самосознания.

Та же ситуация и в соседних областях. Сложности в нормативной базе об охране объектов культурного наследия служат простором для действия недобросовестных собственников. Нарушители либо ничего не знают о законах в этой области, либо знают, но уверены, что, нарушая, не будут наказаны серьезно, либо способны обойти существующее законодательство, владея его противоречиями (5, 107).

Закон не дает четких ответов на многие актуальные проблемы современной охраны. Их решение год от года становится более необходимым. Это связано с участившимися случаями несоблюдения законодательства в данной сфере. Как правило нарушитель знает, что своими действиями преступает закон, но это его не останавливает. Причина этого и в несовершенстве закона (ответственность и предусмотренные наказания), и в невыгодности для собственника объекта (дороговизна реставрационных мероприятий).

Существуют трудности в определении объектов культурного значения регионального и местного значения. Остаются неясными критерии их дифференциации.

Сейчас Курганская область находится в тяжелом положении, так как на ее территории сконцентрировано немного выдающихся памятников. Основное число объектов — регионального значения. Но для области они играют большую роль, так как являются фундаментом, образцами истории и культуры.

Список литературы

1. Галуцкий Г. М. Проблемы экономической оценки памятников истории и культуры и их вовлечение в народнохозяйственный оборот // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов.* – М., 1992. – С. 20-31
2. Закон Курганской области от 3 марта 2004 г. № 386 «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся на территории Курганской области» // Консультант +.
3. Закон РСФСР от 15.12.78 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // <http://www.bestpravo.ru>
4. Коробицына И. Л. О сопоставительной оценке памятников архитектуры // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов.* – М., 1992. – С. 38-52
5. Павлова С. В. Правовые аспекты охраны культурного наследия // *Культурное пространство региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции –*

- Тюмень, 2005. - С. 106-109
6. Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Курганской области от 17.04.2006 // Архив НГЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области
7. Пичурина В. Провал в памяти // <http://www.rg.ru>
8. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» // <http://www.bestpravo.ru/>

П.В. Немкин

Курганский государственный университет, г. Курган

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ

*Сослал Господь три дара.
Уж как первый дар - крест и молитву.
Второй дар - любовь и милостыню.
Третий дар - ночное моление.
Четвертую заповедь - читательную книгу.*

Стих об Иоанне Предтече

Андрей Денисов, выдающийся представитель старообрядческой мысли, доказывал, что у русского народа особый христианский исторический путь развития, что лишь Русь до XVII века смогла сохранить чистое христианство и смысл жизни старовера - хранить его чистоту, что невозможно вне правильного воспитания и образования.

Всеобщая образованность старообрядцев рождена была не школьным просвещением, а своеобразным «воцерковлением» каждой семьи. Семьи староверов всегда отличались большой численностью. При этом отношение к детям отличалось лаской и любовью, о чём могут свидетельствовать множество ласковых названий детей - «бравенький», «голубушка», «милый» и др. Бранить «чёрным словом» на ребёнка было грешно.

С раннего детства дети имели большую свободу, в силу хозяйственной занятости обоих родителей. Оторвавшись от хозяйственных забот, мать едва успевала приласкать, помыть и переодеть одежду своему ребёнку. Исключение здесь составляли разве что грудные дети, которые требовали большего внимания матери в отношении кормления и пеленания. В остальном же присмотр за детьми возлагался на бабушек и малолетних нянь.

Бабушка в большинстве случаев являлась первой руководительницей ребенка. Именно бабушка направляла его ум в ту или иную сторону, учила ребёнка первым жизненным навыкам, внушала ему правила нравственной жизни и первая учила его религии. Как и родители, бабушки все-таки отдавали предпочтение мальчикам, - «будущие поильцы-кормильцы», «ково от девки пользи, корми её до 15-16 лет, а она за мужика убежить». Мать, конечно, любит детей и особенного разделения между ними не делает, даже иногда поговаривали: «парень - ково он мне помогает? а девку хошь куда - и посуду прибрать и прясь - все девка».

Воспитание староверов базировалось на двух столпах: отношении к труду и христианской вере. Вот как, например, по воспоминаниям наставника Ульяновской старообрядческой общины Аринина П.В., воспитывалось отношение детей к труду: «Да история показывает, что самые успешные люди - это были старообрядцы... Они

все делали своими руками... они же работали, все - от мала до велика. Вон у нас мать рассказывала: если ее отпускали на улицу, ей давали кудель, и она должна была ее спрясть. Она играет и прядет. Или раньше на вечерки, на посиделки молодежь шла - брала с собой работу. Она сегодня пошла - и на посиделках варежку должна связать за один вечер. Завтра пошла - другую варежку связала. Кто носок, кто кружева плел, кто шерсть пряд, кто сучил, кто шил что-то. Потому что семьи большие, много детей. Отдыхали и работали» (1,18). А вот как приучали детей к вере: «Не знаю, как в других местах, но у нас в селе, насколько я знаю, в семьях староверов родители никогда не заставляли детей молиться, не принуждали к вере. Никогда. Они сами усердно выполняли Правило, и дети становились рядом, молились. Шли с родителями в храм, привыкали к службе, а потом уже не представляли себе жизнь без этого; это просто становилось частью их жизни. И наша мать с детства постилась, всегда молилась, и отец. Но мать наша никогда не принуждала нас, чтобы мы молились - только те, кто сам пожелал, у кого сердце открылось Богу. Но мы, дети, всегда вставали с ними на молитву» (2,18). Еще одно свидетельство: «Вечерами христиане собирались семьями, рассаживали перед собою детей, и пели духовные стихи. Особо популярными были стихи про Аввакума и об отшельнике» (3, 16).

С 7 - 9 лет детей начинали понемногу приучать к кое-какой работе. Мальчика отец брал с собою в поле, приучая его к бороньбе, к уходу за лошадьми. Кроме того, в ремесленных семьях начиналось обучение тому или иному ремеслу. С этого же возраста мальчиков могли брать с собой на охоту, обучая промысловым премудростям. Девочку же мать усаживала за пряжу, а также учила её шить разные необходимые для себя вещи, вязать ваги и чулки и следить за порядком в доме. Конечно, работали дети понемногу, но иногда в таких семьях, где все мальчики и только одна среди них девочка, она является в 9 - 10 лет уже серьезной помощницей в доме.

В 9 - 10 лет мальчиков, реже девочек, учили церковно-славянской грамоте. Судя по «Отчёту...» Мельникова-Печерского (4) и его романам «В лесах» и «На горах», дети старообрядцев обучались дома или у мастериц, а чаще в скитах. Дома обучались обычно те дети, у которых мать грамотна. А таких женщин в старообрядческом Поволжье было много. Если мать была неграмотна, то богатые родители брали для детей «мастериц», детей недостаточно состоятельных людей «мастерицы» собирали у себя дома, открывая таким образом школу. Но чаще всего дети богатых старообрядцев (преимущественно девушки) проходили обучение в скитах, которые нередко приобретали значение своеобразных пансионатов, где учили, кроме чтения и письма, пению, богослужебным обрядам и даже рукоделию (5).

Домашнее обучение детей имело характер скорее начального образования. Традиционная культура староверов в немалой степени была основана на концепции богоугодного труда и почитания грамотности и старой книги как источника преемственной передачи истин древнего благочестия. Поэтому староверие создало не только свою, хорошо всем известную, предпринимательскую этику, но и свою образовательную систему как необходимую и обязательную часть старообрядческого быта. Система обучения грамоте среди старообрядцев на протяжении веков копировала традиционную древнерусскую систему, сочетавшую домашнее образование с обучением силами профессиональных наставников грамоте, моральные и профессиональные требования к которым были очень высоки. Среди староверов таких наставников называли уставщиками и начетчиками. Начетчик - это человек, главной обязанностью которого является хрис-

тианское образование, он сам должен быть весьма начитан, во-первых, в Священном Писании и Предании Святоцерковном, а во-вторых - в светских знаниях и культуре. Начетчики обязаны были быть сильны в христианском и внешнем знании, но не ради «самосовершенствования», а ради служения Церкви Христовой, это их главное отличие от светских педагогов. Известны случаи, когда с опытными и умелыми начетчиками-старообрядцами опасались спорить официальные миссионеры господствующего исповедания. Можно вспомнить таких известных начетчиков как братья Денисовы, Андрей Борисов, Семен Семенович, Иларион (Кабанов) Ксенос, Андрей Коновалов, Василий Зеленков, Арсений - епископ Уральский, митрополит Иннокентий (Усов), Фёдор Мельников и другие.

Выше уже упоминалось, что полового разделения в обучении детей грамоте старались не делать, ведь мужчина и женщина духовно считались равными. Монастырская традиция книжного учения, идущая от древней Руси, от митрополита Алексия и Сергия Радонежского (XIV в.), претерпев изменения, в старообрядческих селах не просто сохранилась, но и расцвела, став обычным делом. Учителем были не только странники-толковники, но и инокини-старообрядки. Они, как правило, жили на окраинах сел и также как начетчики профессионально занимались обучением детей грамоте.

Здесь уже дети проходили суровую школу. В программу обучения обычно включались разделы: изучение азбуки, Часовника, Псалтыря, библейской истории, пения. В процессе обучения наставники разъясняли трудные для понимания места в текстах, преподавали догматы и положения христианской веры.

Само по себе пение было неотъемлемой частью обучения староверов, как мальчиков, так и девочек. Под пением здесь понимается древнерусское знаменное пение, основанное не на знакомых всем нотах, а на крюках – иероглифах, пришедшее на Русь из Византии вместе с христианством.

Выполняя образовательные и воспитательные функции, старообрядческая педагогика всегда исходила из приоритета абсолютных истин подлинного Православия, хранителем которого является русское старообрядчество. А основополагающими, базисными источниками воспитания и образования в среде староверов всегда были и остаются книги Святого Писания (Ветхий Завет и Новый Завет) и Священное Предание.

Недаром старообрядцы считались наиболее грамотными в крестьянской среде. Необходимость чтения святых книг обосновывала всеобщее обучение староверов. Листая архивные дела с документами, посвященными старообрядцам, в качестве личной подписи редко встретишь крестьянский крестик, зачастую неграмотных приверженцев официальной церкви. Старообрядцы по религиозным мотивам не пускали своих детей в общие школы. По этой причине переписи населения зачисляли всех старообрядцев в разряд неграмотных. Но это была грубейшая ошибка, оскорблявшая приверженцев «старой веры» и унижавшая Россию, так как искажала истинный показатель грамотности ее населения. Так, процент грамотных среди русского сельского населения во второй половине XIX века по официальным данным составлял 13,3 %. При этом среди староверов процент грамотных составлял 27,5%, а среди новообрядцев он был в 3 раза ниже - 9%. По мнению нашего современника академика Д.С. Лихачева, старообрядцы нередко были грамотнее самих счетчиков, так как могли свободно читать старославянскую печать, которой чиновники уже не владели.

Список литературы

1. Будкина И. Интервью с П.В. Арининым // Старообрядчес-

- кие вести. - 2004. - № 12. - С. 18.
2. Там же.
3. Половинкин П. Заря благочестия // Старообрядец. - 2005. - № 32. - С. 16.
4. Известный Нижегородский чиновник и писатель второй половины 19 в., посвятивший много работ нижегородским старообрядцам.
5. Нравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П.И. Мельникова-Печерского) <http://www.starover.religare.ru/article7189.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агафонова Наталья Николаевна** - кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь
2. **Алексеева Любовь Васильевна** - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
3. **Андреева Наталья Викторовна** - соискатель кафедры новейшей истории России ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург
4. **Батуйев Станислав Владимирович** - директор Куртамышского краеведческого музея им. Н.Д.Томина, Курганская область, г. Куртамыш
5. **Беспокойный Александр Викторович** - научный сотрудник Шадринского краеведческого музея имени В.П.Бирюкова, г. Шадринск
6. **Бондаренко Федор Викторович** - зам. директора ФГОУ СПО ЕКТС, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
7. **Брехач Родион Александрович** - соискатель кафедры древней и средневековой истории Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь
8. **Бритвина Ирина Борисовна** - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Курганского государственного университета, г. Курган
9. **Воробьев Александр Сергеевич** - аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Елабуга
10. **Галлямова Земфира Виленовна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, экономики и права Елабужского государственного педагогического университета
11. **Горбачев Олег Витальевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики обучения истории Уральского госпедуниверситета, г. Екатеринбург
12. **Доронин Виктор Леонидович** - студент Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
13. **Евдокимов Леонид Афанасьевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
14. **Завьялова Ольга Георгиевна** - доктор географических наук, профессор Курганского государственного университета, г. Курган
15. **Жарова Анна Сергеевна** - аспирант кафедры отечественной истории, Курганский государственный университет, г. Курган
16. **Иванова Светлана Анатольевна** - аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
17. **Каменских Ирина Васильевна** - соискатель Пермского государственного университета, преподаватель этнографии Пермского краевого колледжа искусств и культуры, г. Пермь
18. **Каменских Михаил Сергеевич** - аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
19. **Канев Андрей Николаевич** - аспирант кафедры философии Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург
20. **Кислицын Василий Александрович** - кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Курганского государственного университета, председатель областного общества краеведов, г. Курган
21. **Коваль Екатерина Владимировна** - аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, г. Омск
22. **Козельчук Татьяна Валентиновна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
23. **Комогорова Людмила Александровна** - аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
24. **Коморникова Ольга Михайловна** - ассистент кафедры Отечественной и всемирной истории факультета истории и права Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск
25. **Коновалов Сергей Сергеевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
26. **Коньшева Ирина Ивановна** - аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Курган
27. **Коняхин Артем Викторович** - аспирант Курганского государственного университета, г. Курган
28. **Копылов Виктор Петрович** - соискатель Курганского государственного университета, г. Курган
29. **Коурова Ирина Геннадьевна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
30. **Красноперов Александр Анатольевич** - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникаций Института социальных коммуникаций ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск
31. **Кряжев Юрий Николаевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
32. **Кулинич Александр Игоревич** - аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
33. **Лебедев Виктор Эдуардович** - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного технического университета - УПИ, г. Екатеринбург
34. **Лушников Нелли Анатольевна** - преподаватель Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С.Мальцева, аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
35. **Макаров Леонид Дмитриевич** - доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
36. **Мартынюк Наталья Павловна** - студентка Курганского государственного университета, г. Курган
37. **Маслюженко Денис Николаевич** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии, зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
38. **Менщиков Владимир Владимирович** - доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государств и права, профессор кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
39. **Менщиков Игорь Самуилович** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
40. **Мотревич Владимир Павлович** - доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург
41. **Некрытый Евгений Владимирович** - аспирант Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург

42. **Немкин Павел Валерьевич** - аспирант Курганского государственного университета, г. Курган
43. **Никитин Владимир Анатольевич** - кандидат исторических наук, доцент Курганского филиала УрЮИ МВД России, г. Курган
44. **Носков Андрей Александрович** - аспирант Башкирского Государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, преподаватель лицея № 83 при УГН-ТУ г. Уфы, директор музея им. Героя СССР М.С. Пинского, г. Уфа
45. **Овинникова Дарья Михайловна** - аспирант Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
46. **Осин Андрей Николаевич** - соискатель Курганского государственного университета, г. Курган
47. **Павлуцких Геннадий Геннадьевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, декан исторического факультета Курганского государственного университета, г. Курган
48. **Пажит Юлия Юрьевна** - кандидат исторических наук, Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург
49. **Парунин Алексей Владимирович** - аспирант Курганского государственного университета, г. Шадринск
50. **Пестерев Вячеслав Викторович** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
51. **Пилипенко С.А.** - преподаватель Сибирской государственной геодезической академии, г. Новосибирск
52. **Подкорытова Лидия Георгиевна** - член Зауральского генеалогического общества им. П.А.Свищева, г. Курган
53. **Пундани Валерий Владимирович** - доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Курган
54. **Рябина Елена Алексеевна** - ассистент кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
55. **Сапожникова Татьяна Владимировна** - директор Осинского филиала ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет», г. Оса Пермской области
56. **Савельев Вадим Геннадьевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
57. **Скородумов Иван Васильевич** - аспирант Курганского государственного университета, г. Курган
58. **Скульмовский Денис Олегович** - аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
59. **Смирнов Геннадий Сергеевич** - аспирант кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
60. **Смирнов Сергей Сергеевич** - доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
61. **Смирнова Анна Сергеевна** - студентка Челябинской государственной академии искусства и культуры, г. Челябинск
62. **Смирнова Вера Ефремовна** - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
63. **Снегурова О.К.** - студентка Сибирской государственной геодезической академии, г. Новосибирск
64. **Совков Данила Михайлович** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
65. **Солодкин Янкель Гутманович** - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск
66. **Сушко Алексей Владимирович** - кандидат исторических наук, докторант кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, г. Омск
67. **Тимохин Евгений Анатольевич** - аспирант Курганского государственного университета, г. Курган
68. **Тонков Евгений Александрович** - студент Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск
69. **Туболова Евгения Николаевна** - главный специалист отдела использования документов и информационно-поисковых систем Государственного учреждения «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области», г. Курган
70. **Украинцев Александр Михайлович** - старший преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С.Мальцева, г. Курган
71. **Фаизов Артем Валерьевич** - аспирант Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, г. Омск
72. **Федоров Виктор Александрович** - краевед, г. Курган
73. **Федоров Сергей Георгиевич** - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета, г. Курган
74. **Федченко Михаил Николаевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры ИМТИ Курганского государственного университета, г. Курган
75. **Фоминих Ольга Борисовна** - старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
76. **Хлызов Михаил Иванович** - член Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищева, г. Курган
77. **Чащин Алексей Владимирович** - аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
78. **Черная Оксана Валентиновна** - аспирантка кафедры отечественной истории Курганского государственного университета, г. Курган
79. **Шевельков Анатолий Иванович** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и экономической теории Коломенского государственного педагогического института, г. Коломна
80. **Шилов Степан Николаевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заведующий археологической лабораторией Курганского государственного университета, г. Курган

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пундани В.В. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ УРАЛА И СИБИРИ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИХ НАСЕЛЕНИЯ (XVI – НАЧАЛО XX ВВ.)	4
Маслюженко Д.Н. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТЮРКИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА	6
Менщиков В.В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАУРАЛЬЕ В XVII-XVIII ВВ.	8
Менщиков И.С. ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КУЛЬТУРУ И БЫТ ЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	10
Бритвина И.Б. МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	11

**СЕКЦИЯ 1. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В УРАЛО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ**

Красноперов А.А. ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКО-МАЗУНИНСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР	14
Доронин В.Л. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	15
Парунин А.В., Тонков Е.А. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УЛУСА ДЖУЧИ В КОНТЕКСТЕ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ НАЧАЛА XIII ВЕКА	16
Макаров Л.Д. ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ	18
Лебедев В.Э. ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ	19
Рябинина Е.А. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ТЮМЕНСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ XV-НАЧАЛЕ XVI В.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	21
Солодкин Я.Г. «ВЗЯТИЕ» СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА (ГЛАЗАМИ РУССКИХ КНИЖНИКОВ КОНЦА XVI – XVII В.)	23
Пестерев В.В. ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ УРАЛА)	24
Каменских И.В. БУЙСКИЕ УДМУРТЫ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ	25
Андреева Н.В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ	26
Жарова А.С. МИГРАЦИЯ НЕМЦЕВ В СИБИРЬ	28
Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	30
Иванова С.А. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЛЕБЯЖЬЕВСКОЙ И АРЛАГУЛЬСКОЙ ВОЛОСТЯХ В XIX В.	33
Смирнова В.Е. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА	35
Скородумов И.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	37
Федоров С.Г. ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ НА ЮЖНОЗАУРАЛЬСКУЮ ОБЩИНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	38
Чашин А.В. МИГРАЦИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1935 – 1940 гг.	40
Мотрович В. П. ПЛАНОВОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА УРАЛ В 1939-1953 гг.	42
Каменских М.С. К ВОПРОСУ О КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ПРИКАМЬЕ В 50-е гг. XX В.	44
Федоров В.А. ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ ЗАУРАЛЬСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА	46

Горбачев О.В. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1990-е ГОДЫ	49
Мартынюк Н.П. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАНГАЗЕИ	50
Завьялова О.Г. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	53
Агафонова Н.Н. ВОСПРИЯТИЕ МИГРАНТОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	54
Брехач Р.А. МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ	56
Коморникова О.М. МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	58

СЕКЦИЯ 2. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УРАЛА И СИБИРИ

Осин А.Н. ПОПЫТКА ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МЕТОДИКЕ «ОМСКОЙ ШКОЛЫ»	59
Канев А.Н. ПРОСТРАНСТВО В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ОБСКИХ УГРОВ	60
Шилов С.Н., Совков Д.М., Хлызов М.И. К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ БАКЛАНСКОЙ КРЕПОСТИ (1717 – 1752 гг.)	62
Подкорытова Л.Г. ИМЯ РОДА (НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ – УРАЛ – ЗАУРАЛЬЕ)	65
Хлызов М.И. О ЗАСЕЛЕНИИ КРАЯ И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ В XVII-XIX ВВ.	66
Беспокойный А.В. О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К.Д.НОСИЛОВА К КАТЕГОРИИ «КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ» ЭТНОГРАФОВ	68
Сапожникова Т.В. ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛВИНСКОГО БАСЕЙНА В РАБОТАХ ОСИНСКОГО КРАЕВЕДА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ – С.А. ШЕСТАКОВА (1884-1974)	70
Скульмовский Д.О. К ОЦЕНКЕ ТОМСКОЙ РАЗБОРНОЙ КНИГИ 1680-1681 Г. КАК ИСТОЧНИКА ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА	72
Тимохин Е.А. НОРМЫ ОБЩЕРУССКОГО ПРАВА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII ВВ.)	74
Фаизов А.В. КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ И ЕДИНОНАЧАЛИЕ В ВЫСШИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕПЕТРОВСКИЕ ГОДЫ	76
Смирнов Г.С. МЕЖЕВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В XVIII В.	77
Бондаренко Ф.В. КУПЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ - БАРОМЕТР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	79
Овинникова Д.М. ВОРОВСТВО ЛОШАДЕЙ У ДАЛМАТОВСКИХ КРЕСТЬЯН В XVIII В.	84
Смирнова А.С., Смирнов С.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ПРИУРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ	86
Украинцев А.М. В.И.СЕМЕВСКИЙ О КАТЕГОРИЯХ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА XVIII ВЕКА	88
Фоминых О.Б. СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.	90
Козельчук Т.В. ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ЧИНОВНИКОВ XIX ВЕКА	93
Галлямова З.В. К ВОПРОСУ ИЗБРАНИЯ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ (по материалам г. Вятки второй половины XIX - начала XX в.)	95
Черная О.В. К ВОПРОСУ ПОВТОРНОГО БРАКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	97
Коновалов С.С. ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	98
Коняхин А.В. ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПРОЕКТОВ СОЕДИНЕНИЯ СИБИРСКИХ РЕК С ЕВРОПЕЙСКИМИ	100
Батуев С.В. КОМЕНДОР ИВАН КОБЛОВ	102
Коваль Е.В. ВДОВСТВУЮЩИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ДОМА РОМАНОВЫХ	102

Кряжев Ю.Н. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ II И ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.	104
Евдокимов Л.А. ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ	105
Сушко А.В. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭТНОНИМА «КИРГИЗ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАХОВ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	107
Кислицын В.А., Комогорова Л.А. ДОХОДНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД НЭПА	109
Савельев В.Г. КОЛЛЕКТИВНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 1921 – 1924 ГГ.	111
Алексеева Л.В., Коньшева И.И. ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА СЕВЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (1924-1926 ГГ.)	112
Пилипенко С.А., Снегурова О.К. НАДГРОБИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА ИЗ НОВНИКОЛАЕВСКА	113
Копылов В.П. ШГПИ – ПЕРВЫЙ ИНСТИТУТ ЗАУРАЛЬЯ. ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ (1939-1941 ГОД)	114
Пажит Ю.Ю. МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Среднего Урала)	116
Федченко М.Н. ДОКУМЕНТЫ КУРГАНСКОГО ОБКОМА ВКП (Б) О МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОМ ПОЛОЖЕНИИ МЕСТНОГО И ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ (1943-1945 ГГ.)	117
Некрътый Е.В. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С. ХРУЩЕВА И УСИЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ.	119
Лушникова Н.А. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ НА СЕЛЕ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 60 - е гг. XX ВВ.	120
Коурова И.Г. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ КАДРАМИ И МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х – 70-х гг. XX В.	122
Шевельков А.И. РОЛЬ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В РАЗРАБОТКЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.	123
НОСКОВ А.А. КАЗАЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОСТИ К НАЦИОНАЛИЗМУ	125
Туболова Е.Н. ИЗ ИСТОРИИ АВТОБУСНОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА Г. КУРГАНА (по материалам ГУ “ГАОПДКО”)	127
Воробьев А.С., Кислицын В.А., Комогорова Л.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.	129
Кулинич А.И. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XXI ВВ.	132
Немкин П.В. ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ	134
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	136

Научное издание

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УРАЛО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«III ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

КУРГАН, 27-29 МАРТА 2008 г.

Редактор Н.А. Леготина

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 17,5
Тираж 200

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л. 17,5
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.